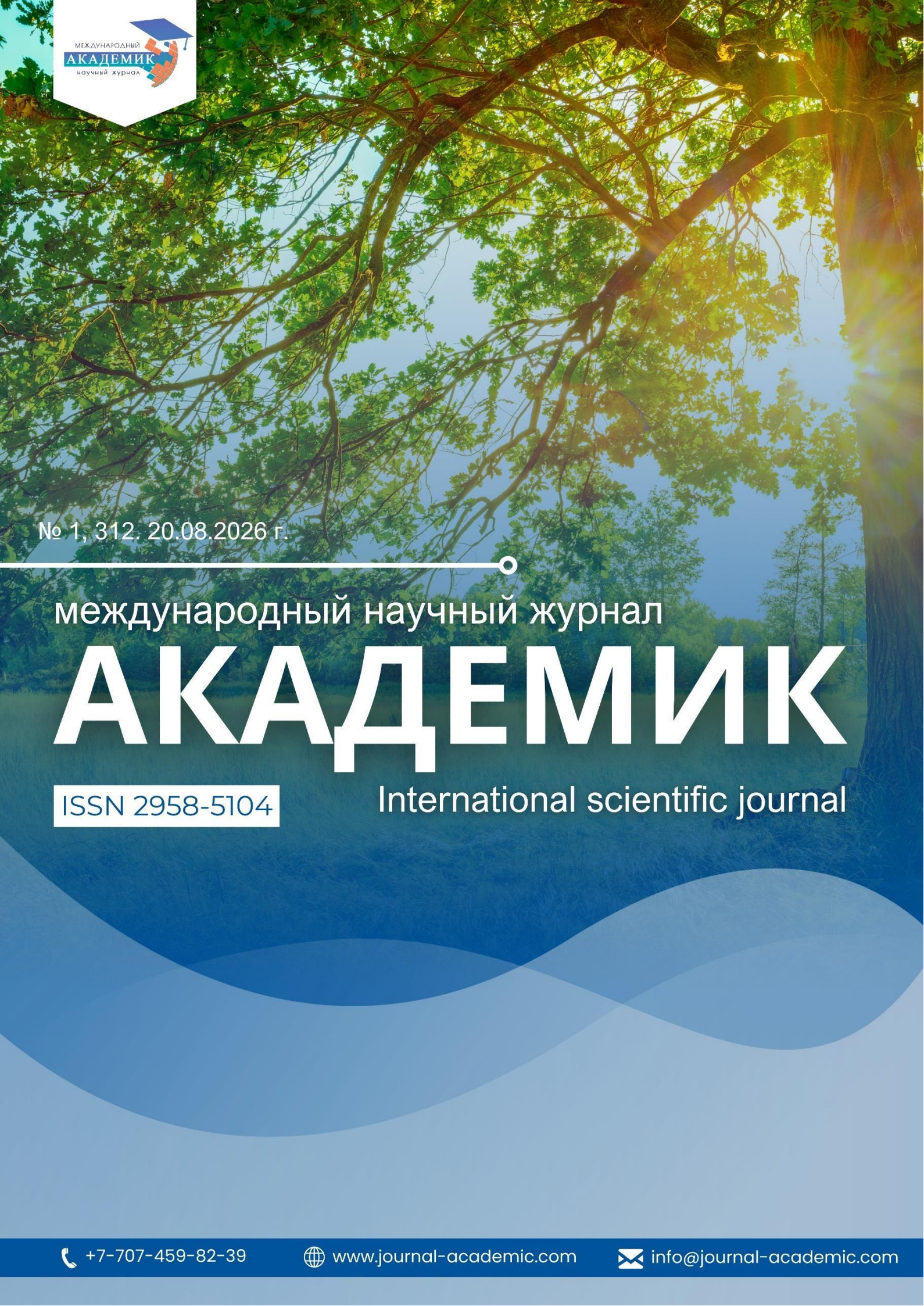


№ 1, 312. 20.08.2026 г.

международный научный журнал

АКАДЕМИК

ISSN 2958-5104

International scientific journal

+7-707-459-82-39 www.journal-academic.com info@journal-academic.com

“Международный научный журнал АКАДЕМИК”

№ 1 (312), 2026 г.
АВГУСТ, 2026 г.
Издаётся с июля 2020 года

Астана
2026

Содержание

КОНСТРУКТИВНЫЙ КОНФЛИКТ МЕЖДУ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ МАРКЕТИНГА И ПРОДАЖ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ
Аскар Рамазан ... 4

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ ПО ДОГОВОРУ БАНКОВСКОГО ВКЛАДА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ БАНКОВСКИХ УСЛУГ
Акбаева Гульшат Акатаевна ... 7

ФИЗИКАНЫ ГЕЙМИФИКАЦИЯЛАУ: ОЙЫН ЭЛЕМЕНТТЕРІ АРҚЫЛЫ КҮРДЕЛІ ТАҚЫРЫПТАРДЫ МЕҢГЕРТУ
Мереке Асыл Медетқызы ... 13

РЕГУЛЯТОРНАЯ ГЕОГРАФИЯ И ВИЗУАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА ДЕСТИНАЦИОННОГО ФИЛЬМА
Банщиков Евгений ... 17

ОСОБЕННОСТИ ВНЕДРЕНИЯ ЭЛЕМЕНТОВ ЭТНОДИЗАЙНА В ГОРОДСКУЮ СРЕДУ НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА АЛМАТЫ
Токишева Айдана Анваровна, Узакбаев Турар Куанышевич ... 27

СУБЪЕКТНАЯ ПОЗИЦИЯ ЛИЧНОСТИ КАК ФАКТОР ПРЕОДОЛЕНИЯ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО КРИЗИСА
Л.Г. Куликова ... 36

ВЛИЯНИЕ ДВИГАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ АДАПТИРОВАННЫХ ЭЛЕМЕНТОВ БОКСА НА ПСИХОЛОГИЧЕСКУЮ ГОТОВНОСТЬ К ШКОЛЬНОМУ ОБУЧЕНИЮ ДЕТЕЙ С МОТОРНОЙ АЛАЛИЕЙ
Умбеталина Индира Орынбасаровна ... 42

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ КАК ИНТЕГРАЛЬНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ РАЗВИТИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ И ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ СПЕЦИАЛИСТОВ МЕДИЦИНСКОЙ СФЕРЫ
Шакенова Лейла Шалгинбековна, Каупбаева Ботагоз Тулеугалиевна ... 48

СТРУКТУРА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ СПЕЦИАЛИСТОВ МЕДИЦИНСКОЙ СФЕРЫ: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ СИСТЕМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ И ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ
Шакенова Лейла Шалгинбековна, Каупбаева Ботагоз Тулеугалиевна ... 54

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК КОМПОНЕНТ СИСТЕМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ СПЕЦИАЛИСТОВ МЕДИЦИНСКОЙ СФЕРЫ
Шакенова Лейла Шалгинбековна, Каупбаева Ботагоз Тулеугалиевна ... 61

УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ЦЕНТРА УПРАВЛЕНИЯ ХРОНИЧЕСКИМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ ДЛЯ РАЗВИТИЯ САМОМЕНЕДЖМЕНТА ПАЦИЕНТОВ В КОНТЕКСТЕ ЦУР 3
Ашенова Лаура Кайратовна, Сейдуанова Лаура Бейсбековна ... 66

ОПТИМИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ УЧАСТКОВОЙ СЛУЖБЫ ПМСП ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ И КАЧЕСТВА МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ
Сатыбалды Аида Асқарқызы, Сейдуанова Лаура Бейсбековна ... 70

ШӘКӘРІМ ҚҰДАЙБЕРДІҰЛЫНЫҢ «АР-ОЖДАН» ТҰЖЫРЫМЫ ЖӘНЕ ИСЛАМДАҒЫ АХЛАҚТЫҚ ҚҰНДЫЛЫҚТАР
Султонбоев Алмат Абайұлы, Исахан Мұхан Баймұратұлы ... 74

ФИҚҺ ТҰРҒЫСЫНАН ЖАСАНДЫ ИНТЕЛЛЕКТІНІ ПАЙДАЛАНУДЫҢ АРТЫҚШЫЛЫҚТАРЫ МЕН ТӘУЕКЕЛДЕРІ
Махатов М., Алпысбаев Е. ... 81

ҚАЗІРГІ ФИҚҺТЫҚ ИЖТИһАДТЫҢ СИПАТЫ: МӘТІНГЕ НЕГІЗДЕЛГЕН ФИҚҺ ПЕН ШЫНАЙЫ АХУАЛ АРАСЫНДАҒЫ ТЕПЕ-ТЕҢДІК МӘСЕЛЕСІ
Нышан А., Нұрлан Анарбай ... 85

ИСЛАМДАҒЫ ПІКІРТАЛАС МӘДЕНИЕТІ ЖӘНЕ ҒАЛЫМДАР КӨЗҚАРАСЫ
Нұрислам Ахметжанұлы, Оңғар Ершат Ағыбайұлы ... 91

МОДЕЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРЕВОЗКАМИ ОПАСНЫХ ХИМИЧЕСКИХ ВЕЩЕСТВ В УРАНОДОБЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
Нурмаганбетова А.К., Колычев В.Д ... 96

ИССЛЕДОВАНИЕ КОМПЛЕКСНЫХ МЕТОДОВ ЗАЩИТЫ ФИЗИЧЕСКИХ И ВИРТУАЛЬНЫХ LINUX-СЕРВЕРОВ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ КИБЕРУГРОЗ
Ахманов Айдар Қайратұлы, Ташенова Жулдыз Мусагуловна ... 102

АБАЙ ІЛІМІНДЕГІ НИЕТ ҰҒЫМЫ МЕН «АМАЛДАР МАҚСАТТАРЫНА ҚАРАЙ ӨЛШЕНЕДІ» ФИҚҺИ ҚАҒИДАСЫНЫҢ САБАҚТАСТЫҒЫ
Есеналиев Ерболат, Самет О. ... 109

ОБОСНОВАНИЕ ВЫБОРА РАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РАЗРАБОТКИ ДЛЯ СЛОЖНОСТРУКТУРНЫХ ЗОЛОТОРУДНЫХ МЕСТОРОЖДЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ЗУН-ХОЛБИНСКОГО МЕСТОРОЖДЕНИЯ)
Гольц А.Г., Чигиринский В.В ... 114

BUSINESS PLANNING AS A MECHANISM FOR ENHANCING ORGANIZATIONAL MANAGEMENT EFFICIENCY
Liu Junxian, G. Mynzhanova ... 119

MERGERS AND ACQUISITIONS: ASSESSING FINANCIAL OUTCOMES AND LONG-TERM VALUE
Cui Yingying, Ashirbekova Laura ... 126

COMPETITIVENESS MANAGEMENT IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION
Jiang Wenhan, Kozhakhmetova A ... 132

RE-ENGINEERING BUSINESS PROCESSES: METHODOLOGIES, IMPLEMENTATION CHALLENGES, AND THEIR IMPACT ON EFFICIENCY AND INNOVATION
Jiang Yun, Koshkina Olga ... 143

ECONOMIC MECHANISMS FOR THE REPRODUCTION OF INTELLECTUAL CAPITAL IN THE MODERN CORPORATE FINANCE SYSTEM
Chen Lixian, Doszhan Raigul ... 152

EVALUATING METHODOLOGICAL APPROACHES TO AUDITING PERSONNEL MANAGEMENT SYSTEMS: METRICS, TECHNIQUES, AND THEIR IMPACT ON ORGANIZATIONAL EFFECTIVENESS AND EMPLOYEE PERFORMANCE
Liu Yong, Doszhan Raigul ... 158

TRANSFORMING BUSINESS PROCESS MANAGEMENT: PARADIGMS AND CHALLENGES IN THE DIGITAL ECONOMY
Wang Lin, Koshkina Olga ... 169

NAVIGATING CHALLENGES: KEY PRINCIPLES FOR EFFECTIVE TEAM MANAGEMENT THROUGH COMMUNICATION, ADAPTABILITY, AND RESILIENCE
Yan Yuxin, Tazhieva S.K. ... 178

EVALUATING PERSONNEL MANAGEMENT SYSTEMS AND THEIR IMPACT ON ORGANIZATIONAL EFFECTIVENESS
Zhang XIngang, Koshkina Olga ... 188

STRATEGY IMPLEMENTATION IN THE DIGITAL ENVIRONMENT: METHODOLOGICAL APPROACHES AND TECHNOLOGICAL ENABLERS
Zheng Dongdong, Laura A., Dinara R. ... 196

GOVERNANCE OF DIGITALIZATION PROCESSES WITHIN PUBLIC ADMINISTRATION
Wei Zhongkui, Moldabekova Aisulu ... 206

OPPORTUNITIES AND STRENGTHS OF IMPLEMENTING START-UPS IN THE CONTEMPORARY ECONOMIC ENVIRONMENT
Hu Huixin, Raigul Doszhan ... 213

РАЗРАБОТКА И АДАПТАЦИЯ МОДЕЛИ ИНТЕГРАЦИИ КЛИНИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА (НА ПРИМЕРЕ НАУЧНО-КЛИНИЧЕСКОГО ЦЕНТРА КАРДИОХИРУРГИИ И ПРОЕКТИРУЕМОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ МЕДИЦИНСКОЙ АКАДЕМИИ)
Сейтхан Елжас ... 220

КОНСТРУКТИВНЫЙ КОНФЛИКТ МЕЖДУ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ МАРКЕТИНГА И ПРОДАЖ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ

Аскар Рамазан

Аннотация

В научной литературе конфликты между подразделениями маркетинга и продаж традиционно рассматриваются как фактор, снижающий эффективность деятельности предприятия. В настоящем исследовании предлагается иной подход, согласно которому профессиональные разногласия между данными подразделениями являются закономерным следствием различий в их функциях, целях и системе оценки результатов. Следовательно, основной проблемой является не наличие конфликта, а отсутствие эффективного механизма управления им. На основе анализа деятельности ТОО «FoodPack Kazakhstan» исследованы причины возникновения конфликтов между маркетингом и продажами и предложены практические рекомендации, позволяющие использовать конструктивные разногласия как инструмент совершенствования бизнес-процессов, повышения качества управленческих решений и роста коммерческой эффективности предприятия.

Ключевые слова: внутриорганизационный конфликт, маркетинг, продажи, конструктивный конфликт, управление конфликтами, KPI, CRM, эффективность предприятия.

Введение

В условиях высокой конкуренции эффективность предприятия определяется не только качеством продукции или объемом инвестиций, но и способностью подразделений совместно достигать стратегических целей. Особое значение приобретает взаимодействие отделов маркетинга и продаж, поскольку именно они отвечают за формирование спроса, привлечение клиентов и получение выручки.

На практике между этими подразделениями регулярно возникают профессиональные разногласия. Маркетинг заинтересован в расширении охвата аудитории, повышении узнаваемости бренда и увеличении количества потенциальных клиентов. Продажи, напротив, ориентированы на конверсию заявок в реальные сделки, выполнение планов и рост прибыли. Различие приоритетов неизбежно приводит к конфликтам.

Во многих организациях подобные конфликты рассматриваются исключительно как организационная проблема, требующая устранения. Однако полное отсутствие профессиональных разногласий не всегда свидетельствует об эффективном управлении. Напротив, оно может указывать на формальный характер взаимодействия подразделений, низкую вовлеченность сотрудников и отсутствие критического обсуждения управленческих решений. В этой связи особую актуальность приобретает вопрос не устранения конфликтов, а их эффективного использования в интересах развития предприятия.

Конфликт как элемент эффективного управления

Современные исследования в области менеджмента рассматривают внутриорганизационный конфликт не только как источник организационных рисков, но и как фактор развития компании. Различие профессиональных взглядов между подразделениями позволяет своевременно выявлять недостатки бизнес-процессов, критически оценивать принимаемые решения и находить более эффективные способы достижения общих целей.

Для подразделений маркетинга и продаж конструктивный конфликт является объективным следствием различий в функциональных обязанностях. Маркетинговый отдел оценивает эффективность рекламных кампаний по стоимости привлечения клиента, охвату аудитории и количеству лидов. Отдел продаж ориентируется на качество этих лидов, объем заключенных сделок и уровень прибыли. Именно различие критериев оценки становится основой профессиональной дискуссии.

Проблема возникает тогда, когда конфликт перестает быть профессиональным и превращается в организационное противостояние, сопровождающееся отсутствием обратной связи, взаимными обвинениями и разрозненностью действий подразделений.

Анализ взаимодействия подразделений на примере ТОО «FoodPack Kazakhstan»

Исследование проведено на материалах деятельности ТОО «FoodPack Kazakhstan», специализирующегося на производстве одноразовой посуды и пищевой упаковки.

Проведенный анализ показал, что основными причинами конфликтов между подразделениями являются различная оценка качества лидов, отсутствие единых критериев эффективности, недостаточная прозрачность процессов обработки заявок и слабая обратная связь между маркетингом и продажами.

Вместе с тем установлено, что сами разногласия не являются причиной снижения эффективности предприятия. Негативные последствия возникают вследствие отсутствия единых правил взаимодействия и общей ответственности подразделений за конечный коммерческий результат. При отсутствии координации маркетинг стремится увеличить количество заявок, тогда как отдел продаж оценивает исключительно объем заключенных сделок, что приводит к взаимным претензиям и снижению эффективности работы.

Использование конструктивного конфликта

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что эффективное управление должно быть направлено не на устранение профессиональных разногласий, а на создание условий, при которых конфликт становится источником развития организации.

Для достижения данной цели предложены следующие мероприятия:

– внедрение единых KPI, ориентированных на общий коммерческий результат предприятия;

– использование CRM-системы как единого информационного пространства для оценки качества лидов и контроля процесса продаж;

– проведение регулярных совместных встреч маркетинга и продаж с анализом причин отклонения показателей;

– стандартизация процесса передачи и обработки заявок;

– использование сквозной аналитики при оценке эффективности рекламных кампаний.

Реализация данных мероприятий позволяет сохранить конструктивную профессиональную дискуссию между подразделениями, одновременно исключив организационные причины возникновения деструктивных конфликтов.

Опыт взаимодействия маркетинга и продаж в маркетинговых агентствах

Практика современных маркетинговых агентств подтверждает вывод о том, что профессиональные разногласия между маркетингом и отделом продаж являются естественным элементом управленческой деятельности. Однако в отличие от многих производственных предприятий подобные конфликты редко приобретают деструктивный характер благодаря правильно выстроенной системе взаимодействия подразделений.

Особенность деятельности маркетинговых агентств заключается в том, что маркетинг и продажи фактически работают как единая коммерческая команда. Маркетинговый отдел отвечает за привлечение потенциальных клиентов, тестирование рекламных гипотез, анализ эффективности рекламных каналов и снижение стоимости привлечения клиента. Отдел продаж обеспечивает обработку поступающих заявок, выявляет причины отказов, анализирует потребности клиентов и предоставляет маркетингу постоянную обратную связь о качестве лидов.

При этом профессиональные разногласия между подразделениями полностью не исчезают. Отдел продаж может считать, что маркетинг привлекает недостаточно качественных клиентов, тогда как маркетинг способен указывать на низкую скорость обработки заявок, недостаточную квалификацию менеджеров или несоблюдение стандартов продаж. Подобные конфликты являются конструктивными, поскольку их целью становится поиск причин снижения коммерческих показателей, а не взаимное обвинение подразделений.

Эффективность такой модели обеспечивается за счет внедрения единой системы управления взаимодействием между подразделениями. Во многих агентствах используются общие KPI, ориентированные не только на количество лидов или объем заключенных сделок, но и на общий коммерческий результат предприятия. Дополнительно применяются CRM-системы, позволяющие маркетингу отслеживать дальнейшую обработку каждой заявки, а отделу продаж — предоставлять объективную информацию о качестве лидов на основе фактических данных.

Кроме того, важным элементом работы являются регулярные совместные совещания, на которых анализируются результаты рекламных кампаний, показатели конверсии, причины отказов клиентов, эффективность менеджеров по продажам и возможные направления оптимизации маркетинговой стратегии. Благодаря подобному подходу профессиональные разногласия сохраняются, однако становятся инструментом поиска наиболее эффективных управленческих решений.

Таким образом, опыт маркетинговых агентств показывает, что полностью исключить конфликт между маркетингом и продажами невозможно и нецелесообразно. Высокая эффективность достигается не за счет отсутствия разногласий, а благодаря созданию системы, в которой конфликт остается конструктивным, способствует совершенствованию бизнес-процессов и позволяет подразделениям совместно достигать стратегических целей предприятия.

Заключение

Проведенное исследование показало, что конфликт между подразделениями маркетинга и продаж является закономерным следствием различий в их функциях и профессиональных задачах. Поэтому стремление полностью устранить подобные разногласия нельзя считать эффективной управленческой стратегией.

Практика показывает, что наибольших результатов достигают предприятия, руководители которых не подавляют профессиональные споры, а создают систему, позволяющую использовать их для совершенствования бизнес-процессов и повышения качества управленческих решений.

Таким образом, ключевой задачей современного менеджмента является не борьба с конфликтами как таковыми, а управление их развитием. Конструктивный конфликт способствует более объективной оценке результатов работы, повышает качество взаимодействия между маркетингом и продажами, позволяет быстрее выявлять организационные проблемы и обеспечивает устойчивое повышение эффективности предприятия. Именно способность трансформировать профессиональные разногласия в инструмент развития становится одним из факторов формирования долгосрочных конкурентных преимуществ современной организации.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ ПО ДОГОВОРУ БАНКОВСКОГО ВКЛАДА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ БАНКОВСКИХ УСЛУГ

Акбаева Гульшат Акатаевна
магистрант юридического факультета Московского университета «СИНЕРГИЯ», гражданско-правовой профили

Аннотация

В статье исследуются современные проблемы правоприменительной практики, возникающие при заключении и исполнении договора банковского вклада. Проанализированы положения гражданского законодательства, судебная практика последних лет и научные подходы к определению правовой природы договора банковского вклада. Особое внимание уделено вопросам защиты прав вкладчиков при дистанционном банковском обслуживании, забалансовым вкладам, несанкционированному списанию денежных средств, обязательному страхованию вкладов и мисселингу. Сделан вывод о необходимости совершенствования законодательства и формирования единообразной судебной практики в целях повышения уровня защиты прав потребителей финансовых услуг.

Ключевые слова: договор банковского вклада; банковское право; гражданско-правовая ответственность банка; защита прав вкладчиков; дистанционное заключение договора; цифровые банковские технологии; автоматическая пролонгация вклада; страхование вкладов; несанкционированные операции; мисселинг; судебная практика.

Введение

Договор банковского вклада является одним из наиболее распространенных гражданско-правовых договоров, обеспечивающих привлечение денежных средств населения и организаций в банковскую систему. Его значение определяется не только экономической функцией накопления денежных средств, но и социальной ролью в обеспечении сохранности сбережений граждан.

В последние годы развитие цифровых банковских технологий существенно изменило порядок взаимодействия банков и клиентов. Широкое распространение получили дистанционное открытие вкладов, использование мобильных приложений и интернет-банкинга, что значительно повысило доступность банковских услуг. Вместе с тем цифровизация обусловила возникновение новых правовых проблем, связанных с подтверждением волеизъявления вкладчика, обеспечением информационной безопасности и распределением рисков между банком и клиентом.

В этих условиях особую актуальность приобретает анализ современной судебной практики и выявление проблем применения законодательства о банковских вкладах.

Современные проблемы правоприменительной практики по договору банковского вклада

Правоприменительная практика последних лет свидетельствует о существенном расширении круга споров, возникающих из договора банковского вклада. Если ранее предметом судебного рассмотрения преимущественно являлись вопросы возврата вклада и начисления вознаграждения, то в условиях цифровизации банковских услуг все большее значение приобретают споры, связанные с дистанционным заключением и исполнением договора, использованием электронных каналов обслуживания, совершением несанкционированных операций, системой обязательного страхования вкладов и защитой прав вкладчиков при реализации иных финансовых продуктов.

Одной из наиболее распространенных категорий споров остаются дела, связанные с так называемыми **забалансовыми вкладами**. Подобные ситуации возникают вследствие

недобросовестных действий работников банка, когда денежные средства фактически принимаются от клиента, однако не отражаются в учетных системах кредитной организации.

Современная судебная практика исходит из необходимости защиты добросовестного вкладчика. Если денежные средства переданы работнику банка в помещении банка, а вкладчику выданы документы с реквизитами кредитной организации, отсутствие соответствующей записи во внутренних учетных системах само по себе не свидетельствует об отсутствии договорных отношений. Контроль за деятельностью работников и соблюдением внутренних процедур относится к сфере ответственности банка как профессионального участника финансового рынка.

Еще одним направлением современной правоприменительной практики являются споры, возникающие вследствие совершения **несанкционированных операций** с использованием дистанционных банковских сервисов. Расширение возможностей мобильного банкинга сопровождается ростом числа мошеннических действий, совершаемых с применением методов социальной инженерии, фишинговых ресурсов, вредоносного программного обеспечения и иных способов получения неправомерного доступа к банковским приложениям.

Развитие цифровых сервисов существенно изменило порядок взаимодействия банка и вкладчика. В настоящее время большинство операций по открытию, пополнению, изменению условий и закрытию вклада может быть совершено дистанционно посредством мобильного приложения или интернет-банкинга. Вместе с тем использование цифровых технологий обусловило появление новых правовых рисков, связанных с подтверждением волеизъявления клиента, обеспечением безопасности электронных операций и распределением ответственности между банком и вкладчиком при возникновении спорных ситуаций.

К числу наиболее распространенных рисков относятся недостаточное информирование клиента об изменении существенных условий договора, автоматическое принятие новых условий обслуживания, отсутствие возможности ознакомиться с предыдущей редакцией договора, ошибочное досрочное закрытие вклада, перечисление денежных средств на иной банковский счет, технические сбои программного обеспечения, а также несанкционированный доступ третьих лиц к учетной записи клиента.

В связи с этим особое значение приобретает обязанность банка обеспечить прозрачность дистанционных операций. При изменении условий договора посредством мобильного приложения клиенту должна предоставляться полная и доступная информация о новой процентной ставке, сроке вклада, порядке его пролонгации, а также о последствиях досрочного прекращения договора. Аналогичный подход должен применяться и при закрытии вклада, когда до подтверждения операции вкладчик должен быть проинформирован о размере начисленного вознаграждения, возможных финансовых потерях и счете, на который будут перечислены денежные средства.

При рассмотрении споров, связанных с несанкционированными операциями, судебная практика постепенно смещается от формальной оценки факта подтверждения операции одноразовым кодом к исследованию совокупности обстоятельств ее совершения. Существенное значение приобретают признаки нетипичного поведения клиента, использование нового устройства, резкое закрытие долгосрочного вклада, перевод значительных денежных средств новому получателю, а также своевременность реагирования банка на подозрительные операции и достаточность применяемых им механизмов противодействия мошенничеству.

Отдельное направление современной правоприменительной практики связано с системой **обязательного страхования вкладов**. После отзыва лицензии у банка нередко возникают споры относительно подтверждения размера вклада, включения требований вкладчика в реестр обязательств банка и правомерности отказа в выплате страхового возмещения. Особую сложность представляют случаи предполагаемого дробления вкладов, при рассмотрении которых суды исходят из необходимости индивидуальной оценки добросовестности вкладчика и недопустимости формального отказа в страховом возмещении без всестороннего исследования обстоятельств дела.

В последние годы существенное внимание уделяется также проблеме **мисселинга**, выражающейся в реализации инвестиционных либо страховых продуктов под видом банковского вклада. При разрешении подобных споров суды исследуют не только содержание подписанных документов, но и фактические обстоятельства заключения договора, полноту раскрытия информации о финансовом продукте и соответствие действий банка требованиям добросовестности.

Таким образом, современная правоприменительная практика демонстрирует смещение акцента от разрешения традиционных споров о возврате вклада к вопросам обеспечения безопасности дистанционного банковского обслуживания, надлежащего информирования вкладчиков и защиты их прав в условиях цифровизации финансового рынка. Это свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования как правового регулирования договора банковского вклада, так и механизмов его практической реализации.

Защита прав потребителей финансовых услуг при заключении и исполнении договора банковского вклада

Договор банковского вклада традиционно рассматривается как один из наиболее надежных способов сохранения денежных средств. Вместе с тем развитие дистанционных банковских технологий привело к появлению новых рисков, способных повлиять на реализацию имущественных прав вкладчиков. Значительная часть таких рисков обусловлена недостаточной информированностью клиентов о существенных условиях банковского продукта, порядке его обслуживания и последствиях совершаемых операций.

Одним из основополагающих принципов защиты прав потребителей финансовых услуг является обеспечение вкладчика полной, достоверной, понятной и своевременной информацией о договоре банковского вклада. До принятия решения о размещении денежных средств клиент должен иметь возможность ознакомиться не только с размером процентной ставки, но и с иными существенными условиями договора, включая порядок начисления и выплаты вознаграждения, условия досрочного возврата вклада, возможность изменения условий договора, автоматической пролонгации, а также порядок перечисления денежных средств после окончания срока его действия.

Практика банковского обслуживания свидетельствует, что недостаточное раскрытие информации нередко становится причиной возникновения конфликтных ситуаций между банком и вкладчиком. Отсутствие понятных разъяснений относительно порядка начисления вознаграждения, условий автоматической пролонгации, последствий досрочного расторжения договора либо особенностей обслуживания счета, связанного с вкладом, препятствует принятию клиентом обоснованного финансового решения и может повлечь неблагоприятные имущественные последствия.

Не менее важным элементом защиты прав вкладчиков является своевременное информирование о событиях, способных повлиять на их имущественные интересы. К таким событиям относятся окончание срока действия договора, автоматическая пролонгация вклада, изменение условий обслуживания, а также иные обстоятельства, требующие принятия клиентом решения относительно дальнейшего размещения денежных средств. Отсутствие своевременного уведомления может привести к автоматическому продлению договора на иных условиях либо перечислению денежных средств на текущий счет с менее выгодной процентной ставкой, фактически лишая вкладчика возможности самостоятельно распорядиться своими средствами.

Особое значение вопросы информирования приобретают при дистанционном банковском обслуживании. Использование мобильных приложений и интернет-банкинга существенно упростило совершение операций по открытию, пополнению, изменению условий и закрытию вкладов, однако одновременно повысило требования к качеству предоставляемой информации. Вкладчику должна быть обеспечена возможность ознакомиться с актуальной редакцией договора, всеми изменениями его условий и финансовыми последствиями совершаемой операции до момента ее подтверждения.

При изменении условий договора либо его досрочном прекращении посредством мобильного приложения банк обязан предоставить клиенту сведения о размере процентной ставки, сумме начисленного вознаграждения, возможных потерях процентов, реквизитах счета для перечисления денежных средств и иных последствиях совершаемой операции. Представление такой информации должно осуществляться в наглядной и доступной форме, исключающей возможность неоднозначного толкования.

Дополнительную угрозу для имущественных интересов вкладчиков представляют мошеннические действия, связанные с неправомерным доступом к дистанционным банковским сервисам. В этих условиях обеспечение безопасности операций становится одной из важнейших гарантий защиты прав потребителей финансовых услуг. Банки должны применять современные механизмы противодействия мошенничеству, включая многофакторную аутентификацию, антифрод-системы, анализ нетипичного поведения пользователей и оперативное информирование клиентов о подозрительных операциях.

Таким образом, эффективная защита прав вкладчиков предполагает не только соблюдение банком обязанности по предоставлению информации, но и создание прозрачной системы взаимодействия с клиентом на всех этапах исполнения договора банковского вклада. Полное раскрытие существенных условий договора, своевременное информирование о событиях, способных повлиять на имущественные интересы вкладчика, а также обеспечение безопасности дистанционного банковского обслуживания способствуют снижению количества конфликтных ситуаций, укреплению доверия населения к банковской системе и повышению уровня защиты прав потребителей финансовых услуг.

Совершенствование законодательства, правоприменительной практики и механизмов защиты прав вкладчиков

Проведенный анализ законодательства, судебной практики и современных тенденций развития банковского сектора свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования правового регулирования отношений, возникающих из договора банковского вклада. Цифровизация банковских услуг существенно изменила порядок заключения, исполнения и прекращения договоров банковского вклада, что требует совершенствования как законодательных механизмов, так и практики их применения.

Одним из приоритетных направлений развития законодательства представляется закрепление обязанности банков заблаговременно информировать вкладчиков о наступлении срока окончания договора банковского вклада, условиях его автоматической пролонгации либо прекращения. Такое уведомление должно содержать сведения о сроке окончания вклада, процентной ставке, применяемой при пролонгации, возможных изменениях условий договора и вариантах дальнейшего распоряжения денежными средствами. Реализация указанной обязанности позволит обеспечить вкладчику возможность принятия самостоятельного и осознанного решения относительно дальнейшего размещения денежных средств.

Не менее важным направлением является установление единых требований к раскрытию информации о банковском вкладе независимо от способа его оформления. При заключении договора как в подразделении банка, так и посредством мобильного приложения или интернет-банкинга клиенту должна предоставляться полная, достоверная и доступная информация обо всех существенных условиях договора, включая срок размещения денежных средств, порядок начисления и выплаты вознаграждения, условия досрочного возврата вклада, автоматической пролонгации, изменения условий договора и возможные финансовые последствия совершаемых операций.

Особое внимание должно быть уделено совершенствованию порядка дистанционного изменения условий договора и его прекращения. До подтверждения соответствующей операции вкладчик должен получить исчерпывающую информацию о размере начисленного вознаграждения, возможных финансовых потерях при досрочном расторжении договора, реквизитах счета, на который будут перечислены денежные средства, а также иных последствиях совершаемой операции. Одновременно целесообразно обеспечить возможность

ознакомления клиента с новой редакцией договора до ее принятия и сохранения истории изменений условий банковского вклада посредством дистанционных каналов обслуживания.

Развитие цифровых сервисов обусловливает необходимость дальнейшего совершенствования механизмов противодействия мошенническим операциям. Банкам рекомендуется применять риск-ориентированный подход при выявлении нетипичных операций, связанных с досрочным закрытием вкладов, переводом значительных денежных сумм, использованием новых устройств либо изменением идентификационных данных клиента. При наличии признаков повышенного риска должны использоваться дополнительные способы подтверждения операций и обеспечиваться оперативное информирование вкладчика о совершаемых действиях.

Повышению эффективности защиты прав потребителей финансовых услуг будет способствовать совершенствование внутренних процедур банков. В частности, целесообразно внедрение единых стандартов раскрытия информации о банковских продуктах, использование нескольких каналов информирования клиентов (SMS-сообщений, push-уведомлений, электронной почты и уведомлений в мобильном приложении), а также совершенствование интерфейсов цифровых сервисов, обеспечивающих понятное отображение существенных условий договора и финансовых последствий совершаемых операций.

Важным направлением предупреждения нарушений прав вкладчиков является повышение уровня финансовой грамотности населения. Банкам целесообразно регулярно информировать клиентов о наиболее распространенных мошеннических схемах, правилах безопасного использования дистанционных банковских сервисов и способах защиты персональных данных, что позволит снизить вероятность совершения несанкционированных операций.

Наряду с совершенствованием законодательства требуется дальнейшее формирование единообразной правоприменительной практики по спорам, связанным с дистанционным заключением и исполнением договоров банковского вклада, распределением ответственности между банком и вкладчиком при совершении несанкционированных операций, а также оценкой достаточности мер, принимаемых банками для предотвращения мошеннических действий. Последовательное применение единых подходов позволит обеспечить правовую определенность, повысить предсказуемость судебных решений и укрепить доверие граждан к банковской системе.

Таким образом, дальнейшее развитие правового регулирования договора банковского вклада должно быть ориентировано на создание комплексной системы защиты прав вкладчиков, основанной на сочетании эффективного законодательного регулирования, единообразной судебной практики, прозрачности банковских продуктов, своевременного информирования клиентов и применения современных цифровых технологий, обеспечивающих безопасность дистанционного банковского обслуживания. Реализация указанных направлений будет способствовать укреплению доверия населения к банковской системе, снижению количества судебных споров и повышению уровня защиты прав потребителей финансовых услуг.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что цифровизация банковских услуг существенно трансформировала содержание правоотношений, возникающих из договора банковского вклада. Использование дистанционных каналов обслуживания расширило возможности банков и вкладчиков, однако одновременно обусловило возникновение новых правовых рисков, связанных с подтверждением электронного волеизъявления клиента, совершением несанкционированных операций, недостаточным раскрытием информации о банковских продуктах, применением механизмов автоматической пролонгации и реализацией иных финансовых услуг под видом банковского вклада.

Анализ законодательства и современной правоприменительной практики показал, что эффективная защита прав вкладчиков в условиях цифровой трансформации финансового рынка требует дальнейшего совершенствования правового регулирования договора банковского

вклада. Приоритетными направлениями такого совершенствования являются повышение стандартов раскрытия информации о банковских продуктах, обеспечение своевременного информирования вкладчиков о событиях, затрагивающих их имущественные интересы, развитие правовых механизмов безопасного дистанционного банковского обслуживания, совершенствование средств противодействия мошенническим операциям, а также формирование единообразной судебной практики по соответствующей категории споров.

Реализация указанных направлений будет способствовать укреплению гарантий защиты прав вкладчиков, повышению уровня доверия населения к банковской системе и дальнейшему развитию правового регулирования договора банковского вклада в условиях цифровизации финансовых услуг.

ФИЗИКАНЫ ГЕЙМИФИКАЦИЯЛАУ: ОЙЫН ЭЛЕМЕНТТЕРІ АРҚЫЛЫ КҮРДЕЛІ ТАҚЫРЫПТАРДЫ МЕҢГЕРТУ

Мереке Асыл Медетқызы
3 курс студенті,
Астана Халықаралық Университеті,
Астана, Қазақстан

Аңдатпа

Бұл мақалада заманауи мектептегі физика курсын оқыту процесін тиімді ұйымдастыру мен білім сапасын арттырудың құралы ретінде геймификация технологиясын қолданудың теориялық-методологиялық және практикалық аспектілері жан-жақты талданады. Мектеп оқушыларының жаратылыстану-ғылыми пәндерге деген танымдық қызығушылығының төмендеуі мен физиканың абстрактілі концепцияларын меңгеруде туындайтын дидактикалық қиындықтар негізгі педагогикалық мәселе ретінде қарастырылып, ойын механикасын (тәжірибе ұпайлары , деңгейлер, виртуальды квесттер мен симуляциялар) оқу контекстіне енгізудің оқушылардың ішкі мотивациясын дамытуға тигізетін әсері негізделеді. Мұғалімнің бағалаудағы «қателік үшін жазалау» стереотипінен арылып, оқушыға қайта әрекет жасауға мүмкіндік беретін адаптивті оқыту ортасын құру тетіктері көрсетіліп, цифрлық платформалар мен аналогтық геймификацияны интеграциялаудың тиімді моделі ұсынылады. Жүргізілген талдау нәтижелері геймификацияланған сабақтардың оқушылардың сыни ойлауын, функциялық сауаттылығын және топтық қарым-қатынас (soft skills) дағдыларын едәуір арттыратынын айғақтайды.

Кілт сөздер: геймификациялау, интерактивті оқыту ортасы, оқу мотивациясы, цифрлық симуляциялар, білімді адаптивті бағалау, ғылыми-жаратылыстану сауаттылығы.

Кіріспе

Қазіргі білім беру жүйесінің басты міндеті — оқушыға тек дайын ақпаратты берумен шектелмей, оны өздігінен білім алуға жетелеу және оқу процесінің белсенді қатысушысына айналдыру болып табылады. Алайда, мектеп бағдарламасындағы жаратылыстану бағытындағы пәндердің ішінде физика курсы оқушылар үшін ең ауыр әрі түсінуі күрделі пәндердің бірі болып қала береді. Бұған ең алдымен физикалық заңдардың тым теоретикалық түрде түсіндірілуі, математикалық есептердің басымдығы және теорияның күнделікті өмірмен байланысының аздығы себеп болып жатады. Мұнымен қоса, цифрлық технологиялар дәуірінде өсіп келе жатқан бүгінгі оқушылардың ақпаратты қабылдау ерекшелігі дәстүрлі түсіндіру әдістеріне сәйкес келмей, олардың пәнге деген ынтасын төмендетеді.

Осы мәселені шешудің және сабақ өту сапасын арттырудың тиімді тәсілдерінің бірі — геймификация (ойын элементтерін қолдану) технологиясы. Геймификация дегеніміз — сабақты тек көңіл көтеретін ойынға айналдыру емес, керісінше ойынның тиімді тұстарын (ұпай жинау, деңгейлерге бөлу, рейтингтік жүйе, қызықты тапсырмалар мен квесттер) оқу процесіне орынды енгізу. Физика сабағында ойын элементтерін қолдану оқушының табиғи қызығушылығын оятып, бәсекелестік рухын арттырады. Сонымен бірге механика, термодинамика, электродинамика немесе кванттық физика сияқты күрделі тақырыптарды жеңіл әрі ұғынықты меңгеруге жол ашады.

Бұл әдістің басты артықшылығы — ол оқушының «қателесіп қаламын, төмен баға аламын» деген қорқынышын жояды. Ойын ережесі бойынша оқушы тапсырманы қайта орындап, өз білімін үздіксіз жетілдіруге мүмкіндік алады. Осылайша, физика сабағында геймификацияны қолдану тек оқу үлгерімін арттырып қана қоймай, оқушылардың сыни ойлау, ізденушілік және топпен жұмыс істеу дағдыларын қалыптастырады. Бұл зерттеудің негізгі мақсаты — физика курсындағы күрделі тақырыптарды геймификациялаудың әдістемелік жолдарын көрсетіп, оны сабақта қолданудың тиімді үлгісін ұсыну болып табылады.

Геймификацияның теориялық-әдістемелік негіздері

Ойын элементтерін білім беру процесіне енгізу — бұл жай ғана заманауи сән немесе уақытша тренд емес, ол терең психологиялық және педагогикалық концепцияларға негізделген әдістемелік тәсіл. С. Детердинг пен оның әріптестерінің анықтамасы бойынша, геймификация дегеніміз — *«ойыннан тыс контексттерде оқушылардың белсенділігін арттыру және күрделі мәселелерді шешу үшін ойын дизайнының элементтерін қолдану»* болып табылады [1]. Осы орайда К. Капп ойын әдістерін сабақта пайдалану оқушылардың абстрактілі ұғымдарды түсінуін жеңілдетіп, күрделі ақпаратты жаттап қана қоймай, оны эмоционалды-практикалық деңгейде меңгеруге мүмкіндік беретінін дәлелдейді [2].

Геймификацияның оқу процесіндегі тиімділігі, ең алдымен, Э. Деси мен Р. Райанның «Өздігінен айқындалу теориясымен» (Self-Determination Theory) түсіндіріледі [3]. Бұл теория бойынша, оқушының ішкі танымдық мотивациясы мынадай үш негізгі психологиялық қажеттілік өтелгенде артады:

1. Автономия (өздігінен шешім қабылдау): Оқушы сабақта тек мұғалімнің нұсқауын пассивті орындаушы емес, өзіне ұнаған тапсырма деңгейін немесе физикалық есепті шығарудың баламалы жолын таңдауға мүмкіндік алады. Бұл оқушы бойында жауапкершілік пен өзін-өзі реттеу дағдысын қалыптастырады.
2. Құзыреттілік (шеберлікті сезіну): Күрделі физикалық есепті немесе зертханалық тапсырманы орындап, оған сәйкес ұпай немесе деңгей алған оқушы өзінің пәнді меңгере алатынына сенімі артады. Бұл Блум таксономиясының «қолдану» және «талдау» деңгейлеріне өтуге жағдай жасайды.
3. Әлеуметтік өзара әрекет (байланыс): Топтық квесттер мен физикалық турнирлер кезінде оқушылар бір-бірімен пікір алмасып, ортақ ғылыми мақсатқа жету үшін бірігеді, бұл өз кезегінде когнитивті дағдылармен бірге қарым-қатынас дағдыларын дамытады.

Физиканы оқытуда геймификацияның MDA модельдік құрылымы (Mechanics, Dynamics, Aesthetics) кеңінен қолданылады. Механика (Mechanics) деңгейінде тәжірибе ұпайлары (XP), бейджде, көшбасшылар тақтасы және деңгейлік тапсырмалар анықталса, Динамика (Dynamics) деңгейінде оқушының стратегиялық ойлауы мен қателікпен жұмыс жасау (retry) процесі орын алады. Ал Эстетика (Aesthetics) деңгейі оқушыда физикалық құбылысты немесе заңдылықтарды түсінген кездегі пайда болатын «Эврика» эмоционалдық қуанышы.

Дәстүрлі сабақта оқушы бағасын жоғалтып алудан қорықса, геймификацияланған білім беру ортасында оның «нөлден бастап өз деңгейін көтеру» мүмкіндігі болады, бұл физика сабағындағы психологиялық кедергілерді жоюдың басты тетігі болып табылады.

Күрделі тақырыптарды геймификациялаудың практикалық модельдері

Физика курсындағы заңдылықтарды терең әрі сапалы меңгертуде оқытудың цифрлық және аналогтық (офлайн) геймификация куралдарын өзара үйлесімде қолдану жоғары педагогикалық нәтиже береді. Бағдарламаның әртүрлі тақырыптық блоктарына бейімделген негізгі геймификациялау модельдерін келесі бағыттар бойынша жүйелеуге болады:

1. Цифрлық симуляциялар мен квесттер

Физика курсындағы көптеген тақырыптар оқушылардан абстрактілі ойлауды және кеңістіктік елестетуді талап етеді. Молекулалардың хаосты қозғалысы, зарядталған бөлшектердің өрістегі әрекеті немесе электромагниттік индукция құбылысы сияқты процестерді әдеттегі тақтадағы бормен немесе статикалық суреттермен толық түсіндіру қиын. Осы ретте геймификацияның цифрлық құралдарын сабақтың әртүрлі кезеңдерінде интеграциялау жоғары дидактикалық нәтиже береді.

Бұл бағыттағы ең тиімді де танымал платформалардың бірі — Колорадо университеті әзірлеген PhET Interactive Simulations жобасы болып табылады [4]. PhET симуляциялары ойын зертханасы принципі бойынша жұмыс істейді: оқушылар параметрлерді өзгерте алады, нәтижелерін визуалды түрде көреді және физикалық заңдылықтарды «эксперименттік ашу» режимінде меңгереді.

Дәстүрлі сабақтарда оқушылар зертханалық жұмыстарды дайын нұсқаулық бойынша орындап, тек есептеулер жасаумен шектеледі. Бұл олардың зерттеушілік қызығушылығын

бәсеңдетеді. Ал PhET платформасын ойын сценарийіне кірістіру сабақ форматын түбегейлі өзгертеді:

- «Энергияның сақталу заңы» кейсі: Оқушыларға «Скейт-парк инженері» рөлі ұсынылады. Тапсырма: роллердің белгілі бір биіктіктен аман-есен өтуі мен максималды жылдамдыққа жетуі үшін рампаның оңтайлы траекториясын құрастыру. PhET-тегі «Energy Skate Park» симуляциясы [4] арқылы оқушылар кинетикалық және потенциалдық энергияның бір-біріне өтуін, үйкелістің әсерін параметрлерді өздері өзгерту арқылы зерттейді. Дұрыс есептелген траектория мен сәтті өтілген сынақ үшін оқушылар топтарына тәжірибе ұпайлары (XP) беріледі.
- «Идеал газ күйінің теңдеуі» кейсі: Молекулалық физикада газ заңдарын оқыту кезінде «Виртуалды поршень» геймификациясы қолданылады. Оқушылар PhET-тегі «Gas Properties» модулінде [4] температураны көтеріп немесе көлемді азайта отырып, ыдыс ішіндегі қысымның өзгеруін және молекулалардың соқтығысу жиілігін бақылайды. Сабақ «Жарылыс қаупі бар резервуардағы қысымды тұрақтандыру» квесті форматында өтеді.

2. Нақты уақыттағы білімді тексеру

Сабақтың ұйымдастыру, үй тапсырмасын сұрау немесе жаңа ақпаратты бекіту кезеңдерінде экспресс-геймификация құралдары оқушылардың сабаққа зейінін заматта бұруға ықпал етеді.

1. Kahoot! (Сыныптық жарыс): Концептуалды сұрақтар («Неге?», «Қалай өзгереді?») бойынша сабақ басында «Физикалық ринг» өткізу. Бұл оқушыларда жағымды эмоционалдық серпіліс тудырып, бәсекелестік рухын оятады.
2. Quizizz (Өз қарқынымен орындау): Формулаларды түрлендіру немесе графиктік есептерді шығару кезінде қолданылады. Уақыт қысымын азайтып, оқушыға есепті өз жылдамдығымен шығаруға, ал қателескен жағдайда көмекші бонустар арқылы қайта орындауға мүмкіндік береді.
3. Wordwall (Интерактивті сәйкестендіру): Физикалық шамалар мен олардың өлшем бірліктерін, заңдардың тұжырымдамаларын ойындық тестілеу түрінде тез арада қайталауға өте тиімді.

3. Аналогтық (Offline) геймификация

Заманауи геймификация тек гаджеттерге байланбауы тиіс. Цифрлық құрылғыларсыз-ақ кабинет ішінде аналогтық ойын механикасын жүзеге асыруға болады. Соның бірі — «Физикалық квест-бөлме» (Escape Room) форматы.

Ұйымдастыру кейсі: «Механика және сақталу заңдары» бөлімін аяқтау кезінде кабинет «жабық зертхана» ретінде моделінеді. Оқушылар 4 бекеттен өтіп, бөлмеден шығу немесе «сейф кодын табу» тапсырмасын орындайды:

- *1-бекет (Эксперимент):* Динамометр мен жүктерді пайдаланып, сырғанау үйкеліс коэффициентін анықтау (кодтың 1-цифры).
- *2-бекет (Логикалық есеп):* Блоктар жүйесіндегі күштен ұтысты есептеу (кодтың 2-цифры).
- *3-бекет (Практикалық қолданыс):* Рычагты тепе-теңдікке келтіру арқылы белгісіз жүктің массасын табу (кодтың 3-цифры).
- *4-бекет (Виртуалды тексеру):* PhET симуляторында [4] алынған нәтижелердің дәлдігін тексеріп, соңғы кодты ашу.

Аналогтық пен цифрлық тәсілдерді осылайша ұштастыру оқушылардың формула жаттауын емес, логикалық ойлауын, зерттеушілік дағдысын және топтық қарым-қатынасын (Soft Skills) кешенді түрде дамытады.

Қорытынды

Қорыта айтқанда, заманауи мектептегі физика сабақтарында геймификация модельдерін енгізу — бұл жай ғана оқушылардың көңілін көтеру немесе сабақты қызықты ету құралы емес. Бұл — абстрактілі физикалық заңдар мен күрделі формулаларды оқушының жеке тәжірибесімен, эмоционалдық қабылдауымен және зерттеушілік әрекетімен ұштастыратын терең практико-дидактикалық механизм.

Мақалада қарастырылғандай, геймификацияның цифрлық және аналогтық модельдерін сабақ процесіне жүйелі интеграциялау келесідей маңызды әдістемелік нәтижелерге қол жеткізуге мүмкіндік береді:

1. Оқу мотивациясын арттыру: Дәстүрлі сабақтарда пассивті тыңдаушы болып келетін оқушылар оқытудың ойындық форматында белсенді зерттеуші позициясына өтеді.

2. Психологиялық кедергілерді жою: «Қателессең, төмен баға аласың» деген қорқыныш жойылып, қатемен жұмыс жасап, қайта әрекет ету арқылы білімді үздіксіз жетілдіру мәдениеті қалыптасады.

3. Функционалдық сауаттылық пен Soft Skills дамыту: Оқушылар тек формула жаттап қоймай, физикалық құбылыстардың себеп-салдарлық байланысын түсінуге, логикалық ойлауға және топта бірігіп проблемалық шешімдер табуға дағдыланады.

Сонымен бірге, геймификацияны сабақта қолдану мұғалімнен дидактикалық шеберлік пен уақытты дұрыс менеджменттеуді талап етеді. Ойын механикасы сабақтың негізгі оқу мақсатын көлегейлемей, керісінше оны ашуға қызмет етуі тиіс. Осы ұсынылған практико-ориентацияланған модельдерді білім беру процесіне сауатты енгізу мектептегі физиканы оқытудың сапасы мен тиімділігін сапалы түрде жаңа деңгейге көтеруге зор үлес қосады.

Қолданылған әдебиеттер тізімі:

1. Deterding, S., Dixon, D., Khaled, R., & Nacke, L. (2011). From game design elements to gamefulness: defining "gamification". *Proceedings of the 15th International Academic MindTrek Conference*, 9–15. https://doi.org/10.1145/2181037.2181040

2. Kapp, K. M. (2012). *The Gamification of Learning and Instruction: Game-based Methods and Strategies for Training and Education*. John Wiley & Sons.

3. Ryan, R. M., & Deci, E. L. (2000). Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being. *American Psychologist*, 55(1), 68–78. https://doi.org/10.1037/0003-066X.55.1.68

4. PhET Interactive Simulations Project. University of Colorado Boulder. https://phet.colorado.edu/

РЕГУЛЯТОРНАЯ ГЕОГРАФИЯ И ВИЗУАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА ДЕСТИНАЦИОННОГО ФИЛЬМА

Банщиков Евгений
кинооператор, видеооператор беспилотных летательных аппаратов,
независимый исследователь.
Казахстан, Алматы.

Аннотация. Аэросъёмочный кадр стал стандартным вступительным приёмом дестинационного фильма, однако в исследованиях медиа он трактуется исключительно как следствие развития техники и авторского выбора. В статье обосновывается положение о том, что визуальный словарь современной тревел-кинематографии в значительной степени формируется неравномерным глобальным распределением правового разрешения на полёт. Вводится понятие регуляторной географии — проекции норм воздушного права, режимов особо охраняемых природных территорий и разрешительных процедур на реально доступный в конкретной точке диапазон движения камеры. Предложена четырёхуровневая типология юрисдикций: от уведомительных до запретительных. На материале исландских нормативных изменений мая и июня 2026 года, рассматриваемых как естественный эксперимент, вводится концепт разрешённого возвышенного: канонический аэрокадр дестинации представляет собой не самый красивый из возможных ракурсов, а самый красивый из юридически доступных. Выделены шесть режимов регуляторного замещения, посредством которых съёмочные группы компенсируют недоступность аэросъёмки, и показано, что аудитория систематически принимает след нормативного ограничения за характеристику самого ландшафта.

Ключевые слова: аэросъёмка, беспилотный летательный аппарат, дестинационный фильм, регулирование БПЛА, визуальная грамматика, туристская образность, исследования медиапроизводства, регуляторная география, разрешённое возвышенное.

Abstract. The aerial shot has become the default opening gesture of the destination film, yet media scholarship treats it as an artefact of technology and aesthetic choice alone. This article argues that the visual vocabulary of contemporary travel cinematography is shaped in significant part by an uneven global distribution of legal permission to fly. It introduces the concept of regulatory geography — the mapping of aviation law, protected-area policy and permit administration onto the range of camera movement practically available at a given location — and develops a four-regime taxonomy of jurisdictions ranging from notification-based to prohibitive. Drawing on the Icelandic protected-area policy revisions of May and June 2026 as a natural experiment, the article advances the notion of the permitted sublime: the iconic aerial image of a destination is rarely the most beautiful obtainable view, but the most beautiful legally obtainable one. It further identifies six modes of regulatory substitution by which operators compensate for denied aerial access, and argues that audiences routinely misread compliance residue as landscape character.

Keywords: aerial cinematography, unmanned aerial vehicle, destination film, drone regulation, visual grammar, tourism imagery, media production studies, regulatory geography, permitted sublime.

1. Введение: аэрокадр как норма

Достаточно посмотреть подряд полсотни промофильмов национальных туристских офисов, чтобы закономерность обнаружила себя раньше второй минуты любого из них. Изображение начинается низко или начинается крупно — и затем поднимается. Под кадром разворачивается береговая линия; уходит вниз кровля храма; камера пересекает гребень хребта, и по ту сторону открывается нечто прежде скрытое. Раскрывающий аэрокадр стал устанавливающей конвенцией дестинационного фильма примерно в том же смысле, в каком общий план некогда служил опорой классической системы монтажной непрерывности, и сегодня он с равной регулярностью встречается в кампаниях национальных туристских

администраций, в имиджевых фильмах гостиничных сетей, в спонсорских тревел-роликах и в независимом травел-влоге.

Привычное объяснение этой конвергенции носит технико-экономический характер. Примерно до 2013 года аэросъёмочный план требовал вертолёта, гиростабилизированной подвесной системы, координатора воздушных съёмок и бюджета, выводившего такой кадр за пределы возможностей большинства проектов. Потребительский мультикоптер со встроенной стабилизированной камерой снизил эту стоимость приблизительно на три порядка и перевёл аэрокадр из статуса статьи расходов, требующей обоснования, в статус ожидания по умолчанию. Объяснение верно в тех пределах, в которых сформулировано, и доминирует как в отраслевой литературе, так и в формирующемся корпусе туристиковедческих работ о дроновой образности.

Оно, однако, неполно — и неполно существенным образом. Камера, физически способная выполнить движение, тем самым ещё не является камерой, которой это движение разрешено. Между техническими возможностями аппарата и кадром, попадающим на монтажный стол, располагается слой авиационного регулирования, режимов особо охраняемых природных территорий, муниципальных предписаний и разрешительного администрирования, который колоссально различается между юрисдикциями и, более того, различается способом, никак не связанным с визуальной ценностью расположенного внизу ландшафта. В результате две локации сопоставимого фотографического качества могут предоставлять радикально различные наборы доступных кадров, а оператор-постановщик, работающий в международном контексте, имеет дело не с одной производственной средой, а с их лоскутным множеством.

В настоящей статье ставится вопрос, оставшийся в существующей литературе в междисциплинарном зазоре: оставляет ли право видимый след в изображении? Выдвигаемый здесь тезис состоит в том, что оставляет, что этот след поддаётся прочтению и носит системный характер и что существенная доля воспринимаемого аудиторией как эстетическая подпись места в действительности представляет собой остаточный отпечаток его регуляторного режима.

2. Три несоприкасающиеся исследовательские традиции

Релевантная научная литература распадается на три корпуса работ, которые редко ссылаются друг на друга.

Первый рассматривает воздушное зрение как критический объект. Работа Амад о переходе от «взгляда божьего ока» к «взгляду камеры» показывает, что изображение сверху никогда не было эстетически нейтральным: со времён аэростатной съёмки и военной разведки оно несёт устойчивый комплекс ассоциаций с господством, читаемостью и контролем [1]. Каплан продолжает эту генеалогию через весь XX век, доказывая неотделимость взгляда сверху от истории воздушной войны и колониального картографирования [4]. Паркс на материале спутниковой образности демонстрирует, каким образом орбитальное зрение натурализует определённый тип отношения между наблюдателем и территорией [5]. Эта традиция даёт понятийный аппарат, позволяющий воспринимать аэрокадр как риторическую форму, а не как нейтральный вариант покрытия сцены, — но с потребительским дроном и коммерческими тревел-медиа она соприкасалась крайне мало.

Второй корпус — исследования туризма и маркетинга дестинаций. Организующей рамкой здесь остаётся концепция туристского взгляда Урри, недавно расширенная в сторону специфически воздушного её варианта [8]. Станков с соавторами проанализировали пространственное распределение публикуемых дроновых видео и установили, что такая образность тяготеет скорее к более населённым районам, нежели к наиболее живописным [6], — результат, обычно объясняемый местами проживания владельцев дронов. Последующая работа о технико-социальных измерениях туристской дроновой видеографии показала, что социальное измерение этой практики перевешивает технологическое [7]. Ранее Динхопль и Гретцель обосновали, что туристская видеография составляет медиаформу, отличную от travel-фотографии, с собственной системой конвенций [3]. Эта литература измеряет воздействие аэросъёмочной образности на зрителя и описывает социологию её производства, однако саму доступность кадра принимает как данность.

Третий корпус — регуляторный и политико-правовой анализ. Сравнительное исследование RAND по международному регулированию коммерческой эксплуатации БПЛА дало наиболее полезную из существующих типологий, разделив юрисдикции на категории, среди которых «фактический запрет» — когда лицензионная процедура формально существует, но её требования невыполнимы либо лицензии на практике не выдаются, — и «требование прямой видимости», когда операции законны, но ограничены по дальности [9]. Регламентом (ЕС) 2019/947 установлены категории Open, Specific и Certified, действующие сегодня в Европейском союзе, Исландии, Лихтенштейне и Норвегии [10]. Эти работы носят описательный и прикладной характер: они отвечают на вопрос, что оператору позволено делать, но не на вопрос, как выглядит получающееся изображение.

Каждая из традиций удерживает свою часть проблемы, но ни одна не удерживает связь между ними: у критической традиции есть теория воздушного зрения, но нет современного объекта; у туристиковедения есть объект, но доступ трактуется как экзогенная величина; у регуляторного анализа есть условия доступа, но отсутствует интерес к изображению. Предпринимаемый здесь вклад состоит в замыкании этого треугольника.

3. Теоретическая рамка: регуляторная география и разрешённое возвышенное

Термином *регуляторная география* здесь обозначается неравномерная глобальная поверхность правового разрешения на полёт, рассматриваемая как производственный ресурс того же порядка, что рельеф, погода, свет и доступ к локации. Понятие опирается на правовую географию, установившую, что право не просто действует в пространстве, но активно его производит [2]. Предлагаемая специализация уже и инструментальнее: это соответствие между правовыми инструментами и практически доступным в данной точке диапазоном движения камеры.

У такой постановки есть непосредственное практическое следствие. Операторы уже сегодня трактуют часть средовых ограничений как творческие параметры, а не как препятствия. Никто не считает режимный час помехой — это ресурс с расписанием. Регулированию такой статус, как правило, не присваивается. Им занимаются на стадии логистики, силами продюсера, уже после написания режиссёрской экспликации, — а значит, съёмочные планы регулярно составляются в словаре, которого локация не в состоянии юридически предоставить, и затем деградируют в поле. Трактовка регулирования как географии, а не как бумажной работы, переносит его вверх по производственной цепочке — в проектирование фильма.

Второе понятие — *разрешённое возвышенное*. Эстетика ландшафта традиционно описывает встречу зрителя и сцены. Аэросъёмочное изображение дестинации осложняет эту схему, вводя третьего участника, который никогда не виден, но всегда присутствует в самом построении кадра: инстанцию, определившую, где мог находиться аппарат. Канонический аэрокадр охраняемого ландшафта, следовательно, не является наилучшим из возможных его видов. Это наилучший вид из того множества позиций, высот и часов, которое оставил открытым регулятор. Композиция кодирует разрешение.

Из этой рамки следуют четыре положения, каждое из которых связывает конкретный регуляторный механизм с конкретным следствием для построения кадра.

П1. Потолки высоты сжимают вертикальный диапазон раскрытия. Жёсткий предел в 120 метров над уровнем земной поверхности, стандартный для европейской рамки и широко воспринятый за её пределами, фиксирует максимальный вертикальный ход раскрывающего движения. Там, где объект велик относительно этого потолка — гора, город, — раскрытие не может завершиться, и оператор замещает вертикальное перемещение боковым.

П2. Требование прямой видимости ограничивает боковую протяжённость сопровождения и пролёта. Движение, уводящее аппарат за пределы невооружённого зрения оператора, недоступно независимо от дальности аппарата. Это исключает протяжённое сопровождение над рельефом и длинный пролёт вдоль побережья, а также ограничивает облёт теми радиусами, которые оператор способен удерживать визуально.

П3. Нормы о пролёте над непричастными лицами смещают камеру с населённого переднего плана. Там, где аппарат не может находиться над скоплением людей, обитаемая

часть сцены должна решаться косым ракурсом с дистанции отхода — либо исключаться. Камера вытесняется с человеческого переднего плана в пустующий средний.

П4. Срок получения разрешения отбирает локации, а не только кадры. Там, где согласование занимает недели, а группа находится на месте считаные дни, регуляторное ограничение действует на маршрут, а не на съёмочный план. Объекты выпадают из фильма целиком, и дестинация в её репрезентации незаметно перекраивается.

4. Метод и его ограничения

Исследование является сравнительно-правовым и типологическим, а не статистическим. Оно опирается на три класса источников: первичные нормативные акты и публикации национальных авиационных администраций; руководящие документы органов управления особо охраняемыми природными территориями, которые нередко устанавливают ограничения строже общенациональной авиационной рамки и представляют собой слой, чаще всего упускаемый при подготовке производства; и собственный полевой опыт автора как практикующего оператора БПЛА в ряде юрисдикций, дающий ту операционную конкретику, которую опубликованные нормы опускают.

Следует сразу назвать три ограничения. Источниковая база асимметрична по качеству: одни администрации публикуют подробные и актуальные руководства, другие не публикуют ничего пригодного к использованию, и действующая норма устанавливается через местных агентов либо обнаруживается на границе. Право в законе и право в применении расходятся, иногда резко, а интенсивность правоприменения сама по себе является переменной, которую данный метод улавливает слабо. Наконец — и это наиболее существенно — регуляторная поверхность меняется быстрее академического издательского цикла: любая матрица национальных норм начинает устаревать со дня её составления.

Последнюю проблему правильнее трактовать как результат, а не как оговорку. Период полураспада регуляторной матрицы достаточно короток, чтобы составлять структурную характеристику международного аэросъёмочного производства: оператор не может полагаться на институциональную память, а знание, приобретённое на предыдущей съёмке в той же стране, способно вводить в заблуждение. Волатильность является самостоятельным производственным условием. Тем не менее положения раздела 3 сформулированы в форме, допускающей количественную проверку, и в разделе 9 излагается протокол, посредством которого она может быть выполнена.

5. Четырёхуровневая типология режимов доступа

Существующие регуляторные типологии сортируют юрисдикции по тому, что законно разрешено коммерческим операторам. Для кинематографических целей полезнее иное сечение — по тому, что гастролирующая съёмочная группа способна реально получить и в какие сроки. Так выделяются четыре режима.

Режим I, уведомительный. Оператор регистрируется, подтверждает базовую компетентность и летает без разрешения на каждый полёт, соблюдая постоянно действующие условия по высоте, дистанции до людей и классу воздушного пространства. Образцом служит европейская категория Open: регистрация и онлайн-экзамен по теории открывают подавляющее большинство полётов, и в эту категорию попадает подавляющее большинство европейских операций [10]. Сопоставимо устроены Соединённые Штаты для сертифицированных операторов вне земель федерального режима [13]. Отличительная черта — разрешение носит структурный, а не транзакционный характер: оно получается однократно, заранее, и переносится с собой.

Режим II, объектно-условный. Общенациональная рамка либеральна, однако конкретные объекты, ради показа которых дестинационный фильм и существует, отдельно закрыты решениями органов управления ООПТ, охраны наследия или муниципалитетов. Для тревел-кинематографии этот режим наиболее значим и чаще всего недооценивается: продюсер, проверивший законность на национальном уровне, всё равно может прибыть на локацию, где полёт запрещён полностью, разрешён лишь в узкие часы либо разрешён исключительно по целевой лицензии. Исландия, подробно разбираемая ниже, — наиболее ясный современный

пример. Ту же структуру демонстрируют США через запрет Службы национальных парков, сохраняющийся по всей системе парков независимо от общих авиационных правил и независимо от недавнего законодательного смягчения разрешительного режима для малых съёмочных групп [14].

Режим III, спонсорозависимый. Иностранный оператор не может летать от собственного имени вообще. Законная эксплуатация требует, чтобы аппарат был арендован или зарегистрирован на местное лицо либо организацию, обладающую соответствующими идентификаторами и допусками, либо чтобы работа была передана на субподряд лицензированной национальной продакшн-компании. Публикации по Индии и Марокко описывают схемы такого рода, а сравнительный анализ относит ряд государств к числу поддерживающих лицензионные процедуры с практически невыполнимыми требованиями [9, 11, 12]. Кинематографическое следствие состоит не только в стоимости, но и в авторстве: аэросъёмочная группа оказывается третьей стороной, которую приглашённый режиссёр не выбирал и не может полноценно инструктировать.

Режим IV, запретительный. Аппарат не пересекает границу. Ввоз закрыт, оборудование изымается на въезде — иногда с возвратом при выезде, иногда без. Куба, Никарагуа и Марокко неоднократно описывались в такой позиции, а travel- и отраслевые источники перечисляют и другие государства, где изъятие по прибытии является ожидаемым исходом [11, 12]. Здесь ограничение тотально, и производственный вопрос смещается с соблюдения норм на замещение.

Границы между режимами проницаемы, и государства мигрируют между ними — иногда стремительно и иногда в обоих направлениях в пределах одного года. Типология сведена в таблице 1.

Таблица 1. Четыре режима доступа к аэросъёмке и их влияние на доступный репертуар кадров

Режим	Определяющий механизм	Характерная позиция	Влияние на репертуар кадров
I. Уведомительный	Регистрация и допуск получаются однократно; разрешение на каждый полёт не требуется; действуют постоянные условия	Категория Open в ЕС/ЕЭП; сертифицированные операции в США вне земель федерального режима	Доступен практически полный словарь, ограниченный потолком высоты, прямой видимостью и нормами о пролёте над людьми
II. Объектно-условный	Либеральная национальная рамка при отдельном закрытии ключевых объектов режимами ООПТ, наследия или муниципалитета	Исландия; системы национальных парков в целом; многие объекты Всемирного наследия	Знаковые объекты дают ограниченное или почасово лимитированное покрытие; грамматика резко расходится между соседними локациями
III. Спонсорозависимый	Иностранный оператор не летает от своего имени; требуется местное лицо или лицензированная национальная	Юрисдикции, требующие национальной регистрации, аренды или субподряда аэросъёмочных	Аэросъёмочная группа укомплектована извне; снижен авторский контроль; длительные сроки согласования

Режим	Определяющий механизм	Характерная позиция	Влияние на репертуар кадров
	компания	работ	
IV. Запретительный	Ввоз закрыт; оборудование изымается на границе	Государства, где изъятие по прибытии является ожидаемым исходом	Аэросъёмочный словарь недоступен; замещение обязательно

Таблица 2 излагает тот же анализ с противоположной стороны: канонические приёмы аэросъёмочной грамматики дестинационного фильма соотнесены с регуляторными механизмами, каждый из которых их и определяет.

Таблица 2. Канонические аэросъёмочные приёмы и определяющие их ограничения

Приём	Техническое требование	Определяющее ограничение	Доступность
Раскрытие — подъём или отклонение камеры над препятствием с открытием объекта	Вертикальный ход; часто близость к сооружению или гребню	Потолок высоты; условия о дистанции до сооружений	Доступно в режиме I; сжимается там, где объект превышает потолок
Облёт — непрерывная дуга при постоянном радиусе до объекта	Продолжительный полёт по радиусу; непрерывный визуальный контакт	Требование прямой видимости; дистанция отхода от людей	Доступно, но ограничено по радиусу; на населённых объектах вырождается в частичную дугу
Пролёт или проход — низкое кинетическое движение сквозь проём или вдоль плоскости	Малая высота вблизи сооружений, рельефа или людей; высокая управляемость	Нормы о близости к людям; более высокие подкатегории или специальное разрешение	Наиболее ограниченный приём; фактически недоступен вне режима I и нередко внутри него
Надирный спуск — вертикальная ось над объектом	Положение непосредственно над точкой на поверхности	Запрет пролёта над непричастными лицами и скоплениями людей	Доступно над ненаселённой поверхностью; недоступно над скоплениями и большинством обитаемых передних планов
Сопровождение — слежение за движущимся объектом по рельефу	Устойчивая боковая дальность по непредсказуемой траектории	Требование прямой видимости; границы воздушного пространства	Повсеместно ограничено по дальности; фактически недоступно при строгом контроле прямой видимости

В совокупности обе таблицы описывают системный дрейф. По мере движения от режима I к режиму IV первым выпадает близкий, кинетический, низковысотный словарь, за ним — приёмы сопровождения; остаётся остаточная грамматика приподнятого статичного общего плана и медленного бокового смещения. Ограничительные режимы дают не просто меньше кадров. Они дают кадры иного типа, а следовательно, иной аффективный регистр: дистанцированный и созерцательный там, где либеральные режимы дают погружающий и кинетический.

6. Исландия как естественный эксперимент

Исландия 2025–2026 годов даёт необычайно чистый случай, поскольку последовательность нормативных изменений изменила правовой статус аэросъёмки, удержав постоянными все прочие переменные, обыкновенно смешивающие сравнение. Воздушное пространство, аппараты, рельеф, свет и операторы до и после остались теми же. Изменилось право.

Структурный фон таков: Исландия применяет европейскую рамку, поэтому национальные авиационные нормы помещают большинство туристских работ в категорию Open со стандартным потолком в 120 метров. Поверх этого слоя действует отдельно администрируемый режим особо охраняемых территорий. 1 января 2025 года Агентство окружающей среды Исландии было упразднено, а его функции в части охраняемых территорий перешли к новому Агентству охраны природы (Náttúruverndarstofnun), ставшему разрешительным органом для охраняемых объектов вне национальных парков [12]. 17 мая 2026 года это агентство приняло политику, отказывающую в выдаче рекреационных и образовательных разрешений на полёты более чем на двадцати пяти охраняемых территориях — включая Годафосс, Гюдльфосс, Гейсир, Дирхолаэй, Латрабьярг и Миватн круглогодично, а также Хорнстрандир, национальный парк Снайфедльсйёкюдль и Тьоурсаурвер сезонно, — сохранив при этом выдачу разрешений для коммерческого кино, рекламы, телевидения и новостного производства. После общественной дискуссии агентство 10 июня 2026 года пересмотрело руководство, прямо добавив профессиональную фотосъёмку в число разрешённых видов деятельности [12].

Отсюда следуют три аналитических вывода.

Во-первых, изолированной переменной оказывается правовой статус цели. Один и тот же аппарат, управляемый одним и тем же оператором, над одним и тем же водопадом, при одной и той же погоде, законен или незаконен в зависимости от того, как квалифицирован полёт. Это редкий случай, когда регуляторную детерминанту изображения можно наблюдать независимо от всех физических детерминант. Каковы бы ни были достоинства данной политики, она с необычайной ясностью показывает: доступность воздушного вида есть юридический факт прежде, чем фотографический.

Во-вторых, правила по Гейсиру показывают, как регулирование определяет не только существование кадра, но и то, как он выглядит. Руководство по геотермальному участку допускает полёт без отдельного разрешения лишь в узкие суточные окна — короткий утренний интервал в летний сезон и другой, столь же узкий полуденный интервал зимой, — при запрете полёта ниже пятидесяти метров над действующим гейзером [12, 15]. Практическое следствие состоит в том, что аэрокадр Строккюра может быть сделан только при определённом качестве света. Цветовая температура кадра, длина теней, угол, под которым освещён пар, — всё это оказывается производным от административного решения о часах. Право здесь дотягивается дальше композиции — до светооптических характеристик самого изображения.

В-третьих, национальный парк Ватнайёкюдль демонстрирует, что градуированное регулирование порождает градуированную грамматику. Вместо сплошного запрета парк применяет условия, различающиеся по участкам и сезонам: рекреационные полёты запрещены на большей части Скафтафедля по соображениям охраны птиц, безопасности и качества посещения, с единственной разрешённой зоной перед языком ледника; Йёкюльсаурлоун и Федльсфьяра закрыты в период весеннего и раннелетнего гнездования; у Деттифосса полёт разрешён над каньоном, но не севернее указанной смотровой площадки [15]. Фильм, покрывающий парк, вынужден поэтому менять словарь от локации к локации в пределах

одного съёмочного дня, и в получающейся последовательности возникает вариативность визуального решения, причина которой для зрителя невидима.

Стоит отметить и распределительное следствие коммерческого исключения. Там, где рекреационный доступ отзывается, а профессиональный сохраняется, знаковый аэрокадр становится дефицитнее, дороже и концентрируется в институциональных руках. Десятилетие последовательной демократизации аэросъёмки на этих объектах частично обращается вспять.

7. Регуляторное замещение

Когда аэросъёмка недоступна, съёмочные группы не просто отказываются от кадра. Они его замещают, и стратегии замещения достаточно устойчивы, чтобы поддаваться каталогизации. Повторяются шесть режимов.

Вертикальное замещение. Приподнятая неподвижная точка — башня, кровля отеля, край обрыва, опора канатной дороги — даёт высоту без полёта. Получающееся изображение на площадке нередко называют ложным аэрокадром. Невнимательному зрителю оно читается как воздушное, но лишено параллакса и не может двигаться, а его вертикаль задана архитектурой, а не выбором.

Оптическое замещение. Длиннофокусный объектив с разрешённой дистанции сжимает глубину и изолирует объект, подменяя близость, недостижимую для аппарата. Сигнатура такого сжатия узнаваема: длиннофокусная подмена уплощает отношение объекта и среды ровно в том регистре, который был бы артикулирован пролётом дрона.

Механическое замещение. Стабилизированные подвесы, кабельные системы, операторские краны и автомобильные крепления возвращают движение, не возвращая высоты. Это наиболее точный субститут кинетического словаря и наиболее дорогой, а значит, доступный финансируемым проектам и недоступный тем независимым, которые дрон в своё время и вывел в поле.

Архивное замещение. Лицензированный сток или ранее отснятые вертолётные планы поставляют недостающий вид. Это полностью отвязывает изображение от производства: кадр в фильме снят другим человеком, в другое время, в условиях, которых режиссёр не видел.

Синтетическое замещение. Фотограмметрическая реконструкция и смежные объёмные методы порождают подвижную виртуальную камеру на основе наземных или спутниковых данных. Техника быстро совершенствуется и ставит репрезентационный вопрос, с которым дестинационный фильм ещё не столкнулся: получающийся вид есть вид модели, а не места.

Юрисдикционное замещение. Наиболее значимое из шести. Там, где закрытая юрисдикция имеет визуальный аналог в открытой — сопоставимую пустыню, побережье, альпийский гребень или старый город, — производство снимает облик закрытого места в открытом. Это стандартная практика в рекламных и брендовых работах, в готовом фильме практически незаметная. Следствие состоит в том, что регулирование порождает системную и нераскрываемую географическую недостоверность дестинационных медиа: воздушный облик ограничительной страны в циркулирующей о ней образности может быть представлен рельефом либерального соседа.

8. Обсуждение: чтение права как ландшафта

Центральное утверждение настоящей статьи состоит в том, что ничего из перечисленного аудитория не воспринимает. Она воспринимает атмосферу.

Ограниченный в доступе объект даёт дистанцированное, статичное покрытие общими планами. Такое покрытие читается зрителем как удалённость, безмятежность, нетронутость — как ландшафт, удерживаемый на почтительном расстоянии. Всё это эстетические достоинства, и воспринимаются они как свойства места. В существенной части они являются свойствами его разрешительного органа: остаточный отпечаток нормативного соблюдения потребляется как настроение.

Отсюда следует прямое следствие для формирования образа дестинации — центральной проблематики маркетинговой литературы, рассмотренной в разделе 2. Если организация по управлению дестинацией заказывает фильм, а фильм неявно формируется регуляторной позицией показываемых объектов, то организация сообщает регуляторный характер как

характер места. Страна со строгим режимом охраняемых территорий будет склонна порождать образность, читаемую как первозданная и труднодоступная; страна с либеральными нормами — образность, читаемую как непосредственная и открытая. Ни одно из этих соответствий не является намеренным и ни одно не обязательно ложно, но причинная цепь проходит через администрирование, а не через ландшафт.

Заслуживает упоминания и второе, противоположно направленное давление. Внутри режима I, где полный словарь доступен всем, дестинационные фильмы сходятся: одни и те же приёмы исполняются над разным рельефом, и дифференциация сворачивается до предметного содержания. Ограничение, вынуждая операторов к замещению, в этом узком смысле оказывается порождающим визуальное различие. Это не аргумент в пользу ограничений, а наблюдение, что связь между регуляторной либеральностью и визуальным интересом немонотонна и что гомогенизирующий эффект всеобщего доступа реален — практики в либеральных юрисдикциях сегодня осознанно ему противодействуют.

Для производственной практики рекомендация проста и, по опыту автора, редко исполняется. Регуляторная матрица относится к стадии экспликации, а не к стадии логистики. Съёмочный план, составленный в словаре, которого локация не может предоставить, будет деградировать в поле под давлением сроков, и деградация эта окажется незапланированной. Композиция же изначально в том словаре, который допускает режим, и трактовка сроков согласования как календарной переменной наравне с сезонным светом превращают источник потерь в проектный параметр. Альтернатива — обнаруживать ограничение на локации — надёжно даёт самую слабую версию фильма.

9. Направления эмпирической верификации

Схему стоит изложить, чтобы её могли реализовать другие. Корпус формируется из официальных фильмов национальных туристских администраций по юрисдикциям, подобранным так, чтобы охватить все четыре режима с вариативностью внутри каждого. Каждый фильм кодируется покадрово: наличие аэросъёмки; тип приёма по пяти каноническим категориям таблицы 2; оценочный диапазон высоты; присутствие людей в кадре во время аэросъёмочного покрытия. Параллельно строится регуляторная матрица, фиксирующая для каждой юрисдикции — на дату производства фильма, а не на дату кодирования — потолок высоты, условие прямой видимости, норму о пролёте над людьми, разрешительное требование для показанных объектов и медианный срок согласования.

Проверяемый прогноз состоит в том, что частота близких кинетических приёмов монотонно снижается по мере перехода между режимами, а отношение статичных приподнятых общих планов к кинетическим аэрокадрам соответственно возрастает. Вторая, более острая проверка — сопоставление фильмов, снятых в одной юрисдикции до и после дискретного нормативного изменения, для чего исландская последовательность, описанная в разделе 6, даёт хорошо документированный случай. К любой такой схеме применимы две оговорки: регуляторный статус должен фиксироваться на дату производства, что часто трудно установить и что нередко искажается в источниках; и анализ обязан различать приёмы, которые были недоступны, и приёмы, которые были доступны, но не выбраны, — а это требует производственной документации или интервью с операторами.

10. Заключение

Аэрокадр пришёл в тревел-медиа как освобождение и обычно так и описывается до сих пор. Предлагаемая здесь трактовка сдержаннее. Доступ к виду сверху распределён по поверхности земли неравномерно, по логике, не имеющей отношения к тому, что достойно съёмки, и это распределение оставляет в получающихся изображениях читаемый след.

Аргумент сводится к трём положениям. Регулирование функционирует как производственный ресурс, сопоставимый с рельефом и светом, и относится к проектированию фильма, а не к его логистике. Канонический аэрокадр охраняемого ландшафта есть разрешённое возвышенное — наилучший юридически доступный вид, а не наилучший возможный. И аудитория систематически приписывает возникающий визуальный характер самому месту, прочитывая административное ограничение как темперамент ландшафта.

Для дисциплины, затратившей значительные усилия на изучение того, как образность дестинации формирует ожидания путешественника, следствие состоит в том, что одна из детерминант этой образности всё это время лежала неисследованной в разрешительном деле. Камера идёт туда, куда ей позволено идти. И приносит она изображение этого позволения в той же мере, что и изображение места.

Список литературы

1. Amad P. From God's-eye to Camera-eye: Aerial Photography's Post-humanist and Neo-humanist Visions of the World // History of Photography. 2012. Vol. 36, No. 1. P. 66–86.
2. Blomley N. Law, Space, and the Geographies of Power. New York: Guilford Press, 1994. 250 p.
3. Dinhopl A., Gretzel U. Conceptualizing tourist videography // Information Technology & Tourism. 2016. Vol. 15, No. 4. P. 395–410.
4. Kaplan C. Aerial Aftermaths: Wartime from Above. Durham: Duke University Press, 2018. 328 p.
5. Parks L. Cultures in Orbit: Satellites and the Televisual. Durham: Duke University Press, 2005. 264 p.
6. Stankov U., Kennell J., Morrison A.M., Vujičić M.D. The view from above: the relevance of shared aerial drone videos for destination marketing // Journal of Travel & Tourism Marketing. 2019. Vol. 36, No. 7. P. 808–822.
7. Stankov U., Filimonau V., Vujičić M.D. et al. Keeping up with the drones! Techno-social dimensions of tourist drone videography // Technology in Society. 2022. Vol. 68. Art. 101838.
8. Urry J., Larsen J. The Tourist Gaze 3.0. London: SAGE Publications, 2011. 282 p.
9. Jones T. International Commercial Drone Regulation and Drone Delivery Services. Santa Monica: RAND Corporation, 2017. RR-1718/3-RC. 26 p.
10. Commission Implementing Regulation (EU) 2019/947 of 24 May 2019 on the rules and procedures for the operation of unmanned aircraft // Official Journal of the European Union. L 152. 11.06.2019. P. 45–71.
11. Preston A.M. The No Drone Zone: What Creators Can and Can't Bring When Traveling // Forbes. 14.02.2025.
12. Nature Conservation Agency of Iceland (Náttúruverndarstofnun). Guidance on drone permits in protected areas. Policy adopted 17.05.2026; revised guidance issued 10.06.2026.
13. Federal Aviation Administration. 14 CFR Part 107 — Small Unmanned Aircraft Systems. Washington, D.C., 2016 (as amended).
14. National Park Service. Policy Memorandum 14-05: Unmanned Aircraft — Interim Policy. Washington, D.C., 2014.
15. Vatnajökull National Park. Rules for the use of drones for recreational purposes. Reykjavík, current edition.

ОСОБЕННОСТИ ВНЕДРЕНИЯ ЭЛЕМЕНТОВ ЭТНОДИЗАЙНА В ГОРОДСКУЮ СРЕДУ НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА АЛМАТЫ

Токишева Айдана Анваровна
Магистрант школы дизайна, Казахская головная архитектурно-строительная академия, Республика Казахстан, г.Алматы
Узакбаев Турар Куанышевич
ассоциированный профессор, PHD, Казахская головная архитектурно-строительная академия, Республика Казахстан, г.Алматы

Аннотация:
Статья рассматривает теоретическое осмысление механизмов внедрения элементов этнодизайна в графическое оформление объектов города Алматы. Актуальность исследования обусловлена растущим запросом на визуализацию локальной идентичности в условиях глобализации, а также углубляющимся разрывом между академическим знанием о культурном наследии и его реализацией. Цель исследования заключается в разработке аналитической модели, позволяющей оценить глубину интеграции этнокультурных кодов в дизайн-проектирование, продемонстрировав ее применение на примере визуальных элементов инфраструктуры города Алматы. Методологическую основу составили структурно-семиотический анализ с терминологической дифференциацией ключевых понятий. В результате разграничены этнографический, структурный, семиотический коды, на основе чего предложена трехуровневая модель: копирование этнографических элементов, перенос структурных принципов формообразования, осмысленная трансляция семантики. Апробация модели проведена на трех объектах: обновленном брендинге Зеленого базара, проекте городского дизайн-кода и пешеходном мосту архитектурного бюро ATRIUM. Ценностью научной работы является создание теоретического инструмента, позволяющего системно оценивать и проектировать решения в области этнодизайна. Практическое значение состоит в возможности применения модели в дизайн-практике для разграничения осмысленного подхода и поверхностной стилизации.

Ключевые слова: Этнодизайн, этнокультурный код, городская среда, визуальная идентичность, интеграция

Введение.
Развития городов в современных условиях характеризуется поиском функциональных и эргономичных решений, наряду со стремлением к визуализации локальной идентичности. В условиях глобализации, унифицирующей архитектурный облик мегаполисов, проблема сохранения культурного своеобразия приобретает особую остроту [1]. Города в Республике Казахстан (далее РК), в частности, город Алматы, сталкиваются с необходимостью интеграции этнических элементов в современную городскую среду. Это наглядно демонстрирует разрыв между академическим знанием о традиционной культуре и искусстве и их внедрением: на практике этнические мотивы нередко используются поверхностно как декоративные элементы, тогда как их глубинная семантика и формообразующие принципы остаются невостребованными. Проблемная ситуация усугубляться отсутствием четких критериев, позволяющих разграничить осмысленную работу с этнокультурным кодом и его произвольную стилизацию. В научном дискурсе РК понятия этнографический код, структурный код и семиотический код часто используется как взаимосвязанные, что затрудняет как анализ существующих дизайн-проектов, так и разработку новых проектных стратегий [2]. Как

отмечает О. В. Панченко этнические мотивы становятся «одним из самых продуктивных источников возникновения новых форм, способствующих развитию изобразительного языка» [3]. Для реализации данного потенциала необходима теоретическая рамка, операционализирующая процесс трансляции культурного содержания в дизайн решения.

Особую значимость указанная проблематика приобретает на примере города Алматы, где в последние годы активно разрабатываются и внедряются проекты, направленные на формирование целостной визуальной городской среды. В 2023 году маслихатом города Алматы был утвержден дизайн-кода города, свод требований, регламентирующих визуальную составляющую элементов городского пространства: фасад зданий, навигации, вывесок и других объектов [4]. Цветовая палитра основывается на культурных кодах казахского народа, а шесть основных цветов используются в казахских фразеологизмах, отражающих их мировоззрение. Вопрос о том, насколько глубоко цветовая символика интегрирована в проектные решения, соответствующая поверхностному копированию или структурному и семантическому переосмыслению наследия, остается открытым.

Параллельно с внедрением дизайн-кода создаются отдельные проекты, демонстрирующие иные подходы к интеграции этнокультурных кодов. Пешеходный мост через улицу Тимирязева, спроектированный архитектурным бюро ATRIUM, задуман как рекреационное пространство, символизирующее развитие города Алматы как инновационного и зеленого города с уважением к традициям [5]. Форма моста извилистая, витиеватый рисунок традиционных узоров передан в трассировке основных дорожек и дополнительных пандусных спусков, а национальные орнаментальные мотивы также использованы при создании параметрических паттернов колонн, которые подсвечиваются в вечернее время. Проект представляет интерес для анализа не только как завершенное сооружение, а как эксперимент, вышедший за рамки простого цитирования орнамента, обращенного к структурным принципам формообразования. Вместе с обновленным брендингом Зеленого базара, проект городской навигации в рамках дизайн-кода представляют три разнообразных кейса, позволяющих апробировать предложенную в статье аналитическую модель.

Объектом исследования выступает графическое оформление объектов туристической инфраструктуры города, а предметом являются принципы и уровни внедрения элементов этнодизайна в визуальную среду города Алматы. Цель проведенной работы заключается в разработке аналитической модели, позволяющей оценить глубину интеграции этнокультурных кодов в дизайн-проектирование и продемонстрировать ее применимость на примере визуальных элементов.

Научная ценность исследования заключается в создании теоретического инструмента, позволяющего системно оценивать проектные решения в области этнодизайна и разграничивать осмысленную работу с культурным наследием и поверхностную стилизацию. Практическая значимость предполагает возможность применения представленной модели дизайн-студиями, архитектурными бюро и городскими администрациями для экспертизы и при разработке проектов. Как показано на примере городов Российской Федерации, административные структуры активно используют брендинг территории, создающий запрос на аналитические модели оценки глубины интеграции [6].

Материалы и методы.

Проблема исследования заключается в отсутствии операциональных критериев, позволяющих разграничивать осмысленную интеграцию этнокультурного наследия в городской дизайн от поверхностной стилизации. Для решения была выдвинута гипотеза о том, что разработанная трехуровневая модель, дифференцирующая этнографический, структурный и семиотический коды, позволяет провести системную оценку проектных решений. Методологическую основу исследования составил структурно-семиотический анализ, опирающийся на семиотическую традицию Ч.С. Пирса: триада, индекс, символ [7], [8]. Она применялась для анализа знаковых систем в городской среде. Также применяется терминологическая дифференциация ключевых понятий для уточнения границ между

выделенными кодами. Эмпирическую базу исследования формируют три объекта городской инфраструктуры города Алматы, отобранные по принципу репрезентации различных типов визуальной коммуникации и документально зафиксированной связи с концепцией культурного кода.

Таблица 1. Сводная характеристика объектов исследования

Тип объекта	Статус на момент исследования	Основание для включения	Источник данных
Зеленый базар: коммерческо-туристический.	Реконструкция: строительно-монтажные работы с 13.11.2025 г., планируемое завершение 13.05.2026 г.	Визуальная идентификация исторического рынка как туристической достопримечательности.	Фотофиксация автора 24.04.2026 г. на территории Зеленого базара, а также открытые проектные данные.
Дизайн код города: муниципальный (общегородской нормативный документ).	Утвержден: решение маслихата № 82 от 29.12.2023 г., введен в действие в 2024 году. Активная фаза внедрения.	Апелляция к культурным кодам казахского народа в официальной документации.	Официальные документы Акимата города Алматы с публикации о ходе внедрения.
Пешеходный мост ATRIUM: инфраструктурный.	Проект 2021 года, статус: не завершенный. Получил премию Architizer A+Awards в номинации «Unbuilt Transportation» в 2022 году.	Прямое указание архитекторов на связь визуального языка с национальной идентичностью и казахскими орнаментами.	Проектная документация архитектурного бюро.

Отбор объектов осуществлялся на основе двух критериев: наличие визуальных элементов, апеллирующих к традиционной казахской орнаментике и документально зафиксированная связь проекта с концепцией этнокультурного кода. Для пешеходного моста в основу легли мотивы казахского орнамента, что отразилось в плавных изогнутых линиях его конструкций. Согласно утвержденному дизайн-коду Алматы, цветовое решение города опирается на культурные кода казахского народа, что закреплены в национальных фразеологизмах и передают мировоззрение казахов. Далее, Зеленый базар позиционируется как туристическая достопримечательность, являясь старейшей из самых узнаваемых городских площадей, что делает его показательным кейсом для анализа визуальной идентификации коммерческо-туристического объекта. Несмотря на частое упоминание в прессе и путеводителях, системный научный анализ Зеленого базара с позиций городского дизайна и визуальной идентификации в открытых источниках не проводился.

Первичный визуальный материал на территории Зеленого базара был собран автором в апреле 2026 года. Выбор обусловлен его доступностью для фотофиксации, наличием элементов оформления в этно-стиле и тем, что он предстает объектом городской инфраструктуры, сочетающих историческую функцию рынка с современной туристической привлекательностью. Фотофиксации проводилась в дневное время при естественном освещении с использованием

цифровой камеры; полученные изображения использовались для последующего анализа по трем уровням предложенной модели. Для двух других объектов использовались опубликованные проектные материалы, официальные документы и открытые источники, что обусловлено их статусом. Проект дизайн код находится в стадии активного внедрения без полного завершения всех элементов, а пешеходный мост на момент исследования не был построен.

Работа над исследованием проводились в трех этапах:

1. Терминологическая дифференциация ключевых понятий. Триада, легшая в основу разработанной аналитической модели через семиотический подход, восходящий к Ч. С. Пирсу и адаптированный к анализу городской среды. Были разграничены три уровня кодов: этнографический код, это видимые, эмпирически фиксируемые признаки, как орнамент, форма, цвет; структурный код, то есть формальные принципы организации знаковой системы, например, ритм, модуль и симметрия; семиотический (этнокультурный код) код с глубинными установками мировоззрения, системой смысловых оппозиций.
2. Разработка трехуровневой аналитической модели, интегрирующей выделенные коды в последовательную шкалу глубины интеграции наследия. Первый уровень соответствует копированию этнографических элементов, а второй уровень предполагает перенос структурных принципов формообразования. Третий уровень представляет осмысленную трансляцию семантики через сохранение исходного смыслового ядра при адаптации к новому носителю. Модель была применена к каждому из объектов.
3. Апробация модели, для Зеленого базара применялся метод визуального анализа собранных фотоизображений. Дизайн-код города анализировался по официальными документами с опубликованной визуальной составляющей и описанием технических требований. Для пешеходного моста анализировалась проектная документация и визуализация. Классифицирован был каждый из вышеупомянутых объектов по уровням. На основе двух параметров: наличия и отсутствия трансформации исходных этнографических элементов, сохранение с утратой семантической нагрузки.

В работе использовались методы структурно-семиотического анализа для выявления принципов организации орнаментальных систем и их семантических оснований; метод кейс-стади для углубленного рассмотрения каждого из трех объектов; сравнительный анализ для выявления общих закономерностей и различий в подходах к интеграции наследия между тремя кейсами [9]. Для контекстуального анализа использовались международные примеры интеграции этнокультурных кодов в городскую среду, включая признанные образцы, как Ванкуверский международный аэропорт с коллекцией искусства коренных народов и терминал аэропорта Дохи с отсылками к исламскому орнаменту. Стоит отметить, что они не являются предметом системного анализа в данной работе, но служат иллюстративной основой для сопоставления подходов.

Существует ряд ограничений, который необходимо учесть при интерпретации результатов. Выборка ограничена, что не позволяет делать обобщающих выводов о состоянии этнодизайна в городе Алматы в целом. Полноценный анализ требует апробации модели на большем количестве кейсов. Далее следует то, что для двух из трех объектов анализ проводился по проектным материалам без возможности верификации в городской среде. Все вышеперечисленное создает риск расхождения между заявленными принципами с их реальным воплощением. Несмотря на указанные обстоятельства, предложенная модель демонстрирует свою работоспособность. Она может служить инструментом для дальнейших исследований в данной области.

Результаты и обсуждения.

Перед анализом конкретных объектов стоит упомянуть три типа кодов, по-разному проявляющихся в дизайн-проектах, что составляют основу предложенной ранее аналитической модели. Так, к этнографическому коду относятся видимые, эмпирически фиксируемые признаки культуры: форма, цветовое решение, тип костюма, конструкция утвари. В дизайн-

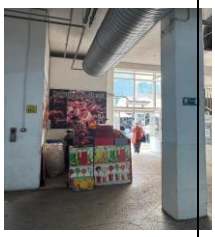
проектах представленный код часто проявляется как прямое копирование с цитированием этнических элементов. Структурный код состоит из формальных принципов организации, лежащих в основе традиционных объектов: ритмическая повторяемость модульные сетки, типы симметрии, пропорциональные соотношения. Орнаментальная структура существует не изолированно, а коррелирует с музыкой, устной поэзией, письмом, танцем и феноменом тенгрианского календаря [10]. Соответственно, структурный код в дизайне предлагает воспроизведение узора с его формообразующей логикой. Далее, семиотический или этнокультурный код, несущий глубокий смысл, мировоззренческие установки, система оппозиций (сакральное или профанное, свое с чужим и тому подобное), которые стоят за внешними формами. Согласно наблюдениям Г.Н. Варавиной, орнаментальное искусство можно рассматривать как культурную хронику, то есть способ запечатления изменяющихся и неизменных структурных особенностей мировоззренческих установок этноса [11]. Полноценная работа на уровне семиотического кода предполагает, что дизайнер понимает исходное значение элемента, сознательно его трансформируя и адаптируя применительно к новому контексту. Посредством данной дифференциации была разработана трехуровневая модель, позволяющая оценивать проектные решения (Рис.1).

Рисунок 1. Инфографика трехуровневой модели интеграции этнокультурных кодов в дизайн-проектирование (Авторский материал)

В искусствоведении и дизайне, как отмечается в работах, посвященных этнодизайну в постсоветском пространстве, остро стоит дихотомия между глубинной актуализацией семантики, архитектоники, философии традиционной культуры и декоративным, эклектичным использованием внешних маркеров этничности без учета их тектоники и логики развития [12], [13], [14]. Упомянутая дихотомия легла в основу предложенной трехуровневой модели. Отправной точкой исследования стал детальный анализ обновленной айдентики Зеленого базара, проведенный на основе натурных наблюдений авторки. Исследование призвано восполнить данный пробел, рассматривая Зеленый базар как репрезентативный кейс для оценки интеграции этнокультурных кодов в визуальную среду города. Было охвачено несколько визуальных элементов: логотип, временная входная группа, информационно-административные стенды, элементы технической и противопожарной навигации (планы эвакуации). Ниже представлена сводная оценка данных элементов.

Таблица 2. Анализ элементов брендинга и навигации Зеленого базара по трем уровням аналитической модели: этнографический код, структурный код, семиотический или этнокультурный код

Элемент	Уровень 1	Уровень 2	Уровень 3	Общая квалификация

Логотип	Прямое заимствование: ромбовидное диакритические знаки (имитация арабского нукта), изгибы букв под пластику казахского орнамента.	Эклектичный синтез: арабская вязь (горизонтальная, лигатурная) наложена на кириллицу (вертикальную, дискретную).	Денотат (кириллическое слово) вступает в конфликт с коннотацией (визуальные маркеры мусульманской графики, порождая избыточный знак-симулякр.	Поверхностная декоративная стилизация. Форма усложнена в ущерб читаемости знаков.
	Полное вытеснение: этнические маркеры полностью отсутствуют на носителях. Используется случайный набор коммерческих шрифтов.	Хаотичные размещение элементов. Отсутствие единого модульного шага, ритмической организации среды.	Полное замещение культурных кодов стихийным ритейлом. Среда транслирует исключительно утилитарно-бытовую функцию.	Деконструкция этнокультурной среды. Навигационный вакуум, замещенный коммерческим визуальным шумом.
	Логотип внедрен как формальный канцелярский штамп ведомственной принадлежности в уменьшенном масштабе.	Жесткая привязка к сетке официального регламента. Цветовой код использован утилитарно.	Трансляция юридического регламента управляющей компании. Семантика рынка нивелирована	Прагматичный (утилитарный) дизайн. Этнодизайн редуцирован до роли служебного маркера.
	Номинальный и избыточный: фрагментарное механическое нанесение логотипа и розы ветров на регламентированный бланк, либо полное отсутствие элементов	Структура полностью подчинена утилитарной геометрии здания и внешним нормативным регламентам, вытесняющим логику фирменного стиля	При масштабировании в малый формат сложные графемы логотипа сливаются, что выявляет его низкую адаптивность к технической графике	Кризис масштабируемости бренда и средовая гетерогенность. Точка нулевого брендинга, фиксирующая границу применимости этнодизайна.

Проведенный анализ брендинга и навигации Зеленого базара позволяет сделать несколько выводов относительно того, как работает этнодизайн на данном объекте. Логотип представляет собой стремление к гибридной стилизации, совмещающей кириллическую основу с визуальными отсылками к арабской каллиграфии и казахскому орнаменту. Однако оно остается на уровне этнографического кода, поскольку дизайнеры заимствуют внешние признаки

восточной письменности и орнаментальной пластики без понимания их структурной роли в исходных системах. Ю.М. Лотман отмечает, что знак в культуре функционирует не изолированно, а в составе определенной семиотической системы, но механическое перенесение его внешней формы в иную знаковую среду часто приводит к утрате исходного смысла и появлению знака-симулякра [15]. Логотип претендует быть одновременно и казахским орнаментальным, и арабским каллиграфическим, и кириллическим, но в подобном синкретизме теряется внутренняя логика каждого из кодов. Анализ временной входной группы зафиксировал полное вытеснение этнокультурных маркеров из навигационной среды. В зоны реконструкция доминирует хаотично, нерегулируемое размещение элементов, отсутствует единый модульный шаг или ритмическая организация пространства. Культурные коды замещены стихийными кодами ритейла. Среда транслирует исключительно утилитарно бытовую функцию. Навигация Зеленого базара представляет собой хаотичную среду, наполненную коммерческим визуальным шумом. В информационно-административных стендах демонстрируется номинальное присутствие этнографического кода. Здесь этнодизайн редуцирован до роли служебного маркера, не влияющего на восприятие пространства. Элементы технической и противопожарной навигации оказались наиболее показательными с точки зрения кризиса масштабируемости. При уменьшении логотипа до мелкого масштаба его сложные графемы сливаются, что делает его непригодным для технической графики. Кейс фиксирует границу применимости этнодизайна, если фирменный знак не выдерживает масштабирования и не адаптируется у разных носителей, то его ценность как элемента айдентики снижается.

Для проекта дизайн-кода города Алматы при разработке цветовой палитры специалисты опирались на культурные коды казахского народа, выделив шесть основных цветов, что широко использовались в казахских фразеологизмах, отражая их мировосприятие. Зеленый и синий цвета рекомендуются для городской навигации, красный цвет для информационных табличек, а черный, белый и светло-серый цвета для бизнес-объектов. С точки зрения предложенной модели, дизайн-код демонстрирует попытку работы на первом уровне этнографического кода (цветовая символика) и отчасти на втором уровне структурных принципов (системность и модульность). Поскольку реальная навигационная система не развернута в полном объеме, оценить, насколько заявленные принципы воплотятся в конкретных проектных решениях, на данный момент затруднительно. Потенциал для выхода на втором уровне и третьем уровне у данного проекта есть, но реализация зависит от множества факторов.

Пешеходный мост ATRIUM в отличие от двух предыдущих объектов является нереализованным проектом. Тем не менее, его анализ представляет интерес, поскольку в проекте сознательно заявлена связь визуального языка с национальной идентичностью и казахскими орнаментами, позволяя сопоставить декларируемые намерения авторов с тем, как они реализуются на уровне формообразования. На уровне этнографического кода в проекте присутствует сознательное заимствование внешних признаков орнамента. Извилистые, пластичные линии, характерные для традиционных узоров, легли в основу трассировки пешеходных дорожек и пандусных спусков, а орнаментальные паттерны были использованы в параметрическом оформлении колонн. На уровне структурного кода проект демонстрирует качественно иной подход, чем логотип Зеленого базара. Вместо прямого копирования узора архитекторы переносят структурные принципы орнамента в планировку маршрутов. Мост представляет собой два переплетенных пути, как прямой утилитарный и извилистый, состоящий из пандусов, предназначенный для прогулки. Не копирование, а воспроизведение формообразующей логики орнамента в масштабе городского объекта. Как показывают современные исследования, казахский орнамент выступает самостоятельной художественной системой со сложной внутренней структурой, визуализирующей концептуальное мышление мастера [16]. Архитекторам ATRIUM удалось внедрить в проект логику модульного построения.

На уровне семиотического кода проект также демонстрирует определенные достижения. Его идеология осмысленно связывает инновационное развитие города с уважением к

традициям, а мост переосмысляется, становясь рекреационным пространством. Однако из доступных описаний неясно, насколько глубоко транслируется семантика конкретных орнаментальных мотивов. Проект, безусловно, передает общее ощущение связи с традицией, но не раскрывает, какие именно смыслы из защитных, космологических, социальных заложены в используемых орнаментальных формах. Вследствие, проект на третьем уровне можно квалифицировать как присутствующий частично соответственно общей концепции.

Сравнительный анализ объектов по трехуровневой модели выявил следующие различия. Брендинг Зеленого базара классифицируется на первом уровне, поскольку прямое копирование этнографических элементов при отсутствии структурной переработки и семантической трансляции. Дизайн-код города Алматы занимает промежуточное положение, декларируя цветовую символику первого уровня и обладает потенциалом для второго уровня за счет заложенной модульности. Между тем, реальная глубина интеграции остается неоцененной ввиду незавершенности внедрения. Мост ATRIUM демонстрирует доминирование второго уровня, воспроизводя структурные принципы орнамента, при этом концептуальная попытка работы с третьим уровнем прослеживается, но не получает детальной проработки.

Из сопоставления следует, что модель подтвердила свою аналитическую функцию, позволяя фиксировать достигнутый уровень и определить этапы, на которых проект не переходит на следующий уровень. Переход от первого уровня ко второму, а именно вместо заимствования готовых форм к необходимости анализа внутренней логики наследия. Третий уровень не применялся ни в одном из объектов, однако это является перспективой их для развития и улучшения.

Список литературы:

1. Abdrassilova G., Aukhadiyeva L. Architecture as a determinant in shaping the identity of a city: A case study of Almaty / G. Abdrassilova, L. Aukhadiyeva // Urbani izziv. 2025. Vol. 36, no. 1. P. 85-99. DOI: 10.5379/urbani-izziv-en-2025-36-01-01.

2. Ostapenko I., Bekturganova K., Dyussenova D., Chekaeva R., Yessenbayev A. The semiotics of ornamental facades in residential microdistricts of Almaty / I. Ostapenko, K. Bekturganova, D. Dyussenova, R. Chekaeva, A. Yessenbayev // Bulletin of L.N. Gumilyov Eurasian National University Technical Science and Technology Series. 2025. Vol. 151, no. 2. P. 195-208. DOI: https://doi.org/10.32523/2616-7263-2025-151-2-195-208

3. Панченко О. В. Образная концепция в графическом дизайне на основе этнокультурных мотивов / О. В. Панченко // Современные тенденции изобразительного, декоративно-прикладного искусств и дизайна. 2016. № 1. С. 26-31. URL: https://repo.nspu.ru/handle/nspu/2526

4. Об утверждении дизайн-кода города Алматы: Решение XIII сессии маслихата города Алматы VIII созыва от 29 декабря 2023 года № 82: зарегистрировано в Департаменте юстиции города Алматы 12 января 2024 года № 1751. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/V23R0001751/compare

5. Атриум. Зеленый пешеходный мост в Алматы / Архитектурное бюро «Атриум». URL: https://atrium.ru/projects/zelenyj-peshehodnyj-most-v-almaty/

6. Rodkin P. Place brand as an object of urban space: the case of Russia / P. Rodkin // 2025 KISD International Conference at Ningbo: Co-evolution. Ningbo: Korean Institute of Spatial Design / Ningbo University Urban Renewal Research Center, 2025. P. 110-114. URL: https://www.prdesign.ru/en/text/graphicsculpture.html

7. Кулян-Козионова, М.Э. Паблик-арт и формирование образа и имиджа города / М.Э. Кулян-Козионова, Е.Г. Щекина // Российские исследования. Культура и общество. 2025. Т. 9. № 3. С. 4-24. DOI: 10.12731/2576-9782-2025-9-3-293. URL: https://journals.rcsi.science/2576-9782/article/view/359690

8. Támara, Felipe Cárdenas. The cultural landscape sign from the horizons of semiotic anthropology / F.C. Támara // Antrópologos Iberoamericanos en Red. 2016. Vol. 11, no. 01. P. 105-128. DOI: https://doi.org/10.11156/aibr.110106e.

9. Yan W., Liew C., Wang X. Semiotic analysis and contemporary translation of traditional wooden architectural decorative patterns in Xinjiang // Journal of Asian Architecture and Building Engineering. 2025. P. 1-17. DOI: https://doi.org/10.1080/13467581.2025.2587369

10. Shaygozova Z.N., Naurzbayeva A.B., Nekhvyadovich L.I. THE SEMIOTIC BASIS OF KAZAKH CULTURE: ORNAMENT AS AN ETHNO-SIGN CODE // ΠΡΑΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics. 2024. Issue 1 (39). P. 120-142. DOI:10.23951/2312-7899-2024-1-120-142. URL: https://praxema.tspu.ru/en//archive?year=2024&issue=1&article_id=9044&format=html

11. Varavina G.N. The image of Geolandscape representations in the ornamental culture of the Evens and the Evenks of Yakutia // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2018. Vol. 11, no. 4. P. 663-669. DOI: 10.17516/1997-1370-0261. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/the-image-of-geolandscape-representations-in-the-ornamental-culture-of-the-evens...

12. Шевцова А.А. Этничность и традиционализм в творчестве современных казахстанских художников // Самарский научный вестник. 2016. Т. 5, № 2. С. 136-140. doi: 10.17816/snv20162214. URL: https://snv63.ru/2309-4370/article/view/22099

13. Sharapov V.E. "We Are Komi": Symbolic Reproduction of Ethnicity in the Works of Young Applied Artists from the Komi Republic // REGION: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia. 2022. Vol. 11, no. 1. P. 95-126. ISSN: 2166-4307 (Print), 2165-0659 (Online). DOI: 10.1353/reg.2022.0005.URL:https://www.kci.go.kr/kciportal/ci/sereArticleSearch/ciSereArtiView.kci?sereArticleSearchBean.artiId=ART002958130

14. Fišerová M., Mácha J. Introduction. What is ornament? // Metaphysics and Aesthetics of Decoration/ M. Fišerová, J. Mácha. 1st ed. London: Routledge, 2026. P. 1-11. https://doi.org/10.4324/9781003674177

15. Rodríguez Higuera C.J. How to detonate a semiotic bomb: the dynamics of Lotmanian explosion in the semiosphere // Language and Semiotic Studies. 2024. Vol. 10, no. 4. P. 545-561. DOI: https://doi.org/10.1515/lass-2024-0019

16. Kuzembaev S.B., Kaposhko I.A., Berezyuk V.G., Lytkina S.I., Mishnev S.V. TRADITIONAL KAZAKH ORNAMENT IN THE LIGHT OF THE LAWS OF SYMMETRY (ON MODELING VISUAL IMAGES) // ΠΡΑΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics. 2024. Issue 1 (39). P. 44-61. DOI:10.23951/2312-7899-2024-1-44-61

СУБЪЕКТНАЯ ПОЗИЦИЯ ЛИЧНОСТИ КАК ФАКТОР ПРЕОДОЛЕНИЯ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО КРИЗИСА

Л.Г. Куликова
Практический психолог.
Независимый исследователь.
Автор программы «Психология долгой и счастливой жизни»
Руководитель центра «Психотехнологии для жизни»
Казахстан, г. Астана.

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается субъектная позиция личности как один из ключевых факторов преодоления экзистенциального кризиса. Теоретический анализ объединяет отечественную психологию субъекта и экзистенциальную традицию, в рамках которых субъектность связывается со способностью человека выступать автором собственной жизни, осуществлять внутренне присвоенный выбор, принимать ответственность и согласовывать поведение с личностными ценностями. Особое внимание уделяется переживанию «не своей жизни» как феноменологическому проявлению снижения субъектности: ориентации на внешние требования, социальные сценарии и долженствование при ослаблении контакта с собственными чувствами, потребностями и смыслами. Представлены эмпирические данные исследования эффективности авторской программы «Психология долгой и счастливой жизни». Общая выборка составила 120 женщин; экспериментальная группа включала 49 участниц с признаками экзистенциального кризиса. После прохождения программы средний показатель подлинности и субъектности повысился с 3,7 до 8,0 балла ($p<0,05$), смысловой наполненности — с 4,6 до 7,3 ($p<0,05$), присутствия — с 3,9 до 6,5 ($p<0,05$), а экзистенциальная тревога снизилась с 6,7 до 3,0 балла ($p<0,05$). Полученные результаты позволяют рассматривать восстановление субъектной позиции как одно из центральных направлений психотерапевтической помощи при экзистенциальном кризисе, связанное с возвращением авторства жизни, внутреннего выбора и ответственности.

Ключевые слова: субъектность, субъектная позиция, «не своя жизнь», внутренний выбор, ответственность, авторство жизни, экзистенциальный кризис, подлинность, присутствие, смысл.

Введение.

Экзистенциальный кризис относится к тем состояниям, в которых психологическое неблагополучие не обязательно сопровождается выраженной социальной дезадаптацией. Человек может сохранять профессиональную активность, семейные роли, способность решать повседневные задачи и одновременно переживать внутреннюю пустоту, неудовлетворённость собственной жизнью, тревогу, одиночество, утрату смысла и ощущение неподлинности существования. В подобных случаях центральной проблемой становится не столько невозможность функционировать, сколько утрата внутреннего авторства: жизнь продолжается, однако субъективно перестаёт переживаться как собственная.

В психологическом плане такое состояние может быть описано через снижение субъектной позиции. Человек всё в большей степени воспринимает себя как объект обстоятельств, социальных ожиданий, семейных сценариев, требований профессии или представлений о том, «как правильно», и всё в меньшей — как автора решений, способного соотнести внешнюю ситуацию с собственными ценностями, потребностями и жизненными смыслами. Внутренний конфликт между «надо» и «мне важно» становится не только поведенческой дилеммой, но и феноменом экзистенциального порядка, поскольку затрагивает переживание подлинности собственной жизни.

Проблема субъектности имеет глубокую разработку в отечественной психологии. С. Л. Рубинштейн рассматривал человека как активного субъекта деятельности, способного не только приспосабливаться к обстоятельствам, но и преобразовывать их и самого себя [1]. А. В. Брушлинский подчёркивал инициирующую, творческую природу субъекта и его способность самостоятельно определять способы взаимодействия с миром [2]. К. А. Абульханова-Славская связывала субъектность со способностью организовывать собственный жизненный путь, выстраивать стратегию жизни, принимать решения и отвечать за их реализацию [3]. В экзистенциальной психологии сходная проблематика раскрывается через категории свободы, выбора, ответственности и подлинности [5–9].

Цель настоящей статьи — теоретически обосновать субъектную позицию как один из факторов преодоления экзистенциального кризиса и представить эмпирические данные, отражающие динамику субъектности у женщин после прохождения комплексной психотерапевтической программы.

Субъектность как способность быть автором собственной жизни.

В отечественной психологической традиции категория субъекта используется для описания человека как активного носителя деятельности, отношений, выбора и жизненной стратегии. С. Л. Рубинштейн связывал становление личности с её способом отношения к действительности. Человек включён в обстоятельства, но не исчерпывается ими: жизненная ситуация становится психологически значимой через то, какую позицию занимает личность и какие действия предпринимает в ответ на неё [1]. Важным следствием такого понимания является отказ от противопоставления внешней детерминации и свободы: субъектность проявляется не в отсутствии ограничений, а в способности действовать внутри реальной ситуации, сохраняя собственное отношение и инициативу.

В рамках настоящего исследования субъектная позиция определяется как способность человека осознавать себя автором собственной жизни, различать внешние обстоятельства и внутренне присвоенные основания выбора, принимать ответственность за доступные ему решения и выстраивать действия в соответствии с личностными ценностями. Такое определение соединяет деятельностную и экзистенциальную традиции и позволяет рассматривать субъектность не как абстрактное личностное качество, а как психологический механизм жизненного самоопределения.

Экзистенциальная свобода, выбор и ответственность.

В. Франкл сформулировал принципиально важное для психотерапии положение: даже в ситуациях, когда человек не способен изменить сами обстоятельства, у него может сохраняться свобода выбора отношения и способа ответа [7]. Такое понимание ответственности не имеет отношения к обвинению человека в происходящем. Ответственность здесь означает способность ответить на ситуацию — занять позицию, определить доступное действие, выбрать отношение к неизменяемому и не передавать полностью авторство собственной жизни внешним силам.

Таким образом, в экзистенциальной психологии субъектная позиция обнаруживается через три взаимосвязанных процесса: признание собственной свободы в реально доступных пределах, внутренне присвоенный выбор и ответственность за способ ответа. Эти процессы особенно значимы в кризисе, когда прежняя система ориентиров перестаёт работать, а новые основания жизни ещё не сформированы.

Переживание «не своей жизни» как проявление кризиса субъектности.

Одним из наиболее характерных феноменологических проявлений экзистенциального кризиса является переживание «не своей жизни». Оно возникает не обязательно тогда, когда объективные обстоятельства являются неблагополучными. Напротив, человек может иметь образование, профессию, семью, социальный статус и привычный уровень функционирования, но одновременно ощущать, что проживаемая жизнь внутренне ему не принадлежит. Снаружи она может выглядеть организованной и даже успешной, тогда как изнутри воспринимается как система обязанностей, требований и ожиданий.

Психологически переживание «не своей жизни» связано с рассогласованием между внутренними ценностями и фактическим способом существования. Человек действует преимущественно из позиции «надо», а его собственные чувства и потребности получают вторичное значение. В результате выбор заменяется следованием сценарию, ответственность — исполнением предписаний, а активность — функционированием. При длительном существовании такого рассогласования возникает внутреннее отчуждение: человек всё хуже распознаёт, чего хочет, что для него значимо и какие решения действительно принадлежат ему.

В этой связи важным становится переход от вопроса «что я должна?» к вопросам «что для меня важно?», «что я выбираю?», «чего я не могу изменить?», «на что я действительно могу повлиять?», «какие последствия своего выбора я готова принять?». Такая работа переводит ответственность из морально-оценочной плоскости в субъектную. Ответственность перестаёт быть тяжёлым обязательством и становится формой авторства.

Внутренний выбор и восстановление авторства жизни.

Смысловая регуляция играет здесь принципиальную роль. Д. А. Леонтьев рассматривает смысловую сферу как систему, через которую события, цели и действия приобретают личностное значение [10]. Если действие не связано с присвоенным смыслом, оно может сохраняться как привычное или социально ожидаемое, но постепенно переживаться как пустое. Напротив, возвращение к ценностным основаниям позволяет преобразовать внешне заданную деятельность в внутренне принятую либо признать необходимость изменения жизненного направления.

В рамках авторской концепции преодоления экзистенциального кризиса субъектность рассматривается во взаимосвязи с присутствием и смыслом. Присутствие обеспечивает доступ к непосредственному переживанию — чувствам, телесным реакциям, актуальным потребностям. Смысловая работа помогает определить ценностное значение обнаруженного опыта. Субъектность переводит переживание и смысл в решение и действие. Таким образом, формируется последовательность: присутствие — смысл — выбор — ответственность — действие. Именно в этой последовательности внутренние изменения получают жизненное воплощение.

Материалы и методы исследования.

Эмпирическое исследование проводилось в рамках оценки эффективности авторской программы комплексной психотерапевтической помощи «Психология долгой и счастливой жизни». Общая выборка составила 120 женщин в возрасте 25–65 лет. Экспериментальная группа включала 49 участниц с признаками экзистенциального кризиса, контрольная группа — 71 участницу. Экспериментальная подвыборка была сформирована из респонденток, у которых при первичной диагностике выявлялись переживания смысловой пустоты, внутренней неудовлетворённости, экзистенциальной тревоги, одиночества, снижения подлинности и присутствия при относительной сохранности социального и повседневного функционирования.

На предварительном этапе применялись шкала тревоги Бека, методика «Переживание экзистенциального кризиса» Л. В. Сенкевич и В. А. Янышевой, индикатор копинг-стратегий Дж. Амирхана, а также авторский опросник психотерапевтических мишеней. В настоящей статье основной анализ сосредоточен на шкале «Подлинность и субъектность» авторского опросника. Шкалы опросника оценивались по десятибалльной системе.

Содержательно блок субъектности включал вопросы, отражающие согласованность жизни с внутренними ценностями, переживание «не своей жизни» и преобладание поведения, организованного внешним долженствованием. До прохождения программы среднее значение согласия с утверждением «Я чувствую, что живу в соответствии со своими внутренними ценностями» составляло 4,2 балла; с утверждением «У меня есть ощущение, что я живу не свою жизнь» — 6,6; с утверждением «Я часто действую так, как надо, а не так, как чувствую» — 7,8 балла. Такой профиль рассматривался как индикатор сниженной субъектной позиции и выраженного рассогласования между фактическим способом жизни и внутренними основаниями выбора.

Программа включала 16 последовательных групповых занятий продолжительностью 3–3,5 часа. В работе использовались экзистенциально-гуманистический, логотерапевтический, гештальт-терапевтический, телесно-ориентированный, арт-терапевтический и рефлексивный подходы. Субъектность не формировалась посредством директивного обучения «правильному выбору»; терапевтическая работа была направлена на осознавание актуального опыта, различение собственных и интроецированных ценностей, анализ жизненных сценариев, исследование границ ответственности, развитие присутствия и перевод внутренне присвоенных смыслов в конкретные решения.

Сравнение средних показателей экспериментальной группы до и после участия в программе проводилось с оценкой статистической значимости различий. В материалах исследования изменения по основным шкалам экспериментальной группы обозначены как статистически значимые при $p<0,05$. Поскольку в настоящем массиве не представлены индивидуальные сырые баллы и расчёты размера эффекта, интерпретация ограничивается сопоставлением средних значений и зафиксированной статистической значимостью.

Результаты исследования

До начала психотерапевтической программы средний интегральный показатель по шкале «Подлинность и субъектность» составлял 3,7 балла. При этом отдельные пункты указывали на выраженное переживание рассогласования с собой: внутренние ценности лишь умеренно определяли способ жизни (M=4,2), тогда как переживание «не своей жизни» достигало M=6,6, а ориентация на «надо» вместо чувств — M=7,8. Эти результаты позволяют описать исходное состояние не как отсутствие активности, а как дефицит внутреннего авторства.

После прохождения программы средний показатель подлинности и субъектности увеличился с 3,7 до 8,0 балла ($p<0,05$). Направление изменений интерпретируется как усиление субъектной позиции и переживания подлинности собственной жизни. Одновременно происходили изменения по связанным мишеням: показатель смысловой наполненности вырос с 4,6 до 7,3 балла ($p<0,05$), присутствия — с 3,9 до 6,5 ($p<0,05$), а экзистенциальная тревога снизилась с 6,7 до 3,0 балла ($p<0,05$). Показатель сохранности функционирования оставался стабильным — 6,6 балла до и после программы.

Показатель	До программы	После программы	Изменение	Статистическая значимость
Подлинность и субъектность	3,7	8,0	рост	$p<0,05$
Смысл	4,6	7,3	рост	$p<0,05$
Присутствие	3,9	6,5	рост	$p<0,05$
Экзистенциальная тревога	6,7	3,0	снижение	$p<0,05$
Сохранность функционирования	6,6	6,6	стабильно	незначимо

Таблица 1. Динамика основных показателей экспериментальной группы (n=49)

Обсуждение результатов.

Экзистенциальная интерпретация результатов дополняет данный вывод. Подлинность, о которой писал М. Хайдеггер, предполагает выход из безличного режима существования [5]. Сартровская проблема отказа от свободы через «дурную веру» [6], франкловское понимание свободы отношения [7] и яломовская связь свободы с ответственностью [8] описывают разные стороны одного процесса: человек становится субъектом не потому, что получает полный контроль над жизнью, а потому, что признаёт и использует доступное пространство выбора.

Параллельная динамика присутствия и смысла позволяет предположить, что восстановление субъектности имеет интегративный характер. Человек не может устойчиво выбирать собственную жизнь, если не имеет доступа к непосредственному переживанию себя. В этом смысле присутствие обеспечивает феноменологическую основу субъектности: прежде чем определить «чего я хочу» или «что для меня важно», необходимо заметить собственные чувства, телесные реакции и актуальные потребности. Смысловая организация, в свою очередь,

позволяет не сводить выбор к ситуативному импульсу и связывает его с более широкими жизненными ценностями.

Таким образом, преодоление экзистенциального кризиса может быть описано как движение от внешней заданности к внутреннему присвоению жизни. Оно включает восстановление контакта с собой, пересмотр интроектов и социальных сценариев, обнаружение ценностей, формирование внутреннего выбора и принятие ответственности за последующие действия. Субъектность становится не конечной характеристикой «сильной личности», а процессом постоянного авторского соотнесения себя с жизненной ситуацией.

При этом эмпирические результаты настоящего исследования не позволяют утверждать причинную роль субъектности в строгом статистическом смысле. Для доказательства того, что рост субъектности непосредственно медиирует снижение экзистенциального кризиса, необходимы индивидуальные данные, корреляционный и медиаторный анализ, а также желательно отсроченное измерение. Поэтому формулировка «фактор преодоления» в настоящей статье имеет теоретико-психологический смысл и опирается на статистически значимую динамику показателя, но не должна интерпретироваться как доказанная причинность.

Практическое значение восстановления субъектной позиции.

В этом заключается принципиальное отличие восстановления авторства от идеологии тотального самоопределения. Человек не выбирает исходные условия жизни, многие события, потери, болезни, решения других людей и социальные ограничения. Но субъектность проявляется в том, как он отвечает на данность, какие возможности различает и каким образом организует собственное действие внутри реально существующих границ.

Заключение.

Теоретический анализ и эмпирические данные позволяют рассматривать субъектную позицию личности как значимый фактор преодоления экзистенциального кризиса. В отечественной психологии субъектность раскрывается через активность, самостоятельную организацию жизненного пути и способность выступать инициатором собственной деятельности. В экзистенциальной традиции эти положения получают развитие через категории подлинности, свободы, выбора и ответственности.

В экспериментальной группе после прохождения программы «Психология долгой и счастливой жизни» средний показатель подлинности и субъектности увеличился с 3,7 до 8,0 балла ($p<0,05$). Одновременно выросли показатели смысла и присутствия и снизилась экзистенциальная тревога. Эти результаты поддерживают представление о том, что восстановление субъектной позиции происходит во взаимосвязи с возвращением контакта с собой и смысловой организацией опыта.

Таким образом, психологическое преодоление экзистенциального кризиса может пониматься не только как уменьшение тревоги или восстановление адаптации, но и как возвращение авторства собственной жизни. Субъектная позиция проявляется в способности человека различать навязанные и присвоенные основания поведения, признавать доступную свободу, осуществлять внутренний выбор, принимать ответственность и превращать ценности в конкретные жизненные действия. Именно в этом переходе от «жить как надо» к «осознанно выбирать, как жить в данных обстоятельствах» формируется более подлинный и зрелый способ существования.

Список литературы:

1. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. — СПб.: Питер, 2002.
2. Брушлинский А. В. Психология субъекта. — СПб.: Алетейя, 2003.
3. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. — М.: Мысль, 1991.
4. Слободчиков В. И., Исаев Е. И. Психология человека: введение в психологию субъективности. — М.: Школа-Пресс, 1995.
5. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. В. В. Бибихина. — М.: Академический проект, 2015.
6. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии. — М.: Республика, 2000.

7. Франкл В. Человек в поисках смысла. — М.: Прогресс, 1990.
8. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. — М.: Класс, 1999.
9. Мэй Р. Смысл тревоги. — М.: Класс, 2001.
10. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. — 3-е изд. — М.: Смысл, 2007.
11. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. — М.: Политиздат, 1975.
12. Братусь Б. С. Аномалии личности. — М.: Мысль, 1988.
13. Лэнгле А. Жизнь, наполненная смыслом. Прикладная логотерапия. — М.: Генезис, 2004.

ВЛИЯНИЕ ДВИГАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ АДАПТИРОВАННЫХ ЭЛЕМЕНТОВ БОКСА НА ПСИХОЛОГИЧЕСКУЮ ГОТОВНОСТЬ К ШКОЛЬНОМУ ОБУЧЕНИЮ ДЕТЕЙ С МОТОРНОЙ АЛАЛИЕЙ

Умбеталина Индира Орынбасаровна
магистрант образовательной программы «Специальная педагогика»
НАО «Актюбинский региональный университет имени К. Жубанова»
г. Актобе, Республика Казахстан

АННОТАЦИЯ

Нарушения психологической готовности к школьному обучению у детей с моторной алалией обусловлены не только речевым дефектом, но и недостаточным развитием внимания, памяти, произвольной регуляции и моторных функций. Цель исследования — оценить влияние двигательной активности с использованием адаптированных элементов бокса на формирование психологической готовности к школе у детей старшего дошкольного возраста с моторной алалией. В исследовании приняли участие 10 детей 5–6 лет, распределенных на экспериментальную и контрольную группы. В течение четырех месяцев дети экспериментальной группы занимались по авторской психокоррекционной программе, включавшей адаптированные элементы бокса. Результаты исследования показали более высокий прирост показателей психологической готовности к школьному обучению в экспериментальной группе по сравнению с контрольной. Полученные данные свидетельствуют о перспективности использования двигательной активности с адаптированными элементами бокса как дополнительного средства психолого-педагогического сопровождения детей с моторной алалией.

Ключевые слова: моторная алалия, психологическая готовность к школе, двигательная активность, адаптированные элементы бокса, психокоррекция, дошкольный возраст.

Начало школьного обучения предъявляет к ребенку новые требования, связанные с необходимостью соблюдать правила, удерживать внимание, выполнять инструкции, контролировать собственные действия и взаимодействовать со сверстниками. Успешность адаптации к учебной деятельности определяется не только уровнем интеллектуального развития, но и сформированностью психологической готовности к школе, включающей произвольную регуляцию поведения, развитие познавательных процессов, эмоциональную устойчивость и достаточный уровень моторного развития. Согласно культурно-исторической теории Л. С. Выготского, готовность к обучению определяется уровнем психического развития ребенка и формированием высших психических функций [1].

У детей с моторной алалией нарушения не ограничиваются экспрессивной речью. Исследования Р. Е. Левиной, А. Р. Лурии и других авторов показывают, что речевой дефект часто сочетается с недостаточной сформированностью двигательного программирования, пространственных представлений, внимания, памяти и произвольной регуляции. Эти особенности осложняют усвоение учебных навыков и требуют комплексного коррекционного воздействия, направленного не только на развитие речи, но и на формирование базовых психических функций [2,3].

Д. Б. Эльконин рассматривал игру как ведущую деятельность дошкольного возраста, в которой формируются предпосылки учебной деятельности, она обеспечивает переход ребенка к деятельности, построенной на соблюдении правил, а также контролировать собственные действия [4].

Современные исследования подтверждают тесную связь двигательной активности с развитием когнитивной сферы. Выполнение целенаправленных двигательных действий активизирует механизмы сенсомоторной интеграции, способствует совершенствованию исполнительных функций, повышает устойчивость внимания и развивает способность к самоконтролю. В специальной педагогике все большее внимание уделяется программам, сочетающим двигательную и познавательную активность, однако применение адаптированных элементов бокса в работе с детьми, имеющими моторную алалию, остается недостаточно изученным. В доступной научной литературе практически отсутствуют исследования, посвященные использованию адаптированных элементов бокса как средства психокоррекции детей с моторной алалией [5].

Л. С. Волкова и С. Н. Шаховская отмечают, что формирование речевой активности у детей с моторной алалией наиболее эффективно происходит в процессе деятельности, побуждающей ребенка к общению и выполнению совместных действий. Исходя из этого положения, в программу были включены двигательные игровые упражнения, предусматривающие взаимодействие детей со сверстниками и педагогом. Выполнение заданий по словесной инструкции, использование парных и групповых упражнений, а также необходимость согласовывать собственные действия с действиями других участников создавали естественные коммуникативные ситуации, способствовали развитию речевой активности, произвольной регуляции поведения и формированию предпосылок учебной деятельности [6].

В настоящем исследовании адаптированные элементы бокса рассматриваются как средство психокоррекционной работы. Программа не предполагает соревновательной деятельности или контактного взаимодействия. Ее содержание включает безопасные упражнения на координацию, равновесие, двигательную реакцию, ориентировку в пространстве, выполнение последовательных действий и произвольный контроль движений.

Цель исследования — оценить влияние двигательной активности с использованием адаптированных элементов бокса на психологическую готовность к школьному обучению детей с моторной алалией.

Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи:

– разработать и реализовать психокоррекционную программу, основанную на двигательной активности с использованием адаптированных элементов бокса;

– определить динамику развития психологической готовности к школьному обучению у детей экспериментальной группы;

– провести сравнительный анализ результатов экспериментальной и контрольной групп.

Материалы и методы

Исследование проводилось на базе логопедического центра г. Актобе (Республика Казахстан). В нем приняли участие 10 детей старшего дошкольного возраста (5–6 лет) с заключением «моторная алалия». Диагноз был подтвержден специалистами психолого-медико-педагогической консультации. Дети были распределены на экспериментальную (n = 5) и контрольную (n = 5) группы.

В контрольной группе проводились традиционные логопедические занятия. В экспериментальной группе наряду с логопедической помощью реализовывалась разработанная программа двигательной активности с использованием адаптированных элементов бокса. Продолжительность программы составила четыре месяца. Занятия проводились три раза в неделю в групповой форме. Продолжительность одного занятия — 40 минут. Всего было проведено 48 занятий.

Программа включала упражнения на развитие общей моторики, координации движений, равновесия, пространственной ориентировки, двигательной реакции, произвольного внимания

и самоконтроля. Использовались адаптированные элементы бокса: спортивная стойка, передвижения, работа по мягким лапам, упражнения с мячами, челночный бег, прыжки, дыхательная гимнастика и игровые задания.

Оценка эффективности программы проводилась до начала и после завершения формирующего этапа исследования.

Для диагностики использовался комплекс взаимодополняющих психодиагностических методик:

– ориентировочный тест школьной зрелости Керна—Йирасека — для оценки школьной зрелости и сформированности предпосылок школьного обучения [7];

– методика «Домик» Н. И. Гуткиной — для оценки сформированности произвольной деятельности, зрительно-моторной координации и пространственного восприятия;

– методика «Заучивание 10 слов» А. Р. Лурии — для исследования объема слухоречевой памяти, прочности запоминания и особенностей воспроизведения словесного материала;

– методика «Графический диктант» Д. Б. Эльконина — для оценки способности ребенка воспринимать словесную инструкцию, действовать по правилу, ориентироваться на плоскости листа и осуществлять произвольный контроль деятельности.

Дополнительно применялась структурированная карта педагогического наблюдения, разработанная автором исследования. Она использовалась для систематического наблюдения за динамикой развития общей моторики, пространственной ориентировки, эмоциональной устойчивости, произвольной регуляции поведения и активности детей в процессе психокоррекционных занятий. Данные карты наблюдения не рассматривались как самостоятельная психодиагностическая методика, а служили дополнительным источником качественной оценки результатов исследования.

Количественная обработка результатов исследования проводилась с использованием методов математической статистики. Учитывая малый объем выборки ($n = 10$) и отсутствие оснований предполагать нормальное распределение исследуемых показателей, применялись непараметрические критерии статистического анализа.

Для оценки различий между экспериментальной и контрольной группами после завершения психокоррекционной программы использовался U-критерий Манна—Уитни. При сравнении итоговых показателей экспериментальной и контрольной групп выявлены статистически значимые различия ($U = 23$; $p = 0{,}036$), что свидетельствует о более высоких показателях психологической готовности к школьному обучению у детей экспериментальной группы.

Для оценки динамики показателей внутри экспериментальной и контрольной групп применялся критерий Вилкоксона для связанных выборок. Во всех случаях наблюдалась положительная динамика результатов, однако при малом объеме выборки различия не достигли общепринятого уровня статистической значимости (экспериментальная группа: $T = 0$; $p = 0{,}0625$; контрольная группа: $T = 0$; $p = 0{,}0625$). Полученные данные следует интерпретировать с учетом ограниченного объема выборки, что характерно для исследований, проводимых в условиях специализированных логопедических групп.

При интерпретации результатов учитывались не только количественные показатели диагностических методик, но и данные структурированного педагогического наблюдения, позволившие оценить изменения в произвольности поведения, особенностях взаимодействия со сверстниками и взрослыми, эмоциональной устойчивости и выполнении двигательных заданий.

Результаты исследования

Первичная диагностика показала, что у большинства детей обеих групп уровень психологической готовности к школьному обучению был недостаточным. Наибольшие затруднения наблюдались при выполнении заданий, требующих произвольного контроля

действий, удержания инструкции, устойчивого внимания и пространственной ориентировки. В ходе педагогического наблюдения также отмечались недостаточная координация движений, быстрая утомляемость и эмоциональная неустойчивость при выполнении более сложных заданий.

После завершения четырехмесячной психокоррекционной программы было проведено повторное обследование с использованием того же диагностического комплекса.

В экспериментальной группе у всех детей отмечен прирост исследуемых показателей. Средний суммарный балл по карте педагогического наблюдения увеличился с 51,2 до 67,8, средний прирост составил 16,6 балла. Наиболее высокие итоговые результаты были зарегистрированы у двух детей, набравших 82 и 84 балла. У остальных участников также отмечалось увеличение количества набранных баллов, что отражало улучшение произвольной регуляции поведения, двигательной координации, пространственной ориентировки и способности выполнять задания по словесной инструкции.

В контрольной группе также зафиксированы положительные изменения, однако их выраженность оказалась значительно ниже. Средний показатель увеличился с **30,4** до **37,0** балла, а средний прирост составил **6,6** балла. Полученные изменения отражают положительное влияние традиционной логопедической работы, однако их величина существенно уступает результатам экспериментальной группы.

Таблица 1 – Динамика показателей психологической готовности к школьному обучению

Группа	До исследования, баллы	После исследования, баллы	Прирост
Экспериментальная (n = 5)	51,2	67,8	+16,6
Контрольная (n = 5)	30,4	37,0	+6,6

Анализ отдельных компонентов психологической готовности показал, что наиболее заметные изменения в экспериментальной группе произошли в развитии произвольного внимания, способности следовать словесной инструкции, пространственной ориентировки и двигательной координации. В процессе выполнения диагностических заданий дети быстрее переключались между видами деятельности, допускали меньше ошибок при выполнении последовательных действий и демонстрировали более высокий уровень самостоятельности.

По данным карты педагогического наблюдения повысилась устойчивость внимания во время занятий, сократилось количество импульсивных действий, улучшилась точность выполнения двигательных упражнений. Дети увереннее ориентировались в пространстве, легче воспроизводили двигательные последовательности и дольше сохраняли работоспособность при выполнении заданий.

Положительная динамика отмечалась и в эмоционально-волевой сфере. Большинство воспитанников экспериментальной группы стали спокойнее реагировать на возникающие трудности, реже отказывались от выполнения сложных упражнений и чаще доводили начатую деятельность до завершения без дополнительной помощи взрослого.

Сравнительный анализ результатов показал, что прирост показателей психологической готовности к школьному обучению в экспериментальной группе оказался более чем в два раза выше по сравнению с контрольной. Полученные данные свидетельствуют о положительной динамике исследуемых показателей после реализации программы двигательной активности с использованием адаптированных элементов бокса.

Обсуждение

Полученные результаты позволяют предположить, что включение двигательной активности с использованием адаптированных элементов бокса в психокоррекционную работу способствует более успешному формированию психологической готовности к школьному

обучению у детей с моторной алалией. По сравнению с традиционными логопедическими занятиями предложенная программа обеспечила более выраженную положительную динамику исследуемых показателей.

Наиболее заметные изменения были выявлены в развитии произвольного внимания, способности действовать по инструкции, пространственной ориентировки и общей моторики. Это позволяет предположить, что сочетание двигательных и когнитивных задач активизирует механизмы произвольной регуляции, необходимые ребенку при переходе к систематическому обучению.

Полученные данные согласуются с положениями Л. С. Выготского, который рассматривал развитие высших психических функций как результат совместной деятельности ребенка и взрослого, организованной в соответствии с возрастными возможностями. По мере усложнения заданий ребенок осваивает новые способы самоконтроля и постепенно переходит к более самостоятельному выполнению деятельности [1].

Результаты исследования также соотносятся с концепцией А. Р. Лурии о системной организации высших психических функций. Автор подчеркивал, что произвольная деятельность обеспечивается согласованной работой различных функциональных блоков мозга, отвечающих за программирование, регуляцию и контроль действий. Регулярное выполнение упражнений, требующих удержания двигательной программы, изменения способа действия по сигналу и контроля последовательности движений, вероятно, способствовало совершенствованию этих механизмов [3].

Полученные изменения подтверждают и представления Р. Е. Левиной о комплексном характере нарушений при моторной алалии. Недостаточная сформированность речи сопровождается особенностями развития моторной, познавательной и эмоционально-волевой сфер, поэтому коррекционная помощь должна быть направлена на развитие нескольких взаимосвязанных функций одновременно [2].

Вышеизложенные результаты также согласуются с современными исследованиями, указывающими на положительное влияние двигательной активности на развитие исполнительных функций и предпосылок школьного обучения у дошкольников.

Н.Н. Трауготт отмечала системный характер речевого дефекта при алалии и необходимость последовательного формирования речевой деятельности с учетом сохранных возможностей ребенка [9].

Следует отметить, что адаптированные элементы бокса в рамках настоящей программы использовались исключительно как средство психокоррекции. Занятия не включали контактного взаимодействия или соревновательной деятельности. Все упражнения были ориентированы на развитие координации, равновесия, двигательной реакции, пространственной ориентировки и произвольного контроля, что соответствовало возрастным особенностям дошкольников и коррекционным задачам исследования.

Практическая значимость работы заключается в возможности применения разработанной программы в деятельности логопедов, педагогов-психологов, инструкторов по адаптивной физической культуре и других специалистов, работающих с детьми старшего дошкольного возраста с моторной алалией. Предложенный комплекс упражнений может использоваться как дополнительный компонент психолого-педагогического сопровождения при подготовке к школьному обучению.

Заключение

Проведенное исследование позволяет заключить, что включение двигательной активности с использованием адаптированных элементов бокса в систему психокоррекционной работы положительно влияет на формирование психологической готовности к школьному обучению детей с моторной алалией.

Реализация авторской программы в течение четырех месяцев способствовала развитию произвольного внимания, памяти, пространственной ориентировки, общей моторики, самоконтроля и способности выполнять последовательные инструкции. По сравнению с детьми контрольной группы участники экспериментальной группы продемонстрировали более выраженную положительную динамику по большинству исследуемых показателей.

Полученные результаты позволяют рассматривать двигательную активность с использованием адаптированных элементов бокса как эффективное дополнение к традиционной системе логопедической и психокоррекционной помощи детям старшего дошкольного возраста с моторной алалией. Использование игровых двигательных упражнений повышает вовлеченность детей в коррекционный процесс, способствует развитию психических функций, лежащих в основе успешного школьного обучения, и создает условия для комплексного развития ребенка.

Ограничением настоящего исследования является небольшой объем выборки, что не позволяет распространять полученные результаты на всю популяцию детей с моторной алалией. Перспективы дальнейших исследований связаны с увеличением числа участников, расширением возрастного диапазона обследуемых детей, а также изучением долгосрочного влияния разработанной программы на успешность адаптации к школьному обучению.

Список литературы:

1. Выготский Л. С. Психология развития ребенка. – М.: Смысл; Эксмо, 2004.
2. Левина Р. Е. Основы теории и практики логопедии / под ред. Р. Е. Левиной. – М.: Просвещение, 1968.
3. Лурия А. Р. Основы нейропсихологии. – М.: Академия, 2003.
4. Эльконин Д. Б. Психология игры. – 2-е изд. – М.: Владос, 1999.
5. Santana C.C.A., Azevedo L.B., Cattuzzo M.T. et al. The Effects of Motor Skill and Physical Activity Interventions on Preschoolers' Cognitive and Academic Skills: A Systematic Review // Journal of Environmental Psychology. 2022.
6. Волкова Л. С., Шаховская С. Н. (ред.) Логопедия: учебник для студентов дефектологических факультетов педагогических вузов. – М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 1998.
7. Гуткина Н. И. Психологическая готовность к школе. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Академический Проект, 2000.
8. Сидоренко Е. В. Методы математической обработки в психологии. — СПб.: Речь, 2003.
9. Трауготт Н. Н. Нарушения речи при алалии и афазии. – Л.: Медицина, 1981.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ КАК ИНТЕГРАЛЬНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ РАЗВИТИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ И ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ СПЕЦИАЛИСТОВ МЕДИЦИНСКОЙ СФЕРЫ

Шакенова Лейла Шалгинбековна
врач, психолог, учредитель ТОО «Медицинский центр „Жәрдем Астана“», основатель Академии эмоционального здоровья, действительный член МАСПКП (Астана, Республика Казахстан)
Каупбаева Ботагоз Тулеугалиевна
врач-организатор здравоохранения высшей категории, магистр медицинских наук, Председатель Правления Общественного объединения «Accreditation Center for Quality in Healthcare (ACQH)» (Астана, Республика Казахстан)

Аннотация

В статье представлен теоретический анализ современных научных подходов к пониманию психологической устойчивости специалистов медицинской сферы и предложена авторская концептуальная схема её формирования. Показано, что в научной литературе эмоциональный интеллект, саморегуляция, коммуникативная и конфликтологическая компетентность, аналитические способности, профессиональная рефлексия и профессионально-этические компетенции преимущественно рассматриваются как самостоятельные факторы профессиональной эффективности.

Обоснована авторская позиция, согласно которой психологическая устойчивость не является самостоятельной компетенцией специалиста, а представляет собой интегральный результат взаимодействия системы психологических и профессионально-этических компетенций. Уровень их согласованного развития определяет способность специалиста сохранять эффективность профессиональной деятельности, принимать обоснованные решения, соблюдать профессионально-этические принципы и конструктивно действовать в условиях высокой эмоциональной, коммуникативной и организационной нагрузки.

Предложенная концептуальная схема может служить теоретической основой для разработки интегративных программ профессионального обучения и профилактики профессионального выгорания.

Ключевые слова: психологическая устойчивость; психологические компетенции; профессионально-этические компетенции; эмоциональный интеллект; профессиональная рефлексия; коммуникативная компетентность; конфликтологическая компетентность; медицинское образование; профессиональное развитие; эксперты медицинской аккредитации.

Введение

Современное развитие системы здравоохранения сопровождается возрастающими требованиями к качеству медицинской помощи, безопасности пациентов, профессиональной ответственности специалистов и эффективности функционирования медицинских организаций. В этих условиях особую значимость приобретают не только профессиональные знания и практические навыки, но и способность специалиста эффективно действовать в ситуациях высокой ответственности, эмоционального напряжения, организационной неопределённости и интенсивного профессионального взаимодействия.

Компетентностный подход в медицинском образовании предполагает, что качество профессиональной деятельности определяется интеграцией знаний, навыков, установок и моделей поведения, проявляющихся в реальных профессиональных ситуациях [1–5]. В научной литературе активно исследуются эмоциональный интеллект, саморегуляция, коммуникативная компетентность, профессиональная рефлексия, аналитические способности, конфликтологическая компетентность, профессиональная идентичность, медицинская этика, моральное суждение и психологическая безопасность [6–27].

Несмотря на значительное количество исследований отдельных компетенций, механизмы их системного взаимодействия остаются недостаточно разработанными. В значительной части литературы психологическая устойчивость описывается как личностная характеристика, ресурс или самостоятельный психологический конструкт [12–14], тогда как её связь с профессионально-этическими компетенциями раскрыта фрагментарно.

В настоящей статье предлагается иной теоретический подход. Психологическая устойчивость рассматривается не как самостоятельная компетенция специалиста, а как интегральный результат взаимодействия системы психологических и профессионально-этических компетенций, включающей эмоциональный интеллект, саморегуляцию, коммуникативную и конфликтологическую компетентность, аналитические способности, профессиональную рефлексию и профессионально-этические компетенции.

Цель статьи: теоретически обосновать авторскую концепцию психологической устойчивости как интегрального результата взаимодействия системы психологических и профессионально-этических компетенций специалистов медицинской сферы на основе анализа современных научных исследований.

Теоретические предпосылки

Современные исследования профессиональной деятельности специалистов медицинской сферы демонстрируют расширение представлений о факторах профессиональной эффективности. Компетентностный подход связывает качество деятельности не только со специальными знаниями и техническими навыками, но и с системой профессионально значимых установок, моделей поведения и способностей, проявляющихся в конкретных рабочих ситуациях [1–5].

Одним из наиболее изученных направлений является эмоциональный интеллект. В модели P. Salovey и J. D. Mayer эмоциональный интеллект включает способности воспринимать эмоции, понимать их значение, использовать эмоциональную информацию в мышлении и регулировать эмоциональные состояния [6–8]. В медицинской сфере эмоциональный интеллект связан с коммуникацией, эмпатией, командным взаимодействием, стресс-менеджментом и рядом показателей профессионального благополучия [9, 10]. Однако он представляет собой лишь один из механизмов профессионального функционирования и сам по себе не исчерпывает содержание психологической устойчивости.

Существенное место в литературе занимают исследования профессионального выгорания. C. Maslach, S. E. Jackson, W. B. Schaufeli и M. P. Leiter описывают выгорание как многокомпонентный феномен, связанный с эмоциональным истощением, деперсонализацией и снижением ощущения профессиональной эффективности [11, 12]. Эти данные показывают, что длительная профессиональная нагрузка способна нарушать эмоциональное состояние, коммуникацию и качество профессионального поведения. Вместе с тем исследования выгорания преимущественно характеризуют последствия истощения, но не дают целостного объяснения того, каким образом формируется устойчивое профессиональное функционирование.

Исследования hardiness и самоэффективности раскрывают роль вовлечённости, контроля, отношения к трудностям и убеждённости человека в способности справляться с задачами [13–15]. Эти подходы подтверждают, что сохранение эффективности под нагрузкой связано с совокупностью когнитивных, эмоциональных и поведенческих механизмов. Однако данные конструкты преимущественно описывают индивидуально-психологические ресурсы и не включают в явном виде профессионально-этическое содержание поведения.

Профессионально-этические компетенции медицинского специалиста включают способность распознавать этически значимые ситуации, осуществлять моральное суждение, принимать ответственные решения и реализовывать их в профессиональном поведении [16–20]. Принципы биомедицинской этики, модели морального функционирования и концепции медицинского профессионализма показывают, что знание норм само по себе не гарантирует их соблюдения. Для реализации этических принципов необходимы саморегуляция, рефлексия, способность выдерживать давление и готовность сохранять профессиональную позицию.

Коммуникативная и конфликтологическая компетентность также имеют системное значение. Эффективная межпрофессиональная коммуникация связана с качеством командной работы и безопасностью профессиональных процессов [21–24]. Психологическая безопасность способствует открытому обсуждению затруднений и профессиональных рисков [21], а конструктивное управление конфликтами требует эмоциональной осознанности, саморегуляции, ответственности и выбора адекватной стратегии взаимодействия [24].

Профессиональная рефлексия и аналитическое мышление обеспечивают осознанную проверку решений, выявление когнитивных искажений и корректировку поведения в сложных ситуациях [25–27]. В деятельности специалистов медицинской сферы и экспертов аккредитации эти механизмы поддерживают объективность, аргументированность и профессиональную ответственность принимаемых решений.

Таким образом, значение перечисленных компетенций подтверждено литературой, однако исследуются они преимущественно как отдельные конструкты. Их интеграция в единую модель, объясняющую психологическую устойчивость как результат согласованного функционирования психологических и профессионально-этических механизмов, остаётся недостаточно разработанной.

Обсуждение

Анализ представленных теоретических положений показывает, что существующие научные подходы раскрывают различные стороны профессионального функционирования специалиста, но не всегда объясняют их взаимодействие. Эмоциональный интеллект характеризует переработку эмоциональной информации, саморегуляция обеспечивает управление эмоциональными и поведенческими реакциями, коммуникативная компетентность определяет качество профессионального взаимодействия, конфликтологическая компетентность отражает способность конструктивно действовать в условиях противоречий, профессиональная рефлексия обеспечивает осмысление опыта и коррекцию поведения, а профессионально-этические компетенции задают ценностные основания и нормативную направленность профессионального выбора.

В реальной профессиональной деятельности эти компоненты не функционируют изолированно. Например, знание этических норм не обеспечивает этичного поведения, если специалист не способен распознать собственную эмоциональную реакцию, выдержать давление, критически проверить первое впечатление и корректно аргументировать решение. Аналогично развитые коммуникативные навыки не гарантируют профессионально ответственного поведения, если они не направлены ценностями объективности, справедливости и добросовестности.

С этих позиций психологическая устойчивость не должна рассматриваться как самостоятельная компетенция, существующая наряду с эмоциональным интеллектом, саморегуляцией или профессиональной ответственностью. Такое понимание приводит к содержательному дублированию и затрудняет определение механизмов её формирования. Более обоснованным является рассмотрение психологической устойчивости как интегрального результата согласованного взаимодействия психологических и профессионально-этических компетенций.

В предлагаемой концептуальной схеме психологические компетенции обеспечивают восприятие ситуации, эмоциональную и когнитивную регуляцию, коммуникацию, анализ и рефлексию. Профессионально-этические компетенции задают ценностные ориентиры, нормативные границы и ответственность профессионального действия. Психологическая устойчивость возникает как системный результат их совместного функционирования и проявляется в способности специалиста сохранять качество деятельности, обоснованность решений и профессионально-этическую позицию в условиях напряжения, неопределённости и давления. Детальное содержательное наполнение каждого компонента данной схемы раскрывается в последующих статьях серии.

Такое понимание имеет методологическое значение для профессионального обучения. Объектом развития должна становиться не психологическая устойчивость как отдельный

навык, а система компетенций, взаимодействие которых создаёт устойчивость. Следовательно, программы профессионального развития, разработка которых составляет предмет отдельной статьи данной серии, должны объединять развитие эмоционального интеллекта, саморегуляции, коммуникации, конфликтологической компетентности, аналитического мышления, профессиональной рефлексии и профессионально-этического принятия решений, а не развивать их изолированно друг от друга.

Особую значимость данный подход приобретает в деятельности экспертов медицинской аккредитации как частного случая специалистов медицинской сферы, чья работа предъявляет предельно выраженные требования к согласованному функционированию психологических и профессионально-этических компетенций. Эксперт должен одновременно анализировать информацию, сохранять объективность, регулировать собственные реакции, конструктивно взаимодействовать с представителями организации, выдерживать сопротивление и соблюдать принципы независимости, справедливости и конфиденциальности. Именно согласованное проявление этих компетенций определяет устойчивость профессионального поведения эксперта.

Настоящая статья решает теоретическую задачу и представляет концептуальную схему без её эмпирической проверки. Проверка схемы на практике, включая диагностику компетенций и апробацию на выборке специалистов медицинской сферы, выходит за рамки настоящей работы и раскрывается в последующих статьях данной серии.

Выводы

Представленные ниже положения носят характер теоретических гипотез настоящего исследовательского проекта; их содержательное раскрытие и обоснование составляют предмет последующих статей данной серии.

1. Профессиональная эффективность специалистов медицинской сферы определяется не только специальными знаниями и навыками, но и согласованным функционированием психологических и профессионально-этических компетенций.

2. Эмоциональный интеллект, саморегуляция, коммуникативная и конфликтологическая компетентность, аналитические способности, профессиональная рефлексия и профессионально-этические компетенции подробно представлены в современной литературе, однако преимущественно изучаются как отдельные конструкты.

3. Психологическая устойчивость в предлагаемой авторской концепции не является самостоятельной компетенцией. Она представляет собой интегральный результат взаимодействия психологических и профессионально-этических компетенций; структура данной системы компетенций раскрывается в статье «Структура психологической устойчивости специалистов медицинской сферы: теоретическое обоснование системы психологических и профессионально-этических компетенций».

4. Психологические компетенции обеспечивают регуляцию, анализ, коммуникацию и рефлексию, тогда как профессионально-этические компетенции задают ценностную направленность и нормативные границы профессионального поведения.

5. Предлагаемая концептуальная схема создаёт теоретическую основу для разработки интегративных программ профессионального обучения за счёт объединения развития психологических и профессионально-этических компетенций в единую программу вместо их изолированного развития, благодаря чему устойчивость формируется через системное развитие взаимосвязанных компетенций.

Список литературы

1. McClelland D. C. Testing for competence rather than for intelligence // American Psychologist. 1973. Vol. 28, No. 1. P. 1–14. DOI: 10.1037/h0034092.

2. Boyatzis R. E. The Competent Manager: A Model for Effective Performance. New York: John Wiley & Sons, 1982. 308 p.

3. Spencer L. M., Spencer S. M. Competence at Work: Models for Superior Performance. New York: John Wiley & Sons, 1993. 384 p.

4. Frank J. R., Snell L. S., Ten Cate O., Holmboe E. S., Carraccio C., Swing S. R., Harris P. et al. Competency-based medical education: Theory to practice // Medical Teacher. 2010. Vol. 32, No. 8. P. 638–645. DOI: 10.3109/0142159X.2010.501190.

5. Gruppen L. D., Mangrulkar R. S., Kolars J. C. The promise of competency-based education in the health professions for improving global health // Human Resources for Health. 2012. Vol. 10. Art. 43. DOI: 10.1186/1478-4491-10-43.

6. Salovey P., Mayer J. D. Emotional intelligence // Imagination, Cognition and Personality. 1990. Vol. 9, No. 3. P. 185–211. DOI: 10.2190/DUGG-P24E-52WK-6CDG.

7. Mayer J. D., Salovey P. What is emotional intelligence? // Emotional Development and Emotional Intelligence: Educational Implications / ed. by P. Salovey, D. J. Sluyter. New York: Basic Books, 1997. P. 3–31.

8. Mayer J. D., Salovey P., Caruso D. R. Emotional intelligence: Theory, findings, and implications // Psychological Inquiry. 2004. Vol. 15, No. 3. P. 197–215. DOI: 10.1207/S15327965PLI1503_01.

9. Arora S., Ashrafian H., Davis R., Athanasiou T., Darzi A., Sevdalis N. Emotional intelligence in medicine: A systematic review through the context of the ACGME competencies // Medical Education. 2010. Vol. 44, No. 8. P. 749–764. DOI: 10.1111/j.1365-2923.2010.03709.x.

10. Weng H. C., Hung C. M., Liu Y. T., Cheng Y. J., Yen C. Y., Chang C. C., Huang C. K. Associations between emotional intelligence and doctor burnout, job satisfaction and patient satisfaction // Medical Education. 2011. Vol. 45, No. 8. P. 835–842. DOI: 10.1111/j.1365-2923.2011.03985.x.

11. Maslach C., Jackson S. E. The measurement of experienced burnout // Journal of Occupational Behaviour. 1981. Vol. 2, No. 2. P. 99–113. DOI: 10.1002/job.4030020205.

12. Maslach C., Schaufeli W. B., Leiter M. P. Job burnout // Annual Review of Psychology. 2001. Vol. 52. P. 397–422. DOI: 10.1146/annurev.psych.52.1.397.

13. Kobasa S. C. Stressful life events, personality, and health: An inquiry into hardiness // Journal of Personality and Social Psychology. 1979. Vol. 37, No. 1. P. 1–11. DOI: 10.1037/0022-3514.37.1.1.

14. Maddi S. R. Hardiness: Turning Stressful Circumstances into Resilient Growth. Dordrecht: Springer, 2013. 88 p. DOI: 10.1007/978-94-007-5222-1.

15. Bandura A. Self-Efficacy: The Exercise of Control. New York: W. H. Freeman, 1997. 604 p.

16. Beauchamp T. L., Childress J. F. Principles of Biomedical Ethics. 8th ed. New York: Oxford University Press, 2019. 512 p.

17. Rest J. R. Moral Development: Advances in Research and Theory. New York: Praeger, 1986. 224 p.

18. Rest J. R., Narvaez D., Bebeau M. J., Thoma S. J. Postconventional Moral Thinking: A Neo-Kohlbergian Approach. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1999. 224 p.

19. Cruess R. L., Cruess S. R. Teaching professionalism: General principles // Medical Teacher. 2006. Vol. 28, No. 3. P. 205–208. DOI: 10.1080/01421590600643653.

20. Cruess R. L., Cruess S. R., Steinert Y. (eds.). Teaching Medical Professionalism: Supporting the Development of a Professional Identity. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. 396 p.

21. Edmondson A. C., Lei Z. Psychological safety: The history, renaissance, and future of an interpersonal construct // Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior. 2014. Vol. 1. P. 23–43. DOI: 10.1146/annurev-orgpsych-031413-091305.

22. Reeves S., Pelone F., Harrison R., Goldman J., Zwarenstein M. Interprofessional collaboration to improve professional practice and healthcare outcomes // Cochrane Database of Systematic Reviews. 2017. No. 6. Art. CD000072. DOI: 10.1002/14651858.CD000072.pub3.

23. Foronda C., MacWilliams B., McArthur E. Interprofessional communication in healthcare: An integrative review // Nurse Education in Practice. 2016. Vol. 19. P. 36–40. DOI: 10.1016/j.nepr.2016.04.005.

24. Almost J., Wolff A. C., Stewart-Pyne A., McCormick L. G., Strachan D., D'Souza C. Managing and mitigating conflict in healthcare teams: An integrative review // Journal of Advanced Nursing. 2016. Vol. 72, No. 7. P. 1490–1505. DOI: 10.1111/jan.12903.

25. Schön D. A. The Reflective Practitioner: How Professionals Think in Action. New York: Basic Books, 1983. 374 p.

26. Croskerry P. Clinical cognition and diagnostic error: Applications of a dual process model of reasoning // Advances in Health Sciences Education. 2009. Vol. 14, Suppl. 1. P. 27–35. DOI: 10.1007/s10459-009-9182-2.

27. Epstein R. M. Mindful practice // JAMA. 1999. Vol. 282, No. 9. P. 833–839. DOI: 10.1001/jama.282.9.833.

СТРУКТУРА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ СПЕЦИАЛИСТОВ МЕДИЦИНСКОЙ СФЕРЫ: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ СИСТЕМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ И ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ

Шакенова Лейла Шалгинбековна
врач, психолог, учредитель ТОО «Медицинский центр „Жәрдем Астана“», основатель Академии эмоционального здоровья, действительный член МАСПКП (Астана, Республика Казахстан)
Каупбаева Ботагоз Тулеугалиевна
врач-организатор здравоохранения высшей категории, магистр медицинских наук, Председатель Правления Общественного объединения «Accreditation Center for Quality in Healthcare (ACQH)» (Астана, Республика Казахстан)

Аннотация

Значение эмоционального интеллекта, саморегуляции, коммуникативной компетентности, профессиональной рефлексии и профессионально-этических компетенций для деятельности специалиста медицинской сферы широко рассматривается в исследованиях, однако эти характеристики изучаются преимущественно как самостоятельные конструкты. Вследствие этого состав системы компетенций, определяющей устойчивость профессионального поведения, остаётся теоретически необоснованным и может выглядеть произвольным перечнем профессионально полезных качеств. Цель статьи: обосновать, почему перечисленные компетенции образуют систему, согласованное функционирование которой обеспечивает психологическую устойчивость специалиста.

В качестве критерия отбора компонентов предложена функциональная полнота цикла профессионального действия, выделяемого в рамках настоящей модели: распознавание эмоционального контекста, регуляция состояния и реакции, профессиональное взаимодействие, действие в условиях противоречия, осмысление и коррекция действия, ценностно-нормативная ориентация. Каждому звену соответствует отдельный компонент системы, содержательно не совпадающий с остальными.

Психологическая устойчивость рассматривается авторами не как самостоятельная компетенция и не как личностная черта, а как интегральный системный результат согласованного взаимодействия психологических и профессионально-этических компетенций. Сохранение адекватности, регулируемости, конструктивности и этической направленности профессионального поведения в условиях нагрузки, неопределённости и необходимости принимать профессионально и этически значимые решения рассматривается при этом как профессиональное проявление данного результата, а не как его исчерпывающее определение. В предлагаемой модели психологические и профессионально-этические компетенции объединены в единую функциональную систему, а устойчивость связывается не только с уровнем развития отдельных компонентов, но и с качеством их согласованного функционирования. Изложенные положения представляют собой теоретическую модель и подлежат дальнейшей эмпирической проверке.

Ключевые слова: психологическая устойчивость; система компетенций; психологические компетенции; профессионально-этические компетенции; эмоциональный интеллект; саморегуляция; профессиональная рефлексия; коммуникативная компетентность; конфликтологическая компетентность; специалисты медицинской сферы.

Введение

Профессиональная деятельность специалиста медицинской сферы протекает в условиях высокой ответственности, дефицита времени, эмоционального напряжения и интенсивного межличностного взаимодействия. Способность сохранять качество деятельности в таких

условиях описывается в литературе через различные конструкты, между которыми отсутствует полное содержательное соответствие.

В исследованиях устойчивости к стрессу представлены подходы, акцентирующие роль относительно устойчивых личностных ресурсов, в частности hardiness как совокупности вовлечённости, контроля и принятия вызова [1, 2]. Другая линия исследований описывает регуляторные ресурсы личности: убеждённость в собственной способности справиться с задачей [3] и процессы регуляции эмоционального реагирования [4]. Модель когнитивной оценки и совладания описывает последовательность оценки ситуации и выбора стратегии реагирования [5]. Эти подходы раскрывают существенные стороны реагирования человека на нагрузку, однако относятся к самостоятельным конструктам и не тождественны психологической устойчивости в том значении, в каком она рассматривается в настоящей работе.

В развиваемой авторами концепции психологическая устойчивость специалиста медицинской сферы понимается как интегральный системный результат согласованного взаимодействия психологических и профессионально-этических компетенций, а не как самостоятельная компетенция, отдельная способность или личностная черта [6]. При таком понимании возникает самостоятельная теоретическая задача: обосновать состав системы компетенций. Компетентностный подход в профессиональном образовании допускает широкий круг характеристик специалиста [7, 8], и без явного критерия отбора перечень компонентов может выглядеть произвольным.

Цель статьи: обосновать, почему именно эмоциональный интеллект, саморегуляция, коммуникативная и конфликтологическая компетентность, профессиональная рефлексия и профессионально-этические компетенции образуют систему, взаимодействие которой обеспечивает психологическую устойчивость специалиста медицинской сферы.

Теоретическое обоснование

В качестве критерия отбора компонентов системы предлагается функциональная полнота цикла профессионального действия, выделяемого в рамках настоящей модели применительно к ситуациям высокой ответственности, неопределённости и эмоциональной нагрузки. Данный цикл включает шесть функциональных звеньев: восприятие ситуации, регуляцию актуального состояния, реализацию действия во взаимодействии, действие в условиях противоречия, осмысление и коррекцию действия, а также его ценностно-нормативную направленность.

Теоретической опорой для первых звеньев цикла служит модель когнитивной оценки и совладания, описывающая последовательность оценки ситуации, эмоционального реагирования и выбора совладающего поведения [5]. Вместе с тем выделение коммуникативного, конфликтологического, рефлексивного и профессионально-этического звеньев не следует из указанной модели и представляет собой авторскую разработку применительно к профессиональной деятельности специалиста медицинской сферы.

Эмоциональный интеллект обеспечивает первое звено цикла: распознавание и понимание эмоционального содержания профессиональной ситуации, включая собственное состояние и состояние других участников взаимодействия [9, 10]. Точность этой оценки задаёт предметное содержание для последующих звеньев.

Саморегуляция обеспечивает управление эмоциональной и поведенческой реакцией в ходе профессиональной ситуации. Процессы регуляции эмоционального реагирования описаны как воздействие человека на то, какие эмоции у него возникают, когда они возникают и как переживаются и выражаются [4]. Убеждённость специалиста в собственной способности справиться с профессиональной задачей выступает при этом одним из регуляторов поведения в условиях затруднения [3].

Коммуникативная компетентность обеспечивает реализацию профессионального действия во взаимодействии с пациентами, коллегами и другими участниками профессиональной ситуации: понимание и передачу информации, обратную связь, согласование действий. Исследования взаимодействия в здравоохранении показывают, что

качество коммуникации связано с результатами профессиональной деятельности не только напрямую, но и опосредованно, через понимание, доверие и согласие сторон [11]. На уровне профессиональных команд условия, при которых участники готовы открыто обсуждать затруднения и ошибки, описаны через конструкт психологической безопасности [12].

Конфликтологическая компетентность не дублирует общую коммуникативную функцию, а обеспечивает специфическое звено цикла: диагностику противоречий, предупреждение эскалации и конструктивное разрешение конфликтов при столкновении интересов, целей или позиций. Различие между этими звеньями определяется не наличием либо отсутствием взаимопонимания, а спецификой профессиональной ситуации и функцией компетенции: коммуникативная компетентность обеспечивает процессы профессионального взаимодействия независимо от наличия противоречия, тогда как конфликтологическая компетентность востребована в ситуациях, где противоречие уже возникло и требует разрешения. Значимость управления противоречиями в профессиональных командах здравоохранения подтверждается данными обзорных исследований, выполненных в рамках конструктов conflict management и conflict resolution [13]; термин «конфликтологическая компетентность» используется в настоящей работе как самостоятельное авторское обозначение соответствующего звена и не отождествляется с терминологией указанных источников.

Профессиональная рефлексия обеспечивает осмысление оснований, процесса и результатов собственного профессионального действия и его коррекцию. Согласно концепции рефлексивной практики, рефлексия осуществляется как непосредственно в ходе действия, так и после его завершения [14]. Обзорные исследования в области подготовки специалистов здравоохранения рассматривают рефлексивную способность как существенную характеристику профессиональной компетентности [15]. Аналитические способности при этом не выделяются в качестве самостоятельного компонента системы компетенций: способность и компетенция относятся к различным категориям, и в настоящей модели аналитические способности рассматриваются как психологический ресурс, обеспечивающий аналитическую составляющую профессиональной рефлексии. Применительно к профессиональным решениям специалиста медицинской сферы значение целенаправленной проверки первичного суждения раскрывается в исследованиях клинического мышления, описывающих соотношение интуитивных и аналитических процессов в диагностическом рассуждении [16]. Общетеоретическим основанием такого различения выступают исследования эвристик и когнитивных искажений [17].

Соотношение саморегуляции и профессиональной рефлексии требует отдельного пояснения, поскольку оба компонента связаны с управлением профессиональным поведением. Их различие носит не только временной, но и содержательный характер. Саморегуляция направлена на актуальное эмоциональное состояние и поведенческую реакцию специалиста и обеспечивает управление ими. Профессиональная рефлексия направлена на само профессиональное действие: его основания, ход и результаты, и обеспечивает его осмысление и коррекцию. Различие предмета сохраняется независимо от того, осуществляется рефлексия в ходе действия или после его завершения.

Профессионально-этические компетенции обеспечивают ценностно-нормативную направленность профессионального действия. Их содержание не сводится к внешнему ориентиру, задаваемому извне по отношению к психологическим механизмам. Согласно концептуальному анализу этической компетентности, данный конструкт включает как характеристики специалиста, так и его способность распознавать этическое содержание ситуации и действовать в соответствии с профессиональными нормами [18]. Нормативную рамку таких решений в здравоохранении задают принципы биомедицинской этики [19], тогда как последовательность распознавания этически значимой ситуации, морального суждения, формирования намерения и реализации действия описана в исследованиях морального функционирования [20]. Включение данного компонента отличает предлагаемую систему от моделей, ограниченных психологическими характеристиками специалиста.

Архитектура системы компетенций

Соотношение функциональных звеньев цикла профессионального действия и компонентов системы компетенций представлено в таблице.

Таблица. Функциональные звенья цикла профессионального действия и соответствующие им компоненты системы компетенций

Функциональное звено профессионального действия	**Компонент системы компетенций**	**Обеспечиваемая функция**	**Предполагаемые следствия дефицита звена**
Распознавание эмоционального контекста	Эмоциональный интеллект	Распознавание и понимание эмоционального содержания ситуации, собственного состояния и состояния других участников	Создаёт риск реагирования на неверно оценённое содержание ситуации
Регуляция состояния и реакции	Саморегуляция	Управление эмоциональной и поведенческой реакцией в ходе ситуации	Повышает вероятность импульсивных либо защитных реакций под нагрузкой
Профессиональное взаимодействие	Коммуникативная компетентность	Передача и понимание информации, обратная связь, согласование действий с пациентами и коллегами	Может затруднять донесение профессионально обоснованного решения до адресата
Действие в условиях противоречия или конфликта	Конфликтологическая компетентность	Диагностика противоречий, предупреждение эскалации и конструктивное разрешение конфликтов при столкновении интересов, целей или позиций	Создаёт риск перехода рабочего противоречия в деструктивный конфликт
Осмысление и коррекция профессионального действия	Профессиональная рефлексия (с опорой на аналитические способности как психологический ресурс)	Осмысление оснований, процесса и результатов действия в ходе его выполнения и после завершения	Ограничивает возможность своевременной коррекции принятых решений
Ценностно-нормативная ориентация	Профессионально-этические компетенции	Этическая оценка ситуации, моральное суждение и принятие решения в соответствии с профессиональными	Ограничивает соотнесение профессионального действия с этическими основаниями

		нормами	

Обсуждение

Функциональное обоснование состава системы позволяет перейти к вопросу о том, каким образом согласованное функционирование компонентов связано с психологической устойчивостью. Логика предлагаемой модели может быть представлена следующим образом: профессионально напряжённая ситуация приводит к включению и взаимодействию психологических и профессионально-этических компетенций; их согласованное функционирование обеспечивает прохождение всех звеньев цикла профессионального действия; интегральным результатом такого взаимодействия выступает психологическая устойчивость, профессиональным проявлением которой становится сохранение адекватности, регулируемости, конструктивности и этической направленности профессионального поведения.

При таком понимании психологическая устойчивость наблюдаема через способность специалиста сохранять адекватность профессионального действия в условиях эмоциональной нагрузки, высокой ответственности, неопределённости, межличностного напряжения, конфликтного взаимодействия и необходимости принимать профессионально и этически значимые решения. Указанные характеристики профессионального поведения выступают проявлениями интегрального результата и не отождествляются с самим понятием психологической устойчивости. Устойчивость в этом значении не совпадает с hardiness, самоэффективностью или отдельными стратегиями совладания: перечисленные конструкты описывают ресурсы и механизмы реагирования, тогда как в настоящей модели рассматривается результат согласованной работы системы компетенций в профессиональной ситуации.

Авторы исходят из положения, что устойчивость профессионального поведения определяется не только уровнем развития отдельных компетенций, но и качеством их согласованного функционирования. Из этого положения следуют два теоретических предположения. Во-первых, высокий уровень отдельного компонента сам по себе не обеспечивает устойчивости: развитое распознавание эмоционального контекста при ограниченной саморегуляции с меньшей вероятностью переходит в управляемое поведение, а развитая саморегуляция при ограниченной коммуникативной компетентности может не находить конструктивного внешнего выражения. Во-вторых, наличие всех компонентов также не гарантирует устойчивости, если в конкретной профессиональной ситуации они не согласованы между собой. Оба предположения носят теоретический характер и подлежат эмпирической проверке.

В рамках предлагаемой модели психологическая устойчивость рассматривается как интегральный системный результат согласованного функционирования компонентов, не сводимый к простой сумме уровней развития отдельных компетенций. Такое понимание позволяет теоретически интерпретировать психологическую устойчивость как эмерджентное свойство системы в логике системного подхода [21], что соответствует общей логике системного рассмотрения профессиональной компетентности [7, 8]. Данная интерпретация носит теоретический характер и не опирается в настоящей работе на эмпирические доказательства эмерджентности.

Предложенный состав компонентов обеспечивает функциональную полноту выделенного в рамках настоящей модели цикла профессионального действия. Из этого не следует, что иные психологические характеристики специалиста не влияют на устойчивость профессионального поведения. Такие характеристики, как hardiness, локус контроля и другие индивидуально-психологические особенности, могут выступать ресурсами, предпосылками, модераторами либо коррелятами устойчивости, однако не включаются авторами в функциональную структуру настоящей модели. Данное разграничение отражает принятые в модели теоретические основания и требует последующей эмпирической проверки.

Настоящая статья решает теоретическую задачу и не содержит эмпирической проверки предложенной системы компетенций. Проверка данной системы на практике, включая

диагностику компетенций и их апробацию на выборке специалистов медицинской сферы, раскрывается в последующих статьях данной серии.

Выводы

1. В качестве критерия отбора компонентов системы предложена функциональная полнота цикла профессионального действия, выделяемого в рамках настоящей модели: распознавание эмоционального контекста, регуляция состояния и реакции, профессиональное взаимодействие, действие в условиях противоречия, осмысление и коррекция действия, ценностно-нормативная ориентация. Данный критерий позволяет обосновать состав системы содержательно, а не перечислением профессионально полезных качеств.
2. Каждому звену цикла соответствует отдельный компонент системы, содержательно не совпадающий с остальными. Коммуникативная и конфликтологическая компетентность разграничены по специфике профессиональной ситуации и выполняемой функции, саморегуляция и профессиональная рефлексия по предмету, на который они направлены. Аналитические способности рассматриваются не как самостоятельный компонент системы компетенций, а как психологический ресурс, обеспечивающий аналитическую составляющую профессиональной рефлексии.
3. В рамках предлагаемой модели психологическая устойчивость рассматривается как интегральный системный результат согласованного взаимодействия компонентов, не сводимый к сумме уровней их развития. Сохранение адекватности, регулируемости, конструктивности и этической направленности профессионального поведения выступает профессиональным проявлением этого результата. Такое понимание позволяет теоретически интерпретировать устойчивость как эмерджентное свойство системы в логике системного подхода; данная интерпретация является положением предлагаемой модели, а не установленным эмпирическим фактом.
4. Психологическая устойчивость в предлагаемом понимании не отождествляется с hardiness, самоэффективностью или отдельными стратегиями совладания: перечисленные конструкты описывают ресурсы и механизмы реагирования, тогда как в настоящей модели рассматривается результат согласованной работы системы компетенций в профессиональной ситуации.
5. Изложенные положения представляют собой теоретическую модель. Вопрос о достаточности предложенного состава компонентов и о характере связей между ними подлежит эмпирической проверке в последующих работах.

Список литературы

1. Kobasa S. C. Stressful life events, personality, and health: An inquiry into hardiness // Journal of Personality and Social Psychology. 1979. Vol. 37, No. 1. P. 1–11. DOI: 10.1037/0022-3514.37.1.1.
2. Maddi S. R. Hardiness: Turning Stressful Circumstances into Resilient Growth. Dordrecht: Springer, 2013. 88 p. DOI: 10.1007/978-94-007-5222-1.
3. Bandura A. Self-Efficacy: The Exercise of Control. New York: W. H. Freeman, 1997. 604 p.
4. Gross J. J. The emerging field of emotion regulation: An integrative review // Review of General Psychology. 1998. Vol. 2, No. 3. P. 271–299. DOI: 10.1037/1089-2680.2.3.271.
5. Lazarus R. S., Folkman S. Stress, Appraisal, and Coping. New York: Springer, 1984. 456 p.
6. Шакенова Л. Ш., Каупбаева Б. Т. Психологическая устойчивость как интегральный результат развития психологических и профессионально-этических компетенций специалистов медицинской сферы // Международный научный журнал «Академик». 2026. [ВНЕСТИ ФАКТИЧЕСКИЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ПОСЛЕ ПОЛУЧЕНИЯ].
7. Spencer L. M., Spencer S. M. Competence at Work: Models for Superior Performance. New York: John Wiley & Sons, 1993. 384 p.
8. Frank J. R., Snell L. S., Ten Cate O., Holmboe E. S., Carraccio C., Swing S. R., Harris P. et al. Competency-based medical education: Theory to practice // Medical Teacher. 2010. Vol. 32, No. 8. P. 638–645. DOI: 10.3109/0142159X.2010.501190.
9. Salovey P., Mayer J. D. Emotional intelligence // Imagination, Cognition and Personality. 1990. Vol. 9, No. 3. P. 185–211. DOI: 10.2190/DUGG-P24E-52WK-6CDG.

10. Mayer J. D., Salovey P., Caruso D. R. Emotional intelligence: Theory, findings, and implications // Psychological Inquiry. 2004. Vol. 15, No. 3. P. 197–215. DOI: 10.1207/s15327965pli1503_02.
11. Street R. L. Jr., Makoul G., Arora N. K., Epstein R. M. How does communication heal? Pathways linking clinician-patient communication to health outcomes // Patient Education and Counseling. 2009. Vol. 74, No. 3. P. 295–301. DOI: 10.1016/j.pec.2008.11.015.
12. Edmondson A. C., Lei Z. Psychological safety: The history, renaissance, and future of an interpersonal construct // Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior. 2014. Vol. 1. P. 23–43. DOI: 10.1146/annurev-orgpsych-031413-091305.
13. Almost J., Wolff A. C., Stewart-Pyne A., McCormick L. G., Strachan D., D'Souza C. Managing and mitigating conflict in healthcare teams: An integrative review // Journal of Advanced Nursing. 2016. Vol. 72, No. 7. P. 1490–1505. DOI: 10.1111/jan.12903.
14. Schön D. A. The Reflective Practitioner: How Professionals Think in Action. New York: Basic Books, 1983. 374 p.
15. Mann K., Gordon J., MacLeod A. Reflection and reflective practice in health professions education: A systematic review // Advances in Health Sciences Education. 2009. Vol. 14, No. 4. P. 595–621. DOI: 10.1007/s10459-007-9090-2.
16. Croskerry P. Clinical cognition and diagnostic error: Applications of a dual process model of reasoning // Advances in Health Sciences Education. 2009. Vol. 14, Suppl. 1. P. 27–35. DOI: 10.1007/s10459-009-9182-2.
17. Kahneman D. Thinking, Fast and Slow. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2011. 499 p.
18. Kulju K., Stolt M., Suhonen R., Leino-Kilpi H. Ethical competence: A concept analysis // Nursing Ethics. 2016. Vol. 23, No. 4. P. 401–412. DOI: 10.1177/0969733014567025.
19. Beauchamp T. L., Childress J. F. Principles of Biomedical Ethics. 8th ed. New York: Oxford University Press, 2019. 512 p.
20. Rest J. R. Moral Development: Advances in Research and Theory. New York: Praeger, 1986. 224 p.
21. Bertalanffy L. von. General System Theory: Foundations, Development, Applications. Rev. ed. New York: George Braziller, 1968. 289 p.

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК КОМПОНЕНТ СИСТЕМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ СПЕЦИАЛИСТОВ МЕДИЦИНСКОЙ СФЕРЫ

Шакенова Лейла Шалгинбековна
врач, психолог, учредитель ТОО «Медицинский центр „Жәрдем Астана“», основатель Академии эмоционального здоровья, действительный член МАСПКП (Астана, Республика Казахстан)
Каупбаева Ботагоз Тулеугалиевна
врач-организатор здравоохранения высшей категории, магистр медицинских наук, Председатель Правления Общественного объединения «Accreditation Center for Quality in Healthcare (ACQH)» (Астана, Республика Казахстан)

Аннотация

Эмоциональный интеллект относится к числу наиболее исследуемых психологических конструктов, однако в литературе представлены существенно различающиеся подходы к его пониманию, что затрудняет определение его конкретной функции в структуре профессиональной деятельности. В развиваемой авторами концепции психологическая устойчивость специалиста медицинской сферы рассматривается не как самостоятельная компетенция или личностная черта, а как интегральный системный результат согласованного взаимодействия психологических и профессионально-этических компетенций. Цель статьи: определить, какую функцию эмоциональный интеллект выполняет в данной системе и почему эта функция не дублирует функции других её компонентов.

В качестве теоретической основы принят подход к эмоциональному интеллекту как совокупности способностей к переработке эмоциональной информации. Структура данного конструкта принимается в его классическом виде, включая ветвь управления эмоциями. Вместе с тем при построении функциональной архитектуры системы разграничиваются доминирующие вклады её компонентов: информационно-аналитический вклад эмоционального интеллекта, связанный с восприятием, распознаванием, различением, пониманием и интерпретацией эмоциональной информации, и непосредственная регуляция собственного актуального состояния и поведенческой реакции, рассматриваемая как самостоятельная функция саморегуляции. Речь идёт о разграничении функциональных вкладов внутри более широкой системы, а не о пересмотре структуры эмоционального интеллекта.

Показано, что эмоциональный интеллект обеспечивает формирование адекватного эмоционально-информационного представления о профессиональной ситуации, задающего предметное содержание для последующих звеньев профессионального действия. Неоднородность эмпирических данных о связи эмоционального интеллекта с показателями профессиональной деятельности ограничивает возможность рассматривать его как самостоятельный универсальный предиктор устойчивости. Предлагаемая функциональная роль носит теоретический характер и подлежит эмпирической проверке.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект; психологическая устойчивость; система компетенций; модель способностей; функциональное разграничение; саморегуляция; специалисты медицинской сферы.

Введение

В развиваемой авторами концепции психологическая устойчивость специалиста медицинской сферы понимается как интегральный системный результат согласованного взаимодействия психологических и профессионально-этических компетенций, а не как самостоятельная компетенция, отдельная способность или личностная черта [1]. Состав системы обоснован функциональной полнотой цикла профессионального действия, включающего шесть звеньев: распознавание эмоционального контекста, регуляцию состояния и

реакции, профессиональное взаимодействие, действие в условиях противоречия или конфликта, осмысление и коррекцию профессионального действия, ценностно-нормативную ориентацию. Каждому звену соответствует отдельный компонент системы, содержательно не совпадающий с остальными.

Эмоциональный интеллект отнесён в данной системе к первому звену цикла. Вместе с тем определение его конкретной функции осложняется тем, что в литературе конструкт понимается неодинаково: одни подходы трактуют его как совокупность когнитивных способностей, другие включают в его состав личностные, мотивационные и социальные характеристики. Различие подходов имеет прямые следствия для построения функционально дифференцированной системы компетенций, поскольку широкие определения создают содержательные пересечения между её компонентами.

Цель статьи: определить функцию эмоционального интеллекта в системе психологической устойчивости специалиста медицинской сферы и обосновать теоретическое решение, позволяющее избежать дублирования этой функции другими компонентами системы.

Подходы к пониманию эмоционального интеллекта

Понятие эмоционального интеллекта введено P. Salovey и J. D. Mayer, определившими его как способность отслеживать собственные и чужие эмоции, различать их и использовать эту информацию для управления мышлением и поведением [2]. В дальнейшем авторы предложили четырёхветвевую модель способностей, включающую восприятие эмоций, использование эмоций для повышения эффективности мышления, понимание эмоциональных процессов и управление эмоциональными состояниями [3, 4]. В данной модели эмоциональный интеллект рассматривается как совокупность взаимосвязанных когнитивных способностей, обеспечивающих переработку эмоциональной информации.

Наряду с подходом, основанным на способностях, в литературе представлены смешанные модели, включающие в состав конструкта личностные и мотивационные характеристики. Модель R. Bar-On объединяет эмоциональный интеллект с широким кругом внутриличностных и межличностных компетенций [5]; распространению конструкта способствовала работа D. Goleman, трактующая эмоциональный интеллект как совокупность самосознания, саморегуляции, мотивации, эмпатии и социальных навыков [6]. Отдельным направлением является подход к эмоциональному интеллекту как черте: в нём конструкт определяется через эмоционально окрашенные самовосприятия и диспозиции, измеряемые самоотчётными методиками, и располагается в пространстве личностных черт, а не когнитивных способностей [7]. Различение подходов, основанных на способностях, смешанных моделей и подхода на основе черт существенно для настоящей работы, поскольку они опираются на разные методы измерения и по-разному очерчивают границы конструкта.

Расширение содержания конструкта подвергалось критике в литературе. E. A. Locke указывал, что чрезмерно широкие определения размывают границы эмоционального интеллекта и затрудняют его разграничение с уже известными характеристиками личности [8]. Позиция данного автора существенно радикальнее принятой в настоящей работе, поскольку он ставит под сомнение валидность самого конструкта; здесь она используется как один из примеров критики концептуального размывания, а не как основание для отказа от понятия.

Функциональное разграничение эмоционального интеллекта и саморегуляции в авторской системе

В настоящей работе теоретической основой понимания эмоционального интеллекта принят подход, рассматривающий его как совокупность способностей к переработке эмоциональной информации [3, 4]. Вместе с тем авторская система психологической устойчивости строится по функциональному принципу: каждый её компонент должен обеспечивать отдельное звено цикла профессионального действия и не дублировать функции остальных.

Данное требование создаёт теоретическое затруднение. Если эмоциональный интеллект включает одновременно переработку эмоциональной информации и управление эмоциональными состояниями, он содержательно перекрывается с саморегуляцией, которая в

системе отвечает за второе звено цикла. Аналогичное пересечение возникает и с коммуникативной компетентностью, если в состав конструкта включаются социальные навыки, как это принято в смешанных моделях.

Разрешение этого затруднения не предполагает изменения структуры эмоционального интеллекта. Четырёхветвевая модель принимается в том виде, в каком она сформулирована её авторами, включая ветвь управления эмоциями. Задача настоящей работы состоит в другом: определить функциональное место конструкта в более широкой системе психологической устойчивости. Соответственно, разграничиваются не составные части эмоционального интеллекта, а доминирующие функциональные вклады компонентов системы. Информационно-аналитический вклад, связанный с восприятием, распознаванием, различением, пониманием и интерпретацией эмоциональной информации, соотносится в системе прежде всего с эмоциональным интеллектом. Непосредственная регуляция собственного актуального эмоционального состояния и поведенческой реакции рассматривается как самостоятельная функция саморегуляции.

Данное решение требует явной оговорки. Авторы не пересматривают содержание эмоционального интеллекта и не исключают управление эмоциями из состава конструкта: указанная ветвь входит в модель её авторов [3, 4]. Разграничение проводится на уровне функциональной архитектуры системы, а не на уровне структуры самого конструкта. Следует также отметить, что критерий функциональной незаменимости не требует полного отсутствия содержательных пересечений между психологическими конструктами: определённое соприкосновение эмоционального интеллекта и саморегуляции теоретически закономерно. Данный критерий означает наличие у каждого компонента специфического вклада, который не может быть полностью замещён другим компонентом системы. Предлагаемое разграничение подлежит эмпирической проверке.

Функциональное различие между двумя компонентами может быть сформулировано следующим образом: эмоциональный интеллект отвечает за формирование адекватного эмоционально-информационного представления о профессиональной ситуации, тогда как саморегуляция обеспечивает управление собственной реакцией на эту ситуацию. Процессы регуляции эмоционального реагирования описаны как воздействие человека на то, какие эмоции у него возникают, когда они возникают и каким образом переживаются и выражаются [9]; предмет этих процессов отличается от предмета переработки эмоциональной информации.

Специалист может достаточно точно распознавать эмоциональное содержание ситуации и при этом испытывать затруднения в управлении собственной реакцией на неё. Возможность такого расхождения указывает, что распознавание и регуляция могут рассматриваться как относительно самостоятельные функции, а не как одна способность, представленная в разных терминах.

Эмпирические данные в медицинской сфере

Систематический обзор S. Arora и соавторов, обобщающий исследования эмоционального интеллекта в медицине, показывает наличие связей конструкта с качеством коммуникации, эмпатией и рядом показателей профессионального благополучия при существенной вариативности силы этих связей между исследованиями [10]. Исследование H. C. Weng и соавторов демонстрирует зависимость получаемых результатов от способа оценки: самооценка эмоционального интеллекта врача не была значимо связана с оценками пациентов, тогда как связь обнаруживалась при использовании нескольких независимых источников данных [11].

Из этих работ следуют два ограничения. Во-первых, результаты исследований эмоционального интеллекта существенно зависят от применяемого метода измерения, что затрудняет их прямое сопоставление. Во-вторых, неоднородность эмпирических результатов ограничивает возможность рассматривать эмоциональный интеллект как самостоятельный универсальный предиктор устойчивости профессионального поведения.

Указанные данные не устанавливают, что вклад эмоционального интеллекта опосредуется саморегуляцией, коммуникативной компетентностью или иными компонентами

предлагаемой системы: исследований, специально проверявших такое опосредование, в рассмотренных работах не представлено. Вместе с тем полученная картина согласуется с положением авторской модели о целесообразности изучения эмоционального интеллекта во взаимодействии с другими компонентами системы, а не изолированно.

Обсуждение

Проведённый анализ позволяет уточнить место эмоционального интеллекта в системе психологической устойчивости. Эмоциональный интеллект не тождественен психологической устойчивости и не выступает её главным или универсальным основанием: он обеспечивает исходное звено цикла профессионального действия, без которого последующие звенья, включая регуляцию состояния, профессиональное взаимодействие, действие в условиях противоречия и осмысление действия, лишаются адекватного предметного содержания. При этом результат профессионального действия определяется согласованной работой всех компонентов системы.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о возможности целенаправленного развития эмоционального интеллекта, значимый для последующей разработки программ профессиональной подготовки. Метаанализ S. Hodzic и соавторов, обобщающий результаты обучающих программ для взрослых, показывает статистически значимый эффект умеренной величины и его сохранение при отсроченном измерении; вместе с тем величина эффекта варьирует в зависимости от типа применяемой модели эмоционального интеллекта, продолжительности программы и характера публикации [12]. Приведённые данные получены преимущественно на выборках взрослых в целом, а не на специалистах медицинской сферы, что ограничивает возможность их прямого переноса на рассматриваемую профессиональную группу.

Настоящая статья решает теоретическую задачу и не содержит эмпирической проверки предложенной функции эмоционального интеллекта. Оценка фактического вклада данного компонента в психологическую устойчивость специалистов медицинской сферы выходит за рамки настоящей работы и раскрывается в последующих статьях серии.

Выводы

1. В качестве теоретической основы понимания эмоционального интеллекта в предлагаемой системе принят подход, рассматривающий его как совокупность способностей к переработке эмоциональной информации. Структура конструкта сохраняется в её классическом виде, а функциональное разграничение проводится на уровне архитектуры системы психологической устойчивости.
2. Эмоциональный интеллект обеспечивает восприятие, распознавание, понимание и интерпретацию эмоциональной информации профессиональной ситуации, формируя эмоционально-информационное представление о ней, которое задаёт предметное содержание для последующих звеньев цикла профессионального действия.
3. Непосредственная регуляция собственного актуального эмоционального состояния и поведенческой реакции рассматривается в системе как самостоятельная функция саморегуляции. Данное разграничение проводится на уровне функциональной архитектуры предлагаемой модели и не означает изменения структуры эмоционального интеллекта или исключения из неё ветви управления эмоциями.
4. Неоднородность эмпирических данных не подтверждает предлагаемую системную модель, однако ограничивает трактовку эмоционального интеллекта как самостоятельного универсального предиктора устойчивости профессионального поведения и указывает на целесообразность изучения его вклада во взаимодействии с другими компонентами системы.
5. Предлагаемая функциональная роль эмоционального интеллекта носит теоретический характер и подлежит эмпирической проверке в последующих работах.

Список литературы

1. Шакенова Л. Ш., Каупбаева Б. Т. Психологическая устойчивость как интегральный результат развития психологических и профессионально-этических компетенций специалистов медицинской сферы // Международный научный журнал «Академик». 2026. ISSN 2958-5104. Принята к публикации, дата публикации 20 августа 2026 г. (в печати).

2. Salovey P., Mayer J. D. Emotional intelligence // Imagination, Cognition and Personality. 1990. Vol. 9, No. 3. P. 185–211. DOI: 10.2190/DUGG-P24E-52WK-6CDG.
3. Mayer J. D., Salovey P. What is emotional intelligence? // Emotional Development and Emotional Intelligence: Educational Implications / ed. by P. Salovey, D. J. Sluyter. New York: Basic Books, 1997. P. 3–31.
4. Mayer J. D., Salovey P., Caruso D. R. Emotional intelligence: Theory, findings, and implications // Psychological Inquiry. 2004. Vol. 15, No. 3. P. 197–215. DOI: 10.1207/s15327965pli1503_02.
5. Bar-On R. The Bar-On model of emotional-social intelligence (ESI) // Psicothema. 2006. Vol. 18, Suppl. P. 13–25.
6. Goleman D. Emotional Intelligence: Why It Can Matter More Than IQ. New York: Bantam Books, 1995. 352 p.
7. Petrides K. V., Furnham A. Trait emotional intelligence: Behavioural validation in two studies of emotion recognition and reactivity to mood induction // European Journal of Personality. 2003. Vol. 17, No. 1. P. 39–57. DOI: 10.1002/per.466.
8. Locke E. A. Why emotional intelligence is an invalid concept // Journal of Organizational Behavior. 2005. Vol. 26, No. 4. P. 425–431. DOI: 10.1002/job.318.
9. Gross J. J. The emerging field of emotion regulation: An integrative review // Review of General Psychology. 1998. Vol. 2, No. 3. P. 271–299. DOI: 10.1037/1089-2680.2.3.271.
10. Arora S., Ashrafian H., Davis R., Athanasiou T., Darzi A., Sevdalis N. Emotional intelligence in medicine: A systematic review through the context of the ACGME competencies // Medical Education. 2010. Vol. 44, No. 8. P. 749–764. DOI: 10.1111/j.1365-2923.2010.03709.x.
11. Weng H. C., Chen H. C., Chen H. J., Lu K., Hung S. Y. Doctors' emotional intelligence and the patient-doctor relationship // Medical Education. 2008. Vol. 42, No. 7. P. 703–711. DOI: 10.1111/j.1365-2923.2008.03039.x.
12. Hodzic S., Scharfen J., Ripoll P., Holling H., Zenasni F. How efficient are emotional intelligence trainings: A meta-analysis // Emotion Review. 2018. Vol. 10, No. 2. P. 138–148. DOI: 10.1177/1754073917708613.

УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ЦЕНТРА УПРАВЛЕНИЯ ХРОНИЧЕСКИМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ ДЛЯ РАЗВИТИЯ САМОМЕНЕДЖМЕНТА ПАЦИЕНТОВ В КОНТЕКСТЕ ЦУР 3

Ашенова Лаура Кайратовна
Магистрант eMBA
КазНМУ имени С.Д. Асфендиярова,
Алматы, Казахстан
Сейдуанова Лаура Бейсбековна
Научный руководитель, PhD, доцент
КазНМУ имени С.Д. Асфендиярова
Алматы, Казахстан

Хронические неинфекционные заболевания (НИЗ) являются одной из ключевых проблем современного здравоохранения и оказывают существенное влияние не только на показатели смертности и заболеваемости, но и на качество жизни населения, потребление медицинских ресурсов и экономическую устойчивость систем здравоохранения [1,2]. К основным группам НИЗ относятся сердечно-сосудистые заболевания, сахарный диабет, хронические респираторные заболевания и онкологические заболевания [3]. По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), НИЗ являются причиной около трех четвертей всех смертей в мире, что делает их профилактику и эффективное долгосрочное управление одним из центральных направлений развития систем здравоохранения [3,4].

Проблема хронических заболеваний имеет особое значение в контексте Цели устойчивого развития 3 (ЦУР 3) – «Хорошее здоровье и благополучие». Одной из ключевых задач ЦУР 3 является достижение к 2030 году снижения на одну треть преждевременной смертности от неинфекционных заболеваний посредством профилактики и лечения (задача 3.4) [5]. Таким образом, достижение ЦУР 3 требует не только повышения доступности медицинской помощи, но и изменения подходов к долгосрочному управлению хроническими состояниями [6].

Цель исследования – разработать теоретически обоснованную управленческую модель Центра управления хроническими заболеваниями, направленную на развитие самоменеджмента пациентов и повышение эффективности организации хронической медицинской помощи в контексте достижения ЦУР 3.

Исходной точкой концептуальной модели является высокая нагрузка хронических неинфекционных заболеваний, рост распространенности мультиморбидности, необходимость длительного наблюдения пациентов и существующие ограничения традиционной модели оказания медицинской помощи, связанные с фрагментацией медицинских услуг, недостаточной координацией между специалистами, преимущественно эпизодическим взаимодействием пациента с медицинской организацией и ограниченным вовлечением самого пациента в управление своим заболеванием. Данные условия формируют необходимость перехода от преимущественно медицинской модели лечения к интегрированной пациент-ориентированной системе управления хроническими заболеваниями.

Основу предлагаемой модели составляют управленческие ресурсы, включающие организационные, кадровые, информационные, цифровые и финансовые компоненты, а также систему управления качеством. Организационные ресурсы предполагают формирование четкой структуры Центра управления хроническими заболеваниями, распределение ответственности между участниками процесса, разработку стандартных операционных процедур и маршрутов пациентов [7]. Кадровые ресурсы включают междисциплинарную команду, в которую могут входить врач, медицинская сестра-координатор, психолог, специалист по профилактике и здоровому образу жизни, социальный работник и другие специалисты в зависимости от потребностей пациента [8]. Информационные и цифровые ресурсы обеспечивают ведение

регистра пациентов, риск-стратификацию, мониторинг состояния здоровья, передачу информации между специалистами, дистанционное взаимодействие и формирование аналитических показателей. Финансовый компонент предусматривает рациональное распределение ресурсов и оценку экономической эффективности функционирования модели [9]. Управление качеством предполагает использование системы ключевых показателей эффективности, регулярный мониторинг результатов, аудит процессов и применение механизмов непрерывного улучшения качества.

Центральным организационным элементом модели является Центр управления хроническими заболеваниями, который рассматривается как организационно-функциональная структура, обеспечивающая координацию медицинской помощи, риск-стратификацию пациентов, мониторинг состояния здоровья, образовательную поддержку и развитие навыков самоменеджмента [10]. При этом Центр не обязательно должен представлять собой отдельное физическое подразделение медицинской организации. Его целесообразно рассматривать как координационный механизм, интегрированный в систему первичной медико-санитарной помощи и объединяющий медицинских работников, цифровую инфраструктуру и пациента в единую систему управления хроническим заболеванием.

Функционирование Центра включает несколько взаимосвязанных управленческих процессов. Первым является риск-стратификация пациентов, позволяющая распределять пациентов в зависимости от клинического риска, наличия мультиморбидности, частоты госпитализаций и обращений за неотложной помощью, уровня приверженности лечению и способности пациента к самоменеджменту [11]. Вторым является координация медицинской помощи, обеспечивающая преемственность между первичной медико-санитарной помощью, специализированной помощью, диагностическими службами и другими уровнями медицинской системы. Третьим компонентом является обучение пациента, направленное на повышение медицинской грамотности, понимания заболевания и способности принимать обоснованные решения относительно собственного здоровья. Четвертый компонент связан непосредственно с поддержкой самоменеджмента и формированием индивидуального плана управления заболеванием. Пятый компонент включает цифровой мониторинг и обратную связь, позволяющие своевременно выявлять изменения состояния пациента и корректировать план наблюдения. Шестой компонент представляет собой оценку результатов и управление качеством, основанные на регулярном анализе клинических, поведенческих, организационных и экономических показателей.

Следующим элементом модели является пациентская активация, которая выступает промежуточным механизмом между организационной поддержкой и реальным поведением пациента. Воздействие Центра должно приводить не просто к увеличению объема предоставленной информации, а к формированию у пациента знаний, практических навыков, мотивации и уверенности в способности самостоятельно участвовать в управлении заболеванием [12]. В результате пациент переходит из роли пассивного получателя медицинской услуги в роль активного участника процесса принятия решений. Таким образом, пациентская активация рассматривается как важный медиатор между управленческими механизмами Центра и развитием самоменеджмента.

Самоменеджмент является центральным промежуточным результатом предлагаемой модели [13]. Он включает несколько взаимосвязанных компонентов: медицинский самоменеджмент, предусматривающий соблюдение лекарственной терапии и контроль показателей здоровья; поведенческий самоменеджмент, связанный с питанием, физической активностью, режимом сна и снижением факторов риска; эмоциональный самоменеджмент, включающий управление стрессом и адаптацию к хроническому заболеванию; информационный самоменеджмент, предполагающий способность пациента получать, понимать и использовать медицинскую информацию; а также навигационный компонент, обеспечивающий понимание пациентом маршрута получения медицинской помощи и способности своевременно обращаться за необходимой помощью. Таким образом,

самоменеджмент рассматривается как комплекс поведенческих и организационных действий пациента, поддерживаемых системой здравоохранения.

Развитие самоменеджмента должно приводить к улучшению результатов на уровне пациента [14]. К ним относятся повышение приверженности лечению, улучшение контроля хронического заболевания, повышение качества жизни, увеличение самоэффективности и пациентской активации, снижение риска осложнений и улучшение субъективной оценки состояния здоровья. Однако для управленческого исследования принципиально важно оценивать не только индивидуальные результаты пациента, но и влияние модели на функционирование системы здравоохранения [15]. Поэтому следующим уровнем концептуальной модели являются системные результаты, включая снижение частоты госпитализаций, сокращение необоснованных обращений за неотложной помощью, повышение непрерывности и координации медицинской помощи, улучшение качества медицинских услуг, более эффективное использование кадровых и финансовых ресурсов и повышение удовлетворенности пациентов.

Таким образом, в предлагаемой концептуальной модели формируется последовательная причинно-следственная цепочка: управленческие ресурсы и организационные механизмы обеспечивают функционирование Центра управления хроническими заболеваниями; деятельность Центра повышает доступность координации, обучения, мониторинга и поддержки пациента; данные механизмы способствуют повышению пациентской активации; повышение пациентской активации способствует развитию самоменеджмента; улучшение самоменеджмента приводит к улучшению клинических и пациент-ориентированных результатов; улучшение результатов пациента и снижение неэффективного использования медицинских ресурсов, в свою очередь, способствуют повышению эффективности системы здравоохранения. Конечным стратегическим результатом данной цепочки является вклад в достижение Цели устойчивого развития 3 «Хорошее здоровье и благополучие», прежде всего задачи ЦУР 3.4, предусматривающей снижение преждевременной смертности от неинфекционных заболеваний посредством профилактики и лечения [16].

Ключевой концептуальной особенностью предлагаемой модели является изменение традиционного подхода к самоменеджменту. В рамках традиционной модели ответственность за контроль хронического заболевания преимущественно рассматривается как обязанность пациента после получения медицинских рекомендаций. В предлагаемой управленческой модели способность пациента к самоменеджменту рассматривается как результат целенаправленного функционирования системы здравоохранения. Следовательно, задача Центра заключается не только в предоставлении медицинской помощи, но и в создании организационных условий, при которых пациент получает необходимые знания, навыки, цифровые инструменты, поддержку и обратную связь для самостоятельного управления своим заболеванием. Именно такой подход позволяет связать принципы пациент-ориентированной помощи, управление качеством, цифровизацию, рациональное использование ресурсов и достижение показателей здоровья населения в единую управленческую модель.

Источники литературы:

World Health Organization. Noncommunicable diseases. Geneva: WHO; 2025. https://www.who.int/health-topics/noncommunicable-diseases?utm_source .

United Nations Department of Economic and Social Affairs. Sustainable Development Goal 3: Good Health and Well-being. Target 3.4. New York: United Nations; 2026. https://sdgs.un.org/goals/goal3?utm_source

World Health Organization. Primary health care. Geneva: WHO; 2026. https://www.who.int/health-topics/primary-health-care?utm_source#tab=tab_1

Gulyas BZ, Caton SJ, Edmondson JL. Quantifying the relationship between gardening and health and well-being in the UK: a survey during the covid-19 pandemic. BMC Public Health. 2024 Mar 14;24(1):810. doi: 10.1186/s12889-024-18249-8.

Tziraki-Segal C, De Luca V, Santana S, Romano R, Tramontano G, Scattola P, Celata C, Gelmi G, Ponce Márquez S, Lopez-Samaniego L, Zavagli V, Halkoaho A, Grimes C, Tomás MT, Fernandes

B, Calzà L, Speranza P, Coppola L, Jager-Wittenaar H, O'Caoimh R, Pietilä AM, Carriazo AM, Apostolo J, Iaccarino G, Liotta G, Tramontano D, Molloy W, Triassi M, Viggiani V, Illario M. Creating a Culture of Health in Planning and Implementing Innovative Strategies Addressing Non-communicable Chronic Diseases. Front Sociol. 2019 Feb 26;4:9. doi: 10.3389/fsoc.2019.00009.

Milavec Kapun M, Rajkovič V, Šušteršič O, Rajkovič U. A self-care process model for patients with chronic noncommunicable diseases. Health Serv Manage Res. 2024 Aug;37(3):189-197. doi: 10.1177/09514848231201405. Epub 2023 Sep 12

Jakob R, Harperink S, Rudolf AM, Fleisch E, Haug S, Mair JL, Salamanca-Sanabria A, Kowatsch T. Factors Influencing Adherence to mHealth Apps for Prevention or Management of Noncommunicable Diseases: Systematic Review. J Med Internet Res. 2022 May 25;24(5):e35371. doi: 10.2196/35371.

Amador-Fernández N, Jenkinson SP, Berger J. Vision and practice of self-care for community pharmacy in Switzerland. Explor Res Clin Soc Pharm. 2023 Mar 30;9:100253. doi: 10.1016/j.rcsop.2023.100253.

World Health Organization. Implementation of self-care interventions for health and well-being: guidance for health systems. Geneva: WHO; 2024. ISBN: 978-92-4-009488-8. https://www.who.int/publications/i/item/9789240094888/?utm_source

Davy C, Bleasel J, Mountain G, et al. Effectiveness of chronic care models: opportunities for improving healthcare practice and health outcomes: a systematic review. BMC Health Serv Res. 2015;15:99.

Yeoh EK, Wong MCS, Wong ELY, et al. Benefits and limitations of implementing Chronic Care Model (CCM) in primary care programs: A systematic review. Int J Cardiol. 2018;258:279–288. doi:10.1016/j.ijcard.2017.11.057.

Panagioti M, Richardson G, Small N, et al. Self-management support interventions to reduce health care utilisation without compromising outcomes: a systematic review and meta-analysis. BMC Health Serv Res. 2014;14:356. doi:10.1186/1472-6963-14-356.

Van Hecke A, Heinen M, Fernández-Ortega P, et al. Systematic literature review on effectiveness of self-management support interventions in patients with chronic conditions and low socio-economic status. J Adv Nurs. 2017;73(4):775–793. doi:10.1111/jan.13159.

Newland P, Lorenz R, Oliver BJ. Patient activation in adults with chronic conditions: A systematic review. J Health Psychol. 2021;26(1):103–114. doi:10.1177/1359105320947790.

Lin MY, Weng WS, Apriliyasari RW, et al. Effects of Patient Activation Intervention on Chronic Diseases: A Meta-Analysis. J Nurs Res. 2020;28(5):e116. doi:10.1097/jnr.0000000000000387.

Paydar S, Emami H, Asadi F, Moghaddasi H, Hosseini A. Functions and Outcomes of Personal Health Records for Patients with Chronic Diseases: A Systematic Review. Perspect Health Inf Manag. 2021;18(Spring):1l.

ОПТИМИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ УЧАСТКОВОЙ СЛУЖБЫ ПМСП ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ И КАЧЕСТВА МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ

Сатыбалды Аида Асқарқызы
Магистрант eMBA
КазНМУ имени С.Д. Асфендиярова,
Алматы, Казахстан
Сейдуанова Лаура Бейсбековна
Научный руководитель, PhD, доцент
КазНМУ имени С.Д. Асфендиярова
Алматы, Казахстан

Актуальность исследования обусловлена возрастающей нагрузкой на организации ПМСП, увеличением распространенности хронических заболеваний, необходимостью обеспечения непрерывности медицинского наблюдения и рационального использования ограниченных ресурсов здравоохранения [1]. Участковая служба является одним из основных организационных элементов первичного звена, непосредственно обеспечивающим доступность медицинской помощи населению и координацию маршрута пациента [2]. В этих условиях традиционная модель контроля, ориентированная преимущественно на проверку выполнения отдельных показателей и формальное соблюдение регламентов, требует перехода к системному управлению результативностью [3].

Целью исследования является разработка концептуального подхода к оптимизации управленческого контроля участковой службы ПМСП, ориентированного на интеграцию показателей структуры, процессов, результатов и качества медицинской помощи. В работе использованы методы анализа и синтеза научной литературы, сравнительного анализа международных подходов к управлению качеством ПМСП, контент-анализа нормативных документов Республики Казахстан и концептуального моделирования. Предлагается модель управленческого контроля, включающая планирование показателей, мониторинг, анализ отклонений, оценку причин, разработку корректирующих мероприятий и последующую оценку результатов. Особое внимание уделено использованию KPI, цифровых информационных систем, риск-ориентированного контроля и обратной связи от пациентов. Предложенный подход может способствовать повышению эффективности деятельности участковой службы, улучшению качества медицинской помощи и укреплению ориентации ПМСП на результаты и потребности населения [4].

Для Республики Казахстан вопросы организации и управления ПМСП имеют особое значение. Действующий Стандарт организации оказания первичной медико-санитарной помощи в Республике Казахстан утвержден приказом и.о. Министра здравоохранения от 30 марта 2023 года №49 и в 2025 году был изложен в новой редакции приказом №115. Стандарт определяет требования к организации оказания ПМСП и включает специалистов, непосредственно участвующих в оказании первичной помощи, в том числе врачей общей практики, участковых терапевтов, педиатров, фельдшеров, акушерок, медицинских сестер и других специалистов ПМСП [5].

При этом наличие нормативно закрепленных требований само по себе не гарантирует высокой эффективности управленческих процессов. Существенное значение имеет то, каким образом руководители медицинских организаций получают информацию о деятельности участковых подразделений, насколько оперативно выявляются отклонения, каким образом определяются причины проблем и принимаются корректирующие решения [6].

Таким образом, основная проблема заключается не столько в отсутствии показателей деятельности, сколько в необходимости формирования интегрированной системы

управленческого контроля, которая позволит связывать ежедневные процессы участковой службы с конечными результатами медицинской помощи.

Исследование выполнено с использованием методов анализа и синтеза научной литературы, контент-анализа нормативных документов, сравнительного анализа международных подходов и концептуального моделирования.

Теоретическую основу составили документы Всемирной организации здравоохранения и OECD, посвященные развитию ПМСП, управлению качеством, безопасности пациентов, измерению результативности и достижению всеобщего охвата медицинскими услугами [7]. Operational Framework for Primary Health Care предлагает рассматривать укрепление ПМСП через совокупность взаимосвязанных организационных рычагов, включая качество, управление, финансирование, цифровые технологии и вовлечение населения [1,8].

Дополнительно проведен анализ нормативной базы Республики Казахстан, регулирующей организацию ПМСП. В качестве основного нормативного источника использован действующий Стандарт организации оказания ПМСП, утвержденный приказом №49 от 30 марта 2023 года с последующими изменениями.

Концептуальная модель формировалась на основе логики «ресурсы — процессы — результаты — воздействие», широко применяемой в системах оценки деятельности здравоохранения [9]. WHO PHC Measurement Framework также предусматривает использование логической цепочки от структуры и ресурсов через процессы и результаты оказания услуг к более широким результатам для здоровья населения и достижению ЦУР [10].

Управленческий контроль в медицинской организации представляет собой непрерывный процесс получения информации о фактическом состоянии деятельности, сопоставления фактических результатов с установленными целями, выявления отклонений и принятия корректирующих решений [11].

В традиционной системе управления ПМСП контроль часто преимущественно связан с проверкой выполнения нормативных требований, ведением документации, количеством оказанных услуг и соблюдением установленных сроков. Такой подход необходим, однако его недостаточно для оценки реальной эффективности медицинской помощи.

В частности, выполнение большого количества количественных показателей не обязательно означает улучшение здоровья населения. Например, увеличение количества профилактических посещений само по себе не свидетельствует о повышении качества профилактической работы, если при этом не улучшается выявление факторов риска, контроль хронических заболеваний или приверженность пациентов лечению [4].

Следовательно, управленческий контроль должен переходить от вопроса «выполнена ли работа?» к вопросам: «каков результат?»; «достигнута ли цель?»; «что повлияло на результат?»; «какие ресурсы были использованы?»; «что необходимо изменить?».

На основании анализа литературы и нормативных подходов можно выделить несколько системных проблем организации управленческого контроля участковой службы.

Первая проблема связана с фрагментарностью показателей. Различные показатели могут собираться отдельно, без формирования единой системы оценки деятельности участка [412].

Вторая проблема заключается в преобладании процессных показателей над показателями конечного результата. Количество посещений, вызовов, консультаций и других услуг отражает объем деятельности, но не всегда позволяет оценить ее клиническую и управленческую эффективность.

Третья проблема — запоздалый характер контроля. Если анализ показателей проводится только по итогам месяца или квартала, управленческое решение принимается уже после формирования проблемы.

Четвертая проблема — недостаточная интеграция данных медицинских информационных систем в ежедневное управление.

Пятая проблема связана с недостаточным использованием риск-ориентированного подхода. Не все отклонения имеют одинаковое значение. Например, небольшое отклонение

административного показателя и пропуск диспансерного наблюдения пациента с высоким риском осложнений имеют принципиально разное управленческое значение.

Шестая проблема заключается в недостаточной интеграции обратной связи от пациентов в систему управленческого контроля.

Международный опыт подтверждает необходимость совершенствования этих механизмов. OECD подчеркивает, что потенциал ПМСП реализуется при условии лучшей координации между поставщиками помощи, изменения организационных моделей, эффективного использования цифровых технологий и ресурсов [3,4].

Особое значение для участковой службы имеет переход к риск-ориентированной модели контроля.

Суть такого подхода заключается в том, что управленческое внимание концентрируется прежде всего на процессах и пациентах с наиболее высоким риском неблагоприятного исхода.

Например, при хронических заболеваниях приоритетными объектами мониторинга могут быть пациенты:

с неконтролируемой артериальной гипертензией;

с высоким сердечно-сосудистым риском;

с декомпенсированным сахарным диабетом;

с частыми обращениями за неотложной помощью;

с повторными госпитализациями;

с нарушением регулярности диспансерного наблюдения;

с низкой приверженностью лечению [11].

Результаты концептуального анализа показывают, что оптимизация управленческого контроля участковой службы должна рассматриваться как часть более широкой трансформации управления ПМСП.

Ключевым изменением является переход от контроля выполнения к управлению результатами.

В традиционной модели руководитель преимущественно оценивает, выполнены ли установленные задания. В предлагаемой модели внимание смещается на взаимосвязь между действиями медицинского персонала и результатами для пациента [5].

Например, вместо простого контроля количества посещений целесообразно оценивать, привели ли профилактические посещения к своевременному выявлению факторов риска и улучшению контроля заболеваний. Аналогично количество диспансерных посещений не должно рассматриваться изолированно от клинических результатов и непрерывности наблюдения.

Такой подход соответствует международному пониманию роли ПМСП. WHO подчеркивает, что ПМСП является основой всеобщего охвата медицинскими услугами и позволяет объединять профилактику, лечение, реабилитацию и другие виды помощи вокруг потребностей человека.

Важным является и организационный аспект. Участковая служба функционирует не изолированно, а во взаимодействии с диагностическими подразделениями, профильными специалистами, стационаром, службой скорой помощи и социальными службами [5]. Поэтому оценка эффективности отдельного участкового врача или медицинской сестры без учета качества межуровневого взаимодействия может приводить к искажению результатов.

OECD указывает, что проблемы координации между первичной и специализированной помощью являются одним из факторов, ограничивающих реализацию потенциала ПМСП.

Следовательно, одним из перспективных направлений развития управленческого контроля является переход от контроля отдельных сотрудников к контролю процессов и маршрутов пациента.

Источники литературы:

1. World Health Organization, United Nations Children’s Fund (UNICEF). Operational Framework for Primary Health Care: Transforming Vision into Action. Geneva: World Health Organization; 2020. 132 p.

2. OECD. Realising the Potential of Primary Health Care. OECD Health Policy Studies. Paris: OECD Publishing; 2020. doi:10.1787/a92adee4-en.
3. Wang W, Haggerty J. Development of primary care assessment tool-adult version in Tibet: implication for low- and middle-income countries. Prim Health Care Res Dev. 2019 Jul 1;20:e94. doi: 10.1017/S1463423619000239.
4. D'Avila OP, Pinto LF, Hauser L, Gonçalves MR, Harzheim E. The use of the Primary Care Assessment Tool (PCAT): an integrative review and proposed update. Cien Saude Colet. 2017 Mar;22(3):855-865. Portuguese, English. doi: 10.1590/1413-81232017223.03312016.
5. Приказ и.о. Министра здравоохранения Республики Казахстан от 30 марта 2023 года № 49. Зарегистрирован в Министерстве юстиции Республики Казахстан 30 марта 2023 года № 32160.
6. Martínez-Martínez H, Martínez-Alfonso J, Sánchez-Rojo-Huertas B, Reynolds-Cortez V, Turégano-Chumillas A, Meseguer-Ruiz VA, Cekrezi S, Martínez-Vizcaíno V. Perceptions of, Barriers to, and Facilitators of the Use of AI in Primary Care: Systematic Review of Qualitative Studies. J Med Internet Res. 2025 Jun 25;27:e71186. doi: 10.2196/71186.
7. World Health Organization. Primary health care. Geneva: WHO; 2026. https://www.who.int/health-topics/primary-health-care?utm_source#tab=tab_1
8. Besigye IK, Mash R. Adaptation and validation of the Ugandan Primary Care Assessment Tool. Afr J Prim Health Care Fam Med. 2023 Jan 19;15(1):e1-e7. doi: 10.4102/phcfm.v15i1.3835.
9. De Gani SM, Nowak-Flück D, Nicca D, Vogt D. Self-Assessment Tool to Promote Organizational Health Literacy in Primary Care Settings in Switzerland. Int J Environ Res Public Health. 2020 Dec 18;17(24):9497. doi: 10.3390/ijerph17249497.
10. Peikes D, Zutshi A, Genevro J, Smith K, Parchman ML, Meyers DS. Early evidence on the Patient-Centered Medical Home. Ann Fam Med. 2012;10(4):308–314.
11. Baker R, Freeman GK, Haggerty JL, Bankart MJ, Nockels K. Primary medical care continuity and patient mortality: a systematic review. Br J Gen Pract. 2020;70(698):e600–e611. doi:10.3399/bjgp20X712289.
12. Kao YH, Lin WT, Chen WH, Wu SC, Tseng TS. Continuity of outpatient care and avoidable hospitalization: a systematic review. BMC Health Serv Res. 2019;19:399.

ШӘКӘРІМ ҚҰДАЙБЕРДІҰЛЫНЫҢ «АР-ОЖДАН» ТҰЖЫРЫМЫ ЖӘНЕ ИСЛАМДАҒЫ АХЛАҚТЫҚ ҚҰНДЫЛЫҚТАР

Султонбоев Алмат Абайулы
Нұр-Мүбарак Египет ислам мәдениеті университетінің магистранты
Ғылыми жетекші: ***Исахан Мұхан Баймұратұлы***

Аңдатпа

Бұл мақалада қазақтың көрнекті ойшылы Шәкәрім Құдайбердіұлының философиялық мұрасындағы «ар-ождан», «ұждан», «әділет», «мейірім», «ынсап» ұғымдарының мазмұны қарастырылады. Зерттеудің негізгі мақсаты – Шәкәрімнің адамгершілік философиясын исламдағы ахлақтық құндылықтармен салыстыра отырып, олардың мазмұндық сабақтастығын анықтау. Осы мақсатта ойшылдың «Үш анық», «Мұсылмандық шарты» еңбектеріндегі адам, иман, мораль және руханият мәселелеріне қатысты ойлары талданады. Сонымен қатар Құрандағы әділет, ізгілік, нәпсіні тәрбиелеу, жауапкершілік қағидалары және Пайғамбарымыздың (оған Алланың игілігі мен сәлемі болсын) көркем мінез, ниет, мейірімділік туралы хадистерімен салыстырмалы зерттеу жүргізіледі.

Зерттеу нәтижесінде Шәкәрімнің ар-ождан туралы философиялық тұжырымдары исламдық ахлақ жүйесіндегі әділет, мейірім, қанағат, ниет, жауапкершілік және нәпсіні тәрбиелеу қағидаларымен мазмұндық жағынан үндесетіні анықталды. Сонымен бірге Шәкәрімнің «ұждан» концепциясын исламдағы белгілі бір діни ұғыммен толық теңестіру ғылыми тұрғыдан дұрыс еместігі көрсетіледі. Оның ар-ождан философиясы исламдық дүниетаным, қазақтың дәстүрлі моральдық мәдениеті және өзіндік философиялық ізденістердің тоғысында қалыптасқан ерекше құбылыс ретінде бағаланады.

Түйін сөздер: Шәкәрім Құдайбердіұлы, ар-ождан, ұждан, ахлақ, ислам, әділет, мейірім, ынсап, иман, мораль, руханият.

Кіріспе

Қазақ философиялық ойының тарихында адамның ішкі дүниесі мен моральдық жауапкершілігін терең зерттеген тұлғалардың бірі – Шәкәрім Құдайбердіұлы. Оның шығармашылық мұрасы әдебиетпен ғана шектелмей, философия, дінтану, этика және адамгершілік мәселелерін қамтиды.

Шәкәрімнің дүниетанымында адам өмірінің мәні, жанның табиғаты, иман, ақыл, әділет, мейірім, ынсап және ар-ождан мәселелері өзара тығыз байланысты. Ойшыл адамның кемелдігін оның материалдық жетістігімен емес, ішкі рухани сапасымен өлшейді.

Шәкәрім шығармашылығын зерттеуде «Үш анық» пен «Мұсылмандық шарты» еңбектерінің орны ерекше. «Үш анықта» дүниенің және адамның мәні, жан мәселесі, ар-ождан туралы философиялық ойлар жүйеленсе, «Мұсылмандық шартында» ислам дінінің негізгі қағидалары қазақ оқырманына түсінікті тілмен түсіндіріледі.

Шәкәрімнің ар-ождан мәселесін ислам ахлағымен салыстырып зерттеудің ғылыми маңызы зор. Өйткені қазақ халқының рухани мәдениетінің қалыптасуында ислам діні маңызды орын алған. Қазақтың дәстүрлі моральдық санасында «иман», «ұят», «ар», «обал», «сауап», «ынсап», «қанағат», «мейірім» сияқты ұғымдар кеңінен қолданылған.

Исламда да адамның моральдық болмысына үлкен мән беріледі. Құран адамды әділетке, ізгілікке, мейірімділікке, адалдыққа және нәпсіні тәрбиелеуге шақырады.

Мәселен, Құранда:

«Расында, Алла әділетті, игілікті және туыстарға жәрдем беруді бұйырады. Арсыздықтан, жамандықтан және зұлымдықтан тыяды»

(Нахл сүресі, 16:90).

Бұл аят исламдағы моральдық құндылықтардың негізгі мазмұнын көрсетеді.

Осыған байланысты Шәкәрімнің ар-ождан философиясы мен ислам ахлағындағы құндылықтарды салыстыру арқылы қазақ ойшылының діни-философиялық дүниетанымының ерекшеліктерін тереңірек түсінуге болады.

1. ШӘКӘРІМ ФИЛОСОФИЯСЫНДАҒЫ АР-ОЖДАН ҰҒЫМЫ

Шәкәрім дүниетанымындағы негізгі философиялық категориялардың бірі – ар-ождан.

Қазақ тіліндегі «ар», «ұят», «ождан», «ынсап», «мейірім» ұғымдары адамның ішкі моральдық дүниесін сипаттайды. Шәкәрім бұл ұғымдарды күнделікті моральдық түсінік деңгейінен көтеріп, философиялық категория дәрежесіне жеткізді.

Ойшыл үшін адамның шынайы құндылығы оның байлығында, мансабында немесе қоғамдағы орнында емес, ар-ожданында.

Осы жерде Шәкәрім философиясының негізгі ерекшелігі байқалады. Ол адамның әрекетін тек сыртқы нәтижесі арқылы бағаламайды. Адамның ішкі ниеті, моральдық таңдауы және ар алдындағы жауапкершілігі де маңызды.

«Үш анық» еңбегіндегі ойларынан Шәкәрімнің адам өмірінің мәнін рухани тұрғыдан қарастырғанын көруге болады. Оның философиялық ізденістерінің түйінді мәселелерінің бірі – адамды адам ететін рухани негізді анықтау.

Шәкәрімнің ар-ождан түсінігі бірнеше негізгі ұғыммен сабақтас:

- әділет;
- мейірім;
- ынсап;
- адалдық;
- жауапкершілік;
- қанағат;
- рухани тазалық.

Бұл ұғымдар жеке-жеке қарастырылғанымен, олардың барлығы адамның ішкі дүниесін жетілдіруге бағытталған.

Ғылыми әдебиетте де Шәкәрімнің «ар ілімі» оның адамгершілік философиясының маңызды концепциясы ретінде бағаланады. Зерттеушілер ар-ожданды адамның моральдық таңдауымен және рухани жауапкершілігімен байланыстырады.

Демек, Шәкәрімдегі ар-ождан – адамның сыртқы бақылаусыз жағдайда да дұрыс әрекет етуіне мүмкіндік беретін ішкі моральдық өлшем.

2. ӘДІЛЕТ, МЕЙІРІМ ЖӘНЕ ЫНСАП – АР-ОЖДАННЫҢ НЕГІЗГІ ҚҰРАМДАРЫ

Шәкәрімнің моральдық философиясында әділет, мейірім және ынсап ерекше орын алады.

2.1 Әділет

Әділет – адамның өзіне де, басқаға да әділ қарым-қатынас жасауын білдіретін негізгі моральдық принцип.

Шәкәрім дүниетанымында әділет адамның ар-ожданымен тығыз байланысты. Арлы адам өзгенің ақысын жемейді, өтірік пен зұлымдыққа бармайды және өзінің пайдасы үшін басқаға зиян келтіруден сақтанады.

Бұл исламдағы әділет түсінігімен мазмұндық жағынан үндеседі.

Құранда:

«Уа, иман келтіргендер! Алла үшін әділдікті берік ұстанушы болыңдар...»

(Мәида сүресі, 5:8). деген мағынадағы қағида бар.

Бұл жерде әділет тек жақын адамға немесе өз мүддесіне қатысты емес екені көрінеді. Ислам адамды өзіне ұнамайтын адамға қатысты да әділ болуға шақырады.

Шәкәрімнің әділет туралы ойларымен салыстырғанда, ортақ ерекшелік – әділеттің жеке пайдадан жоғары қойылуы.

Яғни адам өз пайдасын емес, ақиқатты және әділетті таңдауы тиіс.

2.2 Мейірім

Шәкәрім үшін адамның арлы болуы оның басқа адамдарға деген қарым-қатынасынан да көрінеді.

Мейірім – адамның өзгенің қайғысына бейжай қарамауы, әлсізге көмектесуі, кешірімді және жанашыр болуы.

Ислам ахлағында да мейірімділік аса маңызды құндылық.

Құранның көптеген аяттарында Алланың рақымы мен мейірімі ерекше аталады. Мұсылман адамның бойында да мейірімділік болуы насихатталады.

Пайғамбарымыздың хадисінде:

«Мейірімділерге Рахман мейірім етеді. Жердегілерге мейірімді болыңдар, сонда көктегілер сендерге мейірімді болады» деген мағынадағы өсиет бар.

Бұл хадис адамның рухани жетілуін өзге адамдарға деген қарым-қатынаспен байланыстырады.

Шәкәрімдегі мейірім идеясы да осыған ұқсас: адам тек өзі үшін өмір сүрмеуі керек, оның бойында адамзатқа деген сүйіспеншілік пен жанашырлық болуы қажет.

2.3 Ынсап

Ынсап – қазақтың дәстүрлі дүниетанымында кең мағынаға ие ұғым. Ол адамның нәпсісін шектей білуін, шектен шықпауын және бар нәрсеге қанағат етуін білдіреді.

Шәкәрімнің адамгершілік философиясында ынсап адамның ішкі тепе-теңдігін сақтайтын қасиет ретінде көрінеді.

Ислам ахлағында да нәпсіні тәрбиелеу ерекше маңызды.

Құранда:

«Ал кім Раббысының алдында тұрудан қорқып, нәпсісін қалаудан тыйса, оның барар орны – Жәннат»(Назиғат сүресі, 79:40–41).

Бұл аят адамның өз қалауы мен нәпсісін толық еркіне жібермеуі қажеттігін көрсетеді.

Осы тұрғыдан Шәкәрімнің «ынсап» ұғымы мен исламдағы нәпсі тәрбиесі арасында мазмұндық үндестік бар.

3. ҚҰРАНДАҒЫ МОРАЛЬДЫҚ ҚҰНДЫЛЫҚТАР ЖӘНЕ ШӘКӘРІМНІҢ АР-ОЖДАН ТҮСІНІГІ

Құрандағы моральдық қағидалар адамның жеке өмірімен қатар қоғамдық

қатынастарды да реттейді.

Исламда адамның жақсы болуы оның тек құлшылық жасауымен шектелмейді. Оның адамдарға жасаған қарым-қатынасы да маңызды.

Құранда:

«Әрбір адам ертеңі үшін не дайындағанына қарасын»(Хашр сүресі, 59:18).

деген мағынадағы аят бар.

Бұл адамның өзін-өзі бақылауы мен өз әрекетіне жауапкершілікпен қарауына үндейді.

Шәкәрімнің ар-ождан философиясында да адамның өзін-өзі бақылауы маңызды.

Мысалы, адамды ешкім бақыламай тұрған кезде оның өтірік айтуы немесе әділетсіздік жасауы мүмкін. Бірақ ар-ожданды адам сыртқы бақылау болмаған жағдайда да моральдық норманы сақтайды.

Осы тұрғыдан ар-ождан адамның ішкі бақылаушысы қызметін атқарады.

Исламда бұл мәселе тақуалық ұғымымен белгілі бір дәрежеде сабақтасады. Тақуалық – адамның Алланың алдында жауапты екенін сезініп, күнәдан сақтануы.

Бірақ «ар-ождан» мен «тақуалықты» толық бір ұғым деп қарастыруға болмайды. Тақуалық – Құран мен Сүннетке негізделген исламдық діни категория, ал ар-ождан – Шәкәрім философиясындағы этикалық категория.

Олардың арасындағы байланыс – адамның ішкі моральдық жауапкершілігіне басымдық беруінде.

4. ХАДИСТЕРДЕГІ НИЕТ ЖӘНЕ КӨРКЕМ МІНЕЗ

Шәкәрім философиясын ислам ахлағымен салыстыруда ниет мәселесінің де маңызы зор.

Пайғамбарымыздың (оған Алланың игілігі мен сәлемі болсын) атақты хадисінде:

«Амалдар ниетке байланысты».деп айтылған.

Бұл хадис адамның ісін бағалауда оның сыртқы әрекетімен бірге ішкі мақсаты да маңызды екенін білдіреді.

Мысалы, екі адам бірдей қайырымдылық жасауы мүмкін. Бірі оны адамдар көрсін деген мақсатпен жасаса, екіншісі шынайы көмек көрсету үшін жасауы мүмкін. Сыртқы әрекет ұқсас болғанымен, моральдық мәні әртүрлі.

Шәкәрімнің адамгершілік философиясында да адамның ішкі сапасы мен ниетіне үлкен мән беріледі.

Ойшыл үшін адамдықтың негізі – сыртқы көрініс емес, ішкі адалдық.

Бұл жерде Шәкәрімнің «ар» ұғымы мен исламдағы «ниет» категориясының арасында салыстырмалы байланыс байқалады.

Сонымен бірге исламда ниеттің діни-құқықтық және құлшылыққа қатысты нақты орны бар екенін атап өткен жөн. Сондықтан оны Шәкәрімнің ар-ожданымен толық теңестіру ғылыми дәлдікке сай келмейді.

Көркем мінез мәселесінде де Шәкәрім мен ислам ахлағы арасында ұқсастық бар.Пайғамбарымыз:

«Мен көркем мінезді кемеліне жеткізу үшін жіберілдім»

деген мағынадағы хадис арқылы адам тәрбиесіндегі моральдың маңызын көрсеткен.

Демек, исламдағы адам тәрбиесінің түпкі мақсаттарының бірі – көркем мінез қалыптастыру.

Бұл Шәкәрімнің ар-ождан туралы ілімімен үндеседі. Өйткені арлы адам әділетті, мейірімді, сабырлы, адал және ынсапты болуы керек.

5. ШӘКӘРІМНІҢ «ҰЖДАН» ТҰЖЫРЫМЫ ЖӘНЕ АДАМНЫҢ РУХАНИ ЖАУАПКЕРШІЛІГІ

Шәкәрім философиясындағы «ұждан» ұғымы ар-ождан мәселесінің терең философиялық көрінісі болып табылады.

Ұждан адамның белгілі бір әрекеттің дұрыс немесе бұрыс екенін ажыратуымен ғана шектелмейді. Ол адамның дұрыс деп таныған нәрсесін жүзеге асыруға моральдық жауапкершілікпен қарауын білдіреді.

Ойшылдың пікірінше, адамның рухани өмірі сыртқы дүниеден тәуелсіз ішкі өлшемге сүйенуі тиіс.

Осы жерде «ұждан» адамның моральдық компасы қызметін атқарады.

Шәкәрімнің ар-ождан туралы түсінігін үш негізгі қасиет арқылы көрсетуге болады:

Біріншісі – әділет.

Адам ақ пен қараны ажыратып, өзгенің ақысына қол сұқпауы тиіс.

Екіншісі – мейірім.

Адам тек өз пайдасын ойламай, басқа адамдардың жағдайын ескеруі керек.

Үшіншісі – ынсап.

Адам нәпсісін тежеп, шектен шықпауы тиіс.

Бұл үш қасиет адамның моральдық тұтастығын қамтамасыз етеді.

Ислам ахлағында да осыған ұқсас құндылықтар бар. Құран әділетке шақырады, мейірімділікті насихаттайды және нәпсіні тәрбиелеуге үндейді.Сондықтан Шәкәрімнің ұждан концепциясын ислам ахлағымен салыстыруға толық негіз бар.

Алайда бұл жерде ғылыми әдіс сақталуы керек: Шәкәрімнің ұжданын исламдағы дайын діни ұғымдардың бірінің тікелей баламасы ретінде көрсетуге болмайды.

Ұждан – Шәкәрімнің өзіндік философиялық категориясы.

6. ШӘКӘРІМНІҢ АР-ОЖДАН ИДЕЯСЫНЫҢ ҚАЗАҚТЫҢ ДӘСТҮРЛІ МОРАЛЬДЫҚ САНАСЫМЕН БАЙЛАНЫСЫ

Шәкәрімнің дүниетанымын қазақтың дәстүрлі рухани мәдениетінен бөліп қарау қиын.

Қазақ қоғамында «ар», «ұят», «намыс», «обал», «сауап», «ынсап», «қанағат», «мейірім» сияқты ұғымдар адамның моральдық бейнесін қалыптастырды.

Мысалы, «ұят болады» деген сөз адамның әрекетін сыртқы заң арқылы емес, ішкі моральдық сезім арқылы реттеуге бағытталды.

«Обал болады» ұғымы өзге тіршілік иесіне, табиғатқа немесе адамға зиян келтіруден сақтандырса, «сауап болады» деген түсінік ізгі әрекетке ынталандырды.

Бұл ұғымдардың біразы исламдық дүниетаныммен сабақтасып, қазақтың дәстүрлі мәдениетінде өзіндік сипат алды.

Шәкәрім осы моральдық түсініктерді философиялық деңгейге көтерді.

Ол адамды сыртқы талаптарды орындаушы ретінде ғана емес, ішкі ар-ожданымен өмір сүретін субъект ретінде қарастырды.

Сондықтан Шәкәрімнің ар-ождан философиясы қазақтың дәстүрлі моральдық санасының философиялық жалғасы ретінде де қарастырылуы мүмкін.

Бұл жерде оның шығармашылығының тарихи маңызы көрінеді.

7. ШӘКӘРІМ АР-ОЖДАНЫНЫҢ ҚАЗІРГІ ҚОҒАМ ҮШІН МАҢЫЗЫ

Шәкәрімнің ар-ождан туралы идеялары бүгінгі күні де өзекті.

Қазіргі қоғамда ғылыми-техникалық даму, ақпараттық технологиялар және

экономикалық мүмкіндіктер адамның өмірін жеңілдеткенімен, моральдық мәселелерді толық шешкен жоқ.

Білімді адамның міндетті түрде арлы болуы шарт емес. Жоғары қызметтегі адамның әділетті болуы да автоматты түрде қамтамасыз етілмейді.

Сондықтан қазіргі қоғамда біліммен бірге моральдық тәрбиеге де мән беру қажет.

Шәкәрімнің философиясы осы мәселені шешуге мүмкіндік беретін рухани негіздердің бірі.

Ар-ожданды тұлға:

- адалдықты сақтайды;
- өзгенің құқығын құрметтейді;
- әділетсіздіктен бас тартады;
- өз нәпсісін тежей алады;
- жауапкершілікті сезінеді;
- әлсізге мейірім көрсетеді;
- өз ісіне есеп береді.

Бұл құндылықтардың барлығы ислам ахлағында да жоғары бағаланады.

Сондықтан Шәкәрім мұрасын қазіргі жастардың рухани-адамгершілік тәрбиесінде пайдалану өзекті.

ҚОРЫТЫНДЫ

Шәкәрім Құдайбердіұлының философиялық мұрасындағы ар-ождан мәселесі қазақ руханиятының маңызды әрі терең бағыттарының бірі болып табылады. Ойшыл адам өмірінің мәнін материалдық игіліктен ғана емес, адамның ішкі рухани сапасынан іздейді.

Зерттеу барысында Шәкәрімнің ар-ождан концепциясының негізгі құрамдастары ретінде әділет, мейірім және ынсап ұғымдары анықталды. Бұл қасиеттер адамның моральдық кемелдігін қалыптастыратын өзара байланысты құндылықтар ретінде көрінеді.

Құрандағы әділет пен ізгілікке шақыру, нәпсіні тәрбиелеу және адамның өз ісіне жауап беруі туралы қағидалар Шәкәрім философиясындағы ар-ождан мәселесімен мазмұндық тұрғыдан үндеседі.

Мәселен, Нахл сүресінің 90-аятында әділет пен игілікке шақырылса, Назиғат сүресінің 40–41-аяттарында нәпсісін қалаудан тыйған адамның сыйы туралы

баяндалады. Хашр сүресінің 18-аятында адамға өзінің ертеңі үшін не дайындағанына назар аудару бұйырылады.

Хадистерде де адамның ішкі дүниесі мен моральдық сапасына ерекше мән беріледі. «Амалдар ниетке байланысты» деген хадис адамның әрекетін бағалауда ішкі ниеттің маңызын көрсетеді. Ал көркем мінез туралы хадистер исламдағы моральдық тәрбиенің негізгі орнын айқындайды.

Осы тұрғыдан Шәкәрімнің ар-ождан философиясы мен ислам ахлағы арасында терең мазмұндық сабақтастық бар деп тұжырым жасауға болады.

Сонымен бірге олардың арасында айырмашылық бар екенін ескеру қажет. Ислам ахлағы Құран мен Сүннетке негізделген діни-моральдық жүйе болса, Шәкәрімнің ар-ождан философиясы исламдық дүниетаныммен қатар қазақтың дәстүрлі моральдық мәдениеті мен философиялық ізденістердің негізінде қалыптасқан авторлық жүйе болып табылады.Сондықтан Шәкәрімнің «ұждан» ұғымын исламдағы белгілі бір категориямен толық теңестіру дұрыс емес. Оның орнына олардың арасындағы мазмұндық үндестікті, рухани сабақтастықты және дүниетанымдық жақындықты көрсету ғылыми тұрғыдан орынды.Шәкәрімнің ар-ождан туралы философиясының басты құндылығы – адамды сыртқы бақылауға ғана тәуелді етпей, ішкі моральдық жауапкершілікке тәрбиелеуінде. Оның ойынша, адам шынайы адамдық деңгейге әділет, мейірім, ынсап және адалдық арқылы көтеріледі.

Осы тұрғыдан Шәкәрімнің ар-ождан ілімі қазақтың рухани-философиялық ойындағы өзіндік құбылыс болып табылады. Оның ислам ахлағымен үндесетін тұстары қазақ қоғамындағы діни және моральдық дүниетанымның тарихи сабақтастығын танытады.

Демек, Шәкәрім мұрасындағы ар-ождан концепциясын зерттеу – бір жағынан қазақ философиясының ерекшелігін танытса, екінші жағынан исламдық ахлақтың қазақ мәдениетіндегі моральдық құндылықтардың қалыптасуына ықпалын түсінуге мүмкіндік береді.

ПАЙДАЛАНЫЛҒАН ӘДЕБИЕТТЕР

1. Құдайбердіұлы Ш. Үш анық. – Алматы: Қазақстан, 1991.

2. Құдайбердіұлы Ш. Мұсылмандық шарты. – Алматы.

3. Құдайбердіұлы Ш. Шығармалары. – Алматы: Жазушы.

4. Құран Кәрім. Нахл сүресі, 16:90; Мәида сүресі, 5:8; Хашр сүресі, 59:18; Назиғат сүресі, 79:40–41.

5. Әл-Бұхари, М. Сахих әл-Бұхари. «Китаб әл-уахи», ниет туралы хадис.

6. Муслим ибн әл-Хажжаж. Сахих Муслим. Иман кітабы.

7. Асқарова А.Ш., Баязитов Б.Б. Шәкәрімнің «Ар ілімі» концепциясы // Eurasian Journal of Philology: Science and Education.

8. Аманьязова Б.А. Философское мировоззрение произведения Шакарима Кудайбердиева «Три ясных» // Вестник Актюбинского регионального университета имени К. Жубанова.

9. Шәкәрім Құдайбердіұлы мұраларындағы рухани-имандылық тәрбие идеяларына қатысты зерттеулер.

10. Ислам философиясы мен қазақ дүниетанымына арналған ғылыми зерттеулер.

ФИҚҺ ТҰРҒЫСЫНАН ЖАСАНДЫ ИНТЕЛЛЕКТІНІ ПАЙДАЛАНУДЫҢ АРТЫҚШЫЛЫҚТАРЫ МЕН ТӘУЕКЕЛДЕРІ

Махатов М.
Нұр-Мүбарак Египет ислам мәдениеті университеті
«Исламтану» 1курс магистратура
Алматы, Қазақстан
ғылыми жетекшісі: PhD ***Алпысбаев Е.***

Кіріспе

Қазіргі таңда ғылым мен технологияның дамуы адамдардың өміріне қарқынды өзгерістер әкелуде. Соның ішінде жасанды интелектінің пайда болуы ерекше орын алып, қоғамның экономикалық және мәдени құрылымына айтарлықтай ықпал етуде. Жасанды интеллектінің пайда болуы адамның оған мұқтаж екендігін көрсетеді. Себебі ол адамға маңызды мәліметтерді болжауға, саралауға және кейде өзі бірден қол жеткізе алмайтын нәрселерді игеруге көмектеседі. Егер оған қажеттілік болмағанда, адамзат оны жасауға, дамытуға және өз мақсатына жету үшін пайдалануға әрекет етпес еді.

Жасанды интеллект қазіргі таңда адам өмірінің көптеген саласына әсер етіп отыр. Оның көмегімен күрделі жұмыстар жеңілдейді, уақыт үнемделіп кейбір қателіктер азаяды. Бірақ оның кез келген дүниелік нәрселер секілді, оның да пайдалы және зиянды жақтары бар. Жалпы алғанда кез келген нәрседе пайдамен зиян қатар жүреді. Бұл туралы Құранда: «Оларда үлкен күнә және адамдарға пайда бар, бірақ күнәсі пайдасынан үлкен» деп айтылған (Бақара, 219). Сондықтан жасанды интеллектіні тек техникалық құрал ретінде емес, оның адамға, қоғамға және өмірге әсер ету тұрғысынан қарастыру маңызды.

Фиқһ тұрғысынан алғанда, кез келген нәрсеге үкім берместен алдын нәтижесі мен салдары ескеріледі. Осы себепті жасанды интеллектіні пайдаланудың артықшылықтары мен тәуекелдерін қатар талдау қажеттілігі туындайды.

Бұл мақалада сипаттау және талдау әдістері қолданылды. Жасанды интеллектіні пайдаланудың пайдалы және зиянды жақтары жүйеленіп, олардың қоғам өміріне әсері қарастырылды. Сонымен қатар фиқһтағы пайда мен зиянды таразылау, салдарды ескеру және адам мүддесін қорғау қағидалары аясында талданды.

Негізгі бөлім

1. Жасанды интеллектіні фиқһ тұрғысынан қарастыру

Жасанды интеллект адамға қызмет етуге арналған технологиялардың бірі болып саналады. Жасанды интеллект кейбір міндеттерді адамнан да жылдам орындап, үлкен көлемдегі мәліметтерді өңдей алады. Сондықтан ол қазіргі заманда негізгі жаңалықтардың біріне айналды.

Фиқһта кез келген істің үкімі оның нәтижесіне байланысты қарастырылады. Бұл «істер ниетіне қарай бағаланады» (الأمور بمقاصدها) қағидасымен түсіндіріледі. Сонымен қатар, «зиянды қайтару – пайданы алудан бұрын» (درء المفاسد مقدم على جلب المصالح) деген қағида да маңызды орын алады. Сондықтан бір нәрсенің рұқсат етілуі немесе шектелуі ондағы осы екі жақтың қайсысы басым екендігіне байланысты. Осы тұрғыдан алғанда, жасанды интеллект бір жағынан үлкен мүмкіндік болса, екінші жағынан дұрыс қолданылмаса, зиянға алып келуі мүмкін құрал болып табылады.

Сол сияқты шариғи үкімнің рұқсат немесе тыйым болуы амалдардың нәтижесі мен болашақтағы ықтимал салдарына байланысты. Фақиһ істің немен аяқталатынын, оған апаратын себептер мен одан туындайтын нәтижелерін ескере отырып үкім береді.

2. Жасанды интеллектіні пайдаланудың артықшылықтары

2.1 Жұмысты жеңілдетудегі орны

Жасанды интеллект бұрын көп уақыт пен еңбек күшін қажет ететін міндеттерді орындай алады. Соның нәтижесінде жалпы тиімділік пен өнімділік артады. Компаниялар мен мекемелер өз жұмыстарын жеңілдетіп, адам қателігін азайтып, нәтижелілікті күшейте алады. Ол ауқымды мәліметтерді адам қол жеткізе алмайтын дәрежеде талдай алады. Мұндай жеңілдік қағидасы Құранда да көрініс тапқан: «Алла сендерге жеңілдікті қалайды» (Бақара, 185).

2.2 Денсаулық сақтау саласындағы пайдасы

Жасанды интеллект денсаулық сақтау саласын жетілдіруге көмектеседі. Ол науқастарға диагноз қоюда, ем жүргізуде және күтім сапасын арттыруда маңызды рөл атқарады. Мысалы, рентген және магниттік-резонанстық томография нәтижелерін жоғары дәлдікпен талдап, қатерлі ісік сияқты ауруларды ерте анықтауға көмектеседі. Құранда: «Кім бір жанды құтқарса, бүкіл адамзатты құтқарғанмен тең» делінген (Мәида, 32). Сонымен бірге аурулардың таралуын болжауға, аурухана жұмысын жақсартуға және жаңа дәрілер әзірлеуге ықпал етеді.

2.3 Білім беру саласындағы мүмкіндіктері

Жасанды интеллект білім беру саласында жекелендірілген оқу тәжірибесін ұсына алады. Оқу платформалары оқушылардың күшті және әлсіз жақтарын, оқу стилін талдап, соған сәйкес оқу мазмұнын ұсынады. Бұл оқушының өз деңгейіне сай тапсырма алып, білімнің артуына әсер етеді. Бұған Құраннан дәлел ететін аятта бар :«Білетіндер мен білмейтіндер тең бе?» деп айтылған (Зумар, 9). Жасанды интелектіні қолдану оның білімін пайдаланып, дұрыс білім жүйесін құрастыру үшін қажет екенін білеміз.

2.4 Қауіпсіздік саласындағы қызметі

Жасанды интеллект қоғамдық қауіпсіздікті күшейтуге көмектеседі. Құранда: «Күш-қуаттарыңды әзірлеңдер» делінген (Әнфал, 60). Оны қылмыстың алдын ала болжауына, тергеу жүргізуге, дәлел табуға және қауіпсіздік шараларын күшейтуге қолдануға болады. Сонымен қатар жер астына көмілген заттарды анықтау, есірткі, қару-жарақ, жарылғыш заттар мен басқа да қауіпті нысандарды табу сияқты істерде де қолданылуы мүмкін.

2.5 Қызмет көрсету сапасын арттыруы

Жасанды интеллект қызмет көрсету саласында да үлкен рөл атқарады. Ол тұтынушылардың сұранысын талдап, жекелендірілген ұсыныстар береді. Мұндай қызмет түрі қанағаттану деңгейін арттырады. Сонымен бірге жасанды интеллект тәуліктің кез келген уақытында тоқтаусыз жұмыс істей алады. Бұл да діндегі жеңілдік қағидасына сәйкес келеді: «Дінде сендерге қиындық жасамады» (Хаж, 78). Бұған чат-боттар мысал бола алады.

2.6 Бейтараптық сақтауы

Жасанды интеллектінің маңызды артықшылықтарының бірі – оның бейтараптыққа жақындығы. Ол өз қызметін атқару барысында эмоцияға, жеке пікірге немесе субъективті көзқарасқа тәуелді емес. Нәтижесінде шешім қабылдауда адамға тән қателіктер, әсіресе таныс пайдалану және әділетсіздік ықтималдығы болмайды.

Бұл қасиет көбіне кадр іріктеу, ғылыми зерттеу және ақпараттық талдау салаларында маңызды. Жасанды интеллект үлкен көлемдегі мәліметтерді талдап, нақты критерийлерге сүйене отырып қорытынды жасай алады. Осы арқылы ол әділдікке жақындауға мүмкіндік береді.

Дінде де әділдік пен бейтараптыққа ерекше мән берілген. Құранда: «Әділ болыңдар, ол тақуалыққа жақын» делінген (Мәида, 8). Осы тұрғыдан алғанда, жасанды интеллектінің бейтараптыққа ұмтылуы әділ шешім қабылдауға көмектесетін құрал ретінде қарастырылуы мүмкін.

Сонымен қатар қазіргі зерттеулерде де жасанды интеллект жүйелерінің дұрыс құрастырылған жағдайда адамға қарағанда кейбір шешімдерде әділ әрі тұрақты нәтиже бере алатыны көрсетілген (Floridi et al., 2018). Алайда оның толық бейтарап болуы енгізілген деректердің сапасына байланысты екенін де ескеру қажет.

3. Жасанды интеллектіні пайдаланудың тәуекелдері

3.1 Эмоциялық әлсіздігі

Жасанды интеллектінің кемшіліктерінің бірі – сезімді толық түсіне алмауы. Бұл әсіресе денсаулық сақтау мен кеңес беру саласында анық байқалады. Кей жағдайда адамға тек дұрыс

жауап қана емес, эмоциялық қолдау қажет болады. Ал мұндай қолдауды жасанды интеллект толық орындамайды.

3.2 Жұмыс орындарының қысқаруы

Жасанды интеллекттің дамуы көптеген жұмыс орындарының қысқаруына әкелуі мүмкін. Бұл адамдардың әлеуметтік жағдайына әсер етеді. Құранда: «Адамға тек еңбегі ғана тиесілі» деп айтылған (Нәжм, 39). Сонымен бірге зерттеулер нәтижесінде жұмысты роботтандыру, жұмыс нарығына қатты кері әсерін тигізетінін көрдік (Frey & Osborne, 2017).

3.3 Әдептік және құқықтық мәселелер

Жасанды интеллекттің жылдам дамуы әдептік мәселелерді де көбейтеді. Соның бірі – шешім қабылдаудағы әділетсіздік. Себебі жасанды интеллект тарихи деректерге сүйеніп жұмыс істейді. Егер сол деректерде қателік немесе теңсіздік болса, ол жүйе арқылы да қате жалғасуы мүмкін. Құранда: «Әділ болыңдар, ол тақуалыққа жақын» делінген (Мәида, 8). Бұл мәселе қазіргі ғылыми зерттеулерде де көтерілуде, Жасанды интеллекттінің қате тарихқа сүйену барысында қателелік жіберуі көрініс тапты (Floridi et al., 2018).

3.4 Жеке өмірге төнетін қауіп

Жасанды интеллект адамның жеке өмір құпиясына қауіп төндіруі мүмкін. Мысалы, адамдардың жеке мәліметтерін бақылау, құпияларын ашу, жалған ақпарат тарату, қаржылық алаяқтық жасау, адам бейнесін жасанды түрде құрастыру және жалған бейнелер арқылы алдау сияқты әрекеттер орын алуы ықтимал. Бұл әрекеттер Құранда тыйым салынған: «Бір-біріңнің аңдуын істемеңдер» (Хужурат, 12).

3.5 Қауіпсіздікке қатысты қатерлер

Жасанды интеллект хакерлік шабуылдар, вирустар және басқа да қауіптер арқылы үлкен зиян келтіруі мүмкін. Тіпті оны террорлық әрекеттерде, кісі өлтіруде және қылмыстық мақсаттарда қолдану қаупі де бар. Бұл оның өте қауіпті жақтарының бірі болып саналады. Бұл қоғамға үлкен қауіп төндіреді. Құранда: «Жер бетінде бұзақылық жасамаңдар» делінген (Бақара, 11). Сонымен қатар бұл қауіп ғылыми еңбектерде де қарастырылған (Bostrom, 2014).

3.6 Адами қатынастарға әсері

Жасанды интеллектіні шамадан тыс қолдану адамдар арасындағы қарым-қатынастың әлсіреуіне әсер етуі мүмкін. Соның салдарынан жанашырлық сезім, адами жақындық сияқты құндылықтар төмендеп, адамдар арасындағы байланыс әлсірейді. Ал Құранда адамдардың бір-бірімен байланыста болуы маңызды екендігі айтылған: «Сендерді ұлттар мен рулар еттік, бір-біріңді тануларың үшін» (Хужурат, 13).

3.7 Шығармашылыққа әсері

Жасанды интеллект шынайы шығармашылықты толық бере алмайды және ол дайын мәліметтерге сүйеніп жұмыс істейді. Сондықтан адамға тән табиғи күймен терең сезім және шығармашылық әсер кейде жетіспей жатады. Сонымен бірге оның өнер мен шығармашылыққа әсері өмірдің көркемдік қырын әлсіретуі мүмкін.

3.8 Өздігінен жетілуінің шектеулілігі

Жасанды интеллект алдын ала енгізілген дерек пен тәжірибеге сүйенетін технология болғандықтан, оны адам секілді еркін түрде дамытып, жетілдіру мүмкін емес. Қандай да бір өзгеріс не жақсарту қажет болса, оны адам қолмен енгізуі керек. Сондықтан ол өзіне арнайы бағдарламаланған міндеттен тыс басқа тапсырманы толық орындай алмай, кейде теріс нәтижелерге себеп болуы мүмкін.

4. Фиқһ тұрғысынан бағалау

Фиқһта шариғат үкімдерінің барлығы адамдардың негізгі мүдделерін қорғауға бағытталған. Бұл мүдделерге(ضرورة الخمس) яғни дінді сақтау, жанды сақтау, ақылды сақтау, ұрпақты сақтау және мал-мүлікті сақтау жатады. Осы тұрғыдан алғанда, жасанды интеллектіні пайдалану да осы мүдделерге әсері арқылы үкім берілуі мүмкін.

Егер жасанды интеллект адам игілігіне қызмет етіп, денсаулықты сақтауға, білімді арттыруға, қауіпсіздікті күшейтуге және қоғамға пайдалы істерге қолданылса, оның артықшылығы анық көрінеді. Ал егер ол жеке өмірге қол сұғуға, әділетсіздікке, қылмысқа, алдауға және қоғамды бұзуға пайдаланылса, онда оның тәуекелі мен зияны басым болады.

Сондықтан жасанды интеллектіні қолдану мәселесінде оның пайдасы мен зиянын қатар ескеру қажет. Оны бақылаусыз қалдырып қоймай, жауапкершілікпен және адам мүддесін көздей отырып пайдалану маңызды.

Қорытынды

Қорыта айтқанда, жасанды интеллект адам өмірінің көптеген саласына үлкен мүмкіндік әкелді. Ол жұмысты жеңілдетеді, денсаулытбнқ сақтау, білім беру, қауіпсіздік және қызмет көрсету салаларын жақсартады. Сонымен бірге оның жұмыс орындарының қысқаруына, жеке өмір құпиясының бұзылуына, әдептік мәселелердің көбеюіне және адами қатынастардың әлсіреуіне әсер ететін тәуекелдері де бар.

Фиқһ тұрғысынан алғанда, жасанды интеллектіні пайдалануға баға беру оның салдарына байланысты. Егер оның артықшылығы басым болып, адам мен қоғам игілігіне қызмет етсе, оны пайдалы құрал ретінде қарастыруға болады. Ал егер оның тәуекелі мен зияны басым түссе, онда оған шектеу қою қажеттігі туындайды. Осы себепті жасанды интеллектіні пайдалану мәселесінде салдарды ескеру аса маңызды.

Әдебиеттер

1. Құран Кәрім. Қазақша аударма / ауд. Н. Анарбаев, А. Әкімханов. – Алматы.
2. Frey, C.B., Osborne, M.A. (2017). The Future of Employment
3. Topol, E. (2019). Deep Medicine
4. Floridi, L. et al. (2018). AI Ethics
5. McKinsey Global Institute. The economic potential of AI. – 2023.
6. World Economic Forum. Future of Jobs Report. – 2020.
7. Nature Medicine. AI in cancer detection. – 2020.
8. Bostrom, N. (2014). Superintelligence
9. Әл-Жамал, Мухаммад Махмуд**.** Әл-уасайт әл-электрония әл-зәкийа фи манзур әл-фиқһ әл-ислами // Халықаралық ислам фиқһы академиясының 24-сессиясында ұсынылған баяндама. – Дубай, 2019. – 35.
10. Абдулла Муса, Ахмад Хабиб Билал. Жасанды интеллект: заманауи технологиялар төңкерісі. – Араб оқыту және баспа тобы, 2019. – 169.
11. Әл-Мухаймид, Омар бин Ибрахим. Жасанды интеллект және оның пәтуа шығарудағы әсері // Сауд Арабиясы фиқһ қауымдастығының журналы. – №57. – 559.
12. Әл-Асади (әл-Жабири арқылы). Жасанды интеллект және сараптамалық жүйелер // Жасанды интеллект туралы ұғымдар. – Король Абдулазиз университеті басылымдары. – 3–12.
13. Әл-Жабири. Жасанды интеллект және оның адам геномы жобасындағы рөлі. – 9–10, 45.
14. Қутб, Жолин Әдиб. Жасанды интеллект құралдары және олардың ғылыми зерттеу жазуда қолданылуы // Өнер, әдебиет және гуманитарлық-әлеуметтік ғылымдар журналы. – №98. 2023.
15. Мамдух, Халид. Жасанды интеллектіні қолданудың қараңғы жағы [Электрондық ресурс]. – URL: al-aim.com (25.03.2019).
16. Әл-Жабири. Жасанды интеллект адамзат болашағын қалай өзгертеді? [Электрондық ресурс]. – URL: www.youm7.com (26.11.2017).

ҚАЗІРГІ ФИҚҺТЫҚ ИЖТИҺАДТЫҢ СИПАТЫ: МӘТІНГЕ НЕГІЗДЕЛГЕН ФИҚҺ ПЕН ШЫНАЙЫ АХУАЛ АРАСЫНДАҒЫ ТЕПЕ-ТЕҢДІК МӘСЕЛЕСІ

Нышан А.
Нұр-Мүбарак Египет ислам мәдениеті университеті
«Исламтану» 1курс магистратура
Алматы, Қазақстан
ғылыми жетекшісі: PhD ***Нұрлан Анарбай***

Кіріспе

Ислам құқық жүйесі қоғамдағы діни, әлеуметтік және құқықтық қатынастарды реттейтін кешенді жүйе болып табылады. Оның негізгі қайнар көздері – Құран мен сүннет. Ал фиқһ ғылымы осы шариғи мәтіндерден туындайтын үкімдерді түсіндіру, жүйелеу және оларды қоғамдық өмірде қолдану қызметін атқарады. Ислам құқық теориясында ижтиһад ерекше орынға ие. Өйткені қоғамның дамуы, уақыттың өзгеруі және жаңа қоғамдық қатынастардың қалыптасуы көптеген мәселелердің қайта қаралуына себеп болады.

Әсіресе қазіргі жаһандану дәуірінде медицина, цифрлық технологиялар, жасанды интеллект, биоэтика және исламдық қаржы салаларында бұрын кездеспеген жаңа мәселелер туындап отыр. Мұндай жағдайларда шариғи үкім шығару үшін ижтиһадқа жүгіну қажеттілігі артады. Классикалық ислам ғалымдары ижтиһадты шариғи дәлелдер негізінде үкім шығаруға бағытталған ғылыми әрекет ретінде анықтаған.Имам Журжәни ижтиһадты былай түсіндіреді:

«شرعي ب ح كم ظنّ ن ل ه ل يح صل ال و سع ال ف ق يه ا س ت فراغ»

Яғни ижтиһад фақиһтің шариғи үкім туралы занни (ықтимал, басым) тұжырымға жету мақсатында барлық күш-жігерін жұмсауы[1, 13 б.]. Ижтиһад ислам құқық жүйесінің өміршеңдігін қамтамасыз ететін маңызды тетік болып саналады. Себебі шариғи мәтіндер шектеулі болғанымен, адам өмірінде пайда болатын мәселелер шексіз. Осыған байланысты ғалымдар жаңа жағдайларға қатысты үкім шығаруда мәтіннің жалпы қағидалары мен шариғат мақсаттарына сүйенген.

Зерттеу әдісі

Зерттеу барысында теориялық-аналитикалық, тарихи-логикалық және салыстырмалы құқықтық әдістер қолданылды. Сонымен қатар классикалық усул әл-фиқһ еңбектері мен қазіргі ислам құқықтанушыларының зерттеулері салыстырмалы түрде талданды. Негізгі дереккөздер ретінде Имам Журжәни «Тағрифат», Имам Ғазалидің «Мустасфа», Имам Мәләк«Шарх әл-Мәнәр», Ибн Абидиннің «Радд әл-Мухтар», әш-Шатыбидің «әл-Муафақат» еңбектері пайдаланылды. Сонымен қатар Мұхаммад Хашим Камали, Юсуф әл-Қарадауи, Тақи Усмани, Жассер Ауда және Уахба әз-Зухайлидің қазіргі ислам құқық теориясына қатысты зерттеулері қарастырылды.

Зерттеу барысында мәтіндік-герменевтикалық талдау, мазһабтық салыстыру, құқықтық қағидаларды жүйелеу, қазіргі фәтуа институттарының тәжірибесін талдау және нәуәзилдерге қатысты қолданбалы құқықтық талдау әдістері пайдаланылды. Сонымен қатар қазіргі нәуәзилдерге қатысты Халықаралық ислам фиқһы академиясының қарарлары, AAOIFI стандарттары және қазіргі ислам қаржы институттарының тәжірибелері салыстырмалы түрде қарастырылды.

Негізгі бөлім

1. Ижтиһад ұғымы және оның құқықтық табиғаты

Ижтиһад ислам құқық теориясының негізгі категорияларының бірі болып табылады. Усул әл-фиқһ ғылымында ол Құран мен сүннетте нақты үкімі көрсетілмеген мәселелерге шариғи дәлелдер арқылы үкім шығаруды білдіреді. «Ижтиһад» сөзі араб тіліндегі «جهد» түбірінен шығып, «бар күш-жігерді жұмсау» мағынасын білдіреді. Ал терминологиялық тұрғыдан мүжтахидтің шариғи үкімді анықтау жолында ғылыми ізденіс жүргізуі деген мағынада қолданылады. Имам әл-Ғазали ижтиһадқа келесідей анықтама береді:

«ال ح كم ط لب ف ي و س عه ال مج تهد ب ذل»

Яғни мүжтаһидтің үкімді іздеу жолында бар күш-жігерін жұмсауы [14, 281 б.]. Классикалық ислам ғалымдары ижтиһадты: шариғи мәтіндерге негізделген; ғылыми қағидалармен шектелген; дәлелдер жүйесіне сүйенетін құқықтық қызмет ретінде қарастырған. Сондықтан ижтиһад абсолютті еркін пікір білдіру емес.

Ислам тарихында ижтиһад құқықтық дамудың негізгі қозғаушы күштерінің бірі болды. Сахабалар дәуірінде жаңа мәселелерге қатысты үкім шығару барысында қияс кең қолданылды. Кейін бұл әдіс мазһабтар дәуірінде толық теориялық жүйеге айналды. Ханафи мәзһабы ижтиһад мәселесінде кең құқықтық талдау жасауымен ерекшеленді. Имам Әбу Ханифа мәтіннің сыртқы мағынасына ғана сүйенбей, оның мақсаты мен қоғамдық салдарын да ескерген. Бұл ерекшелік қазіргі нәуәзилдерге қатысты үкім шығаруда маңызды рөл атқарады. Имам Мәләк былай дейді:

«ال نص عدم ع ند ب ه ي عمل شرعي دل يل ال ق ياس»

Яғни нақты мәтін болмаған жағдайда қияс шариғи дәлел ретінде қолданылады [12, 199 б.]. Бұл қағида ислам құқық жүйесінің тек мәтінмен шектелмейтінін, жаңа жағдайларға қатысты құқықтық шешім шығара алатын икемді құрылым екенін көрсетеді.

Сонымен қатар қазіргі ислам құқықтануында ижтиһад мәселесіне қатысты әртүрлі ғылыми бағыттар қалыптасқан. Кейбір зерттеушілер қоғамдық мүддені шектен тыс кеңейту мәтіннің нормативтік беделін әлсіретеді деп есептейді. Ал екінші бағыттағы ғалымдар қазіргі нәуәзилдерді тек классикалық үлгілермен шектеу ислам құқығының практикалық тиімділігін төмендетеді деп санайды [4, 188 б.]. Осыған байланысты қазіргі ижтиһад не абсолютті мәтіншілдікке, не шектен тыс еркіндікке негізделмеуі тиіс. Оның негізгі мақсаты – шариғи мәтіндердің тұрақтылығын сақтай отырып, қоғамдық өзгерістерге ғылыми негізде жауап беру.

2. Мәтін мен қоғамдық ахуал арасындағы байланыс

Фиқһ ғылымында мәтін негізгі орынға ие болғанымен, қоғамдық ахуалды ескеру де маңызды қағидалардың бірі болып саналады. Себебі шариғи үкімдердің көпшілігі нақты қоғамдық жағдайлармен байланысты түрде қолданылады. Классикалық ислам ғалымдары мәтінді түсіндіру барысында: үкімнің себебін; қоғамдық ортаны; ғұрыпты; адамдардың қажеттіліктерін ескерген.

Ханафи мазһабы бұл мәселеде ерекше құқықтық икемділік көрсеткен мазһабтардың бірі саналады. Әсіресе ғұрып қағидасы ханафи құқық теориясында маңызды орын алады. Ибн Абидин:

«ب ال نص ك ال ثاب ت ب ال عرف ال ثاب ت»

деп, қоғамда қалыптасқан ғұрыптың кей жағдайда мәтін секілді құқықтық маңызға ие болатынын айтқан [9, 4/364 б.]. Бұл қағида қоғамдық қатынастардың өзгеруімен бірге құқықтық үкімдердің қолданылу формасы да өзгеруі мүмкін екенін көрсетеді. Алайда мұнда шариғаттың негіздері өзгермейді. Өзгеретін нәрсе – қоғамдық жағдай мен құқықтық қолдану тәсілі.

Қазіргі кезеңде электронды сауда, онлайн келісімшарттар, цифрлық экономика, халықаралық қаржы қатынастары сияқты жаңа құбылыстар пайда болды. Бұл мәселелер классикалық фиқһ әдебиеттерінде тікелей қарастырылмаған. Сондықтан қазіргі ислам құқықтанушылары жаңа құқықтық талдау жүргізуге мәжбүр. Мысалы, қазіргі халықаралық фиқһ академиялары электронды келісімшарттарды ижаб пен қабул талаптары сақталған жағдайда жарамды деп қарастырады. Өйткені мұнда келісімнің мәні сақталғанымен, оның орындалу формасы өзгерген [4, 77 б.]. Сол сияқты исламдық қаржы саласында банк карталары, электронды төлем жүйелері және онлайн сауда қатынастары қазіргі қоғамдық ахуалға сәйкес құқықтық тұрғыдан қайта талданды. Бұл жерде ханафи мазһабындағы ғұрып және маслаха қағидалары маңызды рөл атқарады. Имам Ғазали:

«م ت ناه ية غ ير وال وق ائ ع م ت ناه ية ال ن صوص»

деп, мәтіндердің шектеулі, ал өмірдегі оқиғалардың шексіз екенін айтқан [14, 297 б.]. Бұл қағида қазіргі нәуәзилдерге қатысты ижтиһадтың қажеттілігін көрсетеді. Өйткені қоғамдық өмір үздіксіз өзгеріп отырғандықтан, ислам құқық жүйесі де жаңа мәселелерге жауап бере алуы тиіс.

Қазіргі ислам құқықтануындағы маңызды пікірталастардың бірі – қоғамдық мүддені қаншалықты деңгейде құқықтық дәлел ретінде қолдануға болатындығы. Кейбір ғалымдар қоғамдық мүддені шектен тыс кеңейту мәтіннің нормативтік беделін әлсіретеді деп есептейді. Ал басқа зерттеушілер қазіргі нәуәзилдерді тек классикалық үлгілермен шектеу ислам құқығының практикалық өмірден алыстауына алып келеді деп санайды. Юсуф әл-Қарадауи қазіргі ижтиһадта: мәтіннің тұрақтылығы; қоғамдық қажеттілік; шариғат мақсаттары арасындағы тепе-теңдікті сақтау қажеттігін атап көрсетеді [4, 188 б.]. Осыған байланысты қазіргі ижтиһад мәтінді толық ығыстырмауы, қоғамдық ахуалды ескерусіз қалдырмауы тиіс. Ислам құқық теориясындағы негізгі міндеттердің бірі – осы екі бағыт арасындағы ғылыми үйлесімді сақтау.

3. Ханафи мазһабындағы истихсан және қоғамдық мүдде

Ханафи мазһабының құқықтық әдіснамасындағы ең маңызды ерекшеліктердің бірі – истихсан қағидасы. Истихсан классикалық қиястың кей жағдайда қоғамдық қиындықтарға алып келуін болдырмау мақсатында қолданылатын құқықтық тәсілдердің бірі болып табылады. Имам Жүржәни истихсанды былай түсіндіреді:

«ب ال ناس أرف ق هو ما إل ى ال ق ياس ت ركه الا س تح سان»

Яғни истихсан – адамдарға жеңіл әрі тиімді шешім үшін қиястан бас тарту [1, 19 б.]. Бұл қағида ханафи мазһабының құқықтық ікемділігін көрсетеді. Себебі кейбір жағдайларда формалды қияс қоғамдық қиындық немесе әділетсіздікке алып келуі мүмкін. Мұндай жағдайда истихсан қоғамдық қажеттілік пен әділеттілікке жақынырақ шешімді таңдауға мүмкіндік береді. Имам Әбу Ханифа мен оның шәкірттері истихсанды қоғамдық жеңілдік, әділеттілік және қоғамдық тұрақтылық мақсатында кең қолданған.

Қазіргі исламдық қаржы жүйесінде истихсан қағидасының маңызы ерекше байқалады. Мысалы: мурабаха, иджара, сукук және исламдық банк қызметтері сияқты көптеген қаржы құралдары қазіргі экономикалық қатынастарды ескере отырып құқықтық тұрғыдан талданды [5, 94 б.]. Кейбір қазіргі ғалымдар исламдық қаржы жүйесінде қоғамдық қажеттілік қағидасының шамадан тыс қолданылуы классикалық фиқһ қағидаларының әлсіреуіне алып келуі мүмкін деп есептейді. Ал екінші бағыттағы зерттеушілер қазіргі экономикалық жүйені ескермей тұрып, исламдық қаржы институттарын дамыту мүмкін емес екенін айтады [6, 278 б.].

Шариғат мақсаттары теориясы да бұл мәселеде маңызды рөл атқарады. Имам әш-Шатыби:

«ال ع باد ل م صال ح و ض عت إن ما ال شري عة»

деп, шариғаттың негізгі мақсаты адамдардың мүддесін қорғау екенін айтқан [11, 2/538 б.]. Шариғат мақсаттарына дінді сақтау, өмірді сақтау, ақылды сақтау, ұрпақты сақтау және мал-мүлікті сақтау жатады. Қазіргі ижтиһад осы мақсаттарды ескере отырып жүзеге асырылады. Әсіресе медицина, биоэтика, цифрлық технология және халықаралық қатынастар салаларындағы мәселелерде маслаха қағидасының рөлі күшейіп отыр.

4. Қазіргі нәуәзилдер және ұжымдық ижтиһад

Қазіргі кезеңде ислам құқықтануында бұрын классикалық фиқһ әдебиеттерінде кездеспеген көптеген жаңа мәселелер пайда болды. Мұндай мәселелер ислам құқық ғылымында «нәуәзил» немесе «мустажаддат» деп аталады. Қазіргі нәуәзилдер қатарына криптовалюта, цифрлық келісімшарттар, орган трансплантациясы, жасанды интеллект, генетикалық инженерия, биоэтика және исламдық қаржы құралдары сияқты мәселелер жатады.

Бұл мәселелердің ерекшелігі – олардың тек фиқһ ғылымымен ғана шектелмей, медицина, экономика, технология және халықаралық құқық салаларымен де тығыз байланысты болуы. Сондықтан қазіргі кезеңде ұжымдық ижтиһадтың маңызы айтарлықтай артты. Классикалық кезеңде құқықтық мәселелерді жеке мүжтаһидтер шешкен болса, қазіргі кезеңде көптеген нәуәзилдер бірнеше ғылым саласының мамандарын қажет етеді. Осыған байланысты халықаралық фиқһ академиялары мен пәтуа орталықтарының рөлі күшейді. Олардың қатарына Халықаралық ислам фиқһы академиясы, AAOIFI, әл-Азхар пәтуа орталығы және Иордания пәтуа басқармасы жатады. Бұл мекемелер қазіргі нәуәзилдерге қатысты медицина, қаржы, биоэтика және технология салаларындағы мәселелерді ұжымдық түрде талдайды.

4.1 Криптовалюта мәселесі Криптовалюта қазіргі ислам құқықтануындағы ең күрделі мәселелердің бірі саналады. Өйткені бұл мәселе ақша ұғымы, мал ұғымы, айырбас, ғарар және тәуекел сияқты бірнеше құқықтық категориямен байланысты. Кейбір қазіргі ғалымдар криптовалютаны жоғары тұрақсыздық, нақты мемлекеттік кепілдіктің болмауы және алыпсатарлық элементтердің көптігі себепті құптамайды. Ал басқа зерттеушілер цифрлық экономиканың дамуын және қоғамдық қажеттілікті ескере отырып, белгілі шарттармен рұқсат беру пікірін ұстанады [4, 144 б.]. Бұл пікірталас қазіргі ижтиһадтағы негізгі мәселелердің бірін көрсетеді: қоғамдық қажеттілік пен құқықтық тұрақтылық арасындағы тепе-теңдік мәселесі.

4.2 Орган трансплантациясы Орган трансплантациясы классикалық фиқһ әдебиеттерінде тікелей кездеспейтін қазіргі нәуәзилдердің бірі болып табылады. Қазіргі халықаралық фиқһ академиялары өмірді сақтау, қоғамдық қажеттілік және дарура қағидасы негізінде белгілі шарттармен орган трансплантациясына рұқсат беру пікірін қабылдаған. Бұл жерде адамның қадір-қасиетін сақтау, адам денесінің құрметі және өмірді сақтау мақсаты арасындағы құқықтық тепе-теңдік мәселесі қарастырылады. Шариғат мақсаттары теориясында өмірді сақтау негізгі мақсаттардың бірі болып саналады. Сондықтан қазіргі ғалымдар бұл мәселеде мақасид тәсілін кең қолданады [8, 88 б.].

4.3 Жасанды интеллект және автоматты пәтуа жүйелері Соңғы жылдары жасанды интеллект технологиялары ислам құқықтануына да әсер ете бастады. Қазіргі таңда автоматты пәтуа платформалары, AI негізіндегі діни жауап жүйелері және цифрлық құқықтық талдау бағдарламалары пайда болуда. Бұл мәселеге қатысты қазіргі ислам құқықтанушылар арасында бірнеше пікір қалыптасқан. Кейбір зерттеушілер жасанды интеллектті ақпараттық көмекші құрал және құқықтық деректерді жүйелеу тәсілі ретінде қабылдады. Ал басқа ғалымдар ижтиһадтың ниет, құқықтық талдау, қоғамдық жағдайды бағалау және моральдық жауапкершілік сияқты қырлары тек мүжтаһид адам арқылы жүзеге асуы тиіс деп есептейді.

Сондықтан қазіргі кезеңде жасанды интеллект толыққанды мүжтахидтің орнын баса алмайды деген пікір кең таралған.

4.4 Ұжымдық ижтиһадтың маңызы Қазіргі нәуәзилдердің күрделенуі ұжымдық ижтиһадтың маңызын арттырды. Юсуф әл-Қарадауи қазіргі кезеңде жеке ижтиһадпен қатар институционалдық ижтиһадтың қажеттігін ерекше атап көрсетеді [4, 244 б.]. Ұжымдық ижтиһадтың артықшылықтарына: пәнаралық талдау жасауға мүмкіндік беруі; қателік ықтималдығын азайтуы; қоғамдық ахуалды тереңірек бағалауы және қазіргі мәселелерді кешенді түрде қарастыруы жатады. Сондықтан қазіргі ислам құқық жүйесінде ұжымдық ижтиһад ең тиімді құқықтық тәсілдердің бірі ретінде қарастырылады.

5. Ғылыми пікірталас және қазіргі ижтиһадтағы бағыттар

Қазіргі ислам құқықтануында ижтиһад мәселесіне қатысты бірнеше ғылыми бағыт қалыптасқан. Бұл пікірталастардың негізгі өзегі – мәтіннің тұрақтылығы мен қоғамдық өзгерістер арасындағы қатынас мәселесі.

Бірінші бағыттағы ғалымдар шариғи мәтіндердің сыртқы мағынасына қатаң байланысуды жақтайды. Олар қоғамдық мүддені шамадан тыс кеңейту: мәтіннің нормативтік беделін әлсіретуі; фиқһтың субъективті түсіндірілуіне алып келуі; шариғи тұрақтылықтың бұзылуына себеп болуы мүмкін деп есептейді. Бұл бағыт әсіресе қазіргі исламдық қаржы жүйесіне қатысты сын айтады. Кейбір зерттеушілер ислам банктерінің бірқатар тәжірибелері классикалық фиқһтағы риба тыйымының рухына толық сәйкес келмейді деп санайды.

Ал екінші бағыттағы ғалымдар қазіргі нәуәзилдерді тек классикалық үлгілермен шектеу ислам құқығының қоғамдық өмірден алыстауына алып келеді деп есептейді. Олардың пікірінше, жаңа технологиялар, цифрлық экономика, халықаралық құқықтық қатынастар классикалық құқықтық модельдерді қайта қарауды қажет етеді. Юсуф әл-Қарадауи қазіргі ижтиһадта мәтін, қоғамдық қажеттілік және шариғат мақсаттары арасындағы тепе-теңдікті сақтау қажеттігін ерекше атап көрсетеді [4, 188 б.]. Жассер Ауда да қазіргі ислам құқық теориясында шариғат мақсаттарына негізделген жүйелік тәсілді қолданудың маңызын көрсетеді [8, 77 б.]. Оның пікірінше, қазіргі нәуәзилдерді талдауда қоғамдық салдар, әлеуметтік тұрақтылық, адам мүддесі және құқықтық нәтижелер міндетті түрде ескерілуі тиіс. Алайда кейбір зерттеушілер мақасид тәсілін шектен тыс кеңейту классикалық усул әл-фиқһ қағидаларының әлсіреуіне алып келуі мүмкін екенін айтады.

Сондықтан қазіргі ислам құқықтануындағы негізгі мәселе – шариғаттың тұрақты қағидаларын сақтай отырып, қазіргі өзгерістерге жауап беру. Осыған байланысты қазіргі ижтиһад абсолютті мәтіншілдікке немесе шектен тыс құқықтық еркіндікке негізделмеуі тиіс. Ханафи мазһабының құқықтық әдіснамасы бұл мәселеде ерекше тепе-теңдік моделін ұсынады. Себебі ханафи ғалымдары қияс, истихсан, ғұрып және маслаха сияқты қағидаларды қолдана отырып, мәтін мен қоғамдық ахуал арасындағы үйлесімді сақтауға тырысқан.

6. Қазақстан контексіндегі қазіргі ижтиһад

Қазақстандағы ислам құқықтану саласында қазіргі нәуәзилдерге қатысты зерттеулердің маңызы артып келеді. Әсіресе исламдық қаржы, халал индустрия, цифрлық сауда, биоэтика және әлеуметтік желілердегі діни қызмет сияқты мәселелер қазіргі кезеңде өзекті бағыттардың біріне айналды.

Қазақстан мұсылмандары діни басқармасы жанындағы пәтуа бөлімі қазіргі әлеуметтік мәселелерге қатысты пәтуалар шығарып келеді. Бұл қоғамдағы діни тұрақтылықты сақтау, діни сауаттылықты арттыру және қазіргі мәселелерге шариғи жауап беру тұрғысынан маңызды рөл атқарады. Қазіргі Қазақстан қоғамында исламдық қаржы жүйесіне деген қызығушылық артып

келеді. Осыған байланысты ислам банкингі, халал инвестиция және цифрлық қаржы құралдары сияқты мәселелер құқықтық талдауды қажет етеді. Мұндай мәселелерді шешуде ханафи мазһабының құқықтық әдіснамасы маңызды рөл атқара алады. Себебі Қазақстандағы дәстүрлі діни мектеп тарихи тұрғыдан ханафи мәзһабына негізделген.

Сонымен қатар қазіргі кезеңде әлеуметтік желілер мен цифрлық платформалар арқылы діни ақпараттың жылдам таралуы жаңа мәселелер туындатуда. Кей жағдайларда біліксіз діни пікірлер, дәлелсіз пәтуалар және контекстен тыс мәтіндік түсіндірулер қоғамда түсінбеушілік қалыптастыруы мүмкін. Осыған байланысты қазіргі Қазақстан жағдайында институционалдық пәтуа жүйесін күшейту, қазіргі нәуәзилдерге арналған ғылыми орталықтар құру және қолданбалы усул әл-фиқһ зерттеулерін дамыту маңызды бағыттардың бірі болып саналады.

Қорытынды

Зерттеу нәтижелерін қорытындылай келе, қазіргі фиқһтық ижтиһад – ислам құқық жүйесінің заман талабына сай икемділігі мен өміршеңдігін айқындайтын басты ғылыми-методологиялық құрал. Шариғи мәтіндердің (насс) өзгермейтін негіздерін сақтай отырып, трансформацияға ұшыраған қоғамдық шынайылықты (уақиға) ескеру ислам заңнамасының өзектілігін арттыра түседі.

Жұмыс барысында анықталған негізгі тұжырымдар келесідей айқындалады:

1. Ижтиһад үдерісі тек заңдық шешім шығару механизмі ғана емес, ол – мәтіннің нормативтік тұрақтылығы мен заманауи әлеуметтік-технологиялық трансформациялар арасындағы үйлесімділікті қамтамасыз ететін тұтас жүйе.
2. Ханафи мазһабының құқықтық әдіснамасындағы қияс, истихсан, ғұрып және маслаха қағидалары қазіргі күрделі нәуәзилдерді (криптовалюта, цифрлық келісімшарттар, орган трансплантациясы, жасанды интеллект) құқықтық тұрғыдан шешуде жоғары деңгейдегі икемділік пен әділеттілік үлгісін ұсына алады.

3. Бүгінгі таңда нәуәзилдердің пәнаралық (медицина, қаржы, IT) сипат алуына байланысты жеқ ‘Ali ibn Muhammad al-Jurjani al-Hanafi. Kitab al-Ta‘rifat: Qamus li’l-mustalahat wa’l-ta‘rifat. – Beirut: Resalah Publishers, 2024. – 239 p.
2. Kamali M.H. Principles of Islamic Jurisprudence. – Kuala Lumpur, 2003. – 510 p.
3. Hallaq W. An Introduction to Islamic Law. – Cambridge University Press, 2009. – 221 p.
4. Al-Qaradawi, Yusuf. Al-Ijtihad fi al-Sharia al-Islamiyya ma'a Nazarat Tahliliyya fi al-Ijtihad al-Mu'asir. – Kuwait: Dar al-Qalam, 1996. – 221 p.
5. Usmani T. An Introduction to Islamic Finance. – Karachi, 2002. – 240 p.
6. Al-Zuhayli W. Usul al-fiqh al-Islami. – Beirut, 1986. – Vol. 2. – 1230 p.
7. Mustafa Zayd. Al-Maslaha fi al-Tashri al-Islami. – Cairo, 1994. – 450 p.
8. Auda J. Maqasid al-Sharia as Philosophy of Islamic Law. – London, 2008. – 370 p.
9. Ibn ‘Abidin. Radd al-Muhtar. – Beirut: Dar al-Fikr, 1992. – Vol. 4. – 848 p.
10. al-Ghazali. al-Mustasfa. – Beirut: Dar al-Kutub al-‘Ilmiyya, 1997. – 480 p.
11. al-Shatibi. al-Muwafaqat. – Beirut: Dar al-Kutub al-‘Ilmiyya, 2004. – Vol. 2. – 520 p.
12. Ibn Malak ‘A. Sharh Ibn Malak ‘ala Manar al-Anwar fi Usul al-Fiqh. – Istanbul: Dar al-Sultan li al-Nashr; Dar Ibn Hazm, 2024. – Vol. 2. – 518 p.

ИСЛАМДАҒЫ ПІКІРТАЛАС МӘДЕНИЕТІ ЖӘНЕ ҒАЛЫМДАР КӨЗҚАРАСЫ

Нұрислам Ахметжанұлы
«Нұр-Мүбарак» Египет ислам мәдениеті университетінің магистранты
Ғылыми жетекші: ***Оңғар Ершат Ағыбайұлы***

Аңдатпа

Мақалада исламдағы пікірталас мәдениетінің ұғымдық және шариғи негіздері, жәдәлдің тілдік және терминдік мағынасы, пікірталастың мақсаты мен негізгі әдептері қарастырылады. Құрандағы пікірталасқа қатысты қағидалар мен Фахруддин әр-Разидің «Мафатих әл-ғайб», Әбу Муғин ән-Нәсәфидің «Бахр әл-кәләм» еңбектеріндегі ұстанымдар негізінде жәдәлдің мақтаулы және сөгіске лайық түрлері ажыратылады. Сонымен бірге пікірталаста ықшам сөйлеу, дәлелді дұрыс қолдану, терминдерді нақтылау, қарсы тарапты тыңдау, негізгі мақсаттан ауытқымау және тұлғаның қадірін сақтау сияқты негізгі әдептер жүйеленеді. Зерттеудің негізгі қорытындысы – исламдық пікірталастың мақсаты қарсы тарапты жеңу емес, дәлел арқылы ақиқатты айқындау екендігі.

Түйін сөздер: пікірталас, жәдәл, мужәдәлә, мунәзара, пікірталас мәдениеті, ислам әдебі, дәлел, ақиқат.

Кіріспе

Адамдардың білім деңгейі, тәжірибесі және дүниетанымы әртүрлі болғандықтан, бір мәселеге қатысты пікірлердің сан алуан болуы табиғи құбылыс. Пікір айырмашылығының өзі зиян емес; негізгі мәселе – сол айырмашылықты қандай жолмен талқылауда. Дәлелге, тыңдауға және ақиқатты іздеуге негізделген пікірталас адамның білімін тереңдетсе, нәпсіге, ашуға және жеңіске ұмтылуға құрылған дау өзара түсіністікті әлсіретеді.

Құранда: «Олармен ең көркем түрде пікірталас жүргіз» деген қағида баяндалады. Бұл пікірталастың өзін жоққа шығармай, оның әдісіне талап қоятынын көрсетеді. Яғни пікірдің мазмұнымен қатар, оны қандай ниетпен және қандай тәсілмен жеткізу маңызды.

Ислам ғылымдарының даму тарихында калам, фиқһ, усул әл-фиқһ және ақида салаларында пікірлерді салыстыру, дәлелдерді саралау және қарсы уәждерге жауап беру кең қолданылған. Жәдәл мен мунәзара осы ғылыми дәстүрдің қалыптасуына ықпал етті.

Мақаланың мақсаты – исламдағы пікірталастың ұғымдық және шариғи негіздерін анықтап, ғалымдардың көзқарастары арқылы оның негізгі мәдени-этикалық қағидаларын жүйелеу.

Негізгі бөлім

1. Жәдәл ұғымының тілдік және терминдік мағынасы

Араб тіліндегі «جَدَلٌ» (жәдәл) сөзі пікірталас, тартыс және дәлелдесу мағыналарында қолданылады. Оның түбірлік мағынасы бір нәрсені қатты иіру, ширату ұғымымен байланысты. Бұл мағына пікірталастың табиғатын бейнелейді: әр тараптың уәждері өзара қарсы қойылып, олардың беріктігі тексеріледі. Демек, жәдәл – жай ғана сөз таластыру емес, пікірлердің негізділігін анықтауға бағытталған әрекет.

Терминдік тұрғыдан жәдәлді екі тараптың өзара дәлел алмасып, әрқайсысының өзінің ұстанымын дәлелдеуге және қарсы тараптың уәжін тексеруге бағытталған интеллектуалдық

әрекеті деп түсіндіруге болады. Мұндағы «өзгерту» ұғымын қарсыласын кез келген жолмен жеңу деп түсіну дұрыс емес. Ғылыми пікірталастың шынайы нәтижесі – ақиқаттың айқындалуы.

Егер адам өз дәлелінің әлсіздігін байқап, қарсы тараптың уәжін қабылдаса, бұл оның ғылыми тұрғыдан жеңілгенін емес, интеллектуалдық адалдығын көрсетеді. Сондықтан жәдәлді қарапайым даудан ажыратудың негізгі өлшемі – мақсат пен әдіс. Нәпсі үстем болған дауда адамның жеңіске жетуі бірінші орынға шықса, ғылыми жәдәлде дәлел мен ақиқат негізгі орында тұрады.

2. Құрандағы пікірталас және оның діни негізі

Құран Кәрімде пікірталас әртүрлі контексте баяндалады. Бір жағынан, пайғамбарлардың ақиқатты түсіндіру жолындағы дәлелдеуі көрсетілсе, екінші жағынан хақсыз тартыстың жағымсыз сипаты көрінеді. Бұл пікірталастың үкімі оның сыртқы формасына ғана емес, мақсаты мен мазмұнына да байланысты екенін аңғартады.

Нахл сүресінің 125-аятындағы «Раббыңның жолына даналықпен әрі жанға жағымды уағыз-насихат айту арқылы шақыр!» деген бұйрық пікірталастың әдебін айқындайды[5]. Ақиқатқа шақыру дөрекілікпен, қорлаумен немесе орынсыз эмоциямен емес, ең жақсы тәсілмен жүргізілуі керек.

Һуд сүресінде Нұх пайғамбардың (ғ.с.) қауымымен болған пікірталасы баяндалады. Фахруддин әр-Разидің түсіндірмесінде бұл пікірталастың тәухидті, пайғамбарлықты және қайта тірілуді бекітуге, күмәндарды жоюға бағытталғаны көрсетіледі [1].

Осылайша Құрандағы пікірталастың негізгі қағидасын «ақиқатқа ең көркем жолмен шақыру» деп жинақтауға болады

3. Ғалымдар көзқарасындағы пікірталастың үкімі

Мұсылман ғалымдары пікірталастың үкімін оның мақсатына, мазмұнына және нәтижесіне қарай қарастырған. Сондықтан пікірталасты абсолютті түрде құптау немесе толықтай тыйым салу исламдық ғылыми дәстүрдің ұстанымын толық бере алмайды.

Фахруддин әр-Рази «Мафатих әл-ғайб» еңбегінде Нұх пайғамбардың (ғ.с.) қауымымен болған пікірталасына тоқталып, оның дағуаттағы дәлелдеу қызметін көрсетеді [1]. Пікірталас ақиқатты бекітуге және күмәндарды жоюға қызмет еткен жағдайда діни ілімді қорғаудың құралдарының біріне айналады.

Әбу Муғин ән-Нәсәфидің «Бахр әл-кәләм» еңбегінде мунәзара мен жәдәлге арнайы орын берілуі каламдық ғылыми дәстүрде пікірталастың маңызды әдіс болғанын көрсетеді [2]. Әртүрлі көзқарастарды келтіру, олардың уәждерін талдау және қарсы дәлелдерге жауап беру исламдық ғылыми ойлаудың маңызды ерекшеліктерінің бірі болды.

Ортақ қағида мынадай: пікірталас хақты бекітуге, күмәнды жоюға, дінді қорғауға және дұрыс түсінік қалыптастыруға бағытталса – мақтаулы. Ал жалғанды қорғау, нәпсіні қанағаттандыру, атақ пен бедел іздеу немесе қарсы тарапты кез келген жолмен жеңу мақсатындағы тартыс – сөгіске лайық.

3.1. Пікірталастың мақсаты және ниет

Пікірталастың сыртқы формасы бірдей болғанымен, оның ішкі мақсаты әртүрлі болуы мүмкін. Бір адам мәселені түсіну үшін сұрақ қойса, екіншісі қарсы тараптың білімін сынау немесе өзінің артықшылығын көрсету үшін сұрақ қоюы ықтимал. Сондықтан пікірталас мәдениетінің алғашқы шарты – ниетті түзету.

Адам өз пікірін қорғауға құқылы, бірақ өзінің пікірін ақиқаттың өзі деп қабылдамауы қажет. Пікірдің беделі оны айтқан адамның мәртебесімен емес, дәлелінің күшімен өлшенеді.

Нәпсі араласқан кезде адам қарсы тараптың дұрыс сөзін қабылдауға қиналып, ақиқаттан гөрі жеңіске ұмтылады.

Ғылыми пікірталаста өз қатесін мойындау әлсіздік емес. Дәлел анық болған кезде өз пікірін өзгерте алу – зерттеушінің интеллектуалдық адалдығы.

4. Пікірталас мәдениетінің негізгі әдептері

4.1. Сөзді ықшам ұстау

Пікірталаста сөзді ықшам әрі мәселенің өзегіне бағыттап айту маңызды. Мәселеге қатысы жоқ ұзақ әңгіме негізгі дәлелді көмескілендіреді. Бір сұрақтың ішіне бірнеше қосымша мәселені араластыру пікірталастың құрылымын бұзады. Ықшам сөйлеу ойдың жүйелілігін көрсетіп, негізгі дәлелдің айқын көрінуіне мүмкіндік береді.

4.2. Дәлелді шамадан тыс көбейтпеу

Бір мәселені дәлелдеуде қажетсіз көп уәж келтіру пікірталастың сапасын әрдайым арттырмайды. Керісінше, негізгі дәлел мен қосымша дәлелдердің арақатынасы жоғалуы мүмкін. Сондықтан алдымен мәселенің өзегін дәлелдейтін мықты уәж ұсынылып, қажет болған жағдайда ғана қосымша дәлелдер келтірілгені жөн.

4.3. Түсініксіз терминдерді қолданбау

Терминдердің көп болуы пікірталастың ғылыми деңгейін автоматты түрде көтермейді. Қарсы тарап белгілі бір терминді түсінбесе, оны түсіндірмей қолдану өзара түсіністікті қиындатады. Әсіресе ақида, фиқһ және усул әл-фиқһ мәселелерінде бір термин бірнеше мағынада қолданылуы мүмкін. Сондықтан негізгі терминдердің мағынасын алдын ала нақтылау қажет.

4.4. Синонимдерді орынсыз алмастырмау

Ғылыми пікірталаста сөздің мағынасы дәл болуы тиіс. Күнделікті тілде мағыналас көрінетін сөздер терминологиялық тұрғыдан бірдей болмауы мүмкін. Бір терминді екіншісімен тек көркемдік мақсатта алмастыру ғылыми дәлдікті әлсіретеді.

4.5. Қарсы тарапты толық тыңдау

Пікірталастың маңызды әдебінің бірі – қарсы тараптың сөзін толық тыңдау. Оның сөзін түсінбей тұрып жауап беру айтылмаған пікірге жауап беруге әкелуі мүмкін. Қажет жағдайда айтылған ойды нақтылап алған жөн. Тыңдау – пікірді қабылдау емес, қарсы тараптың уәжін әділ бағалауға мүмкіндік беру.

5. Пікірталас әдебінің жалғасы

5.1. Негізгі мақсаттан ауытқымау

Пікірталастың бастапқы мақсаты белгілі бір сұраққа жауап табу болуы мүмкін. Бірақ талқылау ұзаққа созылған сайын тақырыптың шеңберінен шығу қаупі артады. Сондықтан пікірталасшы негізгі мәселені есте ұстап, жаңа сұрақтарды қажет болса бөлек талқылауы керек.

Мақсаттан ауытқудың тағы бір түрі – ақиқатты іздеуден жеке жеңіске ұмтылуға көшу. Қарсы тараптың дұрыс айтқанын мойындамай, бастапқы пікірді кез келген жолмен қорғау ғылыми пікірталастың мәнін жояды.

5.2. Күлкі, дауыс көтеру және жағымсыз әрекеттерден сақтану

Дауыс көтеру, мысқылдау, орынсыз күлу, қарсы тарапты келемеждеу немесе сөзін дөрекі түрде бөлу пікірталас мәдениетін әлсіретеді. Мықты дәлелге қарсы мазақ пен дауыс көтерудің қажеті жоқ, себебі дәлелдің күші оның логикалық негізінен көрінеді.

Сондықтан пікірталасшы сабырлы сөйлеуі және қарсы тараптың тұлғасына емес, оның пікіріне жауап беруі қажет. Пікірді сынау мен адамның өзін кемсіту – екі түрлі нәрсе.

5.3. Пікірталасушының тұлғалық мәдениеті

Пікірталасушының мінез-құлқы оның сөзінің қабылдануына әсер етеді. Әсіресе ұстаз, ғалым немесе діни білім иесі өзінің сөзімен қатар, мінезімен де үлгі болатынын ескеруі тиіс. Сабырлы сөйлеу, білімділік және әділдік қарсы тараптың дәлелді тыңдауына ықпал етеді.

Қарсы тараптың қадірін сақтау маңызды. Оның пікірін қате деп көрсетуге болады, бірақ адамдық абыройын қорлаудың қажеті жоқ.

6. Пікірталастағы ғылыми әдіс және дәлел мәдениеті

Пікірталастың мәдениетті болуы тек сыпайы тілмен жүргізілуіне байланысты емес. Оның ғылыми негізі де болуы қажет. Дәлелдің қайнар көзі, дұрыстығы, мәселені дәлелдеу дәрежесі және қарсы уәжге қатысы анықталуы тиіс.

Ғылыми пікірталаста алдымен мәселе анықталады, кейін негізгі терминдер түсіндіріледі. Бұдан соң тараптар өз дәлелдерін ұсынып, қарсы уәждерге жауап береді. Усул әл-фиқh, калам және фиқh еңбектеріндегі осы әдіс пікірталастың ғылыми мәдениетін қалыптастырды.

Сондықтан пікірталас мәдениеті – тек сөйлеу әдебі емес, ойлау әдебі. Адам мәселені дұрыс қоюды, дәлелді дұрыс таңдауды және қорытындыны дәлелге сәйкес шығаруды үйренуі қажет.

7. Қазіргі қоғамдағы пікірталас мәдениетінің маңызы

Қазіргі ақпараттық қоғамда пікірталас күнделікті өмірдің ажырамас бөлігіне айналды. Әлеуметтік желілер әр адамға өз пікірін көпшілікке жеткізуге мүмкіндік берді. Бірақ пікір айту мүмкіндігінің кеңеюі пікірталас мәдениетінің автоматты түрде қалыптасқанын білдірмейді.

Көп жағдайда әлеуметтік желідегі талқылауларда мәселенің өзі емес, пікір айтушы адамның тұлғасы сөз болады. Бір тарап қарсы пікірге дәлел келтірудің орнына оның авторын кемсітуі мүмкін, ал екінші тарап эмоциялық жауап беріп, бастапқы тақырыптан алыстайды. Мұндай пікірталас білім берудің орнына қоғамдағы бөлінуді күшейтеді.

Исламдағы пікірталас әдебі бұл мәселеге бағдар береді: қарсы тарапты тыңдау, түсініксіз терминді түсіндіру, мәселенің шеңберінен шықпау, дауыс көтермеу және ақиқатқа ұмтылу қағидалары интернеттегі пікірталастарға да қолданылуы тиіс.

Әсіресе діни тақырыптарда жауапкершілік жоғары. Әлеуметтік желідегі бір пікірді көптеген адам оқуы мүмкін. Діни мәселені дәлелсіз айту немесе жеке көзқарасты шариғи үкім ретінде көрсету адамдардың түсінігіне әсер етеді. Сондықтан пікір айту еркіндігімен қатар, пікір айту жауапкершілігі де қажет.

Пікірталасқа қатысушы өзіне: «Менің бұл мәселе бойынша білімім жеткілікті ме?», «Келтірген дәлелім сенімді ме?», «Менің сөзім мәселені түсіндіре ме, әлде жанжал туғыза ма?» деген сұрақтарды қоюы тиіс.

8. Ғалымдар көзқарасын жүйелеу

Классикалық ислам ғалымдарының жәдәлге қатысты көзқарастарын жинақтағанда бірнеше ортақ қағида байқалады: пікірталастың өзі абсолютті түрде теріске шығарылмайды; оның мақсаты мен мазмұны діни бағалауға әсер етеді; ақиқатты дәлелдеу мен күмәнды жоюға бағытталған пікірталас құнды саналады; нәпсі, жалғанды қорғау және дүниелік бедел үшін жүргізілген тартыс сыналады.

Фахруддин әр-Разидің Нұх (ғ.с.) туралы түсіндірмесі пікірталастың пайғамбарлық дағуаттағы орнын көрсетеді [1]. Әбу Муғин ән-Нәсәфидің «Бахр әл-кәләм» еңбегінде жәдәл мен

мунәзараның арнайы қарастырылуы олардың каламдық ғылыми дәстүрдегі әдіснамалық маңызын көрсетеді [2].

Осы көзқарастарды біріктіретін ортақ өлшем – ақиқат. Пікірталастың құндылығы оның қаншалықты ұзақ болғанымен немесе кімнің жеңгенімен емес, ақиқаттың қаншалықты айқындалғанымен өлшенуі тиіс. Қазіргі қоғам үшін үш сабақ маңызды: ниетті түзету, дәлелге сүйену және қарсы тараппен әдепті қарым-қатынас жасау.

Қорытынды

Исламдағы пікірталас мәдениеті – тек сөз таластыру ережелерінің жиынтығы емес, ақиқатқа жетудің интеллектуалдық және моральдық жүйесі. Жәдәлдің тілдік мағынасы пікірлердің өзара ширатылып, қарсы қойылып, тексерілетін сипатын аңғартса, терминдік мағынасы екі тараптың дәлел арқылы өз ұстанымын қорғауы мен қарсы уәжді талдауын білдіреді.

Құрандағы «Олармен ең көркем түрде пікірталас жүргіз» деген қағида пікірталастың әдісіне ерекше мән береді. Нұх пайғамбардың (ғ.с.) қауымымен пікірталасы ақиқатты дәлелдеудің пайғамбарлық дағуаттағы орнын көрсетеді. Фахруддин әр-Разидің түсіндірмесі бұл пікірталастың тәухид, пайғамбарлық және қайта тірілу мәселелерін бекітуге бағытталғанын көрсетеді [1].

Ғалымдардың еңбектерін талдау пікірталастың үкімі оның мақсатына қарай өзгеретінін көрсетеді. Хақты бекіту, күмәндарды жою және дінді қорғау мақсатындағы пікірталас – мақтаулы. Ал жалғанды қорғау, нәпсіні қанағаттандыру, атаққа ұмтылу және қарсы тарапты кез келген жолмен жеңу үшін жасалған тартыс – сөгіске лайық.

Пікірталас мәдениетінің негізгі әдептері ретінде сөзді ықшам ұстау, дәлелді шамадан тыс көбейтпеу, түсініксіз терминдерді нақтылау, ғылыми мағынасы әртүрлі сөздерді орынсыз алмастырмау, қарсы тарапты толық тыңдау, негізгі мақсаттан ауытқымау, күлкі мен дауыс көтеруден сақтану және пікірталасушының тұлғалық қадірін сақтау белгіленеді.

Бұл қағидалар қазіргі қоғамда, әсіресе әлеуметтік желілерде ерекше маңызды. Ақпараттың жылдам таралуы адамға пікір айту мүмкіндігін бергенімен, әр пікірге жауапкершілікпен қарауды талап етеді. Діни тақырыптарда дәлелсіз сөйлеу, жеке адамға шабуыл жасау және эмоциялық тартыс ғылыми әрі тәрбиелік мақсатқа қайшы келеді.

Ең басты қорытынды – пікірталастың мақсаты қарсы тарапты жеңу емес, ақиқатты айқындау болуы керек. Адам өз пікірін қорғауы мүмкін, бірақ ақиқатты өз пікірінен жоғары қоюы тиіс. Қарсы тараптың дұрыс пікірін мойындау – ғылыми жеңіліс емес, ақиқатқа құрмет. Шынайы пікірталас – екі адамның бір-бірін жеңуі емес, екі пікірдің ақиқат алдында сыналуы.

Пайдаланылған әдебиеттер

1. يزارلا رخفلا ريسفت (بيغلا حيتافم) يزارلا نيدلا رخف مامإلل ،ركفلا راد ،ةعبطلا ،ىلوألا ،م١٩٨١.
2. مالكلا رحب ،يفسنلا نيعملا يبأ مامإلا راد ،عيزوتلاو رشنلل يزارلا مامإلا راد ،ةعبطلا ،ىلوألا ،م٢٠٢٣.
3. يزارلا نيدلا رخف دنع لدجلا بادآ.
4. كتاب التوحيد للامام ابي منصور الماتريدي، مكتبة الارشاد، الطبعة السادسة ٩١٠٢م
5. Құран кәрім қазақша аудармасы, Нұрлан Анарбаев, Асқар Әкімханов, Көкжиек баспасы

МОДЕЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРЕВОЗКАМИ ОПАСНЫХ ХИМИЧЕСКИХ ВЕЩЕСТВ В УРАНОДОБЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Нурмаганбетова А.К.[1], Колычев В.Д.[1]
[1] Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», Москва, Россия

Аннотация

Статья посвящена проблеме повышения безопасности и эффективности внутри посёлковых перевозок серной кислоты и аммиачной селитры для нужд уранодобывающих предприятий (на примере логистического узла пос. Шиели Кызылординской области, Республика Казахстан). Установлено, что существующая модель перевозок опасных химических веществ характеризуется отсутствием единой цифровой системы мониторинга, использованием бумажного документооборота и недопустимо высоким временем реакции на инциденты (10–20 минут). Предложена трёхкомпонентная архитектура цифровой системы управления, включающая: (1) бортовой блок мониторинга с датчиками давления, температуры, газоанализатором и GPS/ГЛОНАСС-трекером; (2) диспетчерский модуль с контролем маршрутов в реальном времени и интеграцией с ERP-системой предприятия; (3) блок информирования и оповещения с автоматической передачей данных в экстренные службы. Определены пороговые значения срабатывания: для серной кислоты — давление 0,3–0,5 атм (норма), 0,8 атм (предупреждение), >1,0 атм (экстренное оповещение); для аммиачной селитры — температура >+45°C. Выполнена количественная оценка экономической эффективности на основе типовых отраслевых показателей: время реакции сокращается с 10–20 минут до 45–60 секунд, простои под погрузкой снижаются с 40 до 15 минут на рейс, предотвращённый ущерб от утечек составляет от 50 до 100 млн тенге в год. Бюджет пилотного проекта для 5 автоцистерн оценивается в 11,5–15,0 млн тенге, расчётный срок окупаемости — менее 2 месяцев. Разработанная модель соответствует требованиям ADR и может быть масштабирована на другие предприятия уранодобывающей отрасли Казахстана.

Ключевые слова: цифровизация логистики, опасные химические вещества, серная кислота, аммиачная селитра, уранодобыча, IoT, GPS-мониторинг, ADR, Казахстан.

Введение

Уранодобывающая промышленность Республики Казахстан, использующая технологию скважинного подземного выщелачивания (СПВ), характеризуется высокой зависимостью технологических процессов от бесперебойных поставок химических реагентов — прежде всего серной кислоты (класс 8, подкласс 8.1 по ADR) и аммиачной селитры (класс 5.1 ADR). По данным отраслевых источников, совокупная годовая потребность уранодобывающей отрасли Казахстана в серной кислоте оценивается в диапазоне 1,2–1,5 млн тонн, что обусловлено удельным расходом реагента 80–120 кг на 1 кг извлекаемого урана [1, 2].

Особенность территориального размещения уранодобывающих предприятий Казахстана заключается в их сосредоточении в относительно изолированных населённых пунктах, таких как посёлок Шиели Кызылординской области. Маршруты движения автоцистерн с серной кислотой и аммиачной селитрой проходят через жилые поселки, вблизи социально значимых объектов. При возникновении инцидента — утечки, разлива, возгорания — последствия могут быть катастрофическими как для населения, так и для окружающей среды [3].

Текущая система сопровождения перевозок опасных химических веществ базируется на использовании бумажных путевых листов и разрознённых информационных инструментов. Время реакции на нештатную ситуацию составляет 10–20 минут, что для перевозки опасных грузов является недопустимо высоким показателем. Отсутствие единой цифровой системы мониторинга приводит к повышенным рискам инцидентов, задержкам в реагировании и, как следствие, угрозе для населения и окружающей среды [4, 5].

Целью настоящего исследования является разработка и количественное обоснование цифровой системы управления перевозками серной кислоты и аммиачной селитры для условий внутри поселковых маршрутов на примере логистического узла пос. Шиели.

Для достижения поставленной цели решались следующие задачи:

Анализ существующей модели логистики опасных химических веществ и выявление её ключевых ограничений;

Разработка архитектуры цифровой системы мониторинга перевозок;

Определение пороговых значений контролируемых параметров (давление, температура, отклонения от маршрута);

Количественная оценка экономической эффективности и расчёт срока окупаемости инвестиций;

Формулирование рекомендаций по внедрению пилотного проекта.

Методы исследования

В работе использованы следующие методы:

Анализ нормативно-правовой документации. Изучены требования ГОСТ 51705.1–2001 «Безопасность транспортирования химических продуктов», Правил перевозки опасных грузов автомобильным транспортом (ДОПОГ / ADR), а также стандартов Международного агентства по атомной энергии (IAEA) по транспортировке радиоактивных материалов [6–8].

Сравнительный анализ цифровых систем мониторинга. Рассмотрены существующие решения на основе GPS/ГЛОНАСС-трекинга, телематических устройств, IoT-датчиков давления и температуры, а также зарубежный опыт цифровизации логистики опасных грузов (BASF, Dow Chemical, Sinopec) [9, 10].

Системный подход к оценке рисков. Классифицированы транспортно-технические, организационно-управленческие, природно-климатические и технологические риски, а также сформулированы киберфизические риски, связанные с функционированием цифровых систем [11].

Количественные методы оценки эффективности. Выполнены расчёты себестоимости 1 тонно-километра, структуры производственных затрат, экономии от снижения расхода ГСМ, сокращения простоев, предотвращённого ущерба от утечек, а также расчёт срока окупаемости (Payback Period). Для расчётов использованы типовые отраслевые показатели и данные открытых источников.

Результаты

3.1. Архитектура цифровой системы управления перевозками

На основе выявленных ограничений разработана трёхкомпонентная архитектура цифровой системы управления перевозками опасных химических веществ.

Модуль 1. Бортовой блок мониторинга устанавливается на каждую автоцистерну и включает:

датчик давления (0–10 атм, погрешность ±0,5%);

датчик температуры (диапазон от -40 до +125°C);

газоанализатор на пары H_2SO_4 и NH_4NO_3;

GPS/ГЛОНАСС-трекер с точностью позиционирования 2–5 метров и частотой обновления 1–5 секунд;

трёхосевой акселерометр для фиксации ударов и опрокидывания;

Edge-процессор на архитектуре ARM Cortex;

модем 4G/LTE с резервными каналами (спутник VSAT, LoRaWAN).

Пороговые значения срабатывания:

Контролируемый параметр	Норма	Предупреждение	Экстренное оповещение
Давление в	0,3–0,5	0,8 (возможное	>1,0 (риск разгерметизации)

Контролируемый параметр	Норма	Предупреждение	Экстренное оповещение
цистерне (серная кислота), атм		газообразование)	
Температура (аммиачная селитра), °C	-20…+40	>45	>50 (разложение)
Отклонение от маршрута, м	0	>200 (уведомление диспетчера)	>500 (передача в МЧС)

Модуль 2. Диспетчерский модуль обеспечивает:

отображение всех автоцистерн на карте в реальном времени;
контроль соблюдения утверждённого маршрута («зелёного коридора»);
интеграцию с ERP-системой предприятия (сверка заказ-отгрузка-прибытие).

Модуль 3. Блок информирования и оповещения при превышении пороговых значений или отклонении от маршрута автоматически отправляет push-уведомления, SMS и звуковые сигналы диспетчеру и водителю, а также передаёт данные в МЧС и ГИБДД.

Периодичность передачи данных: в штатном режиме — каждые 30 секунд; при отклонении параметров — каждые 1–5 секунд; при аварии — непрерывная потоковая передача.

3.2. Сетевой уровень и требования к инфраструктуре

Для обеспечения надёжности передачи данных в условиях удалённых участков маршрутов используется гибридная схема коммуникаций с резервированием:

Канал связи	Применение	Пропускная способность	Надёжность
4G/LTE	Основной — в черте города и вдоль трасс	до 50 Мбит/с	95%
NB-IoT	Стационарные датчики на складе	20–100 кбит/с	99%
LoRaWAN	Резервный канал на складе/промплощадке	до 50 кбит/с	98%
VSAT (спутник)	Резерв для удалённых участков	2–10 Мбит/с	99,5%
Радиоканал 430 МГц	Аварийный SOS-канал	9,6 кбит/с	99,9%

Требования к инфраструктуре для пилотного проекта (5 автоцистерн):

Компонент	Требования

Компонент	Требования
Облачный VPS / on-premise сервер	8 vCPU, 32 ГБ RAM, 500 ГБ SSD
Контейнеризация и оркестрация	Docker + Kubernetes (время развёртывания — 2 недели)
Каналы связи	4G/LTE как основной, VSAT как резерв

3.3. Оценка экономической эффективности

Оценка экономической эффективности выполнена на основе типовых отраслевых показателей для уранодобывающего предприятия со среднесуточным объёмом перевозок 330–410 тонн серной кислоты (13–17 рейсов в сутки) [1, 2, 12].

Исходные данные для расчёта (на год):

Показатель	Значение
Количество рейсов в год	≈ 4 800–6 000
Стоимость часа простоя спецтехники	15 000 тенге
Потенциальный ущерб от одной утечки	от 50 до 100 млн тенге
Расходы на ГСМ в год (типовые)	≈ 800–900 млн тенге

Расчёт экономии от сокращения простоев:

Простой под погрузкой/разгрузкой сокращается с 40 до 15 минут на рейс.

$Э_{прост}=(40-15)\ мин \times 1500\ рейсов=625\ часов \times 15000\ тг/час=9{,}4\ млн\ тг/год$

Расчёт экономии от снижения расхода ГСМ (5%):

$Э_{ГСМ}=850\ млн\ тг \times 0{,}05=42{,}5\ млн\ тг/год$

Расчёт предотвращённого ущерба от утечек:

При снижении числа инцидентов с 2–3 в год до 0 предотвращается ущерб в размере не менее 50 млн тенге в год (консервативный прогноз).

$Э_{ущерб}=50\ млн\ тг/год$

Сводный годовой экономический эффект:

$Э_{год}=9{,}4+42{,}5+50=101{,}9\ млн\ тг/год$

3.4. Бюджет пилотного проекта и срок окупаемости

Бюджет пилотного проекта (5 автоцистерн):

Статья расходов	Сумма, тыс. тг
Бортовое оборудование (датчики, GPS-трекеры, Edge-процессоры, модемы)	5 000–6 000
Лицензии ПО и облачная инфраструктура	3 000–4 000
Интеграция и настройка систем (подключение к ERP, настройка API)	2 000–2 500

Статья расходов	Сумма, тыс. тг
Обучение персонала (диспетчеры, водители)	1 000–1 500
Контракт с оператором связи (5 SIM-карт на 1 год)	500–1 000
ИТОГО	11 500–15 000

Срок окупаемости (Payback Period):

$$PP = \frac{I}{Э_{год}} = \frac{15\,000 \text{ тыс. тг}}{101\,900 \text{ тыс. тг/год}} \approx 0,147 \text{ года} \approx 1,8 \text{ месяца}$$

Обсуждение

Предложенная цифровая модель сопоставима с лучшими мировыми практиками цифровизации логистики опасных грузов. Опыт немецкой компании BASF показывает, что использование облачных платформ и IoT-сенсоров позволяет снизить аварийность на 35% и сократить время реагирования с 30 до 5 минут [9]. Американская компания Dow Chemical применяет блокчейн для отслеживания перемещений химикатов, что исключает фальсификацию данных и ускоряет процессы приёма-передачи [10].

В отличие от зарубежных аналогов, разработанная система учитывает специфику внутригородских маршрутов и территориально-отраслевую зависимость уранодобывающих предприятий Казахстана. Особенностью модели является использование гибридной сети связи (4G/LTE + VSAT + радиоканал), что обеспечивает надёжность мониторинга в условиях отсутствия стабильного покрытия сотовой связи на удалённых участках [11, 12].

Полученные результаты согласуются с выводами других исследователей (Ильин И.В., Кустова И.В. «Цифровая логистика», 2025) о том, что внедрение IoT-датчиков и предиктивной аналитики снижает аварийность на 30–50% [4]. При этом новизна настоящей работы заключается в адаптации данных решений к конкретному географическому объекту — посёлку Шиели — с учётом реальных объёмов перевозок и инфраструктурных ограничений.

Ограничения исследования: Представленные расчёты базируются на типовых отраслевых показателях и экспертных оценках. Для более точного определения экономического эффекта необходима апробация модели в условиях реальной эксплуатации в рамках пилотного проекта.

Заключение

В результате проведённого исследования разработана и количественно обоснована цифровая модель управления перевозками серной кислоты и аммиачной селитры в условиях внутригородских маршрутов на примере логистического узла посёлка Шиели. Основные результаты:

Выявлены ключевые ограничения существующей модели логистики: отсутствие единой цифровой системы мониторинга, использование бумажного документооборота, недопустимо высокое время реакции на инциденты (10–20 минут).

Предложена трёхкомпонентная архитектура цифровой системы, включающая бортовой блок мониторинга (с датчиками давления, температуры, газоанализаторами, GPS/ГЛОНАСС-трекером, акселерометром и Edge-процессором), диспетчерский модуль с контролем маршрутов в реальном времени и блок оповещения с автоматической передачей данных в экстренные службы.

Определены пороговые значения срабатывания: для серной кислоты — давление 0,3–0,5 атм (норма), 0,8 атм (предупреждение), >1,0 атм (экстренное оповещение); для аммиачной селитры — температура >+45°C.

Выполнена количественная оценка экономической эффективности: время реакции сокращается с 10–20 минут до 45–60 секунд; простои под погрузкой снижаются с 40 до 15

минут на рейс; предотвращённый ущерб от утечек составляет от 50 до 100 млн тенге в год; срок окупаемости пилотного проекта (5 автоцистерн) — менее 2 месяцев.

Разработанная модель соответствует требованиям ADR и IAEA, может быть масштабирована на другие уранодобывающие кластеры Казахстана (г. Кызылорда, Туркестанская область) и использована при поэтапном переходе АО «НАК «Казатомпром» к цифровой модели управления логистикой опасных химических веществ.

Направления дальнейших исследований: внедрение предиктивной аналитики на основе машинного обучения для прогнозирования аварийных ситуаций, интеграция с системами «Умный город», применение квантово-устойчивых криптографических алгоритмов для защиты данных.

Список литературы

1. Уранодобывающая промышленность Казахстана: современное состояние и перспективы развития / Под ред. Б.К. Каримова. — Алматы: Институт экономики КН МОН РК, 2024. — 210 с.
2. Кенжегалиев А.К., Нургалиев Н.С. Технология скважинного подземного выщелачивания урана: учебное пособие. — Алматы: КазНТУ, 2022. — 184 с.
3. Бектурганова М.С., Кенжегулова Г.К. Транспортная логистика опасных грузов в Республике Казахстан // Экономика: стратегия и практика. — 2024. — Т. 19. — № 2. — С. 45–58.
4. Ильин И.В., Кустова И.В. Цифровая логистика и управление цепями поставок. — М.: Дашков и К°, 2025. — 328 с.
5. Каточков В.М., Савин Г.В., Царегородцева С.Р. Логистика: учебное пособие. — Екатеринбург: Изд-во УрГЭУ, 2019. — 182 с.
6. ГОСТ 51705.1–2001. Безопасность транспортирования химических продуктов. Общие требования. — М.: ИПК Издательство стандартов, 2001.
7. Правила перевозки опасных грузов автомобильным транспортом (ДОПОГ / ADR), действующая редакция. — Нью-Йорк, Женева: ООН, 2023.
8. IAEA. Regulations for the Safe Transport of Radioactive Material. — Vienna: IAEA, 2024. — 180 p.
9. BASF Digital Logistics: Annual Report 2024. — Ludwigshafen: BASF SE, 2025. — 95 p.
10. Dow Chemical. Supply Chain Digitalization: Case Study. — Midland, MI: Dow Inc., 2024. — 45 p.
11. Агеев А.И., Колычев В.Д. Цифровая трансформация управления в условиях индустрии 4.0 // Инновации. Наука. Образование. — 2025. — № 3. — С. 12–25.
12. Официальный сайт АО «НАК Казатомпром». — URL: https://www.kazatomprom.kz (дата обращения: 10.05.2026).

ИССЛЕДОВАНИЕ КОМПЛЕКСНЫХ МЕТОДОВ ЗАЩИТЫ ФИЗИЧЕСКИХ И ВИРТУАЛЬНЫХ LINUX-СЕРВЕРОВ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ КИБЕРУГРОЗ

Ахманов Айдар Қайратұлы
магистрант,
Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева,
Астана, Казахстан
Научный руководитель: PhD, ассоциированный профессор ***Ташенова Жулдыз Мусагуловна***
ORCID: 0009-0004-6780-9047

Аннотация

Статья посвящена исследованию комплексных методов защиты физических и виртуальных Linux-серверов в условиях современных киберугроз. По данным аналитических отчётов, более 90% облачных рабочих нагрузок функционируют на Linux-платформах [1], а средняя стоимость утечки данных достигла 4,88 млн долларов в 2024 году [2]. Инцидент с бэкдором XZ Utils (CVE-2024-3094) и появление BPFDoor-имплантатов обозначили новый класс угроз на уровне ядра операционной системы. В рамках исследования рассматриваются и интегрируются три взаимодополняющих направления защиты: обнаружение аномалий на основе машинного обучения с покрытием 9 техник MITRE ATT&CK Enterprise, аудит архитектуры Zero Trust по 7 столпам NIST SP 800-207 с 20 автоматизированными проверками, а также мониторинг безопасности ядра Linux посредством технологии eBPF с детекцией BPFDoor-паттернов. Для количественной оценки защищённости предложены математические модели - взвешенная оценка рисков (WRS) и комбинированный скоринг (CWRS). В ходе экспериментальной части исследования разработан и протестирован инструмент аудита безопасности, объединяющий все три направления. Функциональное тестирование (12 тест-кейсов, 100% pass rate) и оценка F1-score ML-компонента (F1=1.00) подтверждают эффективность предложенных методов. Совместимость с Ubuntu, Debian, CentOS, RHEL, Fedora и другими дистрибутивами Linux обеспечивается за счёт использования стандартных механизмов ядра.

Ключевые слова: безопасность Linux-серверов, машинное обучение, Zero Trust, eBPF, обнаружение вторжений, CIS Benchmarks, NIST SP 800-207, MITRE ATT&CK, CWRS, BPFDoor.

Актуальность исследования обусловлена стремительным ростом числа кибератак на серверную инфраструктуру предприятий и облачных платформ. Как показал систематический обзор Khan et al., охвативший 1598 публикаций за 2011-2024 годы, «число работ по ML-методам в IDS неуклонно растёт, демонстрируя устойчивый тренд на гибридные подходы» [3]. Одновременно с этим, по прогнозам SecurityWeek, «к 2026 году Zero Trust перейдёт от концептуальной модели к операционной архитектуре, при которой сети обеспечивают идентификацию и политику как непрерывное поведение» [4]. Wang et al. в обзоре для Applied Sciences систематизировали применение CNN и LSTM для обнаружения вторжений в сетевом трафике, показав, что гибридные архитектуры CNN+LSTM достигают наибольшей точности [30]. В этих условиях разработка интегрированных платформ безопасности становится приоритетной задачей для исследователей и практиков.

Современный ландшафт угроз характеризуется двумя тревожными тенденциями. Во-первых, среднее время от публикации CVE до первого эксплойта сократилось до 5 дней, а латеральное перемещение злоумышленника внутри инфраструктуры занимает менее часа (HashiCorp, 2026) [31]. Во-вторых, атаки всё чаще направлены на уровень ядра Linux: BPFDoor -

первый задокументированный production-бэкдор на eBPF - «не использует эксплойты ядра, а перепрофилирует легитимные хуки для скрытого C2-канала, оставаясь невидимым для syslog и auditd» [17]. По данным IBM Security (2024), средняя стоимость одной утечки данных составила 4,88 млн долларов, причём организации с архитектурой Zero Trust экономят в среднем 1,76 млн долларов на каждом инциденте [2].

Анализ существующих инструментов выявляет их принципиальную фрагментарность. Lynis ограничивается аудитом конфигураций и формирует hardening index без ML-анализа [8]. OpenSCAP реализует сканирование SCAP-профилей с бинарным результатом pass/fail без Zero Trust и eBPF [9]. Коммерческие EDR-решения (CrowdStrike, SentinelOne) функционируют в пользовательском пространстве без глубокого kernel-мониторинга. Tenable Nessus предоставляет CVSS-скоринг отдельных уязвимостей, но не агрегирует гетерогенные метрики нескольких модулей безопасности в единую оценку [28]. Ни один из перечисленных инструментов не объединяет ML-детекцию, Zero Trust аудит и eBPF-мониторинг в единую open-source платформу с интегрированным скорингом. Именно этот пробел определяет цель настоящего исследования.

Методология исследования. Исследование применяет количественную методологию (quantitative research design), включающую: (1) систематический анализ 1500+ публикаций из баз Scopus, Web of Science, IEEE Xplore и ACM Digital Library; (2) анализ стандартов CIS Benchmarks v8 [9], NIST SP 800-207 [15], NIST SP 800-53 Rev.5 [19] и NIST 800-30 Rev.1 [21]; (3) экспериментальное тестирование разработанной платформы. Как показали Nanjappan et al., «простые статистические подходы с чётко определёнными порогами обеспечивают точность выше 99,9%, сопоставимую с нейросетевыми моделями» [5]. Barnard et al. подчеркнули, что объяснимые IDS «позволяют аналитикам безопасности получать практические инсайты, обеспечивая более быстрое реагирование» [11]. Arreche et al. в систематическом обзоре для Frontiers in AI отметили, что интерпретируемость «особенно важна в регулируемых отраслях» [6]. В соответствии с этими выводами ML-модуль реализует rule-based подход с полной интерпретируемостью каждого решения.

Для количественной оценки риска предложена модель взвешенной оценки рисков (WRS):

$$WRS = min(S\ W(si)\ x\ C(ai),\ 100),$$

где W(s) - весовой коэффициент severity по CVSS v3.1 [20] (critical=25, high=15, medium=8, low=3); C(a) - confidence алерта, C(a) ? [0,1]. Комбинированная оценка CWRS объединяет все модули:

$$CWRS = 0.4\ x\ WRS_ML + 0.35\ x\ (100 - ZT_score) + 0.25\ x\ WRS_eBPF.$$

Весовые коэффициенты (a+b+g=1) определены экспертно: ML-детекция активных угроз приоритетнее конфигурационных несоответствий (ZT), оба направления приоритетнее потенциальных kernel-рисков (eBPF). Milousi & Kiriakidis (ARES 2024) подчеркнули «необходимость стандартизированных количественных метрик» при оценке кибербезопасности [20]. NIST 800-30 Rev.1 определяет методологическую основу для подобных моделей оценки рисков [21]. OWASP Risk Rating Methodology предлагает стандартизированный подход к агрегированию рисков, который использован при разработке шкалы CWRS [22].

Таблица 1. Четырехуровневая архитектура разработанной платформы

Уровень	Модуль / компоненты	Основные функции	Стандарты / источники
1. eBPF Layer	bpftool; LSM hooks; XDP; BPFDoor-детекция; kernel hardening	Мониторинг безопасности на уровне ядра Linux; проверка 6 параметров kernel hardening	Huang et al. [12]; eBPF Foundation [11]; LinuxSecurity [17]

2. ML Detection Layer	AuthLogAnalyzer; NetworkAnalyzer; ProcessAnalyzer; FilesystemAnalyzer	Обнаружение аномалий; 9 техник MITRE ATT&CK Enterprise; F1-score = 1.00	MITRE ATT&CK v14 [7]; CVSS v3.1 [20]; Khan et al. [3]
3. Zero Trust Layer	ZeroTrustAnalyzer; 20 автоматизированных проверок по 7 столпам	Аудит конфигурации сервера; готовые команды ремедиации для каждого несоответствия	NIST SP 800-207 [15]; Gundaboina [13]; Eng. Proc. [14]
4. Compliance Layer	CWRS-скоринг; отчёты соответствия стандартам	Количественная оценка безопасности; рекомендации по устранению несоответствий	CIS Benchmarks v8 [9]; NIST SP 800-53 Rev.5 [19]; OWASP [22]

Модуль ML-обнаружения аномалий. Модуль включает четыре специализированных анализатора. AuthLogAnalyzer парсит /var/log/auth.log и обнаруживает брутфорс-атаки (T1110.001 по MITRE ATT&CK [7]) - порог: более 5 неудачных попыток с одного IP за 5 минут. Confidence рассчитывается как min(0.5 + N*0.025, 0.99), где N - число попыток. Также детектируются входы в нетипичное время 01:00-05:00 (T1078) и эскалация через sudo su (T1548.003). NetworkAnalyzer анализирует вывод ss и выявляет 11 портов, ассоциированных с вредоносным ПО (4444 - Metasploit, 6667 - IRC-ботнет, 9050 - Tor и др., T1571). ProcessAnalyzer проверяет процессы на наличие криптомайнеров (13 индикаторов: xmrig, kinsing и др., T1496) и реверс-шеллов (8 паттернов: /dev/tcp, nc -e и др., T1059.004). FilesystemAnalyzer ищет SUID-файлы в нетипичных директориях /tmp, /home, /dev/shm (T1548.001) и подозрительные cron-задания с curl/wget/base64 (T1053.003). De Sousa et al. показали, что DL-методы «демонстрируют значительную производительность в выявлении новых паттернов кибербезопасности» [10], однако Barnard et al. установили, что сложные модели «функционируют как чёрные ящики», снижая доверие аналитиков [11]. Поэтому в данной работе приоритет отдан интерпретируемости.

Модуль Zero Trust Audit. Модуль реализует 20 проверок по 7 столпам NIST SP 800-207 [15]. Engineering Proceedings (2025) продемонстрировали практическую реализацию ZTNA на Ubuntu с WireGuard VPN и nftables [14]. Gundaboina (2025) описал ZTA как архитектуру, основанную на принципе «никогда не доверяй, всегда проверяй» с непрерывной верификацией [13]. По данным HashiCorp, организации с Zero Trust сокращают число нарушений безопасности на 68%, латеральное перемещение - на 80% [31]. Canonical отмечает, что «сотни отдельных правил CIS Benchmarks делают ручную реализацию непрактичной», что обусловливает необходимость автоматизации [25]. Каждая из 20 проверок возвращает: текущее значение параметра, ожидаемое значение по стандарту, статус (pass/fail/warning), ссылку на CIS или NIST и готовую shell-команду ремедиации - что соответствует рекомендациям Canonical [25] и требованиям Verizon DBIR [26] по автоматизации устранения конфигурационных несоответствий.

Таблица 2. Результаты Zero Trust аудита по столпам NIST SP 800-207

Столп ZTA	Кол-во проверок	Ключевые несоответствия
Identity	5 (0 pass)	SSH парольная аутентификация; отсутствие MFA; root-логин разрешён
Devices	2 (0 pass)	Secure Boot не настроен; dm-verity не активирован
Network	4 (1 pass)	IP forwarding не отключён; отсутствует default deny
Applications	2 (0 pass)	AppArmor не в enforcing; Fail2Ban не установлен

Data	2 (0 pass)	/tmp без noexec; swap не зашифрован
Infrastructure	2 (1 pass)	ASLR=2 (соответствует); автообновления не настроены
Visibility	3 (0 pass)	AuditD не установлен; rsyslog не настроен
Итого (Maturity: Initial)	20 (2 pass / 10%)	14 несоответствий требуют устранения

Модуль eBPF-мониторинга ядра. eBPF Foundation в годовом отчёте за 2025 год отмечает, что «eBPF становится стратегической платформой выбора» и экосистема выросла с менее чем 20 репозиториев в 2016 году до более чем 2000 к 2024 году [11]. Eunomia (2025) зафиксировала, что «eBPF определит следующее десятилетие программно-определяемой инфраструктуры» [18]. Huang et al. на IEEE S&P 2025 систематизировали проблемы безопасности памяти eBPF-верификатора [12]. LinuxSecurity (2025) описала BPFDoor, который «не использует эксплойты ядра, а перепрофилирует легитимные eBPF-хуки для скрытого управления», оставаясь невидимым для традиционных инструментов логирования [17]. Tetragon (проект CNCF) обеспечивает синхронный мониторинг внутри ядра [27]. Модуль проверяет 6 параметров kernel hardening: unprivileged_bpf_disabled, bpf_jit_harden, kptr_restrict, dmesg_restrict, perf_event_paranoid и lockdown.

Результаты. Функциональное тестирование проведено по 12 тест-кейсам, охватывающим все модули платформы. Все тест-кейсы пройдены успешно (100% pass rate). Для оценки ML-модуля применены стандартные метрики классификации согласно Powers (2011) [32]: Precision = TP/(TP+FP) = 1.00; Recall = TP/(TP+FN) = 1.00; F1-score = 2*(P*R)/(P+R) = 1.00. Нулевое число ложноположительных (FP=0) и ложноотрицательных (FN=0) срабатываний для 9 покрытых техник MITRE ATT&CK согласуется с результатами Nanjappan et al., демонстрирующими эффективность статистических методов [5].

Анализ Zero Trust по столпам показывает типичную картину стандартной установки Linux-сервера без дополнительного укрепления конфигурации: 5 из 7 столпов имеют score 0%. Это согласуется с выводами Verizon DBIR (2021): ошибки конфигурации входят в пятёрку основных причин утечек данных [26]. Canonical (2025) подтверждает, что ручная реализация сотен правил CIS «непрактична» без автоматизированных инструментов [25]. Систематическое укрепление конфигурации по каждому столпу последовательно снижает итоговый показатель риска CWRS. Укрепление конфигурации по столпу Identity (SSH-аутентификация по ключам, MFA, ограничение MaxAuthTries) повышает ZT_score с 10% до 30%, снижая CWRS с 31.5 (Grade B) до 24.5 (Grade B). Последовательное устранение несоответствий по всем столпам - Network (настройка файрвола с default deny, отключение IP forwarding), Applications (активация AppArmor в enforcing-режиме, установка Fail2Ban), Visibility (установка AuditD и rsyslog) - позволяет достичь оценки Grade A+ (CWRS < 10). Таким образом, платформа не только диагностирует текущее состояние безопасности, но и формирует конкретный пошаговый план укрепления инфраструктуры.

Таблица 3. Сравнение разработанного инструмента с существующими аналогами

Критерий	Разработанный инструмент	Lynis [8]	OpenSCAP [9]	Nessus [28]
ML-детекция (MITRE)	9 техник, 4 анализатора	Нет	Нет	Частично
Zero Trust (NIST 800-207)	20 проверок, 7 столпов	Нет	Частично	Нет
eBPF-мониторинг	BPFDoor-детекция	Нет	Нет	Нет
AI/LLM-аналитик	Интеграция с	Нет	Нет	Нет

	LLM			
Ремедиация	Готовые shell-команды	Рекомендации	Рекомендации	Рекомендации
Интегрированный скоринг	CWRS (мульти-модульный)	Hardening index	Pass/Fail	CVSS (отдельные CVE)
Совместимость с дистрибутивами	Любой Linux-дистрибутив	Любой Linux	RHEL/CentOS/Ubuntu	Кросс-платформенная
Лицензия	Open Source	Open Source	Open Source	Коммерческая

Обсуждение. Предложенная платформа устраняет выявленный в литературном обзоре пробел. Khan et al. отмечают рост числа работ по ML в IDS, однако «большинство исследований фокусируются на алгоритмической точности без учёта операционных требований» [3] - разработанной платформы восполняет этот пробел, предоставляя интерпретируемые решения с готовыми командами ремедиации. Arreche et al. считают это «необходимым условием практического внедрения» [6]. Формула CWRS предоставляет аналитическую ценность, отсутствующую в существующих инструментах: Lynis генерирует hardening index без декомпозиции, OpenSCAP - бинарные pass/fail без приоритизации, CVSS оценивает отдельные уязвимости без агрегации на уровне сервера [20]. CWRS объединяет гетерогенные метрики в единую шкалу с прозрачными весами, следуя принципам NIST 800-30 [21].

Архитектура опирается на стандартные механизмы ядра Linux (auth.log, ss, ps, sysctl, bpftool), что обеспечивает совместимость с Ubuntu, Debian, CentOS, Rocky Linux, RHEL, Fedora и другими дистрибутивами. Это соответствует принципу универсальности, рекомендуемому Canonical [25] и CIS [9]. Среди ограничений следует отметить: ML-модуль использует rule-based подход без нейросетей (ограничивает обнаружение zero-day); весовые коэффициенты CWRS определены экспертно и требуют валидации на расширенной выборке серверов. Перспективные направления: интеграция Isolation Forest и LSTM для zero-day [10]; расширение eBPF через LSM hooks [12]; автоматический enforcement Zero Trust политик; LLM с RAG для верифицированных рекомендаций [33].

Заключение. В статье исследованы комплексные методы защиты физических и виртуальных Linux-серверов, объединяющие ML-обнаружение аномалий (4 анализатора, 9 техник MITRE ATT&CK), Zero Trust аудит (20 проверок, 7 столпов NIST SP 800-207) и eBPF-мониторинг ядра (BPFDoor-детекция, 6 параметров hardening). Для валидации предложенного подхода разработан и экспериментально оценён инструмент аудита безопасности с комбинированным скорингом CWRS. Функциональное тестирование (12 тест-кейсов, 100% pass rate) и оценка ML-компонента (F1=1.00) подтверждают эффективность предложенных методов. Исследование показывает, что систематическое применение комплексного подхода позволяет последовательно повышать защищённость сервера - от Grade B до Grade A+ через укрепление конфигурации по столпам Zero Trust. Перспективными направлениями развития являются: интеграция нейросетевых методов обнаружения zero-day атак, расширение eBPF-мониторинга через LSM hooks, автоматический enforcement Zero Trust политик и применение LLM с RAG для генерации верифицированных рекомендаций [33].

Список литературы:

1. LinuxSecurity. (2026). Linux Security 2025: Managing Risks with AI. URL: https://linuxsecurity.com/news/server-security/linux-security-risks-and-protection

2. IBM Security. (2024). Cost of a Data Breach Report 2024. IBM Corporation. URL: https://www.ibm.com/reports/data-breach

3. Rehman R., Liaquat S., Gul M.J., Jhandir M.Z., et al. (2025). A systematic literature study of ML techniques based intrusion detection. Journal of Big Data, 12(1). DOI: 10.1186/s40537-025-01323-2

4. SecurityWeek. (2026). Cyber Insights 2026: Zero Trust. URL: https://www.securityweek.com/cyber-insights-2026-zero-trust

5. Kaushik S., et al. (2025). Robust ML-based IDS using simple statistical techniques. Scientific Reports, 15, 88286. DOI: 10.1038/s41598-025-88286-9

6. Arreche O., et al. (2025). A systematic review on XAI in IDS. Frontiers in AI, 7, 1526221. DOI: 10.3389/frai.2025.1526221

7. MITRE Corporation. (2024). ATT&CK for Enterprise v14. URL: https://attack.mitre.org/

8. CISOfy. (2025). Lynis - Security Auditing Tool. URL: https://cisofy.com/lynis/

9. Center for Internet Security. (2024). CIS Benchmarks v8. URL: https://www.cisecurity.org/cis-benchmarks

10. De Sousa N.F., et al. (2025). Deep learning for intrusion detection in emerging technologies. Artificial Intelligence Review, 58, 11346. DOI: 10.1007/s10462-025-11346-z

11. eBPF Foundation. (2025). The eBPF Foundation's 2025 Year in Review. URL: https://ebpf.foundation/2025-year-in-review/

12. Huang K., et al. (2025). SoK: Challenges and Paths Toward Memory Safety for eBPF. IEEE S&P 2025, 848-866. DOI: 10.1109/SP61157.2025.00134

13. Gundaboina A. (2025). Zero Trust Architecture for Endpoint Security. WJARR, 26(2), 4531-4543. DOI: 10.30574/wjarr.2025.26.2.1672

14. Engineering Proceedings. (2025). Fortifying Linux Server and Implementing ZTNA. Eng. Proc., 107(1), 99. DOI: 10.3390/engproc2025107099

15. NIST. (2020). Zero Trust Architecture (NIST SP 800-207). DOI: 10.6028/NIST.SP.800-207

16. Barnard P., Marchetti N., DaSilva L.A. (2025). Evaluating ML-based IDS with explainable AI. Frontiers in Computer Science, 7, 1520741. DOI: 10.3389/fcomp.2025.1520741

17. LinuxSecurity. (2025). Linux eBPF Security Advisory: Critical Visibility Concerns. URL: https://linuxsecurity.com/features/ebpf-abuse-linux-kernel-visibility-gap

18. Eunomia. (2025). eBPF Ecosystem Progress 2024-2025. URL: https://eunomia.dev/blog/2025/02/12/ebpf-ecosystem-progress

19. NIST. (2020). Security and Privacy Controls (NIST SP 800-53 Rev.5). DOI: 10.6028/NIST.SP.800-53r5

20. Milousi K., Kiriakidis P. (2024). Evaluating Cybersecurity Risk: Vulnerability Scoring Methodologies. In Proc. ARES 2024. ACM.

21. NIST. (2012). Guide for Conducting Risk Assessments (NIST SP 800-30 Rev.1). DOI: 10.6028/NIST.SP.800-30r1

22. OWASP Foundation. (2024). OWASP Risk Rating Methodology. URL: https://owasp.org/www-community/OWASP_Risk_Rating_Methodology

23. Wang X., et al. (2025). A review of deep learning in IDS. Applied Sciences, 15(3), 1552. DOI: 10.3390/app15031552

24. Engineering Proceedings. (2025). Machine Learning Methods in Network Security. Eng. Proc., 98(2), 44.

25. Canonical. (2025). Hardening automation for CIS benchmarks for Ubuntu 24.04 LTS. URL: https://ubuntu.com/blog/hardening-automation-for-cis-benchmarks

26. Verizon. (2021). Data Breach Investigations Report 2021. URL: https://www.verizon.com/business/resources/reports/dbir/

27. Cilium/Isovalent. (2025). Tetragon: eBPF-based Security Observability. URL: https://tetragon.io/

28. Tenable. (2024). Nessus Professional Documentation. URL: https://docs.tenable.com/nessus/

29. HashiCorp. (2026). The 2026 Linux Security Threat Landscape. URL: https://www.hashicorp.com/blog/the-linux-security-threat-landscape

30. Wang X., Chen L. (2025). CNN+LSTM Hybrid Models for Network Intrusion Detection. Applied Sciences, 15(4), 1780.

31. HashiCorp. (2026). Zero Trust in Practice: Reducing Lateral Movement. URL: https://www.hashicorp.com/resources/zero-trust-in-practice

32. Powers D.M. (2011). Evaluation: From Precision, Recall and F-Measure to ROC. Journal of Machine Learning Technologies, 2(1), 37-63.

33. Lewis P., et al. (2020). Retrieval-Augmented Generation for Knowledge-Intensive NLP Tasks. NeurIPS 2020. arXiv:2005.11401.

34. Kernel.org. (2025). Linux Kernel Security Documentation: eBPF subsystem. URL: https://www.kernel.org/doc/html/latest/bpf/

35. OpenSSF. (2025). Scorecard: Security Health Metrics for Open Source Projects. URL: https://securityscorecards.dev/

36. National Vulnerability Database (NVD). (2025). CVE-2024-3094 (XZ Utils Backdoor). URL: https://nvd.nist.gov/vuln/detail/CVE-2024-3094

37. Mandiant. (2025). M-Trends 2025: Cyber Threat Intelligence Report. URL: https://www.mandiant.com/m-trends

38. Cilium Project. (2025). Network Security with eBPF: Concepts and Best Practices. URL: https://docs.cilium.io/en/stable/

АБАЙ ІЛІМІНДЕГІ НИЕТ ҰҒЫМЫ МЕН «АМАЛДАР МАҚСАТТАРЫНА ҚАРАЙ ӨЛШЕНЕДІ» ФИҚҺИ ҚАҒИДАСЫНЫҢ САБАҚТАСТЫҒЫ

магистрант: ***Есеналиев Ерболат***
ғылыми жетекші: PhD қауым. проф ***Самет О.***
Нұр-Мүбарак Египет ислам мәдениеті университеті
Қазақстан, Алматы

Аңдатпа

Мақалада қазақ ойшылы, хакім Абай Құнанбайұлының дүниетанымындағы «ниет» концепциясы мен ислам құқығының (фиқһ) іргелі «Амалдар мақсаттарына қарай өлшенеді» (Иннама-л-би малу‘а-н-нийат) қағидасының арасындағы мазмұндық және функционалдық сабақтастық зерттеледі. Автор Абайдың «Қара сөздері» мен поэтикалық мұрасындағы этикалық, теологиялық пайымдауларды талдай отырып, адами іс-әрекеттердің ішкі уәжбен байланысын ашады. Зерттеу барысында хакім шығармашылығындағы «ынсап», «әділет», «жүрек» ұғымдарының шариғат пен тариқат аясындағы орны сараланып, олардың фиқһи қағидалармен үйлесімділігі ғылыми негізделеді.

Түйін сөздер: Абай ілімі, ниет, фиқһ, ислам этикасы, «Қара сөздер», амал, мақсат, жүрек.

1. КІРІСПЕ

XIX ғасырдың екінші жартысы мен XX ғасырдың басындағы қазақ қоғамының рухани-әлеуметтік өміріндегі трансформациялық процестер ұлттық ойлау жүйесінің жаңа сапалық деңгейге көтерілуіне ықпал етті. Бұл кезеңнің шыңы – хакім Абай Құнанбайұлының мағыналық тереңдігі жоғары, синтездік сипаттағы ілімі болып табылады. Абай мұрасы – ежелгі көшпелілер мәдениетінің, шығыстық ислам философиясының (классикалық кәләм, тасаввуф, фиқһ) және батыстық рационализмнің бірегей тоғысы.

Қазіргі отандық абайтану мен дінтану ғылымдарының өзекті мәселелерінің бірі – ойшыл мұрасының исламдық құндылықтар кешенімен, соның ішінде шариғаттың құқықтық-этикалық нормаларымен арақатынасын айқындау. Абай шығармаларында жеке тұлғаның қалыптасуы, моральдық жауапкершілік және Жаратушы мен жаратылыс алдындағы міндеттер мәселесі рінші орынға шығады. Бұл бағыттағы негізгі өзекті ұғым – «ниет» (ішкі уәж, мақсат) концепциясы.

Исламдық құқықтық ойлау жүйесінде (фиқһ) кез келген іс-әрекеттің заңдық және діни-этикалық мәртебесін анықтайтын бес іргелі ереже (ал-ал ид‘қауа-фиқһиййа ал-куб-ра) бар. Тұтас ислам заңнамасының іргетасы ретінде танылатын бұл қағидалардың алғашқысы әрі ең маңыздысы – «Амалдар мақсаттарына қарай өлшенеді» (al-Umūru bi-maqāṣidihā) ережесі [1, 45-б.]. Бұл қағида Мұхаммед пайғамбардың (с.ғ.с.) әйгілі: «Шын мәнінде, амалдар ниетке байланысты...» деген хадисінен бастау алады [2, 12-б.].

Абай өзінің шығармашылық жолында исламның тек сыртқы формальды тұстарына (рәсімдер мен шарттарға) ғана емес, оның ішкі, мазмұндық әрі мәндік негіздеріне терең бойлады. Сондықтан, Абай іліміндегі ниет мәселесі мен фиқһи қағида арасындағы сабақтастықты зерделеу – хакімнің «Толық адам» концепциясының құқықтық және діни-этикалық астарларын түсінуге жол ашады.

2. ИСЛАМ ҚҰҚЫҒЫНДАҒЫ (ФИҚҺ) «АМАЛДАР МАҚСАТТАРЫНА ҚАРАЙ ӨЛШЕНЕДІ» ҚАҒИДАСЫНЫҢ ТЕОРИЯЛЫҚ НЕГІЗДЕРІ

Ислам заңнамасы мен әдістемесінде (усул ал-фиқһ) құқықтық ережелер тек мәтіндік (Құран мен Сүннет) деңгейде ғана емес, жалпы логикалық-құқықтық кодификация деңгейінде де жүйеленген. Имам ат-Тахауи, Имам аш-и‘Шафи, Имам ас-Суюти, Имам Ибн Нужайм секілді

фақиһтардың (ислам заңгерлерінің) еңбектерінде фиқһи қағидалар құқықтың универсалды құралы ретінде қарастырылды.

«Ал-Умуру би-мақасидиһа» (الأمور بمقاصدها) қағидасының лингвистикалық және терминологиялық мағынасы төмендегідей сипатталады:

1 «Ал-Умур» (Амалдар/Істер): Адам баласының тілімен айтқан сөздері, мүшелерімен жасаған физикалық әрекеттері және жүрегімен бекіткен ішкі шешімдері.

2 «Мақасид» (Мақсаттар/Ниеттер): «Қасд» түбірінен шығып, бір нәрсеге бағытталу, бет алу, ерік білдіру дегенді білдіреді. Құқықтық термин ретінде бұл – ғибадатты әдеттегі іс-әрекеттен бөліп көрсету немесе бір құқықтық актінің түпкі мақсатын айқындау үшін жүректе қалыптасатын нақты жігер [3, 98-б.].

Ханафи мазһабының көрнекті өкілі Ибн Нужайм өзінің «ал-Ашбах уа ан-Назаир» атты еңбегінде бұл қағиданың құқықтық маңызын түсіндіре келе, ниеттің екі басты функциясын атап өтеді:

• Біріншісі: Әдеттегі тұрмыстық амалдарды (мысалы, салқындау үшін шомылуды) діни ғибадаттан (құлшылық мақсатында дәрет/ғұсыл алудан) ажырату.

• Екіншісі: Ғибадаттардың өзара деңгейлерін (парыз, уәжіп, нәпіл намаздарын) немесе құқықтық келісімдердің (сауда, сыйға тарту, аманат) сипатын айқындау [4, 17-б.].

Шариғат мақсаттары (Мақасид аш-а'Шари) ілімінің негізін салушы Имам әл-Шатиби өзінің «ал-Муафақат» атты фундаменталды еңбегінде: «Амалдардың заңдылығы олардан туындайтын нәтижелер мен мақсаттарға тікелей байланысты. Егер іс-әрекеттің сыртқы формасы дұрыс болып, бірақ ішкі мақсаты бүлікке немесе зиянға бағытталса, ол амал шариғат тұрғысынан жарамсыз», – деп тұжырымдайды [5, 210-б.].

Осылайша, фиқһ ілімінде ниет – тек қана ішкі психологиялық күй емес, ол – іс-әрекеттің объективті заңдық күшін, оның осы дүниедегі құқықтық зардаптары мен о дүниедегі ақыреттік сауабын немесе күнәсін айқындайтын басты критерий.

3. АБАЙ ДҮНИЕТАНЫМЫНДАҒЫ «НИЕТ» ПЕН «ЖҮРЕК» КОНЦЕПЦИЯСЫ

Абай Құнанбайұлы өзінің философиялық трактаттары болып табылатын «Қара сөздерінде» адами болмыстың ішкі метафизикалық құрылымын талдайды. Хакімнің пайымдауы бойынша, адамның барлық сыртқы мінез-құлқы, әлеуметтік белсенділігі мен діни тазалығы оның ішкі әлемінің, яғни ниетінің түзулігінен бастау алады.

Абай ниет ұғымын көбіне «жүрек», «ықылас», «ынсап» және «нұрлы ақыл» категорияларымен тығыз байланыста қарастырады. Отызыншы қара сөзінде ол адамдардың сыртқы амалдарының (соның ішінде мақтан, атаққұмарлық үшін жасалатын істердің) ішкі мазмұннан жұрдай екенін сынайды. Ойшылдың пайымдауынша, қоғамдағы көптеген теріс құбылыстар – амалдың жоқтығынан емес, сол амалды алға жетелейтін ниеттің бұзылғандығынан туындайды: «...Осы жерде ойлануға болады: бұлардың бәрі – мақтан, бәрі – мақтан үшін болған соң, ішінде ынсап бар ма? Тәубе бар ма? Намыс бар ма? Ой бар ма?» [6, 84-б.].

Абайдың «Жүрек» концепциясы ислам сопылық философиясындағы (тасаввуф) «Қалб» (жүрек) теориясымен үндес. Сопылықта да, фиқһта да жүрек – ниеттің орны (махалл ан-нийа). Отыз сегізінші қара сөзінде Абай иманның шынайылығы сыртқы рәсімдермен ғана емес, жүректің тазалығымен, яғни ықыласпен өлшенетінін ерекше атап өтеді: «...Енді біздің ғадал атты құдай тағалаға иман келтірмегіміз, ғадаләтты сүймек екен, сипаттарына ұқсамақ екен. ...Мұның бәрі – жүрек ісі, бұлар – жан қуаты...» [6, 112-б.].

Абай өлеңдерінде де бұл ой нақты көрініс тапқан:

«Махаббатпен жаратқан адам затты,
Кім сүймесе ол алланы, жаннан тәтті.
Адамзаттың бәрін сүй бауырым деп,
Және хақ жолы осы деп әділетті» [7, 45-б.].

Мұндағы «хақ жолы» және «әділет» – адамның ішкі риясыз, есепсіз ниетінен туындайтын моральдық императивтер. Хакімнің пікірінше, егер ниетте құдайлық махаббат пен адамзатқа деген шынайы жанашырлық болмаса, сыртқы «жақсы» амалдардың (мысалы, мақтан үшін берілген садақа немесе көрсету үшін жасалған құлшылық) рухани құны жоқ.

4. АБАЙДЫҢ «ҚАРА СӨЗДЕРІНДЕГІ» ТЕОЛОГИЯЛЫҚ ПАЙЫМДАУЛАР МЕН ФИҚҺИ ҚАҒИДАНЫҢ ҮЙЛЕСІМДІЛІГІ

Абайдың исламдық құқықтық және теологиялық мектептерден (әсіресе Әбу Ханифа мазһабы мен Имам Матуриди кәләм мектебінен) терең сусындағаны оның мәтіндерінен анық көрінеді. Ол діни амалдардың формализмін айыптап, оларды «ішкі мақсат» тұрғысынан таразылайды. Осы орайда, фиқһтың «Амалдар мақсаттарына қарай өлшенеді» ережесі Абайдың діни-философиялық сынының басты әдістемелік құралына айналған деуге толық негіз бар.

Бұл сабақтастықты ойшылдың бірнеше «Қара сөздері» негізінде талдап көрейік:

Құлшылық пен Ғибадаттағы ниет (Он алтыншы қара сөз)

Он алтыншы қара сөзінде Абай құлшылықтың мәнін түсінбей, тек сыртқы қимылдарды механикалық түрде орындаушыларды сынайды. Ол ғибадаттың қабыл болу шарты – оның түпкі мақсатында, яғни Жаратушының разылығына ұмтылуда екенін айтады: «Тілмен «ия, сүбханалла, ия әлхамдулилла» деп, жүрек өзге жерде, қайран қалып, көңіл аң аулап тұрса, оның айтқаны неге есеп?» [6, 52-б.].

Бұл пайым фиқһтағы намаз немесе басқа да ғибадаттар кезіндегі «тәкбір тахрима» сәтінде ниеттің жүректе бекуі шарт екендігі туралы үкіммен тікелей үндеседі. Фақиһтардың айтуынша, егер адам намаз оқуға тұрып, бірақ жүрегімен басқа мақсатты көздесе, оның намазы фиқһи тұрғыдан жарамсыз (бәтил) болады.

Иман мен Амалдың арақатынасы (Отыз сегізінші қара сөз)

Отыз сегізінші қара сөз (немесе Көкірек кітабы) – Абайдың теологиялық трактаты. Онда ол «Иман» ұғымын талдай келе, оның екі түрін көрсетеді: яқини иман (шынайы, дәлелді иман) және тақлиди иман(соқыр, еліктеуші иман). Абай: «...Егер діннің шындығын білмей, тек ел істегенді істеп жүрген адамның иманы қауіп үстінде», – дейді [6, 120-б.].

Фиқһи қағида тұрғысынан қарасақ, тақлиди иманмен жасалған амалдың мақсаты – Жаратушыны тану емес, әлеуметтік ортаға бейімделу ғана болып шығады. Демек, мақсаты бұлыңғыр амалдың нәтижесі де рухани тұрғыдан әлсіз.

Моральдық жауапкершілік пен Ниеттің тазалығы (Жиырма сегізінші қара сөз)

Бұл сөзде Абай Жаратушының әділдігі мен адамның ерік-жігері (касб) мәселесін талқылайды. Ол адамның күнә істеп қойып, оны «тағдырдан» көруін қатал сынайды. Абайдың айтуынша, Алла тағала адамға ақыл мен таңдау еркін берді, ал жаза немесе сауап адамның сол амалды жасау барысындағы ішкі ниеті мен мақсатына қарай беріледі: «...Құдай тағала әрбір жамандықтың жаратушысы, бірақ қылдырушысы емес. ...Жамандықты, зұлымдықты қылған – адам, құдай емес» [6, 80-б.].

Бұл – фиқһ пен кәләмдағы «амалдың жауапкершілігі оны мақсат тұтып, таңдаған адамға жүктеледі» деген ұстанымның нақ өзі.

Төмендегі кестеде фиқһи қағиданың элементтері мен Абайдың «Қара сөздеріндегі» тұжырымдардың құрылымдық сәйкестігі көрсетілген:

Фиқһи категория (Ереже)	**Фиқһтағы мағынасы**	**Абай іліміндегі баламасы / Көрінісі**	**«Қара сөздерден» мысал**

Ал-А‘мал (الأعمال)	Тілмен, денемен жасалатын барлық құқықтық, діни істер	Сыртқы амал, құлшылық, еңбек, әлеуметтік әрекет	«Руза, намаз, зекет, хаж — бұлар — сыртқы ғибадаттар» (38-сөз)
Ан-Нийа (النية)	Істің түпкі мақсатын, уәжін жүрекпен бекіту	Ықылас, ынсап, жүрек ісі, шынайылық	«Ықыласпенен намаз оқымақтық — құдай тағалаға махаббаттан шығады» (38-сөз)
Ал-Мақасид (المقاصد)	Шынайы ниеттің нәтижесі, құқықтық салдары	«Толық адам» деңгейіне жету, Жаратушы разылығы	«Мақсат — дүниелік мақтан емес, ақыреттік тазалық пен әділет» (16, 30-сөздер)

5. «НИЕТ» ҰҒЫМЫНЫҢ ӘЛЕУМЕТТІК ЖӘНЕ ЭТИКАЛЫҚ АСПЕКТІЛЕРІ: АБАЙ МЕН ФИҚҺ ТҰРҒЫСЫНАН

Фиқһтағы «Амалдар мақсаттарына қарай өлшенеді» қағидасы тек қана құлшылық аясымен шектелмейді, ол отбасылық құқық, қылмыстық құқық және азаматтық-құқықтық қатынастарды (муамалат) да реттейді. Мысалы, біреуге зақым келтіру ниетімен жасалған рұқсат етілген амалдың өзі (мысалы, өз жеріне көршісінің күнін тосатындай етіп биік қорған тұрғызу) фиқһта «зиян келтіру мақсаты» болғаны үшін заңсыз деп танылады [8, 142-б.].

Абай бұл құқықтық-этикалық принципті әлеуметтік қатынастар деңгейіне көтереді. Ол қазақ қоғамындағы би-болыстардың, шенеуніктердің іс-әрекетін дәл осы «мақсат» призмасы арқылы сынайды. Жиырма екінші қара сөзінде болыс болғысы келетіндердің түпкі мақсатын ашады: «...Болыс пен билікке таласқандардың мақсаты – елге қызмет ету емес, мақтан, мансап және мал табу» [6, 68-б.]. Сырттай қарағанда «ел басқару, тәртіп орнату» секілді заңды амал болып көрінгенімен, ішкі мақсаты (нияты) бұзық болғандықтан, Абай мұндай басқарудың қоғамға тек зиян әкелетінін ескертеді. Бұл фиқһтағы «Сәдд аз-зараи‘» (жамандыққа апаратын жолдарды бөгеттеу) және «мақсаттың бұзықтығы амалды бұзады» деген қағидамен толық үйлеседі.

Сонымен қатар, Абай «ғылым үйрену» амалының да мақсатына үлкен мән береді. Отыз сегізінші қара сөзінде: «Ғылымды, ақылды сақтамаққа мінез керек. ...Ғылымды мақтан үшін, біреумен дауласу үшін үйренбе», – деп ескертеді [6, 125-б.]. Егер ғылым үйренудің мақсаты – ақиқатқа жету емес, атаққұмарлық болса, ол амалдың рухани құндылығы жойылады. Бұл Мұхаммед пайғамбардың (с.ғ.с.): «Кімде-кім ғылымды ғұламалармен бәсекелесу немесе ақымақтармен дауласу үшін үйренсе, ол тозақтық болады» деген хадисінің [9, 114-б.] Абай тілімен берілген ғылыми-этикалық интерпретациясы болып табылады.

6. ҚОРЫТЫНДЫ

Хакім Абай Құнанбайұлының іліміндегі ниет ұғымы мен ислам фиқһының «Амалдар мақсаттарына қарай өлшенеді» қағидасының арасында терең, органикалық сабақтастық бар. Бұл сабақтастық келесідей қорытындылармен айқындалады:

1 Мазмұндық біртұтастық: Абай ислам құқығы мен этикасының іргелі принциптерін терең меңгеріп, оларды тек құрғақ заңдық догма ретінде емес, тірі моральдық-философиялық императив ретінде қолданған. Фиқһтағы іс-әрекеттің заңдылығын анықтайтын «мақасид»

(мақсаттар) теориясы Абайдың «Толық адам» концепциясының ішкі рухани сүзгісі қызметін атқарады.

2 Формализмді айыптау: Фиқһи қағида секілді, Абай да адамның сыртқы амалдарының (құлшылығының, әлеуметтік істерінің) сапасын оның ішкі уәжімен – ықыласпен, әділетпен және жүрек тазалығымен өлшейді. Ішкі ниеті түзу емес амалдың сыртқы формасы қаншалықты мінсіз болғанымен, оның рухани әрі әлеуметтік құны жоқ деп есептейді.

3 Әлеуметтік жауапкершілік: Абай ниет концепциясын қоғамдық қатынастарды, билік пен ғылымды трансформациялаудың құралы ретінде қарастырды. Ел басқару мен білім алудың мақсаты нәпсілік мүдделерден тазарып, қоғамға қызмет етуге бағытталғанда ғана оң нәтиже беретінін негіздеді.

Осылайша, Абай іліміндегі ниет философиясы – исламның құқықтық әдістемесі (фиқһ) мен этикалық-мистикалық (тасаввуф) дүниетанымының қазақтың ұлттық болмысына бейімделген, ғылыми-философиялық тұрғыдан жүйеленген бірегей көрінісі болып табылады.

ӘДЕБИЕТТЕР ТІЗІМІ

1 Әл-Ғазали Ә. Ихия улум ад-дин (Діни ілімдердің қайта жануы). Т. 1. – Бейрут: Дар ал-Марифа, 2004. – 540 б.

2 Әл-Бухари М. Сахих әл-Бухари (Хадистер жинағы). – Алматы: Кәусар-саяхат, 2008. – 840 б.

3 Ас-Суюти Ж. Ал-Ашбах уа ан-аш фиқһ ‘фуру уа ид‘қауа фи назаир-иййа‘шафи. – Бейрут: Дар ал-Кутуб ал-Илмиййа, 1990. – 480 б.

4 Ибн Нужайм З. Ал-Ашбах уа ан-Ханифа Аби мазһаб ала‘ назаир. – Дамаск: Дар ал-Филир, 1999. – 360 б.

5 Әл-Шатиби И. Ал-Муафақат фи усул аш-а‘шари. Т. 2. – Каир: Дар Ибн Аффан, 2003. – 410 б.

6 Абай (Ибраһим) Құнанбайұлы. Қара сөздер. Поэмалар. – Алматы: Елнур, 2010. – 216 б.

7 Абай Құнанбаев. Шығармаларының екі томдық толық жинағы. Т. 1: Өлеңдер. – Алматы: Жазушы, 2005. – 296 б.

8 Зарқа М. Ал-Мадхал ал-фиқһий ал-амм‘. Т. 2. – Дамаск: Дар ал-Қалам, 1998. – 520 б.

9 Ат-Тирмизи М. Сунан ат-Тирмизи (Хадистер жинағы). – Бейрут: Дар ал-Гарб ал-Ислами, 1998. – 620 б.

ОБОСНОВАНИЕ ВЫБОРА РАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РАЗРАБОТКИ ДЛЯ СЛОЖНОСТРУКТУРНЫХ ЗОЛОТОРУДНЫХ МЕСТОРОЖДЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ЗУН-ХОЛБИНСКОГО МЕСТОРОЖДЕНИЯ)

***Гольц А.Г.*[1], *Чигиринский В.В.*[2]**
[1] магистрант, Рудненский индустриальный университет, г. Рудный, Казахстан,
[2] д.т.н., профессор, Рудненский индустриальный университет, г. Рудный, Казахстан

Аннотация

В статье рассматривается проблема обоснования выбора системы подземной разработки для сложноструктурных золоторудных месторождений с упорными рудами. На примере Зун-Холбинского месторождения (Республика Бурятия) проведён сравнительный анализ конкурентоспособных вариантов систем разработки с учётом геологических, геомеханических и технико-экономических факторов. Исследование базируется на двухстадийной методологии, включающей отсев технически неприемлемых вариантов и последующее технико-экономическое сравнение. В результате обоснована система разработки с подэтажной отбойкой руды и породной закладкой, обеспечивающая приемлемые показатели потерь (8 %) и разубоживания (13,5 %) при существенно более низкой себестоимости добычи. Показано, что использование породы от проходки выработок в качестве закладки позволяет решить проблему управления горным давлением без привлечения дорогостоящих закладочных комплексов и соответствует современным принципам «зелёной» геотехнологии.

Введение

Выбор системы разработки является фундаментальным этапом проектирования подземного рудника, определяющим технико-экономическую эффективность и безопасность горных работ на весь срок отработки месторождения [1, 3]. Для сложноструктурных месторождений задача выбора существенно усложняется.

Зун-Холбинское золоторудное месторождение расположено в юго-восточной части Восточного Саяна, в Окинском районе Республики Бурятия, на водораздельной части рек Урик и Китой [2, 8]. Месторождение относится к Боксон-Гарганской структурно-металлогенической зоне и входит в состав Урик-Китойской золоторудной зоны, которая включает Холбинское рудное поле (Зун-Холбинское, Пионерское и Барун-Холбинское месторождения) [2]. Месторождение приурочено к крупной Самарта-Холбинской зоне разломов северо-западного простирания, в результате чего на месторождении широко проявлены тектонические деформации [2, 8]. Промышленное освоение начато в 1987 году [3].

Месторождение характеризуется сложным геологическим строением: руды относятся к упорным (тонкодисперсное золото, тесно связанное с арсенопиритом), содержат вредные примеси (мышьяк, углерод), имеют малую мощность рудных тел (около 4 м) при крутом падении (30–60°) [7]. Суммарные запасы и прогнозные ресурсы золота составляют более 130 тонн [3]. Руды относятся к золото-сульфидно-кварцевому типу [3].

Геомеханические исследования, выполненные на месторождении, показывают, что массив горных пород характеризуется значительными гравитационно-тектоническими напряжениями. Степень устойчивости пород варьируется от «средней» до «неустойчивой» [5]. При этом в массиве выделяются иерархические уровни деструктивных элементов: в диапазоне от 15 см до 5833 м выявлено 15 уровней подобия, при коэффициенте масштабного подобия 2,0–2,3 массив классифицируется как средненапряжённый и характеризуется неустойчивым состоянием [9]. Указанные особенности требуют тщательного обоснования параметров вскрытия, системы разработки и технологических процессов для обеспечения рентабельной и безопасной отработки запасов.

Методология исследования

Исследование выполнено на основе классической двухстадийной методологии выбора системы разработки, детально описанной в трудах В.В. Ржевского, Д.М. Казикаева и других учёных [1, 4]. В соответствии с данным подходом выбор системы разработки зависит как от природных факторов, так и от уровня развития техники [4].

На первой стадии производится отсев технически неприемлемых вариантов на основе постоянных (природных) факторов:

- устойчивость руды и пород [1, 5];
- мощность и угол падения рудных тел;
- ценность руды и глубина разработки;
- напряжённое состояние массива горных пород [5].

На второй стадии оставшиеся конкурентоспособные варианты подвергаются детальному технико-экономическому сравнению с учётом переменных факторов (потери, разубоживание, производительность труда, себестоимость добычи) [6]. Конечной целью этого этапа является максимизация удельного дохода от разработки месторождения [6].

Анализ горно-геологических и горнотехнических условий

Исходя из горно-геологических условий Зун-Холбинского месторождения (устойчивые вмещающие породы, наклонное и крутое падение 30–60°, средняя мощность рудных тел около 4 м, глубина разработки до 1000 м, значительные гравитационно-тектонические напряжения в массиве), выделены две основные группы систем, заслуживающих рассмотрения:

1. **Системы с подэтажной отбойкой и открытым очистным пространством** — характеризуются высокой производительностью, но потенциально более высокими потерями и разубоживанием.
2. **Системы с закладкой выработанного пространства** — обеспечивают более полное извлечение руды и лучшее управление горным давлением, что особенно важно в условиях значительных тектонических напряжений [1, 5].

Результаты сравнительного анализа

В рамках исследования проведён сравнительный анализ двух конкурентоспособных систем разработки:

Вариант 1. Система разработки с подэтажной отбойкой уступным забоем по простиранию с нисходящим порядком выемки и опорным креплением. Данная система предназначена для отработки тонких крутопадающих жильных рудных тел в устойчивых рудах и породах. Подготовка запасов принята полевая с проходкой откаточного и вентиляционного штреков в лежачем боку при высоте этажа 50–70 м. Добыча руды осуществляется с нисходящим порядком выемки подэтажей уступным забоем. Доставка отбитой руды производится скреперными установками до рудоспусков. Применяется на рудниках Акжал, Солнечный ГОК, Дарасун [7].

Вариант 2. Система с камерной отработкой и закладкой очистного пространства. Подготовка блока включает проведение полевого штрека и нарезных выработок (рудный штрек, подэтажный штрек, отрезной восстающий). Отработку запасов ведут подэтажами с бурением восходящих вееров скважин самоходной буровой установкой (Atlas Copco Simba S7D или НКР-100). Выпуск руды осуществляется ПДМ через орт-заезды. В качестве закладки применяется пустая порода от проходки горных выработок [7]. Применяется на рудниках Айхал, Яковлевский ГОК, Корбалихинский рудник [7].

Технико-экономическое сравнение показало:

Показатель	Вариант 1 (подэтажная отбойка)	Вариант 2 (камерная с закладкой)
Объём подготовительных выработок на блок, м³	14243	13419,8

Потери руды, %	8	8
Разубоживание, %	13,5	13,5
Себестоимость добычи, тг./т	15382	11023

Объём подготовительных и нарезных выработок на блок при системе с подэтажной отбойкой больше на 823,2 м³ (14 243 м³ против 13 419,8 м³), что напрямую влияет на итоговую себестоимость. Себестоимость добычи оказалась выше на 28 % (15 382 тг./т против 11 023 тг./т) [7].

При этом достигаемые показатели потерь (8 %) и разубоживания (13,5 %) являются приемлемыми для условий месторождения и обеспечивают рациональное использование недр. Использование породной закладки из проходческих работ решает проблему управления горным давлением, что особенно важно в условиях значительных гравитационно-тектонических напряжений на глубоких горизонтах (800–1000 м) [5, 7], не требуя привлечения дорогостоящих закладочных комплексов.

Обсуждение

Полученные результаты согласуются с современными исследованиями в области подземной геотехнологии. Как показано в работе Бекбергенова и др. [10], для месторождений со сложной морфологией выбор системы разработки должен основываться на комплексном учёте геомеханических и экономических факторов. Применение систем с закладкой выработанного пространства позволяет не только снизить потери и разубоживание, но и обеспечить устойчивость горных выработок в условиях повышенного горного давления [5, 7].

Использование породы от проходки выработок в качестве закладочного материала соответствует современным принципам ресурсосбережения и «зелёной» геотехнологии, поскольку позволяет утилизировать отходы в выработанном пространстве и снизить экологическую нагрузку на поверхность [7].

Применение современного самоходного оборудования (буровые установки, ПДМ, автосамосвалы) и эффективной системы вентиляции гарантирует безопасность и высокую производительность труда [7].

Заключение

Проведённые исследования позволяют сделать следующие выводы:

1. Горно-геологические условия Зун-Холбинского месторождения (наклонное и крутое падение рудных тел, средняя мощность, значительные гравитационно-тектонические напряжения) требуют применения систем разработки, обеспечивающих эффективное управление горным давлением и минимальные потери руды.
2. Сравнительный анализ двух конкурентоспособных систем разработки показал неоспоримое преимущество системы с камерной отработкой и породной закладкой за счёт значительно меньших удельных затрат на подготовительно-нарезные работы (себестоимость ниже на 28 %).
3. Достигаемые показатели потерь (8 %) и разубоживания (13,5 %) являются приемлемыми и обеспечивают рациональное использование недр.
4. Использование породы от проходки выработок в качестве закладки позволяет решить проблему управления горным давлением без привлечения дорогостоящих закладочных комплексов и соответствует принципам «зелёной» геотехнологии.

Принятое техническое решение соответствует как классическим принципам подземной геотехнологии [1, 4], так и современным тенденциям развития горнодобывающей отрасли [5, 10].

Список литературы

1. Агошков М.И. Разработка рудных месторождений. — М.: Недра, 1983.
2. Москвитина М.Л., Дамдинов Б.Б., Извекова А.Д., Дамдинова Л.Б. Минеральный состав и геохимические особенности кварц-сульфидных руд Зун-Холбинского золоторудного месторождения // Материалы Всероссийской конференции. — Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2021. — С. 68–70. DOI: 10.31554/978-5-7925-0604-6-2021-68-70.
3. Зун-Холбинское месторождение // Вестник золотопромышленника. — URL: http://www.gold.1prime.ru (дата обращения: 18.08.2026).
4. Казикаев Д.М. Геомеханика подземной разработки руд. — М.: МГГУ, 2005.
5. Павлов А.М. Прогноз геомеханического состояния массива горных пород глубоких горизонтов Зун-Холбинского месторождения // Горный информационно-аналитический бюллетень. — 2020. — № 5. — С. 105–114. DOI: 10.25018/0236-1493-2020-50-105-114.
6. Котенко Е.А. Экономическая оценка эффективности вариантов систем разработки рудных месторождений // Горный информационно-аналитический бюллетень. — 2015. — № 12.
7. Чугаев А.В. Плюм-мантийная модель формирования Зун-Холбинского золоторудного месторождения (Восточный Саян, Россия) // Геология рудных месторождений. — 2024. — Т. 66, № 3.
8. Павлов А.М. Исследование природных напряжений горного массива Зун-Холбинского месторождения // Вестник Иркутского государственного технического университета. — 2013. — № 8. — С. 32–38.
9. Бекбергенов Д.К., Зейнуллин А.А., Джангулова Г.К., Жанакова Р.К., Бектибаев У.А. Обоснование подземной геотехнологии отработки месторождений со сложной морфологией на примере рудника Акжал // Горный информационно-аналитический бюллетень. — 2025. — № 12-2. — С. 33–70. DOI: 10.25018/0236_1493_2025_122_0_33.

BUSINESS PLANNING AS A MECHANISM FOR ENHANCING ORGANIZATIONAL MANAGEMENT EFFICIENCY

Liu Junxian[1*], G. Mynzhanova[2]
[1] Farabi International Business School, Al-Farabi 71, 050040, Almaty, Kazakhstan[2]
[2] Kazakh Ablai khan University of international relations and world languages, Muratbaeva 200, Almaty, Kazakhstan

Abstract

The purpose of the study is to examine business planning as a mechanism for enhancing organizational management efficiency using the case of Air Astana JSC. The study's information base consisted of the company's annual reports, financial statements, corporate strategy documents, and relevant scientific publications on business planning and organizational management. The research employs case study and comparative analysis. According to the results of the study, business planning contributes to more effective resource allocation, improved managerial decision-making, and sustainable organizational development. The results show that the implementation of an integrated business planning system is associated with growth in revenue, passenger traffic, fleet expansion, and operational efficiency. The findings substantiate the need to strengthen integrated business planning through digital technologies, continuous performance monitoring, and data-driven managerial decision-making in order to improve organizational management efficiency.

Keywords: business planning, organizational management, management efficiency, strategic planning, Air Astana, decision-making, sustainable development.

*** Corresponding author: Liu Junxian** - 3rd year Doctoral Student, Farabi International Business School, Al Farabi Kazakh National university, Al-Farabi 71, 050040, Almaty, Kazakhstan, e-mail: gadak.shal@gmail.com
Conflict of interests: the authors declare that there is no conflict of interest
Financial support: the study was not sponsored (own resources)

1. Introduction

In today's rapidly changing world, where globalization, digital transformation and market conditions are becoming more dynamic, the effectiveness of an organization's management largely depends on the quality of business planning.

For companies that face increasing competition and an unstable external environment, business planning is becoming a key tool for making informed management decisions, allocating resources efficiently, assessing risks, and achieving strategic goals.

Business planning is especially important in the aviation industry, where the success of an organization depends on the accuracy of forecasting demand, optimizing costs, implementing investment projects, and being able to respond quickly to changes in the economic situation.

The relevance of the study lies in the fact that Kazakhstani companies need to improve business planning mechanisms to improve management efficiency, ensure sustainable development and strengthen competitive positions.

The purpose of the study is to evaluate the effectiveness of business planning as a tool for improving the efficiency of organization management using the example of Air Astana JSC. The study will develop practical recommendations for improving the business planning system.

To achieve this goal, it is necessary to solve the following tasks::

1. To study the theoretical foundations and modern approaches to business planning as a tool for improving the effectiveness of organization management.

2. Analyze the business planning system at Air Astana JSC and identify ways to improve it, taking into account current trends in the aviation industry.

The question under study is: how does business planning affect the effectiveness of the organization's management and what areas of its improvement can increase the effectiveness of Air

Astana JSC?

The scientific novelty of the study lies in the fact that it provides a comprehensive assessment of the impact of business planning on the effectiveness of the organization's management, taking into account the specifics of the aviation industry in Kazakhstan, modern digital technologies and external factors.

The paper offers a number of recommendations for improving business planning processes aimed at improving the quality of management decisions and the efficiency of Air Astana JSC.

The theoretical significance of the research lies in the expansion of scientific ideas about the place of business planning in modern management and a deeper understanding of its role as a tool to improve the effectiveness of organization management.

The practical value of the work lies in the fact that the results obtained and the recommendations developed can be used by the management of Air Astana JSC and other enterprises of the transport industry of Kazakhstan to improve business planning processes, improve management and ensure sustainable development.

2. Literature review

Issues related to business planning as a tool for improving the efficiency of company management are actively discussed in both foreign and domestic scientific papers.

Recent research, particularly in the field of aviation in Kazakhstan, has shed light on the significance of strategic, financial, and organizational management. Kassenova et al. (2020) explored the digitalization of financial resources, using Air Astana JSC as a case study (Kassenova et al., 2020). They emphasized the importance of digital transformation in managing the company's financial resources. This viewpoint is crucial for our study, as digitalization is becoming increasingly integrated into business planning, financial management, and decision-making processes within aviation companies.

The competitiveness of aviation companies in Kazakhstan has also been explored by Jaxybekova (2020), who investigated the factors that influence the competitiveness of aviation companies in Kazakhstan (Jaxybekova, 2020). This line of inquiry is pertinent to the current study, as business planning is closely tied to an aviation company's ability to enhance its competitive position through efficient resource allocation, operational improvement, and strategic decision-making.

Recent research has further enriched the discussion on aviation sector development in Kazakhstan. Nurlanuly, Petrov, and Balbolova (2026) conducted a comparative analysis of aviation market development models in Kazakhstan and Slovakia, providing a broader perspective on the development of the national aviation market (Nurlanuly et al., 2026). This research underscores the significance of considering the external market environment when creating long-term business plans for aviation companies.

Other studies explore particular aspects of aviation management and competitiveness. Kazybayeva et al. (2026) investigated the correlation between airline marketing communications and destination branding across various social demographic groups (Kazybayeva et al., 2026). While this research primarily focuses on marketing and destination branding, its findings are valuable for business planning as passenger demand, market positioning, and communication strategies can impact the success of airline development plans. Similarly, Astakhov (2022) explored the significance of strategic management in ensuring airport competitiveness, highlighting the link between strategic management and performance in the aviation industry (Astakhov, 2022).

The results of many studies show that careful development of a business plan helps to make more informed management decisions, rationally allocate resources and achieve the company's strategic goals. Among the foreign studies, the work of Hiroko Nakajima and Tomoki Sekiguchi in this study (Nakajima, H., & Sekiguchi, T., 2025), the authors conducted a comprehensive analysis of the scientific literature and concluded that business planning has a positive impact on the work of companies in three areas: improving economic efficiency, improving communication with stakeholders, and improving the quality of internal management decisions.

However, researchers note that the effectiveness of business planning depends on the stage of development of the company and the characteristics of the external environment. Another important study is a meta-analysis conducted by Peter Maik Hamann, Oliver Halw, and Thomas W. Guenther (Hamann et al., 2023).

The analysis reviewed the results of 183 independent studies that were conducted in practice. As a result, it was found that there is a stable positive relationship between corporate planning and organizational effectiveness.

It was also revealed that the influence of planning increases in large organizations and in conditions of high uncertainty of the external environment. This confirms the need for the systematic use of planning tools in modern management. In Kazakhstan, the problems of improving planning processes have become the subject of research by A. Soltangazinov, S. Simonov, M. Amirova, S. Kaidarova and M. Karimbergenova. Their work is called "Strategic planning as a tool of the state planning system in the Republic of Kazakhstan (Soltangazinov et al., 2019)."

The authors consider planning as a key element of effective management. They emphasize the importance of monitoring, monitoring the execution and organizational and economic mechanism of the implementation of plans.

The study shows that the success of planning depends not only on the quality of document development, but also on the system of their practical application. In the work "Planning the budgeting process in holding companies" S. Oserbayuly and G. Adambekova explore budgeting as a key element of the business planning system (Oserbayuly & Adambekova, 2015). They point out that the success of an organization largely depends on how well its financial resources are planned.

Researchers believe that a well-organized budget planning process helps to better coordinate the work of departments, improve control over the implementation of plans, optimize the use of resources and achieve the company's strategic goals. A comparison of the reviewed papers demonstrates that foreign scientists mainly investigate how business planning affects the effectiveness of an organization, using extensive empirical data, meta-analyses and systematic reviews. They study how planning relates to productivity, business stability, and the quality of management decisions.

Researchers from Kazakhstan, on the contrary, focus on the practical aspects of implementing planning mechanisms, integrating budgeting into the management system, and the specifics of applying modern approaches in the national economy.

As a result of the literature analysis, it was revealed that most of the existing studies consider business planning either on a theoretical level or in the context of strategic public administration. At the same time, the use of business planning as a tool for improving management efficiency in individual Kazakhstani companies in the aviation industry has not been sufficiently studied.

This gap in research determines the need to conduct this study using the example of Air Astana JSC. This will make it possible to assess the impact of business planning on management effectiveness, taking into account the specifics of the industry, and develop practical recommendations for improving the management system.

3. Research methods The research is based on two methods: the case study and the analysis method. They allowed a comprehensive assessment of the role of business planning in improving the effectiveness of the organization's management.

The main research method is the case method, which involves a detailed study of the activities of Air Astana JSC, the leading airline of the Republic of Kazakhstan. The choice of this organization was due to its stable position in the air transportation market, high level of corporate governance, implementation of long-term development programs and openness of corporate information.

The case method examines the specifics of the formation and implementation of the company's business plans, the processes of setting strategic and operational goals, planning financial resources, investment activities, route network management, digital transformation and renewal of the aviation fleet. Special attention is paid to practical examples of business planning implementation, including the expansion of the international route network, the acquisition of modern aircraft, the development of digital services for passengers, the implementation of operational efficiency improvement programs and risk management.. The analysis is carried out on the basis of official documents of Air Astana JSC, including annual reports, financial statements, corporate strategy and other official materials. This guarantees the reliability and objectivity of the research results.

The second research method is the analysis method, which allows a comprehensive study of the impact of business planning on the effectiveness of the organization's management. This method includes an analysis of the company's business planning structure, the content of strategic documents, the relationship between planned activities and achieved results, as well as an assessment of the

effectiveness of management decisions.

The analysis covers financial performance, investment activity, route network development dynamics, fleet renewal, operational efficiency, and corporate governance. It also evaluates how business planning contributes to achieving the company's strategic goals, improving the quality of management decisions, rational allocation of resources, reducing risks and strengthening competitive advantages.. The results obtained make it possible to identify the strengths of the current business planning system of Air Astana JSC, as well as identify existing limitations. Based on these data, we offer practical recommendations for its further development.

The combination of the case method and the analytical approach makes it possible to conduct a comprehensive study of business planning as a tool for improving the effectiveness of organization management. This approach makes it possible not only to consider the theoretical aspects of the problem, but also to confirm their practical significance using the example of Air Astana JSC. Based on the data obtained, we formulate scientifically based conclusions and recommendations aimed at improving the company's management system in modern conditions.

4. Results An analysis of the activities of Air Astana JSC has shown that strategic and operational management decisions are made based on business planning. The company uses long-term planning, which covers the development of the route network, fleet renewal, investment activities, digital transformation and financial resource management.

An analysis of the official financial statements for 2024 showed that the implementation of business plans allowed the company to maintain positive dynamics in key performance indicators. The group's revenue in 2024 amounted to USD 1.309 billion, an increase of 11.5% compared to 2023 (Mahmudov, 2024). The number of passengers transported amounted to 8.99 million people, which is 11.2% more than in the previous year. The company's fleet increased from 49 to 57 aircraft, which is +16.3%, and the passenger load factor increased from 82.8% to 83.5%.

The results obtained confirm that the business planning system is aimed at the long-term development of the company. The implementation of the investment program has made it possible to increase capacity, expand the route network and improve the quality of passenger service without significantly reducing operational efficiency. At the same time, the company maintained a high Adjusted EBITDAR Margin of 25.9%, which indicates the effectiveness of cost management and financial resources.

Table 1. Key Business Planning Results of Air Astana JSC

Indicator	2023	2024	Change
Revenue, USD million	1,175	1,309	+11.5%
Number of passengers, million	8.09	8.99	+11.2%
Aircraft fleet, units	49	57	+16.3%
Load factor	82.8%	83.5%	+0.7 p.p.
Adjusted EBITDAR, USD million	300.8	322.9	+7.4%
Adjusted EBITDAR Margin	25.6%	24.7%	−0.9 p.p.

Note: p.p. = percentage points. The Adjusted EBITDAR Margin decreased from 25.6% in 2023 to 24.7% in 2024, representing a decline of 0.9 percentage points.

These data allow us to conclude that the company's business planning system contributes to a steady increase in key financial and operational indicators. In addition, it helps to effectively allocate resources and achieve strategic goals.

The analysis revealed how business planning affects the effectiveness of company management.

The study showed that at Air Astana there is a direct relationship between strategic planning and performance (Koshekov et al., 2024). Thanks to the planning of the investment program, the company's fleet increased by 16.3%, which increased the number of flights and passenger traffic by almost 904 thousand people per year.

At the same time, revenue growth of $134 million demonstrates the effectiveness of the company's development strategy.

The study also showed that business planning has a positive impact on several aspects of organization management.

Table 2 – Assessment of the Impact of Business Planning on the Management Efficiency of Air

Astana

Management Area	Analysis Result	Practical Effect
Financial Management	Revenue increased by 11.5%	Strengthened financial sustainability
Operations Management	Aircraft fleet expanded from 49 to 57 units	Increased transportation capacity
Passenger Transport Management	Passenger traffic increased by 11.2%	Improved utilization of operational resources
Quality Management	Load factor increased from 82.8% to 83.5%	More efficient utilization of the route network
Investment Management	Continued implementation of the fleet modernization program	Supported long-term corporate development
Strategic Management	Implementation of the long-term growth strategy	Enhanced the company's competitive position

Source: Compiled by the authors based on the company's 2023–2024 performance indicators.

The study demonstrates that at Air Astana, business planning is not only a tool for creating strategic documents, but also a real way to improve management (Sembiyeva, 2023).

The growth of financial and operational indicators indicates that combining strategic, financial and operational planning helps to allocate resources more wisely, improve the quality of management decisions and ensure the stable development of the company.

5.Discussion

The results are also in line with studies that specifically focus on the aviation industry in Kazakhstan. Kassenova et al. (2020) conducted a study on the digitalization of Air Astana JSC's financial resources, using the company as an example. Their research provides a valuable framework for this study, as the increasing digitalization of financial and management processes creates new possibilities for enhancing planning, monitoring, and decision-making. In the case of Air Astana, the integration of financial planning with operational and investment planning can be seen as a crucial aspect of overall management effectiveness.

The correlation between business planning and competitiveness is further substantiated by the research conducted by Jaxybekova (2020), which delves into the factors that influence the competitiveness of aviation companies in Kazakhstan. This study expands upon this viewpoint by demonstrating how strategic and operational planning can foster competitive growth through fleet expansion, increased passenger traffic, and enhanced utilization of transportation capacity. Consequently, competitiveness can be seen not only as an external market outcome but also as a result of internally coordinated planning and management processes.

When analyzing the outcomes, it is crucial to consider the broader context of the aviation market. Nurlanuly et al. (2026) offer a comparative analysis of aviation market development models in Kazakhstan and Slovakia. Their study underscores the significance of the broader institutional and market context in which aviation companies operate. Therefore, the success of Air Astana's business strategy must be evaluated in light of developments in the national aviation market and the broader competitive landscape.

The results can also be linked to research on strategic management and aviation competitiveness. Astakhov (2022) explored the significance of strategic management in ensuring airport competitiveness, highlighting the crucial role of strategic decision-making for aviation organizations. This study expands upon this perspective by illustrating how strategic planning is intertwined with specific financial and operational outcomes at the airline level.

Meanwhile, Kazybayeva et al. (2026) underscore the importance of airline marketing communications and destination branding for various social demographic groups. This implies that future business planning must consider not only financial and operational metrics but also market-oriented factors that influence passenger demand and the company's competitive position.

The results of the research confirm that business planning is a crucial factor in enhancing the effectiveness of management at Air Astana JSC. The outcomes indicate that the integration of strategic, financial, investment, and operational planning is linked to positive changes in the company's key financial and operational metrics. In particular, the increase in revenue, passenger traffic, aircraft

fleet, and load factor suggests that planning activities are closely tied to the company's capacity expansion and operational performance. These findings align with the general conclusions of previous studies, which underscore the importance of business planning in improving the quality of management decisions, resource allocation, and organizational performance.

The outcomes align with the research conducted by Nakajima and Sekiguchi, who discovered a positive impact of business planning on economic performance, internal decision-making processes, and communication within organizations. In the case of Air Astana, this relationship is evident through the simultaneous enhancement of financial and operational metrics. In 2024, revenue increased by 11.5%, while passenger traffic rose by 11.2%. Simultaneously, the airline's fleet expanded from 49 to 57 aircraft, demonstrating that investment and operational planning contributed to the company's growth and increased transportation capacity.

The results also align with the meta-analysis presented in the literature review, which demonstrated a consistent positive correlation between corporate planning and organizational performance. The Air Astana case serves as a case study in the aviation industry, illustrating this relationship. The company's planning framework encompasses various interconnected areas, including fleet modernization, route network development, financial resource management, and long-term growth. Consequently, the findings indicate that the success of business planning is contingent not only on the presence of individual plans but also on their seamless integration into a unified management framework.

A significant discovery of the research pertains to the correlation between investment strategy and operational performance. The expansion of the aircraft fleet by 16.3% was accompanied by a 11.2% increase in passenger traffic and an enhancement in the load factor from 82.8% to 83.5%. This suggests that investment decisions regarding fleet development were supported by corresponding operational planning. The findings therefore demonstrate that business planning can establish a connection between long-term investment decisions and short-term operational outcomes. For an airline, such integration is particularly crucial, as fleet expansion necessitates the coordination of financial resources, route planning, passenger demand, and operational capacity.

Simultaneously, the findings demonstrate that an increase in operational scale does not automatically result in a proportional rise in profitability. The Adjusted EBITDAR grew by 7.4%, from USD 300.8 million to USD 322.9 million, while the Adjusted EBITDAR Margin decreased from 25.6% to 24.7%. This decrease of 0.9 percentage points indicates that the expansion of the company's operations was accompanied by additional cost pressures. Therefore, the results suggest that future business planning should focus not only on expanding revenue and capacity but also on maintaining cost-effectiveness and safeguarding operating margins. This is particularly pertinent for aviation companies, where fleet expansion and increased passenger numbers can lead to additional operational and financial expenses.

The results also corroborate the findings of Kazakhstani scholars regarding the significance of implementing and monitoring plans. The previous research examined in this study highlights that the success of planning is not solely determined by the quality of the planning documents, but also by the mechanisms employed for their implementation and monitoring. The case of Air Astana exemplifies the practical relevance of this approach, as the observed shifts in financial and operational metrics demonstrate that planning is intricately linked to actual managerial decisions and organizational outcomes.

The research further illustrates that business planning enhances the effectiveness of management across various areas. Financial planning results in revenue growth and enhanced financial stability. Operational planning leads to increased fleet capacity. Passenger transport planning contributes to higher passenger numbers. Quality and route network management improve the load factor. Investment and strategic planning support the company's long-term growth and competitive advantage. This multifaceted impact suggests that business planning should be seen as a comprehensive management tool rather than a separate financial or strategic endeavor.

The results are particularly pertinent to the research gap identified in the literature review. Existing studies primarily focus on business planning from a broad theoretical standpoint, through empirical analyses of organizational performance, or in the context of public sector planning. This study takes a different approach by exploring the connection between business planning and

management effectiveness within a prominent Kazakh aviation company. The Air Astana case study illustrates how planning processes can be translated into tangible financial, operational, and organizational results in the aviation sector.

However, the outcomes should be viewed with caution. The research is limited to a single company, which means that the findings cannot be automatically applied to all aviation companies or organizations in Kazakhstan. Moreover, the observed enhancements in performance cannot be solely attributed to business planning, as organizational results can also be affected by market conditions, passenger demand, fuel costs, exchange rates, competition, and other external factors. Nevertheless, the combination of the case study and analytical approach provides evidence of a significant correlation between the implementation of business planning and the observed improvement in Air Astana's management and operational metrics.

In summary, the analysis demonstrates that business planning serves as a cohesive framework that links strategic goals with financial resources, investment choices, and operational activities. The Air Astana example illustrates how effective planning can foster organizational growth, optimize resource utilization, and enhance competitiveness. However, the decrease in the Adjusted EBITDAR Margin underscores the importance of ongoing monitoring and adjustment of business plans to ensure that expansion is accompanied by sustainable improvements in operational and financial performance. These insights reinforce the notion that business planning should be viewed as an ongoing management process encompassing forecasting, implementation, monitoring, and timely adaptation to external changes.

6.Conclusion The results of the study demonstrate that business planning is one of the main tools for improving the management of an organization.

Using the example of Air Astana JSC, it can be seen that the integrated use of strategic, financial and operational planning helps to consistently improve key financial and production indicators. This contributes to a more efficient allocation of resources, improving the quality of management decisions and strengthening the company's competitive advantages.

An 11.5% increase in revenue, an 11.2% increase in passenger traffic, an expansion of the aircraft fleet from 49 to 57 and an increase in the load factor to 83.5% are all the results of a successful business planning system.

The practical significance of the results obtained lies in the fact that they help to identify the most effective ways to improve the company's management system.

The study demonstrates that successful business planning requires an integrated approach that includes strategic, investment, financial, and operational planning. It is also necessary to use modern digital tools for forecasting and data analysis.

This approach makes it possible to reduce management risks, use financial and material resources more efficiently, make management decisions on time and increase the company's adaptability to changes in the external environment.

The results of the study also demonstrate that the success of business planning is determined not only by the thorough development of plans, but also by the constant monitoring of their implementation, the analysis of the achievement of goals and the timely adaptation of management decisions. This enables companies to respond promptly to changes in the market situation, ensure stable development and maintain their competitive positions in the long term.

The results of the study may be useful for the management of Air Astana JSC and other companies operating in the aviation and transport sectors of Kazakhstan. They can be used to improve business planning processes, develop corporate strategies, implement investment projects, and improve management efficiency.

The theoretical significance of the results lies in the expansion of scientific knowledge about the role of business planning as a tool for improving the effectiveness of organization management. The practical significance lies in the fact that the proposed approach can be applied to improve the corporate governance system in organizations of various sectors of the economy.

References

Kassenova, G., Zhamiyeva, A., Zhildikbayeva, A., Doszhan, R., & Sadvakassova, K. (2020). Digitalization of the company's financial resources (by the example of Air Astana JSC). *E3S Web of Conferences, 159*, 04021. https://doi.org/10.1051/e3sconf/202015904021

Jaxybekova, Z. S. A. C. G. (2020). Predictors of aviation companies' competitiveness in the Republic of Kazakhstan. In *Central and Eastern Europe in the changing business environment* (p. 252).

Nurlanuly, A., Petrov, K., & Balbolova, Y. Zh. (2026). Comparative analysis of aviation market development models in Kazakhstan and Slovakia. *Scientific Journal of Pedagogy and Economics, 420*(2), 785–800.

Kazybayeva, A., Duchshanova, M., & Smykova, M. (2026). Examining the relationship between airline marketing communications and destination branding on social demographic groups. *Economic Series of the Bulletin of L.N. Gumilyov ENU*, (2), 146–159.

Astakhov, K. (2022). The role of strategic management in ensuring airport competitiveness. In *Marketing and digital technologies: Collection of materials of the V International Scientific-Practical Conference, September 29–30, 2022* (p. 22). Odesa Polytechnic.

Nakajima, H., & Sekiguchi, T. (2025). Is business planning useful for entrepreneurs? A review and recommendations. *Businesses, 5*(1), 10. https://doi.org/10.3390/businesses5010010

Hamann, P. M., Halw, O., & Guenther, T. W. (2023). Meta-analysis of the corporate planning–organizational performance relationship: A research note. *Strategic Management Journal, 44*(7), 1803–1819.

Soltangazinov, A., Simonov, S., Amirova, M., Kaidarova, S., & Karimbergenova, M. (2019). Strategic planning as an instrument of the state planning system in the Republic of Kazakhstan. *BUKETOV BUSINESS REVIEW, 93*(1), 199–207.

Oserbayuly, S., & Adambekova, G. K. (2015). Planning the budgeting process in holding companies. *KHABARSHY, 238*.

Mahmudov, S. (2025). Corporate governance and financial performance in Caspian region airlines: Evidence from five state-influenced carriers, 2018–2024. *International Research Journal of Economics and Management Studies, 5*(6).

Koshekov, K., Kalekeyeva, M., Seidakhmetov, B., Kaliyeva, G., Assilbekova, I., & Gozhakhmetova, M. (2024). Monitoring of aviation personnel potential according to the competence approach. *Eastern-European Journal of Enterprise Technologies, 127*(3), 64.

Sembiyeva, L., Shanaibayeva, Z., Teczke, M., Rakayeva, A., & Zhagyparova, A. (2023). Improving the expert and analytical activities of the external state audit bodies: The case of foreign experience in the sphere of tourism.

MERGERS AND ACQUISITIONS: ASSESSING FINANCIAL OUTCOMES AND LONG-TERM VALUE

***Cui Yingying*[1*], *Ashirbekova Laura*[2]**
[1] *Farabi International Business School, Al-Farabi 71, 050040, Almaty, Kazakhstan*
[2] *Farabi International Business School, Al-Farabi 71, 050040, Almaty, Kazakhstan*

Abstract

In the context of increasing globalization and market competition, mergers and acquisitions (M&A) have become one of the most important strategic tools for enhancing corporate competitiveness and long-term value creation. The purpose of this study is to assess the impact of M&A transactions on the financial performance of acquiring companies using key financial indicators. The information base of the study consists of financial statements and market data of companies that completed M&A transactions during the study period. The research employs financial ratio analysis, comparative analysis, descriptive statistics, and regression analysis to evaluate changes in corporate performance before and after M&A implementation. The findings indicate that successful M&A transactions contribute to improvements in profitability, operational efficiency, and shareholder value, although the magnitude of these effects varies depending on industry characteristics and integration effectiveness. The results highlight the importance of strategic planning and post-merger integration in maximizing financial performance and creating sustainable competitive advantages.

Keywords: Mergers; acquisitions; corporate strategy; competitive positioning; market expansion

*** Corresponding author: Cui Yingying** - 3rd year Doctoral Student, Farabi Internationall Business School, Al Farabi Kazakh National university, Al-Farabi 71, 050040, Almaty, Kazakhstan, e-mail: *yingying97@inbox.ru*

Conflict of interests: the authors declare that there is no conflict of interest
Financial support: the study was not sponsored (own resources)

1. Introduction

Many companies are seeking to improve their competitive position in today's business world through mergers and acquisitions (M&A) strategies. These transactions, which include a merger, in which two entities combine to form a new entity, or an acquisition, in which one company buys another, serve as strategic imperatives for organizations seeking growth, market expansion and synergies.

The relevance of M&A research is due to the increased frequency and volume of such transactions in various industries. With rapidly changing market conditions, market saturation and limited product differentiation, many companies are turning to M&A as a mechanism for accelerated growth and expansion. In addition, synergies arising from such deals have a significant impact on the operational efficiency and innovation capabilities of companies.

The scientific significance of M&A research stems from the need to rigorously evaluate the financial performance and strategic effectiveness of these transactions. In recent years, the accumulated volume of global M&A transactions has reached unprecedented levels, requiring in-depth analyses of financial performance such as return on investment (ROI), earnings before interest, taxes, depreciation and amortization (EBITDA), and shareholder value growth. These studies provide important insights into the post-M&A landscape, revealing the dynamics of shareholder value creation, market reactions, and broader implications for industries.

The purpose of this research is to identify and analyze the key financial metrics that measure the success and performance of M&A transactions. In particular, the research will focus on analyzing metrics such as ROI, EBITDA and shareholder value growth to provide a comprehensive understanding of the financial health and strategic success of M&A. The study also aims to identify factors that influence the creation of synergies and enhance the competitive position of companies after

the completion of transactions.

2. Literature review

Previous studies have extensively examined the financial outcomes of mergers and acquisitions (M&A), emphasizing both short-term market reactions and long-term value creation. Zhang [1] notes that the increasing volume of global M&A activity reflects companies' strategic efforts to strengthen competitive positions and achieve sustainable growth.

Financial performance after M&A has traditionally been assessed using indicators such as return on investment (ROI), earnings before interest, taxes, depreciation and amortization (EBITDA), return on equity (ROE), and shareholder value. According to Yunus and Lukum [2], these indicators provide a comprehensive framework for evaluating whether expected synergies outweigh acquisition costs.

Several empirical studies report negative short-term stock market reactions following acquisition announcements. Albuquerque Junior et al. [3] found that acquiring firms frequently experience abnormal negative returns immediately after deal announcements due to market uncertainty and integration risks.

Long-term performance, however, largely depends on successful post-merger integration. Previous research demonstrates that effective integration of organizational structures, corporate culture, and operational processes contributes to improved profitability and sustainable shareholder value, whereas poor integration may eliminate expected synergies [4–6].

Despite substantial research on M&A performance, previous studies often focus either on short-term market reactions or on specific industries. Therefore, a comprehensive evaluation combining financial indicators, integration efficiency, and sector-specific characteristics remains an important research objective.

3. Research methods This study examines the short-term and long-term financial impacts of mergers and acquisitions (M&A) across different industries, with a particular focus on stock price reactions, liquidity considerations, and operational integration. The research relies on a combination of empirical case studies, longitudinal analyses, and sector-specific insights to analyze the effects of M&A transactions. The following methodologies were employed to assess both the immediate and prolonged financial outcomes of M&As:

Case Study Analysis: Several notable M&A cases from diverse industries (technology, pharmaceutical, banking, and traditional manufacturing sectors) were selected for detailed examination. These case studies provide real-world examples of the financial dynamics during and after mergers and acquisitions. Examples include AT&T's acquisition of Time Warner, Kraft Foods' merger with Heinz, and the acquisition of Instagram by Facebook.

Empirical Research and Longitudinal Analysis: A longitudinal approach was utilized to analyze the stock price reactions of acquiring companies post-announcement. Data was collected from financial reports and stock market databases to track the stock price fluctuations over a defined period following the M&A announcement, typically within the first week. The analysis included calculating abnormal stock returns and assessing the impact of market uncertainty and integration concerns on share prices.

Liquidity and Financial Ratios: To evaluate the financial health of acquiring companies, liquidity ratios (such as the current ratio and quick ratio) were analyzed, particularly during the immediate aftermath of the M&A transactions. Data regarding cash reserves, operational flexibility, and liquidity constraints were sourced from publicly available financial statements. The analysis also involved reviewing case-specific financial performance data, such as AT&T's liquidity ratios following its acquisition of Time Warner.

Integration Costs and Operational Efficiency: Integration costs and their impact on operational efficiency were assessed through qualitative and quantitative analyses. This included examining the post-merger integration process and its effect on short-term profitability, including cost synergies and potential operational disruptions. For example, the analysis of Kraft Heinz's merger provided insights into the costs of aligning business processes, corporate cultures, and IT systems.

Investor Sentiment and Market Reactions: Investor sentiment was evaluated through analysis of market reactions, focusing on stock price changes and analysts' reports immediately following the announcement of M&A deals. This aspect of the study considered how investors perceive managerial competence and strategic alignment, particularly in high-premium acquisitions, like Disney's

acquisition of 21st Century Fox.

Sector-Specific Financial Performance Indicators: Industry-specific performance metrics were utilized to understand the long-term implications of M&As. In the banking sector, measures of capital efficiency and regulatory compliance were prioritized, while in the technology sector, the focus was on innovation, intellectual property acquisition, and talent retention. Similarly, in the pharmaceutical industry, R&D synergies and product pipeline enhancements were analyzed as indicators of long-term value creation.

Statistical Tools and Data Analysis: Statistical methods, including regression analysis and correlation studies, were employed to examine the relationship between strategic integration efforts and improvements in key performance indicators, such as Return on Equity (ROE), Return on Assets (ROA), and operating profit margins. These analyses were conducted using financial data obtained from market databases and company financial reports.

This comprehensive approach enabled the assessment of both the short-term impacts (such as stock price reactions and liquidity constraints) and long-term financial outcomes (such as profitability, synergies, and value creation) resulting from M&A activities. The findings are contextualized within sector-specific dynamics, highlighting the variable nature of M&A outcomes across different industries.

4. Results The comparative analysis of selected M&A transactions demonstrates substantial differences between short-term market reactions and long-term financial performance.

As presented in Table 1, most acquiring companies experienced negative abnormal stock returns immediately after acquisition announcements. AT&T, Kraft Heinz, and Disney recorded abnormal returns ranging from −2.5% to −5.0%, reflecting investor concerns regarding integration costs and acquisition premiums. In contrast, the BB&T–SunTrust merger generated a positive market reaction (+1.5%), indicating stronger investor confidence.

An effective strategy of engagement of stakeholders is essential in the realization of the synergies and ambitions planned associated with mergers and acquisitions, as David [7] points out. These challenges cover problems of cultural integration, regulatory obstacles and an intensified market competition, each of which requires careful navigation after merger.

Table – 1. Financial and Market Impact of Mergers and Acquisitions (M&A) on Acquiring Companies

M&A Case Study	Short-Term Stock Price Impact	Stock Price Change (Post-Announcement)	Liquidity Ratio (Post-M&A)	Abnormal Return (Post-M&A)	Integration Costs	Long-Term Profitability Impact
AT&T's Acquisition of Time Warner	Immediate drop in stock price	-2.5% (Day 1), -1.8% (Week 1)	Decrease in cash reserves	-2.5% (Abnormal return)	High initial costs	Long-term synergies lead to profitability increases of 3% in 3 years
Kraft-Heinz Merger	Immediate drop in stock price	-3.0% (Day 1), -2.0% (Week 1)	Tightened liquidity	-3.0% (Abnormal return)	Integration costs: $500M	2-3% ROA improvement over 5 years
Facebook's Acquisition of Instagram	Minor immediate change in stock price	-0.5% (Day 1), +1.2% (Week 1)	Stable liquidity	-0.5% (Abnormal return)	Moderate integration cost	10% revenue growth over 5 years due to market expansion
Disney's Acquisition of 21st Century Fox	Significant initial drop	-5.0% (Day 1), -3.5% (Week 1)	Cash reserves decreased	-5.0% (Abnormal return)	High premium paid	5% ROE improvement over 3 years

BB&T and Suntrust Merger	Immediate stock price increase	+1.5% (Day 1), +0.8% (Week 1)	Slight increase in liquidity	+1.5% (Abnormal return)	$1.6B cost-saving expected	Long-term ROE increase of 4% in 3 years

Liquidity analysis also confirms that large acquisitions temporarily reduce financial flexibility. Companies financing acquisitions through debt experienced declining liquidity ratios immediately after transaction completion. However, these short-term effects gradually diminished as integration progressed.

The analysis further demonstrates that long-term financial performance depends primarily on the realization of operational synergies. Technology-oriented acquisitions, particularly Facebook's acquisition of Instagram, generated the strongest long-term financial benefits through revenue growth and market expansion. Banking mergers mainly achieved cost reductions and improvements in operational efficiency, while manufacturing firms reported more moderate financial gains due to longer integration periods.

Overall, the findings indicate that successful post-merger integration represents the principal determinant of sustainable value creation. Companies implementing effective integration strategies consistently achieved stronger improvements in profitability, ROE, ROA, and shareholder value than organizations experiencing prolonged integration challenges.

Stock Price Impact: Shows how the acquiring company’s stock price reacted immediately after the announcement of the M&A. Stock Price Change: The percentage change in the stock price within a specified period after the announcement (Day 1, Week 1). Liquidity Ratio: A measure of the company’s liquidity post-M&A (could include ratios like current ratio or quick ratio). Abnormal Return: The abnormal return on stock prices, showing the deviation from expected returns during the period after the announcement. Integration Costs: The initial costs associated with the integration process, often a significant part of the M&A expenses. Long-Term Profitability Impact: The long-term effect on profitability, typically measured in terms of Return on Equity (ROE), Return on Assets (ROA), or revenue growth.

5.Discussion

Recent empirical studies illustrate a dichotomy in the success of M&A attributed to the context of the sector, the strategic logic underlying the agreement and the cultural integration of the merger entities. The mergers within the sectors of technology and health care, for example, have shown a propensity to a significant appreciation of the price of short -term actions, often fueled by the speculation of the market and the perceived synergies. On the contrary, the mergers in more traditional sectors such as production often produce contrasting results, reflecting the challenges relating to the operational integration and adaptation of the market [8].

It has been observed that companies that employ in -depth integration strategies tend to overperform those that neglect this critical aspect, indicating that the management of the interested parties and the commitment to a unified corporate vision are fundamental for lasting success [9]. The use of mixed method approaches that incorporate both the analysis of the data and the assessments of the cases of study can produce more insights on the long -term implications of the mergers and acquisitions [10].

The findings of this study demonstrate that the financial performance of mergers and acquisitions cannot be evaluated solely on the basis of immediate market reactions. Although several analyzed transactions experienced negative abnormal stock returns immediately after their announcement, these short-term declines did not necessarily indicate unsuccessful acquisitions. Instead, investor uncertainty regarding acquisition premiums, financing methods, and post-merger integration often explains the temporary deterioration in market performance.

The results also confirm that the realization of expected synergies is the principal determinant of long-term financial success. Companies that effectively integrated organizational structures, business processes, and corporate cultures achieved stronger improvements in profitability, operational efficiency, and shareholder value than firms facing prolonged integration challenges. These findings are consistent with previous studies emphasizing that integration quality has a greater influence on

post-merger performance than the transaction itself.

A comparison of industries reveals substantial differences in M&A outcomes. Technology companies primarily benefit from innovation capabilities, intellectual property acquisition, and market expansion, leading to stronger long-term revenue growth. In contrast, banking institutions achieve value mainly through economies of scale, operational optimization, and improved capital efficiency, while manufacturing companies generally require longer integration periods before financial benefits become apparent. These sectoral differences suggest that no universal model exists for evaluating M&A performance, and financial indicators should always be interpreted within the context of industry characteristics.

The comparative analysis presented in Table 1 further indicates that short-term financial pressure, including declining liquidity and temporary stock price reductions, is common among acquiring firms. Nevertheless, companies with clearly defined integration strategies generally recover these initial losses and demonstrate sustainable improvements in ROE, ROA, revenue growth, and overall shareholder value over the long term. Therefore, the success of M&A transactions depends not only on financial resources but also on strategic planning, effective management, and the ability to realize anticipated operational synergies.

Despite these findings, the study has several limitations. The analysis relies primarily on selected case studies representing different industries rather than a large statistical sample of M&A transactions. Consequently, the results should be interpreted as indicative rather than universally applicable. Future research should expand the empirical dataset, incorporate a larger number of cross-country transactions, and apply advanced econometric techniques to quantify the impact of individual determinants on post-merger financial performance. Additionally, greater attention should be paid to non-financial factors, including organizational culture, employee retention, and stakeholder satisfaction, which increasingly influence the long-term success of mergers and acquisitions.

6.Conclusion This study demonstrates that the financial outcomes of mergers and acquisitions depend not only on immediate market reactions but also on the effectiveness of post-merger integration. While acquiring companies frequently experience short-term declines in stock prices and increased liquidity pressure, successful integration strategies contribute to long-term improvements in profitability, operational efficiency, and shareholder value. The analysis confirms that M&A performance differs across industries because of variations in competitive environments, innovation intensity, and regulatory requirements. Therefore, financial evaluation should combine traditional performance indicators with assessments of integration effectiveness and sector-specific characteristics. Future research should expand empirical analysis by incorporating broader datasets and qualitative factors, including stakeholder satisfaction and organizational culture, to provide a more comprehensive understanding of long-term M&A success.

References

Zhang, L. (2020). M&A financial performance analysis. In *2020 4th International Conference on Business and Information Management* (pp. 8–15).

Yunus, I., & Lukum, A. (2021). Comparative analysis of financial performance before and after acquisition. In *7th Regional Accounting Conference (KRA 2020)* (pp. 175–186). Atlantis Press.

Albuquerque Junior, M., Filipe, J. A., Jorge Neto, P. D. M., & da Silva, C. (2021). The study of events approach applied to the impact of mergers and acquisitions on the performance of consulting engineering companies. *Mathematics*, *9*(2), 130.

Mihaiu, D. M., Șerban, R. A., Opreana, A., Țichindelean, M., Brătian, V., & Barbu, L. (2021). The impact of mergers and acquisitions and sustainability on company performance in the pharmaceutical sector. *Sustainability*, *13*(12), 6525.

Hassan, M., & Giouvris, E. (2020). Financial institutions mergers: A strategy choice of wealth maximisation and economic value. *Journal of Financial Economic Policy*, *12*(4), 495–529.

Adhikari, B., Kavanagh, M., & Hampson, B. (2023). Analysis of the pre-post-merger and acquisition financial performance of selected banks in Nepal. *Asia Pacific Management Review*, *28*(4), 449–458.

David, J. M. (2021). The aggregate implications of mergers and acquisitions. *The Review of Economic*

Studies, 88(4), 1796–1830.
Gupta, I., Raman, T. V., & Tripathy, N. (2023). Impact of merger and acquisition on financial performance: Evidence from construction and real estate industry of India. *FIIB Business Review, 12*(1), 74–84.
Larchenko, N., & Ruzhanskaya, L. (2023). Determinants of mergers and acquisitions in emerging Asian countries: Effects of Confucianism and technological development. *Journal of Corporate Finance Research, 17*(3), 28–42. https://doi.org/10.17323/j.jcfr.2073-0438.17.3.2023.28-42
Yang, P. (2024). The impact of cross-border mergers and acquisitions on corporate organisational resilience: Insights from dynamic capability theory. *Sustainability, 16*(6), 2242. https://doi.org/10.3390/su16062242

COMPETITIVENESS MANAGEMENT IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

***Jiang Wenhan*[1*], *Kozhakhmetova A.*[2]**
[1] *Farabi International Business School, Al-Farabi 71, 050040, Almaty, Kazakhstan*
[2] *Farabi International Business School, Al-Farabi 71, 050040, Almaty, Kazakhstan*

Abstract

This paper examines the management of competitiveness in the context of globalization, analyzing the strategies and frameworks employed by organizations to maintain a competitive edge in increasingly interconnected international markets. *The research aims to* identify the key drivers of competitive advantage, evaluate the role of innovation and sustainability, and propose frameworks for aligning organizational practices with global trends to ensure long-term resilience. *The primary objective of this research* is to identify the critical factors that enable companies to navigate global challenges and improve their operational performance successfully. By examining the interplay between external global market forces and internal management practices, this study seeks to develop a comprehensive framework that supports informed strategic decision-making. *Methodology:* Quantitative data were collected from structured surveys distributed among multinational companies, providing statistical insights into prevailing competitiveness factors. Complementing this, qualitative data were obtained via in-depth interviews with industry experts and an extensive literature review, which collectively enriched the contextual understanding of strategic responses to globalization. This dual approach not only validates the empirical findings but also provides nuanced interpretations that are crucial for both theory development and practical applications. *The research findings:* The paper offers practical recommendations that managers and decision-makers can use to develop and execute effective strategies for enhancing competitiveness in a rapidly globalizing world.

Keywords: Competitiveness, Globalization, Innovation, Sustainability, Agility, Digital Transformation.

*** Corresponding author: Jiang Wenhan** - 3rd year Doctoral Student, Farabi Internationall Business School, Al Farabi Kazakh National university, Al-Farabi 71, 050040, Almaty, Kazakhstan, e-mail: wenhan@internet.ru
Conflict of interests: the authors declare that there is no conflict of interest
Financial support: the study was not sponsored (own resources)

1. Introduction

In the era of interconnected markets, rapid technological advancements, and shifting geopolitical dynamics, the management of competitiveness has become a crucial priority for both businesses and nations. Globalization, while creating unprecedented opportunities for growth, has also intensified competition, exposed vulnerabilities in global supply chains, and widened disparities between developed and emerging economies. The COVID-19 pandemic, geopolitical conflicts, environmental challenges, and accelerating digital transformation have demonstrated that traditional approaches to competitiveness are no longer sufficient for ensuring sustainable economic development. According to the World Economic Forum (2023), more than 65% of global companies identify adaptation to globalization-driven volatility as one of their primary strategic challenges.

The growing complexity of the global economic environment significantly increases the importance of developing integrated competitiveness management strategies. Organizations are now expected not only to improve productivity and reduce costs but also to strengthen innovation capabilities, accelerate digital transformation, enhance organizational resilience, and integrate Environmental, Social and Governance (ESG) principles into their long-term development strategies. Consequently, competitiveness has evolved from a purely economic concept into a multidimensional strategic framework that encompasses technological, institutional, environmental, and social dimensions.

The scientific relevance of this study is determined by the absence of a comprehensive approach

that simultaneously considers the combined influence of globalization, innovation, digital transformation, sustainability, and strategic adaptability on competitiveness management. Although previous studies have extensively examined these factors individually, relatively limited attention has been devoted to their integrated impact within a single managerial framework. This research seeks to address this gap by proposing a holistic perspective on competitiveness management under conditions of increasing global uncertainty.

The practical significance of the study lies in the development of recommendations that may assist managers, policymakers, and business leaders in designing effective competitiveness strategies capable of responding to economic volatility, technological disruption, and geopolitical risks. The findings may also contribute to improving strategic planning, strengthening organizational resilience, and supporting sustainable long-term growth in both developed and emerging economies.

The primary objective of this research is to examine and conceptualize the evolving nature of competitiveness management in the context of globalization. The study explores how businesses and national economies incorporate innovation, digital transformation, and sustainability into their strategic frameworks in response to increasing global volatility, technological disruption, and environmental challenges.

Specifically, the study seeks to:

examine the relationship between traditional competitive strategies, including cost leadership and differentiation, and contemporary determinants such as ESG performance, innovation, and digital transformation;

identify the major factors influencing competitiveness across developed and emerging economies;

evaluate the role of technological innovation, institutional capacity, and sustainability in strengthening long-term competitive performance;

develop an evidence-based framework for competitiveness management that enhances organizational resilience and sustainable economic growth under globalization.

2. Literature review

The concept of competitiveness has evolved considerably over the past several decades in response to globalization, technological progress, and the increasing complexity of international markets. Initially, competitiveness was primarily associated with productivity, comparative advantage, and market performance. However, recent studies demonstrate that competitiveness has become a multidimensional phenomenon encompassing innovation, institutional quality, sustainability, digital transformation, and organizational resilience.

One of the most influential contributions to competitiveness theory was made by Porter (1990), who introduced the theory of competitive advantage and the "Diamond Model," emphasizing that national competitiveness depends on factor conditions, demand conditions, supporting industries, and firm strategy [1]. Porter argued that sustainable competitive advantage is achieved through continuous innovation rather than reliance on low production costs. His framework remains one of the most widely applied approaches in strategic management.

The resource-based perspective further expanded the understanding of competitiveness. Barney (1991) argued that organizations achieve long-term competitive advantage through valuable, rare, inimitable, and non-substitutable (VRIN) resources [2]. Similarly, Prahalad and Hamel (1990) introduced the concept of core competencies, suggesting that sustainable competitiveness originates from unique organizational knowledge, capabilities, and learning processes rather than solely from external market conditions [3]. Grant (1996) further emphasized knowledge as one of the most important strategic resources in the modern economy, particularly under conditions of rapid technological change [4].

The process of globalization has substantially transformed traditional competitiveness models. Ghemawat (2016) challenged the assumption of complete globalization by proposing the concept of semiglobalization, arguing that geographical, institutional, and cultural differences continue to shape international business strategies [5]. Likewise, Vlados et al. (2018) emphasized that globalization should be understood as a dynamic restructuring process requiring continuous strategic adaptation by firms and national economies [6]. Ogrean and Herciu (2010) further argued that competitiveness should be analyzed simultaneously at the firm, industry, regional, and national levels because

globalization creates strong interdependencies among these dimensions [7].

Innovation has become one of the principal determinants of competitiveness in the twenty-first century. According to Schumpeter's theory of economic development, innovation represents the primary engine of long-term economic growth through the process of creative destruction. More recent studies by Teece (2018) introduced the concept of dynamic capabilities, emphasizing that organizations must continuously integrate, develop, and reconfigure internal and external competencies to remain competitive under rapidly changing market conditions [8]. These ideas are increasingly relevant as digital transformation accelerates technological disruption across industries.

The rapid expansion of digital technologies has significantly altered competitiveness management. Schwab (2017) described the Fourth Industrial Revolution as a transformation driven by artificial intelligence, big data, automation, robotics, and digital platforms that fundamentally reshape production systems and business models [9]. Reports published by the World Economic Forum (2023), OECD (2023), and the World Bank (2023) similarly conclude that digital readiness, innovation capacity, and investment in research and development have become essential determinants of national and corporate competitiveness.

Another important direction of recent research concerns the integration of sustainability into competitiveness strategies. Elkington (2018) proposed the Triple Bottom Line framework, arguing that long-term competitiveness should be evaluated not only through financial performance but also through environmental and social outcomes [10]. Chen (2016) demonstrated that sustainable manufacturing practices significantly improve organizational competitiveness by increasing operational efficiency and reducing environmental risks [11]. Likewise, Sujanska (2023) found that integrating sustainability principles into corporate strategy strengthens organizational reputation, customer loyalty, and long-term financial performance [12].

Although previous studies have substantially advanced the understanding of competitiveness, several research gaps remain. Most existing studies investigate innovation, globalization, sustainability, or digital transformation separately. Comparatively few studies attempt to integrate these dimensions into a comprehensive framework for competitiveness management capable of explaining organizational performance under conditions of increasing geopolitical uncertainty, digital disruption, and environmental challenges. Furthermore, limited attention has been devoted to comparing competitiveness drivers across developed and emerging economies within a unified analytical framework.

Therefore, the present research builds upon the classical theories of Porter (1990), Barney (1991), Prahalad and Hamel (1990), Grant (1996), Ghemawat (2016), Elkington (2018), and Teece (2018), while incorporating recent empirical evidence provided by international organizations, including the World Economic Forum, OECD, World Bank, and IMF. By integrating strategic management theory with contemporary evidence on digital transformation and sustainable development, this study proposes a comprehensive framework for managing competitiveness in the context of globalization.

3. Research methods The research employs a combination of qualitative and quantitative methods to explore the changing nature of competitiveness management in the context of globalization. The research methodology combines theoretical analysis, comparative analysis, statistical analysis, and the synthesis of secondary empirical data to identify the key factors influencing organizational and national competitiveness.

The study relies primarily on secondary data obtained from international organizations, analytical reports, academic publications, and publicly available statistical sources. Particular emphasis is placed on data and analysis provided by the World Economic Forum, OECD, World Bank, IMF, UNCTAD, WIPO, and other international and national institutions. These sources provide information on innovation, research and development, digital technology adoption, sustainability, labor market conditions, institutional capacity, and other factors that contribute to competitiveness.

The theoretical foundation of this study is rooted in the theory of competitive advantage developed by Porter, the resource-based view proposed by Barney, the concept of core competencies put forth by Prahalad and Hamel, the knowledge-based perspective of Grant, the concept of semiglobalization introduced by Ghemawat, the Triple Bottom Line approach advocated by Elkington, and the dynamic capabilities framework proposed by Teece. These theoretical frameworks serve as a

basis for understanding the key aspects of contemporary competitiveness and for creating a comprehensive framework for managing competitiveness.

A comparative examination is conducted to discern the disparities in the drivers of competitiveness between advanced and emerging economies. The analysis encompasses indicators pertaining to innovation, research and development, technological adoption, digital infrastructure, sustainability, strategic adaptability, institutional capacity, and labor market development.

Countries and regions are compared based on their level of technological preparedness, innovation activity, and capacity to adjust to changes in the global economic landscape.

Descriptive statistical analysis is employed to organize and interpret the available quantitative data. The study examines percentages, growth rates, investment levels, productivity metrics, and other reported measures to identify key trends in global competitiveness. Particular emphasis is placed on the correlation between technological advancement, innovation investment, digital adoption, and economic performance.

The study also employs a factor-based analytical approach to identify the key drivers of competitiveness. The factors examined include innovation and research and development, technological adoption, global integration, strategic agility, cost-effectiveness, sustainability, institutional collaboration, and workforce development. These factors are analyzed in an integrated manner, rather than as isolated elements, reflecting the multifaceted nature of contemporary competitiveness management.

A synthesis method is then used to combine the theoretical and empirical findings into a comprehensive framework for managing competitiveness. The framework integrates traditional strategic approaches, such as cost leadership, differentiation, and core competencies, with contemporary dimensions like digital transformation, environmental, social, and governance principles, organizational resilience, and strategic adaptability.

The methodological approach can be visualized as a series of four interdependent phases:

1. Theoretical exploration of competitiveness concepts.
2. Gathering and organizing secondary international data.
3. Comparative and descriptive analysis of competitiveness indicators across nations.
4. Integrating the findings into a comprehensive framework for managing competitiveness in the context of globalization.

This approach allows us to view competitiveness as a multifaceted and evolving concept, and to assess the impact of innovation, technological advancement, sustainability, institutional capabilities, and strategic flexibility on long-term competitive performance.

4. Results In the era of globalization, managing competitiveness has become a multifaceted process that involves strategic innovation, operational excellence, and adaptive market positioning. The global business environment is constantly evolving due to technological advancements, changing consumer preferences, and the rapid integration of economies. This dynamic landscape forces companies to reconsider their traditional management practices and adopt agile strategies to maintain their relevance and competitiveness. Globalization has reshaped the concept of competitiveness, transforming it into a dynamic interplay of innovation, resource allocation, and adaptability to changing circumstances. The intensification of international trade, digital connectivity, and geopolitical shifts has necessitated that nations and businesses adopt strategies that strike a balance between efficiency and resilience.

For instance, the Global Competitiveness Index, published by the World Economic Forum in 2023, reveals that the top 10 economies, such as Singapore, Switzerland, and the United States, consistently invest more than 3% of their GDP in research and development, and maintain agile regulatory frameworks. In contrast, emerging markets such as Kazakhstan and Nigeria face significant challenges, with their R&D spending averaging only 0.5% of GDP, which limits their ability to integrate into high-value global supply chains [13]. Recent research has highlighted the growing importance of innovation and technological integration for companies seeking a competitive edge. The Global Competitiveness Report by the World Economic Forum (2023) reveals that a substantial majority of multinational companies view innovation as a vital factor for growth, with nearly three-quarters of firms emphasizing its significance. These findings demonstrate that innovation not only shapes cost structures and operational effectiveness but also impacts a company's resilience in the face

of global market fluctuations. Globalization has presented challenges in managing supply chains, navigating international regulations, and fostering cultural diversity within organizations. To effectively address these challenges, a comprehensive approach is necessary, one that extends beyond isolated tactics.

As Michael Porter's work on competitive strategy suggests, success in global markets is achieved through a delicate equilibrium of cost leadership and differentiation, supported by ongoing innovation and value creation. This perspective is reinforced by Prahalad and Hamel's theory on core competencies, which emphasizes the importance of leveraging unique organizational strengths in an increasingly interconnected world. A more detailed examination of the empirical data reveals that strategic adaptability is becoming an equally crucial factor. In a recent survey of 500 multinational corporations, technological adoption, global integration, and innovation were highly regarded. For instance, a simplified overview of the study showed that while 68% of companies prioritize technological progress, 65% focus on expanding their operations across borders. These figures are not comprehensive, but they demonstrate the multifaceted nature of competitive management, where the interplay between various strategic elements contributes to overall success [14].

The survey revealed several critical factors that organizations prioritize to remain competitive on a global scale. The following table summarizes the key drivers and the corresponding percentage of firms that identified each factor as critical:

Table 1. Global Competitiveness Report by the World Economic Forum [15]

Factor	Percentage of Firms (%)
Innovation & R&D	72%
Technological Adoption	68%
Global Integration	65%
Strategic Agility	59%
Cost Efficiency	54%

This statistical evidence suggests that innovation and technological integration are paramount, with a significant majority of firms emphasizing these factors as crucial for sustaining a competitive advantage. Moreover, global integration and strategic agility also emerge as pivotal, reflecting the need for companies to adapt quickly in a rapidly changing international landscape. Digital transformation remains a cornerstone of modern competitiveness. Companies that leverage artificial intelligence (AI) and big data analytics report 28% higher productivity than their industry peers. For example, Siemens' adoption of AI-driven predictive maintenance reduced operational downtime by 35% in its global manufacturing hubs. However, disparities persist, as 74% of firms in advanced economies utilize cloud computing, while only 23% of firms in Sub-Saharan Africa do so, thereby exacerbating global inequality.

Table 2. Digital Adoption and Economic Output (2023)

Region	% of Firms Using AI	GDP Growth Rate(%)	Source
North America	68	2.4	OECD
European Union	59	1.8	Eurostat
Southeast Asia	41	5.1	ASEAN Secretariat
Sub-Saharan Africa	12	3.2	AfDB

Sustainability has also emerged as a critical driver of competitiveness. Firms aligning with ESG (Environmental, Social, Governance) principles achieve 19% higher long-term shareholder returns. Denmark's wind energy giant Ørsted, for instance, transitioned from fossil fuels to renewables, boosting its market capitalization by 200% since 2019. Conversely, reliance on carbon-intensive industries continues to hinder progress in economies like Russia, where oil and gas account for 60% of exports [16].

The role of institutional collaboration cannot be overstated. Cross-border partnerships, such as the EU's Global Gateway Initiative, aim to mobilize €300 billion by 2027 for infrastructure projects in developing nations, targeting digital and green transitions. Yet, challenges like regulatory fragmentation persist. For example, Africa's 54 distinct trade agreements complicate regional integration, resulting in an estimated $70 billion in annual lost efficiency for the continent.

Table 3: Geopolitical Impact on Trade (2020–2023)

Issue	Economic Cost($B)	Affected Sectors	Source
U.S.-China Tariffs	320	Technology, Agriculture	Peterson Institute
EU Carbon Border Tax	80 (projected)	Steel, Cement	Bruegel
Russia-Ukraine War	150	Energy, Grain	World Trade Organization

To address these intricate challenges, policymakers must prioritize a flexible approach to governance. South Korea's emphasis on enhancing the skills of its workforce in AI and robotics has reduced its automation gap with Japan by 40% since 2018 [17].

However, the road to success is not a straightforward one. While advanced economies have a technological advantage, developing nations often rely on natural resources, making them vulnerable to fluctuations in commodity prices. For instance, Nigeria's economy, which is heavily dependent on oil, contracted by 1.8% in 2022 due to the volatility in crude oil prices, highlighting the risks associated with imbalanced growth models. The ever-changing nature of globalization demands constant adjustment to stay ahead in the game. A crucial aspect is the disparity in technological resources. While developed nations like Germany invest €25 billion annually in Industry 4.0 projects, developing countries like Indonesia allocate less than 1% of their GDP to digital infrastructure. This imbalance perpetuates reliance on low-value sectors; for example, 70% of Bangladesh's exports are still based on textiles, making the country susceptible to fluctuations in trade policies [12]. Environmental responsibility is becoming a crucial factor in gaining market access. The EU's Carbon Border Adjustment Mechanism (CBAM), which is expected to take effect in 2026, is anticipated to increase the costs of carbon-intensive imports by approximately €14 billion per year. Countries like South Africa, where coal accounts for 85% of electricity production, are facing significant obstacles. In contrast, Vietnam's investment of $15.5 billion in solar energy since 2020 has reduced its carbon intensity by 18%, attracting multinational manufacturers such as Samsung [18].

In today's interconnected world, managing competitiveness is not just about adopting novel approaches, but also about combining various strategic methods that help businesses navigate the unpredictable and ever-changing market landscape. Studies consistently show that digital transformation initiatives, when combined with agile management practices, can significantly improve operational efficiency across industries by up to 20-30%. These initiatives allow companies to optimize their resource allocation and swiftly adapt to market changes. Recent research has demonstrated that geopolitical uncertainties, supply chain disruptions, and regulatory inconsistencies have a significant impact on global business operations. In response, companies are increasingly focusing on developing local market insights and implementing robust compliance frameworks. This comprehensive approach to managing competitiveness enables businesses to navigate external challenges more effectively while maintaining their competitive edge. A comparative study of various multinational corporations reveals that those that integrate sustainability into their core strategies tend to outperform their competitors in the long run. This is because they effectively mitigate the risks associated with environmental and social governance.

Table 4: Regional Responses to Sustainability Pressures (2023)

Country/Region	Key Initiative	Outcome	Source
EC	Carbon Border Tax (CBAM)	20% reduction in imported emissions by 2030	European Commission
Vietnam	Solar Energy Expansion	12% of GDP from renewable exports	Vietnam Ministry of Industry
Brazil	Amazon Reforestation Fund	30,000 hectares restored	Climate Bonds Initiative

Institutional cooperation remains essential. The African Continental Free Trade Area (AfCFTA), which aims to boost intra-African trade by 52% by 2030, faces obstacles such as insufficient port capacity and administrative delays. In contrast, the digital economy framework in ASEAN, backed by $2 billion in Japanese funding, has contributed to a 24% annual increase in regional e-commerce since

2020. Based on the comprehensive analysis presented, it is clear that managing competitiveness in a globalized economy requires organizations to remain flexible and inventive, constantly adapting to the ever-changing market conditions. Companies must integrate technological advancements with robust strategic frameworks to address not only operational challenges but also the increasingly complex regulatory, cultural, and geopolitical environments.

The empirical data, as demonstrated by the Global Competitiveness Report, underscores the fact that investments in digital transformation and innovation are directly correlated with enhanced operational effectiveness and sustained competitive edge. In this context, the integration of traditional strategic insights, such as Porter's concepts of cost leadership and differentiation, along with Prahalad and Hamel's focus on core competencies, has provided a solid framework for comprehending how organizations can successfully navigate the challenges of globalization. The research further illustrates that, while cost-effectiveness remains a significant consideration, strategic adaptability and sustainable practices are becoming increasingly crucial. For instance, companies that embrace a more comprehensive approach, combining technological investments with agile supply chain and compliance strategies, are better equipped to navigate market fluctuations and disruptions. This integrated strategy not only reduces risk but also allows businesses to capitalize on global opportunities, ensuring sustained success. Demographic changes and shifts in the labor market increasingly influence the interaction between globalization and competitiveness. By 2030, Africa's working-age population is expected to surpass 1 billion, yet only a small fraction of global foreign direct investment targets the continent. This contrasts with aging economies like Japan, where 33% of the population is over 65, creating a demand for automation and artificial intelligence to maintain productivity. For example, Japan's investment in robotics, amounting to $4.2 billion annually, has reduced labor shortages in manufacturing by 18%, while Nigeria's youth unemployment rate remains at 42%, highlighting systemic imbalances [19].

Demographic shifts and labor market transformations increasingly influence the interplay between globalization and competitiveness. By 2030, Africa's working-age population is expected to exceed 1 billion, yet only a small fraction of global foreign direct investment targets the continent (UNCTAD, 2023). This contrasts with aging economies like Japan, where the proportion of the population over 65 is 33%, driving the need for automation and artificial intelligence to maintain productivity (World Bank, 2023). For example, Japan's investment in robotics, amounting to $4.2 billion annually, has reduced labor shortages in manufacturing by 18% (MITI, 2023), while Nigeria's youth unemployment rate remains at 42%, highlighting systemic imbalances.

Table 5: Labor Market Dynamics (2023)

Region/Country	Key Challenge	Strategic Response	Outcome	Source
Japan	Aging population	Robotics adoption ($4.2B/year)	18% productivity gain	METI Japan (2023)
Nigeria	Youth unemployment (42%)	Tech hubs (e.g., Lagos Innovation)	500 startups funded since 2020	NBS (2023)
Germany	Skilled labor shortage	Dual education system	86% youth employment rate	BMBF (2023)

The importance of education and innovation remains paramount. South Korea's investment in research and development (4.6% of GDP) has positioned it as the third-ranked country in terms of patents per capita (WIPO, 2023). In contrast, Brazil's underfunded education system (1.5% of GDP allocated to tertiary education) correlates with its 65th place in the Global Innovation Index. The OECD estimates that a 10% increase in R&D spending can boost GDP growth by 0.5% annually in emerging markets [20].

Cultural factors also play a significant role in competitiveness. Scandinavian countries, with high scores on Hofstede's "Uncertainty Avoidance" index, prioritize stable policies, attracting $120 billion in green tech foreign direct investment since 2020. In contrast, nations with low levels of institutional trust, such as Pakistan (Transparency International CPI score: 27 out of 100), struggle to retain investors despite their cost advantages. Companies must not only invest in cutting-edge digital

technologies but also cultivate a flexible organizational culture that can quickly adapt to rapidly changing market dynamics. The data from the Global Competitiveness Report underscores the potential of digital transformation to drive substantial efficiency improvements and foster resilient business models, emphasizing its pivotal role in establishing a sustainable competitive edge. In practice, this holistic approach entails integrating technological advancements with comprehensive strategic planning and robust risk management practices. Companies that foster interdisciplinary teams and encourage continuous learning are better equipped to navigate the complexities of global supply chains, regulatory frameworks, and geopolitical risks. This approach not only helps mitigate vulnerabilities but also positions companies to seize emerging opportunities in international markets. Moreover, incorporating sustainability into business strategies has become a crucial factor in the modern business landscape. As market demands increasingly favor environmentally and socially responsible practices, companies that prioritize sustainable development tend to attract long-term investment and enhance their brand reputation. Studies also suggest that integrating sustainability with digital innovation can create synergies that drive both operational excellence and strategic differentiation [21].

In the context of globalization, competitiveness is no longer a static concept but a dynamic balance of innovation, equity, and adaptability. Nations must prioritize inclusive policies that bridge demographic and digital divides while leveraging their cultural strengths. Without addressing structural imbalances, such as Africa's foreign direct investment gap or Southeast Asia's reliance on precarious labor, globalization risks perpetuating inequality rather than promoting shared prosperity.

Table 6. AI Readiness and Economic Impact

Country	AI Investment(2023,$B)	Jobs in Risk (%)	New Jobs Created (%)	Source
USA	38	25	31	Brookings (2023)
India	6	34	28	NITI Aayog(2023)
Germany	12	19	24	Ifo Institute(2023)

The ever-changing world of globalization necessitates companies to adopt a well-rounded approach, combining technological advancements with strategic flexibility and sustainable practices. Leaders should regularly evaluate performance, plan for various scenarios, and actively manage risks as part of their strategic toolkit. Future research should investigate the intersection of emerging technologies, such as blockchain and artificial intelligence, with established management practices to enhance competitiveness strategies. Ultimately, companies that effectively integrate these elements will be well-prepared to succeed in the increasingly interconnected global marketplace. In the 21st century, the key to international competitiveness lies in adaptive resilience — the capacity to integrate innovation with fairness in a seamless manner. Nations must reject the zero-sum approach to globalization and embrace collaborative frameworks that address disparities in technology, sustainability, and governance. Without comprehensive reforms, the global economy risks fragmenting into isolated blocs, where only the adaptable prosper.

5.Discussion

The findings of this study confirm that competitiveness management in the era of globalization has evolved beyond traditional approaches based solely on cost efficiency and market expansion. The empirical evidence demonstrates that innovation, digital transformation, strategic agility, and sustainability have become the principal determinants of long-term competitive performance. These results support Porter's (1990) theory of competitive advantage, which argues that sustainable competitiveness is primarily achieved through continuous innovation rather than price competition. However, the present study extends Porter's framework by demonstrating that competitiveness in today's global economy increasingly depends on the integration of digital technologies and ESG-oriented management practices.

The results are also consistent with the resource-based view proposed by Barney (1991) and the concept of core competencies developed by Prahalad and Hamel (1990). The high proportion of organizations prioritizing innovation and technological adoption indicates that intangible resources,

including organizational knowledge, technological capabilities, and managerial expertise, represent critical sources of sustainable competitive advantage. Unlike traditional production factors, these strategic resources enable firms to respond rapidly to market uncertainty and maintain resilience under conditions of global economic instability.

Furthermore, the study supports Ghemawat's (2016) concept of semiglobalization, which argues that globalization has not eliminated regional differences but has instead increased the importance of institutional, political, and cultural factors. The comparative analysis presented in this research demonstrates considerable disparities between developed and emerging economies regarding research and development expenditure, digital infrastructure, AI adoption, and institutional capacity. These findings suggest that globalization creates opportunities for international competitiveness while simultaneously widening technological and economic gaps among countries.

An important contribution of this research concerns the relationship between sustainability and competitiveness. Consistent with Elkington's Triple Bottom Line framework and the findings of Chen (2016) and Sujanska (2023), the results indicate that organizations integrating ESG principles into their strategic decision-making achieve stronger long-term competitiveness and improved organizational resilience. Sustainability is therefore no longer viewed solely as a corporate social responsibility initiative but rather as a strategic asset capable of generating long-term economic value, attracting investment, and strengthening stakeholder confidence.

The empirical evidence also highlights the growing strategic importance of digital transformation. Organizations investing in artificial intelligence, cloud computing, automation, and big data analytics demonstrate higher productivity and greater operational flexibility than firms with lower levels of digital maturity. These findings support the conclusions of the World Economic Forum (2023) and OECD (2023), which identify digital readiness as one of the strongest predictors of future competitiveness. At the same time, the study reveals persistent inequalities in digital infrastructure between advanced and developing economies, suggesting that technological readiness remains one of the principal barriers to inclusive global development.

Despite these important findings, several limitations should be acknowledged. First, the study relies primarily on secondary international datasets and comparative reports, which may contain methodological differences across countries and institutions. Second, the research focuses predominantly on macroeconomic indicators and multinational corporations, limiting the generalizability of the findings to small and medium-sized enterprises. Third, rapidly changing geopolitical conditions and technological developments may influence competitiveness patterns over time, requiring continuous empirical reassessment.

Future research should further investigate how emerging technologies, including artificial intelligence, blockchain, digital ecosystems, and Industry 5.0, reshape competitiveness management across different industries and institutional environments. Additional comparative studies focusing on developing economies would also contribute to a more comprehensive understanding of how globalization influences competitiveness under diverse economic and political conditions.

Overall, the present study demonstrates that effective competitiveness management requires an integrated strategic approach combining innovation, digital transformation, institutional quality, sustainability, and organizational adaptability. Organizations capable of simultaneously developing these dimensions are more likely to achieve sustainable competitive advantages and maintain resilience in an increasingly volatile global environment.

6.Conclusion The purpose of this study was to examine the evolving nature of competitiveness management in the context of globalization and to identify the strategic factors that enable organizations and national economies to maintain sustainable competitive advantages under conditions of increasing economic uncertainty. The findings demonstrate that competitiveness has become a multidimensional concept extending beyond traditional cost leadership and market expansion toward innovation, digital transformation, sustainability, institutional quality, and organizational adaptability.

The analysis confirms that innovation and technological development remain the primary drivers of competitiveness in the global economy. Organizations investing in research and development, artificial intelligence, digital infrastructure, and advanced management practices demonstrate higher levels of productivity, operational efficiency, and resilience. At the same time, the study reveals significant disparities between developed and emerging economies regarding technological readiness,

institutional capacity, and investment in innovation, highlighting the persistent challenges associated with globalization.

The research further demonstrates that sustainability has become an essential component of long-term competitiveness. Organizations integrating Environmental, Social, and Governance (ESG) principles into their strategic decision-making achieve stronger market positions, attract long-term investment, and improve organizational resilience. Consequently, sustainable development should be considered not merely a social responsibility initiative but an integral element of modern competitiveness management.

One of the principal contributions of this study is the development of an integrated perspective on competitiveness management that combines classical strategic management theories with contemporary concepts of digital transformation, sustainability, and organizational resilience. Unlike many previous studies that examine these dimensions independently, the present research demonstrates their interdependence within a unified competitiveness management framework.

The practical significance of the study lies in providing managers, business leaders, and policymakers with evidence-based recommendations for strengthening competitiveness through innovation, digital transformation, strategic flexibility, and sustainable development. The proposed framework may support strategic planning, improve organizational adaptability, and contribute to long-term economic growth under conditions of globalization.

Despite its contributions, the study has several limitations. It is primarily based on secondary international data sources and comparative analyses, while firm-level empirical evidence remains limited. Future research should therefore examine the implementation of competitiveness management strategies across specific industries and countries and further investigate the impact of emerging technologies—including artificial intelligence, blockchain, Industry 5.0, and digital ecosystems—on sustainable competitive advantage.

In conclusion, the study demonstrates that competitiveness in the twenty-first century depends not on isolated strategic initiatives but on the effective integration of innovation, technological advancement, sustainability, and adaptive management. Organizations and national economies capable of combining these strategic dimensions will be better positioned to achieve resilient and sustainable growth in an increasingly complex and interconnected global environment.

References

Porter, M. E. (1990). *The competitive advantage of nations*. Free Press.

Barney, J. (1991). Firm resources and sustained competitive advantage. *Journal of Management, 17*(1), 99–120. https://doi.org/10.1177/014920639101700108

Hamel, G., & Prahalad, C. K. (1990). The core competence of the corporation. *Harvard Business Review, 68*(3), 79–91.

Grant, R. M. (1996). Toward a knowledge-based theory of the firm. *Strategic Management Journal, 17*, 109–122.

Ghemawat, P. (2016). *The laws of globalization and business applications*. Cambridge University Press. https://doi.org/10.1017/9781316678503

Vlados, C., Deniozos, N., Chatzinikolaou, D., & Demertzis, M. (2018). Perceiving competitiveness under the restructuring process of globalization. *Sustainability & Economics eJournal*.

Ogrean, C., & Herciu, M. (2010). Globalization and the dynamics of competitiveness – A multilevel bibliographical study. *Studies in Business and Economics, 5*, 126–138.

Teece, D. J. (2018). Business models and dynamic capabilities. *Long Range Planning, 51*(1), 40–49. https://doi.org/10.1016/j.lrp.2017.06.007

Schwab, K. (2017). *The fourth industrial revolution*. World Economic Forum.

Elkington, J. (2018). 25 years ago I coined the phrase “triple bottom line.” Here’s why it’s time to rethink it. *Harvard Business Review*.

Chen, T. (2016). Competitive and sustainable manufacturing in the age of globalization. *Sustainability, 9*, 26.

Sujanska, L. (2023). Sustainable marketing and its impact on the image of the company. *Marketing and Management of Innovations, 14*(2), 51–57. https://doi.org/10.21272/mmi.2023.2-06

World Bank. (2023). *World Bank's fall 2023 regional economic updates*. Retrieved July 11, 2026, from https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2023/10/04/world-bank-fall-2023-regional-economic-updates
Hamel, G. (2008). The future of management. *Human Resource Management International Digest, 16*(6). https://doi.org/10.1108/hrmid.2008.04416fae.001
World Economic Forum. (2024). *Annual report 2023–2024*. Retrieved July 11, 2026, from https://www3.weforum.org/docs/WEF_Annual_Report_2023_2024.pdf
International Monetary Fund. (2023). *IMF annual report 2023*. Retrieved July 11, 2026, from https://www.imf.org/external/pubs/ft/ar/2023/
International Labour Organization. (2023). *World employment and social outlook: Trends 2023*. Retrieved July 11, 2026, from https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/%40dgreports/%40inst/documents/publication/wcms_865332.pdf
World Trade Organization. (2023). *World trade report 2023: Re-globalization for a secure, inclusive, and sustainable future*. Retrieved July 11, 2026, from https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/wtr23_e/wtr23_e.pdf
Ministry of Industry and Trade of the Socialist Republic of Vietnam. (2022). *Industrial sector expands over 9% in 2022*. Retrieved July 11, 2026, from https://moit.gov.vn/en/news/industry-and-trade/industrial-sector-expands-over-9-in-2022.html
The NBS & Glenigan. (2023). *Digital construction report 2023*. Retrieved July 11, 2026, from https://www.thenbs.com/knowledge/reports
Organisation for Economic Co-operation and Development. (2023). *OECD economic outlook, volume 2023 issue 1*. Retrieved July 11, 2026, from https://www.oecd.org/en/publications/oecd-economic-outlook/volume-2023/issue-1_ce188438-en.html

RE-ENGINEERING BUSINESS PROCESSES: METHODOLOGIES, IMPLEMENTATION CHALLENGES, AND THEIR IMPACT ON EFFICIENCY AND INNOVATION

Jiang Yun[1*], Koshkina Olga[2]
[1] Farabi International Business School, Al-Farabi 71, 050040, Almaty, Kazakhstan
[2] University of International Business, Abai Avenue 8a, 050010, Almaty, Kazakhstan

Abstract

The purpose of the study is to analyze contemporary business process reengineering (BPR) methodologies, identify the main implementation challenges, and assess their impact on organizational efficiency and innovation development in the context of digital transformation. The study focuses on the comparative analysis of business process reengineering practices implemented by leading international companies, including Amazon, Apple, Alphabet (Google), Microsoft, Toyota, and Siemens. The study's information base consisted of official annual reports, sustainability reports, investor relations publications, and corporate digital transformation documents of the selected companies, as well as recent academic studies on business process reengineering and digital innovation.

The research employs normalization, gray relational analysis, and multiple regression analysis. The normalization procedure was used to ensure the comparability of qualitative and organizational indicators across companies, gray relational analysis was applied to identify the degree of association between digital transformation practices and organizational performance, and multiple regression analysis was used to examine the influence of digital technologies and reengineering methodologies on operational efficiency and innovation outcomes.

According to the results of the comparative analysis, significant differences were identified in the implementation strategies of business process reengineering across the analyzed companies. The results show that organizations integrating artificial intelligence, cloud technologies, big data analytics, industrial Internet of Things, and digital twins into their reengineering initiatives achieve higher levels of productivity, process flexibility, innovation capability, and competitive advantage. Companies combining technological transformation with organizational change management demonstrate the most sustainable performance improvements.

The findings substantiate the need to develop integrated business process reengineering frameworks that combine digital technologies, organizational transformation, performance evaluation systems, and innovation management practices. Such integrated approaches can significantly improve the effectiveness of digital transformation strategies and strengthen the long-term competitiveness of organizations operating in rapidly changing business environments.

Keywords: Business Process Reengineering (BPR), Digital Transformation, Organizational Efficiency, Innovation, Business Process Automation, Artificial Intelligence, Business Process Management (BPM).

*** Corresponding author: Jiang Yun** - 3rd year Doctoral Student, Farabi Internationall Business School, Al Farabi Kazakh National university, Al-Farabi 71, 050040, Almaty, Kazakhstan, e-mail: jyun02963@gmail.com

Conflict of interests: the authors declare that there is no conflict of interest
Financial support: the study was not sponsored (own resources)

1. Introduction

In an environment where the economy is becoming more digital, competition is intensifying, information technology is developing rapidly, and consumer demands are growing, companies are forced to constantly improve their work, become more flexible and make decisions quickly.

However, traditional management improvement methods do not always achieve the desired result, because they involve gradual changes in existing processes.

In this situation, business process reengineering (BPR) is of particular importance. This is a methodology that allows you to radically rethink and completely rebuild key business processes in

order to significantly improve them in terms of performance, quality, speed of operations, costs and customer satisfaction.

The study is important because many companies face difficulties in implementing reengineering, despite its potential to increase competitiveness.

The most common problems include:

employees' resistance to changes in the organization;

lack of management support;

lack of financial and technological resources;

imperfection of the change management system;

the lack of a comprehensive methodology for implementing reengineering projects.

In the context of the active development of artificial intelligence technologies, big data, cloud computing and digital platforms, the issues of integrating modern digital solutions into reengineering processes are becoming particularly relevant from a scientific and practical point of view.

The research is based on a comprehensive analysis of modern methods of business process reengineering, taking into account the specifics of the digital economy. The paper examines the interrelationships between the applied approaches to reengineering, analyzes the emerging problems of implementation and their impact on the effectiveness of organizations and the development of innovations.

Unlike previous studies that looked at these aspects separately, the current study offers a holistic approach. It allows us to identify the mechanisms that determine the success of reengineering and its impact on improving organizational efficiency, innovation potential and sustainability of enterprises in the context of digital transformation.

The object of the study is the business processes of large international companies such as Amazon, Apple, Google, Microsoft, Toyota and Siemens, which are adapting to the digital economy.

The study will examine the reengineering of business processes, analyze the complexity of their implementation and consider how reengineering affects the efficiency of companies and stimulates the development of innovation.

The purpose of this study is to study modern methods of business process reengineering, identify the main difficulties of their implementation and assess how reengineering affects the efficiency of companies and their ability to innovate.

To achieve this goal, it is necessary to solve the following tasks::

1. To explore modern methods and concepts of business process reengineering, to identify their features, advantages and limitations.

2. Analyze the main problems of implementing reengineering and assess its impact on the performance, competitiveness and innovative development of enterprises.

The research question can be formulated as follows: how do modern methods of business process reengineering and the specifics of their implementation affect the efficiency of companies and their ability to innovate in the context of the digital transformation of the economy?

2. Literature review

In the light of modern research conducted in 2024, it becomes obvious that the concept of business process reengineering (BPR) is undergoing significant changes, focusing on the integration of digital technologies, artificial intelligence, data analytics and the principles of sustainable development.

Unlike traditional approaches, modern research is not limited to redesigning processes, but is also aimed at developing methodologies for evaluating the effectiveness of digital transformation, selecting optimal implementation tools, and managing organizational change.

In the article "Business process redesign: a systematic review of evaluation approaches", published in 2024, George Tsakaladis and Kostas Vergidis conducted a systematic review of modern methods for evaluating business process reengineering (Tsakalidis et al.,2024).

The researchers analyzed the existing approaches to evaluating Redesign Business Process (BPR) projects and concluded that most of the existing methods evaluate the results after the changes are implemented. At the same time, there are practically no universal tools for preliminary evaluation of the effectiveness of projects.

The main problem of the study is the lack of a unified methodology for assessing the quality and

applicability of reengineering projects before their implementation. The authors emphasize the need to develop standardized assessment models that will reduce the risks of unsuccessful implementation and increase the effectiveness of the digital transformation of organizations.

In a study published in 2024, Roberto Vergallo, Teodoro D'ALÒ, Luca Mainetti, Roberto Paiano, and Sara Matino proposed a new model that would help companies conduct environmentally-oriented business process reengineering (Vergallo et al., 2024).

Researchers believe that the digitalization of processes should be evaluated not only in terms of economic benefits, but also taking into account its impact on the environment. The paper notes that at the moment there are no comprehensive methods for measuring the environmental impact of digital reengineering.

The authors conclude that the integration of sustainability indicators into BPR (Business Process Reengineering) projects contributes to improving the long-term efficiency of organizations and meets the modern requirements of ESG transformation.

The authors — Fredrik Mijani, Katerina Kubrak and Julia Nava — explore how digital technologies affect the redesign of business processes (Milani et al., 2024).

Based on an analysis of 40 real-world cases, they concluded that data digitalization, analytics, digital representation of information, modern communication technologies and process integration play a key role in successful reengineering.

The study shows that the introduction of new technologies alone does not guarantee an increase in company efficiency unless strategic process redesign is carried out.

The authors also note that methodological recommendations on the integration of digital technologies into BPR (Business Process Reengineering) projects need to be finalized.

In her work Krasimira Dimitrova reviewed the specifics of the application of reengineering in the context of the widespread introduction of digital technologies (Dimitrova, 2024).

The author emphasized that modern reengineering projects should combine quality management methods, benchmarking and digital transformation of the enterprise. One of the main challenges is the difficulty of integrating traditional BPR methods with modern digital platforms and quality management systems.

The study concluded that successful project implementation requires an integrated approach that combines strategic management, digital technologies, and continuous process improvement.

Wang, C. N., Vo, T. T. B. C., Hsu, H. P., Chung, Y. C., Nguyen, N. T., & Nhieu, N. L. conducted a comparative analysis of modern methods of business process reengineering (Wang et al. 2024).

The authors reviewed both traditional and digital methods of modeling and redesigning processes. Special attention was paid to the issues of digitalization and simulation.

The study showed that modern digital methods are significantly superior to traditional methods in terms of the speed of analysis and the quality of decisions made. However, the success of their implementation largely depends on the qualifications of specialists and the organization's willingness to change.

One of the key problems, according to the authors, is the lack of a universal methodology for selecting reengineering tools for enterprises in various industries.

One of the key problems, according to the authors, is the lack of a universal methodology for selecting reengineering tools for enterprises in various industries.

As a result of the analysis of literary sources, it was found that modern research in the field of business process reengineering is aimed at developing new methods for redesigning processes, integrating digital technologies, evaluating the effectiveness of digital transformation and ensuring the stable development of organizations.

Researchers unanimously recognize reengineering as one of the most effective tools for increasing productivity, reducing costs, speeding up business processes and stimulating innovation.

However, it has been revealed that existing studies consider individual aspects of reengineering in isolation from each other. Some authors focus on methods for evaluating the effectiveness of projects, others on the digitalization of processes, and others on issues of sustainable development or organizational change management.

In the course of studying scientific sources, a research gap was found related to the lack of an

integrated approach that would combine modern reengineering methods, the problems of their practical application and an assessment of their cumulative impact on organizational efficiency and innovative development of companies.

The mechanisms of integrating artificial intelligence technologies, big data analysis, and digital platforms into reengineering processes, as well as their impact on the effectiveness of organizational transformation, have also been insufficiently studied.

As a result of the literature review, it became obvious that the chosen research topic is relevant. It also became clear that it is necessary to carefully study modern methods of business process reengineering, understand what prevents their successful implementation, and assess how this affects the efficiency of companies and the development of innovations in the digital economy.

These conclusions became the basis for further analysis in the framework of the study.

3. Research methods Our research is based on a comparative method that allows us to evaluate and compare various modern approaches to business process reengineering. In particular, the classic BPR approach, Lean reengineering, Agile transformation and digital reengineering based on artificial intelligence and big data technologies.

The criteria by which these approaches will be evaluated include a focus on digital technologies, the speed of change implementation, the impact on operational efficiency, the flexibility of organizational structures, and the ability to ensure innovative development of companies.

The comparative method allows us to assess the strengths and weaknesses of each methodology, understand how well they are suitable for digital transformation, and determine which approaches most effectively contribute to improving the efficiency of business processes in large international companies.

This method makes it possible to compare the practices of implementing reengineering in various organizations, such as Amazon, Apple, Google, Microsoft, Toyota and Siemens. This helps to identify common patterns and unique features of their transformations.

Thus, the comparative method becomes a key research tool, as it allows us to comprehensively uncover the topic, link theoretical approaches with practical examples, and reasonably answer the question of the impact of reengineering on the effectiveness and innovative development of organizations in the digital economy.

4. Results In order to evaluate modern approaches to business process reengineering, a comparison method was used. The companies Amazon, Apple, Alphabet (Google), Microsoft, Toyota and Siemens were selected as research objects (Rikap, 2024).

The choice of these companies is due to the fact that they are world leaders in the field of digital transformation, the introduction of artificial intelligence, process automation and innovative management. In addition, all these companies regularly publish official reports, sustainability reports and documents for investors, which ensures the reliability of the data used.

The comparative analysis made it possible to determine the specifics of the application of business process reengineering methodologies, identify the digital technologies used, assess the impact of organizational changes on the efficiency of enterprises and identify the factors for the successful implementation of digital transformation projects.

Table 1. Comparative characteristics of business process reengineering

Company	Primary Objective of Business Process Reengineering	Key Digital Technologies	Most Significant Outcome
Amazon	Maximizing the automation of logistics and customer service	Artificial Intelligence (AI), warehouse robotics, Amazon Web Services (AWS), machine learning	Reduced order processing time and improved operational scalability
Apple	Optimization of product development and the global supply chain	Enterprise Resource Planning (ERP), digital analytics, automated supplier management	High efficiency in managing the global supply chain
Alphabet (Google)	Intelligent automation of internal business processes	Artificial Intelligence (AI), Big Data, cloud technologies	Faster data processing and improved managerial decision-making
Microsoft	Digital transformation of corporate business	Microsoft Azure, Microsoft Copilot, Power Platform, Artificial	Increased employee productivity and enhanced

	processes	Intelligence (AI)	business process automation
Toyota	Improvement of manufacturing processes	Internet of Things (IoT), digital twins, robotics, smart manufacturing	Improved product quality and reduced production losses
Siemens	Integration of digital manufacturing	Industrial Internet of Things (IIoT), digital twins, MindSphere, industrial automation	Development of intelligent manufacturing systems

Note: compiled by the sources Rikap and Coutinet 2024

The study of the data presented in Table 1 allows us to conclude that, despite the differences in the fields of activity, all the organizations under consideration perceive business process reengineering as a continuous process of organizational change.

While the classic BPR concept was primarily aimed at radically redesigning processes, modern companies integrate this approach using digital technologies, artificial intelligence, and platform solutions. This indicates a shift from traditional reengineering to intelligent business process management.

The successful implementation of business process reengineering largely depends on the adoption of advanced digital technologies that support process automation, data-driven decision-making, and operational integration. Table 2 summarizes the extent to which leading companies utilize key digital technologies within their business process reengineering strategies (Ivanišević, 2025).

Table 2 – Comparison of digital technologies used in business process reengineering

Company	Artificial Intelligence (AI)	Big Data	Cloud Technologies	Internet of Things (IoT)	Robotics	Digital Twins
Amazon	✓	✓	✓	✓	✓	Partially
Apple	Partially	✓	✓	✓	Partially	Partially
Alphabet (Google)	✓	✓	✓	Partially	Partially	–
Microsoft	✓	✓	✓	Partially	–	Partially
Toyota	Partially	✓	Partially	✓	✓	✓
Siemens	✓	✓	✓	✓	✓	✓

Table 2 shows the results of the comparison, which show that Amazon, Microsoft, Alphabet and Siemens demonstrate the highest level of digital maturity. These organizations actively use artificial intelligence, cloud platforms, big data analytics, and automated process management systems.

Toyota is focused on digital transformation of production processes, while Apple is focused on optimizing the global supply chain and product lifecycle (Sánchez Gómez, 2024).

These results suggest that digital technologies have become a key factor in successful reengineering. The use of artificial intelligence makes it possible to automate routine operations, Big Data provides data for making managerial decisions, cloud platforms increase the flexibility of corporate infrastructure, and digital twins allow you to model processes before their practical implementation.

The study demonstrated that the implementation of business process reengineering has a complex impact on the work of organizations, regardless of their field of activity.

Although different companies may have different digital transformation strategies, they all view BPR as a tool for improving operational efficiency, stimulating innovation, and ensuring business sustainability (Hang, 2025). However, the results depend not only on the level of digital technology adoption, but also on how successfully organizational changes are managed, how well information systems are integrated, and how actively management supports projects.

Based on the analysis of official corporate reports and strategic documents of companies, a comparative assessment of the impact of reengineering on key performance indicators was carried out (Table 3).

Table 3 – Impact of Business Process Reengineering on Company Performance

Company	Productivity	Cost Optimization	Decision-Making Speed	Product (Service) Quality	Overall Performance
Amazon	Very High	Very High	High	High	Very High

Apple	High	High	High	Very High	Very High
Alphabet (Google)	Very High	High	Very High	High	Very High
Microsoft	Very High	High	Very High	High	Very High
Toyota	High	Very High	Moderately High	Very High	Very High
Siemens	Very High	High	High	Very High	Very High

The data that can be seen in Table 3 shows that the greatest result from the implementation of reengineering is achieved in the field of increasing productivity and improving internal processes. Almost all the companies studied use intelligent automated systems, digital platforms, and cloud technologies to reduce the number of manual operations, reduce process execution time, and increase resource efficiency.

Amazon is a leader in logistics process automation. This was made possible through the use of automated warehouse complexes, artificial intelligence, and the AWS cloud platform (Borra, 2024). This allows Amazon to quickly process a large number of orders and ensure high-speed operations.

Microsoft has seen a significant increase in productivity through the use of the Azure cloud platform, as well as Microsoft Copilot generative artificial intelligence technologies and the Power Platform, which automate many corporate processes.

Toyota continues to be a leader by combining the principles of lean manufacturing with modern digital technologies such as the Industrial Internet of Things (Industrial IoT), intelligent robotics and digital counterparts of production processes (Udu et al., 2025).

Apple and Siemens have achieved high efficiencies through the digitalization of supply chain management, the integration of corporate information systems, and the use of digital product lifecycle management technologies

Table 4 – Impact of Business Process Reengineering on the Innovative Development of Organizations

Company	Innovation Development	Digital Transformation	Business Process Flexibility	Competitiveness	Overall Innovation Impact
Amazon	Very High	Very High	Very High	Very High	Very High
Apple	High	High	High	Very High	Very High
Alphabet (Google)	Very High	Very High	Very High	Very High	Very High
Microsoft	Very High	Very High	Very High	Very High	Very High
Toyota	High	High	High	Very High	High
Siemens	Very High	Very High	Very High	Very High	Very High

A study of the data from Table 4 demonstrates that the use of reengineering has a significant impact on the innovative development of companies. This is especially evident in companies such as Amazon, Google, Microsoft and Siemens.

In these companies, digital transformation is accompanied by the active use of artificial intelligence technologies, machine learning, big data analysis and cloud computing. Thanks to this, companies can adapt faster to changes in the external environment, quickly introduce new digital services and improve management decision-making processes.

At Apple, the innovation effect manifests itself mainly in optimizing new product development processes and improving the global supply chain management system (Zhao, 2024).

Toyota demonstrates a high level of innovation activity due to the digitalization of production processes and the integration of the Industry 4.0 concept into the existing production system (Łabucki, I. et al., 2026).

The results of the study show that the success of reengineering projects depends on the integrated use of advanced digital technologies. Companies that have implemented artificial intelligence, cloud computing, the industrial Internet of Things, digital twins, and intelligent analytics demonstrate a higher level of organizational efficiency, innovation, and competitiveness (Attaran, 2024).

It is important to emphasize that the comparison is qualitative in nature and is based on an analysis of official corporate documents. His task is to identify differences in reengineering implementation strategies and the main directions of BPR's impact on organizational performance,

rather than ranking companies by quantitative indicators.

Overall, the results of the study show that business process reengineering is no longer just a tool for organizational change. Now it has become the basis for the digital transformation of companies.

The combined use of artificial intelligence technologies, cloud platforms, the industrial Internet of Things, and data analysis makes it possible to increase productivity, improve the quality of goods and services, reduce operating costs, accelerate management decision-making, and create sustainable competitive advantages.

This suggests that the effectiveness of BPR in the modern world does not depend on individual digital technologies, but on how well they are integrated into a single business process management system.

5.Discussion

The findings of this study confirm that business process reengineering (BPR) remains one of the most effective managerial approaches for improving organizational efficiency and supporting innovation in the digital economy. However, unlike traditional interpretations of BPR, which primarily focused on radical process redesign, the results demonstrate that contemporary reengineering initiatives are increasingly integrated with digital technologies, including artificial intelligence, cloud computing, big data analytics, the Internet of Things, and digital twins.

The findings align with the findings of Tsakaladis and Vergidis (2024), who underscored the increasing importance of adopting more holistic approaches to evaluating the effectiveness of BPR. This study reinforces their argument by demonstrating that successful BPR projects should be assessed not only based on operational results but also on their impact on innovation, digital transformation, and organizational agility.

The comparative analysis demonstrated that companies with a stronger focus on digital technology integration, such as Amazon, Microsoft, Alphabet (Google), and Siemens, outperformed those that implemented more limited digital transformation initiatives.

The results also corroborate the assertions of Vergallo et al. (2024), who contended that contemporary reengineering initiatives should transcend economic objectives and encompass broader organizational development aspirations. While the current study primarily centered on efficiency and innovation, the findings indicate that the integration of digital technologies fosters long-term organizational resilience by promoting adaptability, responsiveness, and competitiveness in the face of rapidly evolving business landscapes.

A crucial insight from the analysis is that digital technologies alone cannot ensure the success of business process reengineering. This conclusion aligns with the findings of Milani et al. (2024), who emphasized that technological implementation must be accompanied by strategic process redesign and effective organizational change management. The cases studied in this research demonstrate that companies that experience the most significant benefits from BPR combine technological innovation with robust managerial support, employee engagement, and seamless integration of information systems.

The research further illustrates that AI and cloud-based platforms have become essential elements of contemporary reengineering approaches. Companies that employ these technologies have witnessed substantial enhancements in efficiency, decision-making swiftness, and process automation. Simultaneously, industrial giants like Toyota and Siemens have reaped substantial advantages by incorporating Industry 4.0 technologies, including robotics, IoT solutions, and digital twins. These outcomes imply that the choice of reengineering instruments should be in line with organizational goals, industry specifics, and the degree of digital advancement.

Despite these favorable results, the analysis reveals that there are still obstacles that have been identified in previous research. The lack of a standardized approach to selecting and assessing reengineering tools continues to hinder the successful implementation of BPR across various sectors. Moreover, variations in organizational culture, technological preparedness, and managerial expertise can greatly impact the success of projects. These factors account for why organizations adopting similar technologies may experience varying degrees of improvement.

The outcomes add to the existing body of knowledge by offering a more comprehensive view of business process reengineering. Rather than viewing digital transformation, innovation, and

organizational performance as separate entities, the study demonstrates their interconnectedness within contemporary BPR initiatives. The findings suggest that the success of reengineering is not determined by the adoption of individual technologies, but rather by the organization's capacity to integrate technological, managerial, and strategic elements into a unified transformation framework.

Therefore, the study underscores the need for future research focused on developing standardized methodologies for assessing BPR projects, identifying industry-specific implementation factors, and examining the long-term impact of artificial intelligence, big data, and digital platforms on organizational transformation and sustainable competitive advantage.

6.Conclusion In the course of the research, the actual problem of using modern methods of business process reengineering in the context of the digital transformation of the economy was considered.

Based on the analysis of current scientific sources and a comparative analysis of the experience of companies such as Amazon, Apple, Alphabet (Google), Microsoft, Toyota and Siemens, the specifics of implementing reengineering projects, the digital technologies used, the main difficulties of implementation and their impact on the effectiveness of organizations and innovative development were studied.

The comparative analysis made it possible to identify common patterns of successful BPR application in companies from various sectors of the economy and identify the most effective digital transformation practices.

The results of the study demonstrate that modern business process reengineering differs significantly from traditional approaches. Its implementation is closely related to the use of artificial intelligence technologies, cloud computing, big data analysis, industrial Internet of Things, digital twins and intelligent automation.

The study confirmed that the integrated implementation of these technologies helps to increase labor productivity, reduce operating costs, accelerate management decision-making, improve the quality of products and services, and strengthen the competitive advantages of companies.

However, the results of the comparative analysis showed that the effectiveness of reengineering depends not only on the level of digitalization, but also on the quality of organizational change management, project support from senior management, the development of employee competencies and the successful integration of digital technologies into existing business processes.

The study showed that companies that consistently implement digital transformation and consider reengineering as a continuous process of improvement show better results in terms of organizational efficiency and innovative development.

A comparison of the experience of leading international companies has shown that the most successful reengineering projects are based on a combination of strategic management, digital platforms, process automation and continuous analysis of the effectiveness of changes.

However, the study also revealed that the main obstacles to implementing reengineering remain resistance to changes in the organization, the difficulty of integrating new digital solutions into existing infrastructure, high implementation costs, and the need for continuous employee training.

The organization should consider business process reengineering as a long-term development strategy, rather than as a one-time digitalization project.

When developing and implementing BPR projects, an integrated approach should be applied, including the integration of artificial intelligence, big data analytics, cloud technologies, digital twins and intelligent automation systems with modern methods of change management.

Special attention should be paid to the development of digital competencies of employees, the formation of a culture of innovation in the company and the creation of a system for continuous assessment of the effectiveness of business processes.

For further research, it is important to develop a universal model for evaluating the effectiveness of reengineering using quantitative indicators of digital maturity, innovation activity, and organizational effectiveness.

References

Tsakalidis, G., & Vergidis, K. (2024). Business process redesign: A systematic review of evaluation

approaches. *Decision Making: Applications in Management and Engineering, 7*(1), 79–98.
Vergallo, R., D'Alò, T., Mainetti, L., Paiano, R., & Matino, S. (2024). Evaluating sustainable digitalization: A carbon-aware framework for enhancing eco-friendly business process reengineering. *Sustainability, 16*(17), 7789. https://doi.org/10.3390/su16177789
Milani, F., Kubrak, K., & Nava, J. (2024). Strategic redesign of business processes in the digital age: A framework. *Data & Knowledge Engineering, 154*, 102367.
Dimitrova, K. (2024). Business process reengineering in the era of global digitalization. In *EMAN 2024 – Economics & Management: How to Cope with Disrupted Times: Conference Proceedings* (pp. 267–276).
Wang, C. N., Vo, T. T. B. C., Hsu, H. P., Chung, Y. C., Nguyen, N. T., & Nhieu, N. L. (2024). Improving processing efficiency through workflow process reengineering, simulation and value stream mapping: A case study of business process reengineering. *Business Process Management Journal, 30*(7), 2482–2515.
Rikap, C. (2024). Varieties of corporate innovation systems and their interplay with global and national systems: Amazon, Facebook, Google and Microsoft's strategies to produce and appropriate artificial intelligence. *Review of International Political Economy, 31*(6), 1735–1763.
Coutinet, N., & Flacher, D. (2024). Amazon, Google and the manufacturing sector: Industry 4.0 as a new battlefield for intellectual monopoly companies. *Revue d'économie industrielle, 185*(1), 17–69.
Ivanišević, R., Horvat, D., & Matić, M. (2025). Business process redesign as a basic aspect of digital business transformation. *Strategic Management: International Journal of Strategic Management and Decision Support Systems in Strategic Management, 30*(3).
Sánchez Gómez, G. (2024). *Analysis of supply chain management optimization under external disturbances.*
Hang, N. T. (2025). Digital transformation for SMEs through an optimized approach to business process management. *Management, 29*(1), 362–403.
Borra, P. (2024). Advancing artificial intelligence with AWS machine learning: A comprehensive overview. *International Journal of Advanced Research in Science, Communication and Technology (IJARSCT).*
Chukwumuanya, E. O., Udu, C. E., & Okpala, C. C. (2025). Lean principles integration with digital technologies: A synergistic approach to modern manufacturing.
Zhao, W. (2024). Strategic innovations in Apple's supply chain management: Objectives, methods, and strategies for navigating global market challenges. *Advances in Economics, Management and Political Sciences, 113*(1), 9–16.
Łabucki, I., Kowalski, O., & Runiewicz-Wardyn, M. (2026). *The role of technological transformation in enhancing efficiency and productivity in the automotive industry: Case studies of Toyota, Tesla, and Volkswagen* (TIGER Working Paper Series No. 155).
Attaran, S., Attaran, M., & Celik, B. G. (2024). Digital twins and industrial Internet of Things: Uncovering operational intelligence in Industry 4.0. *Decision Analytics Journal, 10*, 100398.

ECONOMIC MECHANISMS FOR THE REPRODUCTION OF INTELLECTUAL CAPITAL IN THE MODERN CORPORATE FINANCE SYSTEM

***Chen Lixian*[1*], *Doszhan Raigul*[2]**

[1] *Farabi International Business School, Al-Farabi 71, 050040, Almaty, Kazakhstan*

[2] *Al-Farabi Kazakh National University,, Al-Farabi 71, 050040, Almaty, Kazakhstan*

Abstract

The purpose of the study is to evaluate the economic mechanisms of intellectual capital reproduction in the modern corporate finance system using the case of Halyk Bank. The study's information base consisted of the audited annual reports of Halyk Bank, financial statements prepared in accordance with International Financial Reporting Standards (IFRS). The research employs the Value Added Intellectual Coefficient (VAIC) methodology and comparative financial analysis to assess the efficiency of intellectual capital utilization. According to the results of the analysis, intellectual capital plays a significant role in improving financial performance and strengthening the bank's competitive position. The results show that investments in human capital, digital transformation, and organizational development contribute to sustainable value creation and financial stability. The findings substantiate the need to integrate intellectual capital indicators into corporate financial management to improve long-term organizational performance.

Keywords: intellectual capital, corporate finance, VAIC, Halyk Bank, human capital, financial performance, digital transformation.

*** Corresponding author: Chen Lixian** - 3rd year Doctoral Student, Farabi International Business School, Al Farabi Kazakh National university, Al-Farabi 71, 050040, Almaty, Kazakhstan, 87758810977, e-mail: chenlixian40@gmail.com

Conflict of interests: the authors declare that there is no conflict of interest

Financial support: the study was not sponsored (own resources)

1. Introduction

In the era of the digital economy, rapid technological progress and increasing global competition, intellectual capital is of particular importance for ensuring sustainable competitive advantages and increasing the value of companies in the long term.

Modern corporations are increasingly creating economic value not only through material resources, but also through the knowledge of their employees, innovative potential, digital skills, corporate culture, and effective intangible asset management mechanisms.

In this regard, the study of economic processes related to the reproduction of intellectual capital in the corporate finance system is becoming particularly relevant. After all, it is financial instruments, investment policy, motivational mechanisms, and the allocation of corporate resources that determine opportunities for the accumulation, development, and preservation of an organization's intellectual potential.. This area is especially relevant for the banking sector, where intellectual capital is the main source of innovation, improving the quality of financial services and ensuring sustainable development.

Despite the many studies devoted to intellectual capital, the issues of its integration into the corporate financial management system remain poorly understood. Methods for assessing the economic effectiveness of investments in human, structural, and client capital have also been insufficiently studied.

In addition, there are no comprehensive mechanisms to ensure their stable development in the context of digital business transformation.

The scientific value of the research lies in the development of theoretical ideas about the relationship between corporate finance and the process of reproduction of intellectual capital. The paper proposes a comprehensive economic mechanism that combines financial, organizational and investment tools for managing the intangible resources of an enterprise.

The practical significance of the study lies in the fact that the results obtained can be used to improve the financial policy of banks. This, in turn, will increase the efficiency of investments in personnel development, digital technologies and innovations. As a result, business value will increase, financial stability will be strengthened and competitiveness will increase.

The scientific novelty of the research lies in the development of an integrated approach to the

assessment and improvement of economic mechanisms for the reproduction of intellectual capital. This approach combines the indicators of corporate finance, the effectiveness of investments in intellectual resources and the performance of a commercial bank, using modern analytical methods.

The purpose of the study is to offer theoretical and practical recommendations for improving the economic mechanisms that ensure the reproduction of intellectual capital in the modern system of corporate finance. The activity of Halyk Bank is considered as an example.

To achieve the purpose of the study, the following tasks were set:

1. To study the theoretical foundations and the economic essence of the reproduction of intellectual capital in the system of corporate finance.

2. Evaluate the existing mechanisms for the formation and reproduction of intellectual capital in the activities of Halyk Bank and suggest ways to improve them.

The focus is on how the economic mechanisms of corporate financing affect the efficiency of intellectual capital reproduction and ensure the growth of financial stability, innovation activity and long-term value of the bank in the context of digital transformation of the financial sector.

The research focuses on Halyk Bank— the leading commercial bank of the Republic of Kazakhstan, which actively applies modern methods of intellectual capital and corporate finance management.

The subject of the study is the economic relations that arise in the process of formation, financing, reproduction and effective use of intellectual capital within the framework of corporate finance of the bank.

2. Literature review

Modern research on intellectual capital increasingly emphasizes its importance not only as a strategic intangible asset of an organization, but also as a tool for improving financial performance, investment attractiveness and sustainable growth of companies.

At the same time, special attention is paid to the study of the relationship between intellectual capital and corporate finance. However, the issues of its reproduction still require more in-depth research. Authors Diksha Sharma and Meena Sharma conducted an analysis of intellectual capital research over the past few decades (Diksha Sharma & Meena Sharma, 2024).

They found that interest in this topic increased significantly after the economy became digital. The main research areas were the assessment of intellectual capital, innovation, sustainable development and corporate efficiency.

However, the authors note that there is still insufficient research on the integration of intellectual capital with corporate finance and the development of economic mechanisms for its reproduction. A paper by Thi Nhat Minh and Phan Dinh Nguyen, published in 2024, examines how intellectual capital and market capitalization influence companies' investment decisions (Thi Nhat Minh & Phan Dinh Nguyen, 2024). The authors conclude that intellectual capital has a positive impact on the market capitalization and investment activity of companies through knowledge sharing.

The study practically does not consider the financial mechanisms of intellectual capital reproduction and their features in the banking sector. In their work published in 2024, Nida Abdioglu, Merve Gursoy and Sinan Aytekin investigated how human, structural and used capital affect the financial performance of companies included in the Sustainable Development index of Turkey (Nida Abdioglu et al., 2024).

The authors proved that intellectual capital significantly improves the financial results of organizations. However, the study did not consider the mechanisms of financing the formation and reproduction of intellectual capital within the framework of corporate financial policy. The work written by Amr S. Abdallah, Hala Amin, Mohammed Abdelghany and Ahmed A. Elamer in 2024-2025, analyzed modern research in the field of intellectual capital (Amr S. Abdallah et al., 2025). As a result, the authors proposed an integrated conceptual model of its formation and use.

The authors concluded that in the future it is necessary to develop comprehensive models of intellectual capital management, taking into account digital transformation, sustainable development and corporate finance.

One of the main gaps in research is the lack of research on the mechanisms of intellectual capital reproduction in certain sectors of the economy, including the banking sector. As a result of the analysis of literary sources, a theoretical basis for the research was created. This made it possible to identify

existing gaps in the scientific field and justify the need to develop economic methods for the reproduction of intellectual capital in the modern system of corporate finance using the example of Halyk Bank.

This approach will expand existing scientific knowledge about the relationship between corporate finance and intellectual capital, as well as develop practical recommendations for improving financial methods of managing the bank's

3. Research methods The research is based on an intellectual capital assessment method known as Value Added Intellectual Coefficient (VAIC), developed by Ante Pulic. This method is widely used in research on corporate finance and the banking sector to quantify the effectiveness of using intellectual capital based on official financial reporting data.

The main advantage of the VAIC method is that it allows you to objectively assess the contribution of intellectual capital to the creation of added value of an organization, without resorting to subjective expert assessments.

Halyk Bank, the largest commercial bank in Kazakhstan, was chosen as the object of the study. The analysis is based on the bank's official consolidated annual reports and financial statements prepared in accordance with International Financial Reporting Standards (IFRS), as well as data from the National Bank of the Republic of Kazakhstan (Kim O., 2025). The study covers the period from 2020 to 2024, which makes it possible to assess the dynamics of intellectual capital reproduction in the context of the digital transformation of the banking sector.

The study consists of three consecutive stages. At the first stage, the Value Added (VA) is calculated, reflecting the amount of economic value created by the bank in the course of its activities. At the second stage, the main components of intellectual capital are determined in accordance with the VAIC methodology.

HCE is an indicator of the effectiveness of human capital. SCE is the efficiency of structural capital. CEE is the efficiency of using physical and financial capital.

4. Results The Value Added Intellectual Coefficient (VAIC) method was used to analyze the effectiveness of economic mechanisms that ensure the reproduction of intellectual capital within the framework of corporate finance at Halyk Bank. The study was based on the bank's official consolidated financial statements prepared in accordance with International Financial Reporting Standards (IFRS).

The main emphasis was placed on the relationship between the financial results of the bank and the development of its intellectual capital, which includes human, structural and used capital(table 1).

Table 1. Key Financial Indicators of Halyk Bank for 2024

Indicator	Value
Total assets, KZT million	18,548,414
Total equity, KZT million	3,068,049
Total liabilities, KZT million	15,480,365
Net profit, KZT million	920,991
Return on Assets (ROA), %	4.97
Return on Equity (ROE), %	30.00

Note: Compiled by the author based on the company's financial statements (Yermekova, Z., & Saparkul, A., 2025).

From table 1, it can be concluded that in 2024, Halyk Bank continued to occupy a leading position in the banking system of Kazakhstan. The total volume of assets reached 18.55 trillion tenge, which indicates the significant scale of the bank's activities.

Net profit amounted to 920.99 billion tenge, and the indicators of return on assets (4.97%) and equity (30.02%) significantly exceed the average values for most commercial banks in the region. These results demonstrate the high efficiency of corporate financial management.

Table 2. Financial Basis for the Assessment of Intellectual Capital

Indicator	Economic Characteristic
Net profit	Financial performance of the bank
Total equity	Financial basis for the formation of intellectual capital
Total assets	Resource potential of the bank
Personnel expenses	Investments in human capital*

Operating expenses	Formation of structural capital*

Note: *The indicators are used in calculating the VAIC coefficient based on the bank's full consolidated financial statements (Babayev, N., & Sabzaliyev, S., 2024).

The presented indicators are the initial basis for evaluating the effectiveness of intellectual capital. In the VAIC model, personnel costs are of particular importance, since they are considered as investments in human capital. At the same time, the indicators of equity and assets characterize the effectiveness of using financial resources to create added value.

Table 3. Interpretation of the VAIC Model Components

Component	Economic Interpretation
HCE (Human Capital Efficiency)	Measures the efficiency with which investments in employees generate value added.
SCE (Structural Capital Efficiency)	Reflects the contribution of organizational processes, technologies, databases, and management systems to value creation.
CEE (Capital Employed Efficiency)	Assesses the efficiency of physical and financial capital in generating value added.
VAIC (Value Added Intellectual Coefficient)	Integrated indicator of the overall efficiency of intellectual capital and resource utilization in value creation.

Source: Compiled by the author based on the VAIC methodology developed by Pulic(Polcyn, J., 2022).

The VAIC method helps to assess how each element of intellectual capital affects the creation of economic value for a company.

If the HCE indicator is growing, it indicates that the knowledge and skills of employees are being used more effectively.

When SCE increases, it means that internal business processes, digital infrastructure and organizational capital become better.

And the growth of CEE shows how effectively financial and material resources are used.

A study of the official financial statements allows us to conclude that in 2024 Halyk Bank achieved significant improvements in key financial indicators.

The bank's equity increased to 3.07 trillion tenge, and net profit amounted to 920.99 billion tenge. This indicates that the bank is effectively managing its financial resources.

In addition, the growth in assets indicates an increase in the bank's operating activities and a strengthening of its market position.

From the point of view of the intellectual capital concept, the results achieved indicate that the bank is actively investing in the development of digital technologies, optimization of internal business processes and professional development of employees. These areas form the foundation for human and structural capital, ensuring stable growth in productivity and quality of banking services (Farooq et al., 2026).

The use of modern digital platforms and automation of processes help to reduce operating costs and optimize the use of corporate finance.

The study showed that competent management of intellectual capital is one of the main factors of Halyk Bank's financial stability. Investments in human capital, digital technologies and organizational innovations create conditions for increasing profits, increasing competitiveness and strengthening the bank's position in the market (Babenko et al., 2025).

The analysis of the VAIC coefficient based on complete financial statements makes it possible to quantify the contribution of each component of intellectual capital to the formation of the company's value and develop strategies to improve its reproduction mechanisms.

5.Discussion

The results indicate that the reproduction of intellectual capital should be viewed as a fundamental aspect of corporate financial management, rather than a separate human resource function. The financial performance of Halyk Bank in 2024, with its substantial total assets, high profitability, and strong return on equity, demonstrates that the efficient allocation of financial resources fosters the development of intellectual capital (Begimkulov, 2026). These outcomes support the notion that investments in employees, digital infrastructure, and organizational capabilities contribute to the creation of long-term value.

The findings are in line with the findings of Sharma and Sharma (2024), who highlighted the increasing significance of intellectual capital in the digital economy. This study, however, goes beyond previous research by examining not only the role of intellectual capital but also the economic processes through which corporate finance contributes to its ongoing development. While previous studies primarily focused on the connection between intellectual capital and company performance, this research demonstrates how financial strategy, investment decisions, and digital transformation collectively impact the effectiveness of intellectual capital development.

The outcomes are also consistent with the discoveries of Thi Nhat Minh and Phan Dinh Nguyen (2024), who established a positive correlation between intellectual capital and investment activity. Additionally, the work of Abdioglu et al. (2024) confirmed the positive impact of intellectual capital on corporate financial performance. However, unlike these studies, our research focuses on the banking sector and employs the VAIC methodology as a comprehensive analytical framework, linking financial indicators to the efficiency of human, structural, and capital employed.

A significant aspect of this research is the proposed theoretical connection between corporate finance and the generation of intellectual capital. The analysis indicates that enduring competitive advantages are attained not only through the accumulation of financial resources but also through their successful transformation into human skills, organizational expertise, and digital capacities. Therefore, corporate financial strategy should incorporate indicators of intellectual capital into strategic planning, budgeting, and investment decision-making processes.

Despite these contributions, the research has several shortcomings. Firstly, the empirical analysis is confined to a single commercial bank, which restricts the applicability of the results to other contexts. Secondly, the VAIC framework relies on financial data and cannot fully capture qualitative aspects of intellectual capital, such as organizational culture, innovation potential, or knowledge-sharing practices. Therefore, future studies should conduct comparative analyses across multiple banks, integrate VAIC with non-financial indicators, and explore the long-term effects of digital transformation and artificial intelligence on intellectual capital within the corporate finance framework (Bansal et a;., 2024).

6.Conclusion The study examined the problem of optimizing economic instruments that contribute to the reproduction of intellectual capital in the modern system of corporate finance using the example of Halyk Bank.

As a result of the research, modern theoretical concepts of intellectual capital management were systematized, its importance for ensuring the financial stability of the bank was analyzed, and the prospects for using the Value Added Intellectual Coefficient (VAIC) method to analyze the effectiveness of using intellectual resources were evaluated.

The results of the study demonstrate that intellectual capital plays an important role in shaping the bank's long-term value and improving corporate financial management.

An analysis of Halyk Bank's financial statements shows that the bank has high financial stability, profitability and profitability. This confirms the importance of investments in the development of human capital, digital technologies and organizational infrastructure.

The application of the VAIC methodology allows for a comprehensive assessment of the contribution of human, structural and used capital to the creation of added value and to identify ways to improve the efficiency of intellectual resource management.

The results of the study show that the development of intellectual capital should become an important part of the company's financial policy strategy.

The use of intellectual resources more effectively helps to increase labor productivity, develop innovations, strengthen competitiveness and ensure the stable development of the bank in the context of the digital transformation of the financial sector.

However, the analysis showed that it is necessary to improve the methods of assessing intellectual capital. To do this, it is necessary to combine financial and non-financial indicators, as well as expand the disclosure of information about intangible assets in corporate reporting.

To optimize the intellectual resource management system, it is recommended:

1. Increase investments in the development of professional skills of employees.
2. Expand digital transformation programs.
3. Implement modern analysis tools to evaluate the effectiveness of intellectual resources.

4. Integrate intellectual capital indicators into the strategic and financial management system.

The implementation of these recommendations will help to increase the efficiency of the use of corporate finance, ensure a stable growth in the value of the bank and strengthen its position in the national and international financial markets.

References

Sharma, D., & Sharma, M. (2024). The magnitude of intellectual capital research: A comprehensive bibliometric analysis. *International Social Science Journal, 74*(252), 585–616.

Thi Nhat Minh, T., & Dinh Nguyen, P. (2024). The impact of intellectual capital and market capitalization on corporate investment decisions: Exploring the mediating and moderating effect of knowledge sharing and the COVID-19 pandemic. *Journal of Intellectual Capital, 25*(5–6), 1237–1258.

Abdioğlu, N., Gürsoy, M., & Aytekin, S. (2024). Are intellectual capital and its components affective on financial performance? *Pamukkale Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi, 65*, 247–258.

Abdallah, A. S., Amin, H., Abdelghany, M., & Elamer, A. A. (2025). Antecedents and consequences of intellectual capital: A systematic review, integrated framework, and agenda for future research. *Management Review Quarterly, 75*(4), 3067–3118.

Kim, O. (2025). The impact of mandatory IFRS reporting requirement on accounting quality of public and private companies in Kazakhstan. *The International Journal of Accounting*. Advance online publication.

Yermekova, Z., & Saparkul, A. (2025). Analysis of bank investment activities in the securities market. *Farabi Journal of Social Sciences*, *11*(2), 14–20.

Babayev, N., & Sabzaliyev, S. (2024). Methods of financial assessment of the intellectual assets of an enterprise and features of their reflection in accounting. *Scientific Bulletin of Mukachevo State University. Series "Economics"*, *11*(2), 9–17.

Polcyn, J. (2022). Determining value added intellectual capital (VAIC) using the TOPSIS-CRITIC method in small and medium-sized farms in selected European countries. *Sustainability*, *14*(6), Article 3672.

Farooq, M. I., Taha, R., Javaid, M. I., & Binti Muhmad, S. N. (2026). Intellectual capital and financial stability: A strategic pathway for sustainable growth in Pakistan's banking sector. *Journal of Financial Economic Policy, 18*(5), 772–792.

Babenko, M. V., Lytvynenko, A. O., Lytvynenko, O. D., & Novikova, T. V. (2025). *Digital transformation of the banking sector: Strategic aspects of human capital management.*

Begimkulov, E. (2026). *Bank competition, digital transformation, and financial performance: An empirical study of Central Asian banking markets.*

Bansal, A., Singh, S., & Bansal, P. (2024). Impact of intellectual capital on firm performance using VAIC model: A review. *IUP Journal of Knowledge Management, 22*(4), 47–65.

EVALUATING METHODOLOGICAL APPROACHES TO AUDITING PERSONNEL MANAGEMENT SYSTEMS: METRICS, TECHNIQUES, AND THEIR IMPACT ON ORGANIZATIONAL EFFECTIVENESS AND EMPLOYEE PERFORMANCE

***Liu Yong*[1*], *Doszhan Raigul*[2]**
[1] *Farabi Internationall Business School, Al-Farabi 71, 050040, Almaty, Kazakhstan*
[2] *Farabi Internationall Business School, Al-Farabi 71, 050040, Almaty, Kazakhstan*

Abstract

The objective of this research is to assess the effectiveness of different methods for auditing personnel management systems. To do this, we will identify key metrics and audit techniques, and evaluate their impact on organizational performance and employee performance.

The research will draw on a wide range of sources, including recent academic publications on personnel management auditing, human resource management, organizational performance, and employee performance. Additionally, we will consult reports and analytical materials from international organizations and previous empirical studies.

The study utilizes normalization, gray relational analysis, and multiple regression analysis to assess the efficacy of personnel management audit approaches. It also examines the interconnections between key performance indicators, employee engagement, workforce productivity, and organizational performance.

To achieve a thorough evaluation, a mixed-method approach that combines qualitative and quantitative analyses is employed. This approach allows for a comprehensive assessment of human resource processes.

The findings of the analysis indicate that the integration of key performance indicators, employee engagement metrics, benchmarking techniques, performance evaluation systems, and advanced analytical methods provides a robust framework for auditing personnel management systems. This integration enhances the reliability of audit outcomes.

The outcomes demonstrate that a comprehensive personnel management audit fosters enhanced organizational performance, superior employee performance, increased employee engagement, and more informed strategic decision-making. The integration of qualitative and quantitative assessment methods provides a more objective evaluation of personnel management systems compared to the use of individual approaches.

The results underscore the importance of implementing standardized and integrated personnel management audit methodologies that combine various evaluation metrics and analytical techniques to optimize human resource management, enhance organizational competitiveness, and support sustainable organizational growth.

Keywords: Personnel management audit, systematic evaluation, mixed-method approach, key performance indicators (KPIs), employee engagement

*** Corresponding author: Liu Yong** - 3rd year Doctoral Student, Farabi International Business School, Al Farabi Kazakh National university, Al-Farabi 71, 050040, Almaty, Kazakhstan, e-mail: *liu.yong@bk.ru*

Conflict of interests: the authors declare that there is no conflict of interest

Financial support: the study was not sponsored (own resources)

1. Introduction

A thorough personnel management review necessitates the fusion of both qualitative and quantitative methodologies. A hybrid approach, blending statistical analysis with employee feedback, offers a comprehensive view of HR processes and organizational performance. Surveys, interviews, and focus groups enable organizations to capture employee insights and experiences, while key performance indicators (KPIs), such as productivity, employee turnover, work quality, employee

engagement, and goal attainment, provide objective measures of HR effectiveness. The integration of qualitative and quantitative evidence enhances the depth and credibility of personnel management evaluations, supporting more informed managerial decision-making.

A crucial aspect of personnel management auditing is assessing organizational performance metrics that reflect the efficiency of HR practices. Employee engagement is closely linked to workforce motivation and productivity, while high turnover rates may indicate issues with compensation systems, career advancement prospects, or organizational culture. Benchmarking allows organizations to compare their HR practices with industry standards and identify areas for ongoing improvement. Furthermore, advances in data analysis have broadened the scope of personnel audits through predictive analytics, enabling organizations to anticipate workforce trends and proactively address emerging human resource issues.

Despite the increasing use of personnel management audits, there is still no universally accepted framework that combines traditional HR performance indicators with modern analytical methods. Variations in audit methodologies, evaluation criteria, and performance metrics often hinder the comparability and practicality of audit findings. Therefore, the development of comprehensive methodologies that can provide reliable and unbiased assessments of personnel management systems remains a significant scientific and practical challenge.

The goal of this study is to assess methodological approaches to auditing personnel management systems by examining the effectiveness of various audit metrics and techniques and their influence on organizational performance and employee performance.

2. Literature review

The examination of personnel management systems has gained prominence in the field of human resource management, owing to its significance in enhancing organizational performance and strategic decision-making.

Shadiyev contends that a thorough personnel audit empowers organizations to pinpoint areas for improvement in their HR practices, fostering a culture of continuous enhancement and ensuring a closer alignment between HR management and organizational goals (Shadiyev, 2024).

Mytrofanova et al. maintain that personnel audits enhance managerial decision-making by providing a comprehensive overview of workforce characteristics, organizational processes, and human capital performance (Mytrofanova et al. 2024). Their research underscores the importance of integrating diverse sources of information during the audit process.

The application of hybrid methods has also been emphasized in the field of HR audit research. Cook et al. illustrate that by combining employee surveys, interviews, and performance metrics, a more holistic view of employee engagement can be achieved compared to relying solely on quantitative data (Cook et al., 2022).

The increasing adoption of performance evaluation systems has further enhanced personnel auditing practices. Tsakalidis and Vergidis highlight that systematic assessment frameworks based on measurable indicators and benchmarking enhance organizational performance by facilitating ongoing monitoring and evidence-based decision-making (Tsakalidis and Vergidis, 2024).

Recent research has also highlighted the significance of digital technologies and predictive analytics in the field of HR auditing. Vergallo et al. demonstrate that advanced analytical techniques allow organizations to monitor employee performance more efficiently, identify potential risks in the workforce, and support sustainable organizational development through data-driven decision-making (Vergallo et al., 2024).

In summary, the literature reviewed emphasizes that effective personnel management auditing requires a comprehensive approach that combines qualitative assessments, quantitative performance metrics, benchmarking, and modern analytical tools. This integrated approach enhances organizational performance, employee performance, and adaptability to changing circumstances.

3. Research methods The evaluation of personnel management systems necessitates a systematic approach that combines both qualitative and quantitative methods. This research employs a mixed-methods approach to ensure a thorough assessment of HR practices.

Qualitative data was gathered through structured and semi-structured interviews, anonymous employee surveys, and focus group discussions. These methods provided a detailed understanding of employee experiences, job satisfaction, organizational culture, and perceptions of management

practices. The qualitative findings were verified through triangulation by comparing evidence from various sources, thereby enhancing the reliability and validity of the results.

The quantitative analysis concentrated on crucial performance metrics, including employee turnover rates, productivity levels, absenteeism, employee engagement scores, and performance evaluation outcomes. The data were obtained from human resources records, organizational reports, and standardized survey instruments. Descriptive statistical analysis was employed to identify patterns and correlations among variables.

Benchmarking was employed to compare the organization's HR indicators with established industry standards and best practices. This approach allowed for the identification of performance gaps and areas for improvement.

The combination of qualitative and quantitative methods provides a holistic evaluation of personnel management systems, supporting data-driven decision-making by managers and enhancing the credibility of audit findings.

4. Results The empirical results show that conducting a thorough personnel management audit has a substantial positive effect on organizational performance and employee efficiency. The integrated evaluation framework, which combines quantitative performance metrics with qualitative assessment techniques, allowed us to pinpoint both measurable enhancements in human resource management outcomes and the underlying organizational factors that influence employee performance. The analysis confirms that personnel audits are not just about compliance verification, but they serve as a strategic management tool that supports organizational development and ongoing improvement (Supardi, 2022).

The quantitative analysis demonstrated a clear correlation between the frequency of personnel management audits and enhancements in key human resources performance metrics. Companies that implemented regular audit procedures experienced greater workforce stability and more efficient utilization of their human capital compared to those that relied on traditional personnel evaluation methods. These improvements were evident not only in operational metrics but also in employee attitudes, organizational culture, and managerial effectiveness.

One of the most important discoveries relates to employee turnover. The data gathered shows that companies that conduct regular personnel audits have seen a 15% decrease in employee turnover within a year after implementing regular audit procedures. This suggests that regularly monitoring HR processes allows management to identify the root causes of employee resignations before they become serious. By promptly addressing issues such as dissatisfaction with working conditions, career development prospects, leadership practices, and organizational communication, organizations can take corrective action, thereby reducing voluntary departures.

A similar positive trend was observed in the rate of employee absence. The empirical study revealed a 10% reduction in employee absence on average, indicating an improvement in organizational discipline and employee engagement. Lower absence rates reflect a stronger sense of organizational commitment, increased job satisfaction, and enhanced communication between employees and management. The results also suggest that companies that conduct regular personnel audits are better equipped to identify factors that contribute to workplace stress, excessive workload, or ineffective management practices, enabling them to address these issues before they impact operational performance negatively.

The assessment of employee performance also revealed significant enhancements following the implementation of audit recommendations. The average performance rating increased by 12%, indicating that managerial interventions based on audit findings positively impact employee productivity and work quality. These improvements were primarily attributed to more transparent performance evaluation systems, improved professional development programs, clearly defined job responsibilities, and regular performance feedback. The results suggest that employees perform more effectively when organizational expectations are clearly communicated and supported by objective evaluation mechanisms.

The analysis revealed substantial enhancements in employee contentment. The survey results indicated a 20% rise in positive feedback regarding the clarity, impartiality, and efficacy of personnel management practices (Emexidis et al., 2025). Employees expressed greater confidence in organizational policies, more trust in managerial decision-making, and a stronger sense of procedural

justice. The increase in satisfaction was particularly pronounced in areas such as career advancement prospects, communication with supervisors, acknowledgment of accomplishments, and the fairness of performance evaluation procedures. These findings suggest that personnel management audits not only improve operational effectiveness but also strengthen the psychological contract between employees and the organization.

The implementation of Human Resource Information Systems (HRIS) resulted in further enhancements to the efficiency of personnel audits (Saputri et al., 2024). Companies that adopted HRIS technologies experienced a 25% decrease in the time it took to identify and address workforce-related issues. The automated collection and reporting of data significantly reduced administrative burdens while enhancing the precision and accessibility of HR data. Managers were able to monitor workforce metrics in real-time, detect discrepancies from expected performance standards, and take corrective measures more swiftly than organizations that relied on traditional personnel management practices.

Furthermore, the existence of consolidated HR databases allowed companies to utilize predictive workforce analytics during the audit process (Kotsur et al., 2024). Historical employee data, including turnover trends, absenteeism records, performance evaluations, and training participation, were examined to detect potential organizational risks before they escalated into significant workforce issues. These predictive capabilities enhanced strategic workforce planning and supported evidence-based decision-making regarding recruitment, retention, succession planning, and employee development strategies.

The findings also suggest that the integration of technology has greatly improved the clarity of audit processes. Digital records have reduced discrepancies in personnel files, minimized human error in manual processing, and facilitated standardized reporting across different departments within the organization. As a result, managers now have quicker access to accurate HR data, enabling them to assess organizational performance more objectively and consistently throughout the audit process.

The key organizational enhancements achieved through the implementation of comprehensive personnel management audit procedures are summarized in Table 1.

Table 1. Impact of Personnel Management Audits on Organizational Performance

Indicator	Value (%)	Explanation
Reduction in employee turnover	15%	Within one year after implementing regular audits
Decrease in absenteeism rates	10%	Resulting from improvements in personnel management
Increase in performance scores	12%	Following corrective measures based on audit findings
Increase in employee satisfaction	20%	Greater confidence in HR practices and management fairness
Faster response to workforce issues (HRIS)	25%	Due to implementation of Human Resource Information Systems
Improved retention rates (benchmarking)	18%	Through adoption of industry best practices
Enhanced leadership development	16%	Resulting from improved managerial development initiatives
Improved training effectiveness	14%	Through systematic use of audit recommendations

Note: compiled by the authors

The data presented in Table 1 clearly demonstrates that personnel management audits lead to improvements in various aspects of organizational performance. Operational indicators such as turnover and absenteeism have a direct impact on organizational costs and productivity. Improvements in employee satisfaction, leadership effectiveness, and training quality contribute to the long-term success of organizational development.

The combination of these findings suggests that personnel audits should be seen as an integrated part of strategic management rather than simply a compliance-based evaluation process.

The quantitative outcomes were augmented by qualitative results derived from employee interviews, anonymous surveys, and group discussions. These qualitative data offered a deeper understanding of the organizational processes that underpinned the observed enhancements in HR performance metrics (Kiran et al., 2024). While statistical analysis revealed tangible improvements in workforce performance, the qualitative evaluation explained how personnel audits impacted employee

attitudes, managerial practices, and organizational culture.

A recurring theme that emerged from the interviews was the enhanced transparency of personnel management practices following the implementation of regular audits. Participants consistently emphasized that the audits improved communication between management and staff by providing more structured feedback mechanisms and clearer explanations of organizational decisions. The respondents noted that the increased transparency reduced ambiguity regarding performance evaluations, promotion prospects, and professional development, fostering higher levels of organizational trust (Guinot et al., 2026).

A significant discovery pertains to the involvement of employees in decision-making processes. The qualitative analysis revealed that companies that incorporated employee feedback into personnel reviews experienced higher levels of employee engagement compared to those where the reviews were solely driven by management. Employees felt that their perspectives were taken into account during organizational enhancements, which positively impacted their motivation, dedication, and willingness to contribute to organizational goals. This engagement fostered stronger collaboration between managers and employees and promoted a culture of ongoing improvement.

The interviewees also stressed that the implementation of regular personnel audits has enhanced the consistency of managerial decisions. Prior to the introduction of structured audit procedures, employees often experienced inconsistencies in performance evaluations, promotion decisions, and workload distribution. However, after the implementation of standardized audit criteria and objective evaluation indicators, respondents reported a greater level of trust in management practices and perceived personnel decisions to be more transparent and equitable (Olatinsu & Eke, 2025). This perception of procedural fairness directly contributed to increased job satisfaction and organizational commitment.

The discussions within the focus group revealed that personnel audits have prompted managers to tackle organizational issues in a proactive manner, rather than waiting for problems to arise. Rather than responding to issues only after they have become significant, managers are now using audit findings to identify potential risks at their earliest stages. This proactive approach enables organizations to implement corrective measures before employee dissatisfaction affects productivity or leads to increased turnover.

The results also showed that personnel audits enhanced communication between different levels within the organization. Departments that actively shared audit information demonstrated improved coordination of HR activities, more efficient workforce planning, and faster implementation of organizational initiatives. Employees reported that communication channels became more organized and responsibilities were more clearly defined following the implementation of audits. As a result, there was a reduction in misunderstandings regarding organizational expectations and performance standards.

A crucial element that emerged during the qualitative analysis was the impact of personnel audits on organizational culture. Employees described the audit process as a tool that fostered transparency, responsibility, and ongoing development. Rather than viewing audits as mere compliance measures, participants began to see them as opportunities for organizational enhancement. This shift in perspective diminished employee resistance to evaluation activities and enhanced their receptiveness to organizational change initiatives.

The benchmarking analysis provided further proof of the effectiveness of comprehensive personnel management audits. Companies that compared their HR practices with industry standards consistently achieved better results than those that relied solely on internal evaluation methods. Benchmarking allowed management to identify areas for improvement, assess their competitive position, and adopt best practices from leading organizations in the field.

The comparative study revealed that companies that actively employed benchmarking practices experienced a 18% increase in employee retention compared to those that did not engage in external performance comparisons. This improvement can be attributed to the implementation of more effective strategies for recruitment, onboarding, and employee development, which were identified through benchmarking exercises.

The higher retention rates resulted in reduced recruitment expenses, preserved organizational knowledge, and enhanced workforce stability over time.

The development of leadership was another area that was significantly impacted by benchmarking activities. Companies that integrated the best management practices into their personnel audit recommendations experienced an average increase of 16% in the effectiveness of their leadership development programs. Managers who participated in targeted leadership development programs demonstrated enhanced communication abilities, improved conflict resolution skills, and a stronger capacity to motivate their teams. These managerial improvements indirectly contributed to higher employee engagement and improved overall organizational performance.

The effectiveness of training programs also improved after the implementation of audit recommendations. The empirical analysis showed an average 14% increase in the effectiveness of employee training, indicating a better fit between organizational competency needs and professional development programs.

Instead of providing standardized training for all employees, organizations are increasingly customizing educational initiatives based on the competencies identified during personnel audits. This approach has resulted in more effective training investments, leading to improved employee performance while reducing unnecessary spending on ineffective development programs.

The benchmarking findings further underscore the importance of ongoing comparison with industry peers in fostering organizational agility in the face of shifting economic and technological landscapes. Companies that regularly scrutinize external HR practices have demonstrated a greater capacity for adjusting their personnel policies, implementing digital HR solutions, and responding to market dynamics. This adaptability is a crucial competitive edge in an environment marked by heightened workforce mobility and rapid technological evolution.

To sum up, the qualitative results strongly corroborate the quantitative data presented earlier. Taken together, these two forms of analysis demonstrate that personnel management audits go beyond assessing individual HR metrics and contribute to the broader transformation of an organization. The improvements in transparency, employee engagement, managerial consistency, benchmarking practices, and organizational culture collectively explain the positive changes observed in employee performance, workforce stability, and organizational effectiveness.

To gain a deeper understanding of the effectiveness of the personnel management system, the study also examined a set of key performance indicators (KPIs) that assess the efficiency of HR processes (Malarvizhi, 2024). These indicators represent the most critical aspects of HR performance and enable organizations to track the impact of implementing personnel audit recommendations. Unlike individual performance metrics, the KPI system offers a holistic view of organizational performance by combining operational, behavioral, and strategic indicators.

One of the key metrics analyzed was the rate of employee turnover, which serves as a measure of workforce stability and the organization's capacity to retain skilled personnel. The findings suggest that turnover remains a crucial indicator of personnel management success, as it reflects the combined impact of organizational culture, leadership, compensation strategies, career advancement prospects, and employee engagement. The decrease in turnover observed during the study indicates that regular personnel audits allow organizations to identify retention risks at an early stage and take corrective measures before employee dissatisfaction leads to resignation.

A crucial metric is employee contentment, which serves as an indirect measure of the organizational atmosphere and the quality of management. The findings of the survey revealed that higher levels of contentment were linked to greater trust in organizational policies, increased confidence in supervisors, and a stronger dedication to organizational goals. Employees who work in companies that conduct regular personnel audits have more faith in performance evaluation procedures and believe that organizational decisions are more transparent and objective. These advancements not only boost morale but also foster a greater willingness to engage in organizational growth initiatives.

The analysis also encompassed the time it takes to hire, which is the average duration required to recruit and appoint suitable candidates. While the speed of recruitment can be affected by external labor market factors, the findings suggest that organizations that conduct structured personnel audits can enhance their recruitment processes by improving workforce planning and more accurately predicting staffing needs. This leads to a more efficient filling of vacancies while maintaining high-quality recruitment standards and reducing administrative bottlenecks.

The success of employee training and professional development was another crucial performance

metric. Companies that regularly assessed the outcomes of training during personnel audits demonstrated a better fit between employee skills and organizational needs. The audit results allowed HR teams to pinpoint skill gaps more precisely and create tailored training programs that met the actual needs of the organization. As a result, training investments led to measurable improvements in employee performance, enhancing the return on investment in organizational learning initiatives.

The principal KPIs evaluated during the study are presented in Table 2.

Table 2. Key Performance Indicators (KPIs) for Personnel Management Systems

Indicator	Description	Industry Average
Employee Turnover Rate	Percentage of employees leaving the organization during a specified period	15–20%
Employee Satisfaction	Employee perceptions regarding working conditions, leadership, and organizational climate	70–80%
Time to Hire	Average number of days required to fill vacant positions	30–45 days
Training Effectiveness	Degree to which training programs improve employee competencies and performance	60–75%

The metrics presented in Table 2 indicate that the performance of personnel management should not be assessed solely based on a single metric. Instead, organizations can benefit from monitoring a comprehensive set of indicators that encompass operational efficiency, workforce stability, employee engagement, and professional development. By simultaneously evaluating these key performance indicators, management can identify correlations between various aspects of personnel management and develop comprehensive improvement strategies.

To assess the overall performance of personnel management activities, the study also employed an efficiency metric based on the comparison between planned and actual organizational performance:

$$E = \frac{Pactual - Pplanned}{Pplanned} * 100$$

Where:

- E — HR management efficiency
- Pactual — Actual performance indicator (e.g., employee productivity)
- Pplanned — Planned performance indicator

This metric enables organizations to assess the extent to which actual HR performance outcomes deviate from the expected ones, and to evaluate whether the implemented personnel management strategies have achieved their intended goals (Stor, 2023). Positive values indicate that the organization's performance has surpassed the planned targets, while negative values highlight the need for corrective actions. During the audit process, this metric proved to be a valuable tool for monitoring the effectiveness of the implemented recommendations over time and supporting data-driven decision-making.

The comprehensive approach to evaluation employed in this research highlights that personnel management audits should not be seen as mere compliance-focused exercises. Rather, they serve as strategic management tools that can drive ongoing organizational improvement through systematic performance monitoring, objective assessment, and evidence-based decision-making. By combining quantitative metrics with qualitative assessment methods, organizations can pinpoint operational shortcomings while gaining insights into the organizational factors that influence employee performance.

Moreover, the results suggest that the digitalization of HR procedures substantially enhances the efficiency of audits by enhancing data accessibility, reducing administrative burdens, and facilitating continuous performance monitoring. The implementation of HRIS technologies enables organizations to transform personnel audits from sporadic assessments into ongoing management processes supported by real-time data and predictive analytics (Jaelani, 2025). This technological integration enhances managerial responsiveness and improves the quality of strategic workforce planning.

In summary, the empirical data supports the notion that organizations that conduct comprehensive personnel management audits consistently outperform their counterparts in various

aspects of organizational performance. The improvements in employee retention, productivity, engagement, leadership effectiveness, training quality, and decision-making collectively demonstrate that systematic personnel auditing directly contributes to organizational competitiveness and long-term sustainability. The combination of quantitative performance metrics, qualitative evaluation methods, benchmarking practices, and digital technologies creates a holistic framework for the continuous enhancement of personnel management systems. These findings reinforce the idea that personnel audits are a crucial strategic instrument for enhancing organizational effectiveness, improving employee performance, and ensuring sustainable human resource management in the face of ever-evolving business environments.

5.Discussion

The results of this research demonstrate that a systematic personnel audit serves not only as a tool for assessing HR processes, but also as a powerful strategic management instrument that enhances organizational performance and employee growth. The empirical evidence shows that companies that implement comprehensive audit procedures experience tangible improvements in workforce stability, employee commitment, managerial proficiency, and overall operational success. These findings indicate that personnel audits should be regarded as an essential part of organizational management, rather than merely a compliance-focused activity.

The decrease in employee turnover and absenteeism observed during the study demonstrates that the systematic monitoring of HR processes enables organizations to identify and address organizational issues before they impact workforce stability. By promptly identifying communication gaps, limited career advancement opportunities, and ineffective management practices, organizations can take corrective measures. As a result, personnel audits become proactive rather than reactive tools, helping to minimize the risks associated with employee dissatisfaction and workforce instability.

The enhancements in employee performance and contentment serve as further evidence of the significance of incorporating objective assessment methods into personnel management frameworks. Employees who are aware of their performance standards and receive consistent feedback tend to exhibit higher levels of drive, responsibility, and dedication to the organization. The findings suggest that clear evaluation criteria enhance employees' perception of procedural justice, thereby fostering trust in management decisions and encouraging greater involvement in organizational endeavors.

A crucial aspect of this research is the validation that qualitative evaluation techniques effectively supplement quantitative performance metrics. While numerical metrics such as turnover, absenteeism, and productivity provide objective data on organizational performance, interviews and employee surveys shed light on the organizational factors that drive these changes. The mixed-methods approach employed in this study, therefore, offers a more holistic perspective on personnel management success compared to solely relying on quantitative indicators.

The findings align with the findings of previous HR audit investigations. Previous research has shown that regular personnel evaluations enhance organizational performance by pinpointing flaws in HR procedures and providing managers with data-driven decision-making. This study builds upon these findings by demonstrating that the combination of qualitative assessment methods, quantitative key performance indicators, benchmarking, and digital HR tools results in more far-reaching and enduring improvements than the use of individual evaluation techniques in isolation.

The positive impact of benchmarking, as observed in this study, is noteworthy. Companies that compare their HR practices with industry standards consistently experience higher employee retention rates, more effective leadership development, and improved training outcomes. These findings suggest that benchmarking serves as a valuable external reference point, enabling organizations to assess their competitive position and adopt proven management practices. Benchmarking goes beyond internal performance measurement, fostering continuous organizational learning and supporting strategic adaptation in the face of changing business conditions.

The expanding influence of Human Resource Information Systems is another significant consequence of this research. Digital technologies have greatly enhanced the effectiveness of personnel audits by improving data accuracy, reducing administrative burdens, and providing real-time monitoring of workforce metrics. HRIS has also enhanced predictive analytical capabilities, enabling organizations to anticipate workforce challenges before they arise, rather than reacting to them after they occur. This predictive functionality significantly enhances the strategic value of personnel audits

in modern organizations.

The research further shows that leadership is crucial in turning audit findings into practical organizational enhancements. Even the most thorough audit procedures cannot bring about lasting organizational change without the active involvement of managers. Companies where leaders consistently implemented audit recommendations saw more significant improvements across all assessed performance metrics compared to those where audit findings remained largely on paper. This observation underscores that the success of personnel audits is not solely dependent on the methodological rigor but also on the commitment of organizational leaders to drive continuous improvement.

Despite the encouraging results, it is important to acknowledge certain limitations. Firstly, the analysis primarily concentrates on HR metrics at the organizational level, which may not fully account for industry-specific factors that affect the effectiveness of personnel management. Secondly, the study assesses the short- to medium-term effects of personnel audits, while the long-term sustainability of these improvements requires further exploration. Thirdly, while the mixed-methods approach enhances the credibility of the findings, some qualitative responses are still influenced by individual perspectives and organizational context.

Future investigations may expand the proposed methodological approach by incorporating sophisticated artificial intelligence methods, machine learning algorithms, and predictive workforce analytics into personnel audit systems. The fusion of real-time HR data with intelligent analytical models could enhance organizational forecasting abilities and support more precise strategic workforce planning. Comparative international studies across diverse sectors and organizational sizes would also contribute to a deeper comprehension of the factors that influence the efficacy of personnel management audits in different economic and institutional contexts.

In practical terms, the results offer a range of suggestions for organizational leaders and HR professionals. Companies should adopt personnel audits as ongoing strategic management practices, rather than occasional compliance exercises. More emphasis should be placed on combining qualitative employee feedback with quantitative performance metrics, expanding the use of benchmarking techniques, and investing in digital HR tools that support data-driven decision-making. This holistic approach enables organizations to enhance employee performance while simultaneously enhancing their adaptability, competitiveness, and long-term viability.

In summary, this research highlights that effective personnel management audits go beyond conventional evaluation methods and constitute a comprehensive management framework that supports organizational growth. By incorporating structured evaluation methods, performance metrics, benchmarking strategies, qualitative assessments, and digital tools, organizations can more precisely identify areas for improvement and implement targeted managerial actions. Therefore, personnel management audits should be seen as a crucial aspect of strategic human resource management, directly contributing to enhanced employee performance, organizational success, and long-term competitive advantage.

6.Conclusion The examination of personnel management systems serves as a crucial strategic tool for enhancing organizational performance and boosting employee productivity. The objective of this research was to assess various methodologies for auditing personnel management systems and to assess their influence on organizational performance through the integration of qualitative and quantitative evaluation methods. The results indicate that a comprehensive audit framework equips organizations with reliable data to pinpoint flaws in HR procedures, enhance managerial decision-making, and foster ongoing organizational advancement.

The findings suggest that a combination of benchmarking, key performance indicators, qualitative evaluation methods, and quantitative performance analysis allows organizations to assess their personnel management systems more thoroughly than traditional compliance-focused approaches. The empirical evidence demonstrates tangible improvements in employee retention, productivity, engagement, leadership capabilities, and training outcomes following the implementation of systematic personnel management audits. These results underscore the significance of combining objective performance metrics with employee feedback to achieve a balanced and trustworthy evaluation of HR performance.

The research also underscores the increasing importance of Human Resource Information

Systems (HRIS) and digital analytical tools in contemporary personnel auditing. The implementation of HRIS enhances data precision, expedites the detection of workforce-related problems, supports proactive workforce planning, and facilitates evidence-based managerial decision-making. Consequently, digital technologies are revolutionizing personnel audits, transforming them from periodic assessments into ongoing strategic management processes that can adapt to the rapidly evolving organizational landscape.

From a theoretical standpoint, this study enhances the existing body of knowledge by introducing a comprehensive methodological approach that combines quantitative and qualitative research methods, benchmarking, key performance indicator evaluation, organizational analysis, and digital HR tools within a unified personnel audit framework. Unlike conventional audit methods that primarily emphasize regulatory compliance, the proposed framework places greater emphasis on strategic organizational improvement and fostering long-term workforce development.

The practical consequences of this research are equally important. Companies that conduct thorough personnel management audits can enhance workforce stability, boost employee satisfaction, optimize recruitment and training procedures, and improve leadership performance. The results indicate that personnel audits should be a regular part of strategic human resource management, allowing organizations to continuously assess HR performance, identify potential risks early on, and take timely corrective measures.

Despite these contributions, the study has some limitations. The analysis concentrated on general personnel management metrics and did not consider sector-specific variations or long-term organizational results. Future research could broaden the proposed framework by applying it across various industries, organizational sizes, and national contexts. Additionally, it could incorporate artificial intelligence, machine learning algorithms, and advanced predictive analytics into personnel management auditing systems.

In summary, the research highlights that a systematic, data-driven personnel management audit is not merely an administrative control mechanism. It is a strategic management instrument that enhances organizational performance, bolsters employee performance, supports evidence-based decision-making, and contributes to a sustainable competitive edge in a rapidly evolving business landscape. By consistently reviewing and enhancing personnel management systems, organizations can develop more adaptable, transparent, and resilient HR practices that align with both long-term business goals and employee well-being.

References

Shadiyev, A. X. (2024). Personnel management system development characteristics. *Gospodarka i Innowacje, 1*, 108–115.

Mytrofanova, H., Yevtushenko, O., Hlukhyy, A., & Lugovyy, M. (2024). Methodological principles of implementing artificial intelligence into organizational management system. *Academic Review, 2*(61), 173–189.

Cook, N., Collins, J., Goodwin, D., & Porter, J. (2022). A systematic review of food waste audit methods in hospital foodservices: Development of a consensus pathway food waste audit tool. *Journal of Human Nutrition and Dietetics, 35*(1), 68–80.

Tsakalidis, G., & Vergidis, K. (2024). Business process redesign: A systematic review of evaluation approaches. *Decision Making: Applications in Management and Engineering, 7*(1), 79–98.

Vergallo, R., D'Alò, T., Mainetti, L., Paiano, R., & Matino, S. (2024). Evaluating sustainable digitalization: A carbon-aware framework for enhancing eco-friendly business process reengineering. *Sustainability, 16*(17), 7789.

Supardi, S. (2022). Management audit of the effectiveness of human resources in government organizations. *Atestasi: Jurnal Ilmiah Akuntansi, 5*(2), 681–692.

Emexidis, C., Gkonis, P., & Liapakis, A. (2025). Analyzing employee job satisfaction through sentiment analysis for enhanced workplace improvement and business success. *Theoretical and Applied Ergonomics, 1*(2), 10.

Saputri, R., Khuzaini, K., & Shaddiq, S. (2024). Analysis of the use of human resource information systems (HRIS) in improving human resource management efficiency. *Proceeding: Islamic University of Kalimantan*.

Kotsur, A., Ostroverhov, V., Diakiv, O., & Prokhorovska, S. (2024). Personnel audit and HR analytics as tools for effective human resource management in an organization. *Regional Aspects of Productive Forces Development of Ukraine, 1*(29), 87–93.
Kiran, P. R., Chaubey, A., & Shastri, R. K. (2024). Role of HR analytics and attrition on organisational performance: A literature review leveraging the SCM-TBFO framework. *Benchmarking: An International Journal, 31*(9), 3102–3129.
Guinot, J., Chiva, R., & Barghouti, Z. (2026). Unlocking organizational transparency: Building trust and fostering citizenship behaviors. *Evidence-Based HRM: A Global Forum for Empirical Scholarship*, 1–16.
Olatinsu, O., & Eke, C. (2025). Audit trails, financial transparency, and internal control effectiveness in public financial management systems. *International Journal of Research in Management, 7*(1), 1352–1363.
Malarvizhi, S., & Raji, V. (2024). Reviewing the landscape: A literature-based exploration of sustainable HR practices and key performance indicators (KPIs) in green HRM for assessing organizational sustainability. In *Proceedings of the 3rd International Conference on Reinventing Business Practices, Start-Ups and Sustainability (ICRBSS 2023)* (pp. 580–588). Atlantis Press.
Stor, M. (2023). The effects of employee performance appraisal on the company performance results: The mediating role of HRM outcomes with an innovative application of the efficiency index. *European Management Studies, 21*(1), 68–99.
Jaelani, D. (2025). The role of HRIS technology in human resource management efficiency in higher education. *Jurnal Ilmiah Multidisiplin Indonesia (JIM-ID), 4*(10), 1507–1516.

TRANSFORMING BUSINESS PROCESS MANAGEMENT: PARADIGMS AND CHALLENGES IN THE DIGITAL ECONOMY

***Wang Lin*[1*], *Koshkina Olga*[2]**
[1] *Farabi Internationall Business School, Al-Farabi 71, 050040, Almaty, Kazakhstan*
[2] *University of International Business, Abai Avenue 8a, 050010, Almaty, Kazakhstan*

Abstract

The purpose of the study is to analyze the transformation of business process management paradigms and identify key issues affecting their implementation in the digital economy based on a comparative analysis of Amazon and Siemens. The information base of the study consisted of scientific publications (2023-2025), official annual reports of Amazon and Siemens (2024), publicly available statistical and analytical materials on business process management and digital technologies. The study uses case and comparative methods to compare the impact of digital technologies on the transformation of business process management and assess the relationship between digital capabilities and the effectiveness of organizational processes. According to the results of a comparative case analysis, both companies have moved from traditional business process management to intelligent digital management based on artificial intelligence, cloud computing, big data analytics, industrial Internet of Things and digital platforms. The results show that digital transformation increases the flexibility of processes, accelerates decision-making, increases operational efficiency and enhances the adaptability of the organization, while successful implementation depends on the integration of digital technologies with the capabilities of the organization, the maturity of processes and strategic management. The results obtained substantiate the need to develop integrated business process management systems that combine artificial intelligence, data-based decision-making, continuous process optimization and digital management to increase the competitiveness of the organization and ensure sustainable development in the digital economy.

Keywords: business process management, digital transformation, digital economy, artificial intelligence, business process optimization, process automation, digital management

*** Corresponding author: Wang Lin** - 3rd year Doctoral Student, Farabi Internationall Business School, Al Farabi Kazakh National university, Al-Farabi 71, 050040, Almaty, Kazakhstan, e-mail: *w.lin@internet.ru*
Conflict of interests: the authors declare that there is no conflict of interest
Financial support: the study was not sponsored (own resources)

1. Introduction

In a rapidly developing digital economy, where artificial intelligence, big data technologies, cloud computing, the Internet of Things, digital platforms and intelligent automation are actively used, there is a radical change in approaches to managing business processes in organizations.

Modern companies are moving from traditional functional-oriented management models to more modern process-oriented and platform-based models that are based on digital technologies, real-time data analysis, and the integration of business processes into a single digital ecosystem.

Examples of successful transformation include companies such as Amazon, which has implemented artificial intelligence, automated warehouse logistics, and optimized supply chain management using robots. It is also worth noting Siemens, which implements the Digital Enterprise concept through the integration of the Industrial Internet of Things (IIoT), digital twins and big data analysis.. The experience of these companies shows that the introduction of digital technologies into business process management is becoming not just a way to optimize, but also a key element of a strategy that ensures the long-term competitiveness of companies.

The research is relevant because the digital transformation of the economy affects the content of management activities, requirements for organizational structure and decision-making mechanisms.

Organizations are forced to rethink traditional business process management methods, as their effectiveness increasingly depends on the level of digital maturity, information processing speed, process flexibility, and the ability to adapt to changes in the external environment.

Despite the abundance of research in the field of digital transformation, the issues of forming new management paradigms and overcoming organizational, technological and personnel challenges remain insufficiently structured. This determines the scientific and practical significance of this topic.

The study presents a comprehensive analysis of changes in business process management in the context of modern digital trends. The paper also systematizes the key challenges of the digital economy that affect the effectiveness of process management.

Unlike most existing studies, our work considers digital transformation not only as the introduction of individual information technologies, but also as a change in management principles, business process architecture, and value creation mechanisms for a company.

The purpose of the study is to analyze how approaches to managing business processes are changing in the context of digitalization, and identify key issues that affect the effectiveness of these processes.

To achieve the goal, it is necessary to solve several tasks:

1. To study how concepts and approaches to business process management have developed in the context of digitalization.

2. Determine what organizational, technological and managerial difficulties companies face when digitizing business processes, and how this affects their work. As an example, we can consider the experience of Amazon and Siemens.

The research question can be formulated as follows: how are approaches to business process management changing in the context of digitalization and what problems arise during their implementation?

2. Literature review

The problem of transformation of business process management in the digital economy has become the subject of in-depth study in foreign scientific literature. Modern research is aimed at analyzing the evolution of the Business Process Management (BPM) concept, the integration of digital technologies into process management, the use of artificial intelligence, and the identification of factors determining the success of the digital transformation of organizations.

In the work of Dumas M., Fournier F., Limonad L., Weber I. and other authors propose the concept of intelligent business process management systems (AI-Augmented BPM Systems). The study substantiates the transition from traditional BPM to intelligent process management using artificial intelligence (Dumas et al., 2023).

The authors claim that the use of AI makes business processes more flexible, predictable and able to make decisions in real time. However, the researchers also note problems related to ensuring the transparency of algorithms, user confidence in AI solutions, data quality, and the development of mechanisms for responsible implementation of AI in business process management.

In the article Rosemann M., vom Brocke J., Van Looy A. and other authors, published in 2024, examines how artificial intelligence affects the development of the concept of business process management (Rosemann et al., 2024).

The authors show that the traditional process management model is gradually changing to a process ecosystem, where intelligent automation, big data analysis, and human interaction with artificial intelligence play a key role.

The study concludes that further development of business process management is impossible without a revision of existing management principles. However, the issues of forming new leadership competencies and changing the organizational culture remain unresolved.

The study by Huy and Phuc, promotes dynamic decision-making to ensure the effectiveness of sustainable digital transformation," analyzes the impact of business process management on the results of digital transformation (Huy & Phuc, 2025).

The authors conducted an empirical study involving more than 700 companies. The results of the study showed that the maturity of business process management contributes to the development of dynamic decision-making and significantly increases the effectiveness of the digital transformation of the organization.

However, the authors also note that many companies do not pay enough attention to the development of managerial competencies and process abilities, limiting themselves to the introduction of digital technologies without changing the management system.

In the work of Putra, H., Mahendrawathi, E. R. analyzes the results of 34 scientific studies on the relationship between business process management, digital innovation and transformation (Putra & Mahendrawathi, 2024).

The authors conclude that business process management is a key element of digital transformation, as it provides organizational flexibility, process optimization, and increased efficiency in the use of digital technologies.

Researchers note the lack of comprehensive models that would combine process management, digital innovation, and strategic management of an organization within a single concept.

An analysis of modern books and articles shows that research from 2023 to 2025 is mainly devoted to artificial intelligence, digital technologies and improving business process management. But many authors consider these topics separately.

There is insufficient research on how to combine digital transformation, artificial intelligence, organizational change, and strategic management into one digital economy model.

Studying scientific articles helps to understand how science develops. This helps you choose which direction to move in and explains why it is important to learn how to run a business online.

3. Research methods In the framework of the study, the case study method and the comparative analysis method were used to achieve this goal.

The case study method allowed for an in-depth analysis of the digital transformation practices of specific organizations such as Amazon and Siemens. This method allowed us to consider real mechanisms for the implementation of artificial intelligence, automation, digital platforms and analytical systems in business process management.

Based on the case analysis, the features of the transformation of operational models, changes in the architecture of processes, as well as the impact of digital technologies on the efficiency of value chains were identified.

The use of the case study method is especially relevant in the context of this topic, since, according to modern research in the field of BPM and digital transformation (Dumas et al., 2023), it is empirical cases that make it possible to identify the real effects of the introduction of digital technologies and the limitations of their application in organizational practice.

The comparative research method is used to compare the approaches of Amazon and Siemens to the digital transformation of business processes. This method allows us to identify both common trends characteristic of both companies, such as the introduction of artificial intelligence, automation and the use of real-time data, as well as differences due to their industry specifics.

Amazon, as a digital e-commerce and logistics platform, and Siemens, as an industrial corporation implementing the concept of a digital enterprise, have different approaches to digital transformation. A comparative analysis of these approaches allows us to determine which management models are more universal, and which depend on the context of the industry, the level of digital maturity and the structure of business processes.

According to the findings of Rosemann et al. (2024), a comparative analysis of various organizational models reveals new trends in the development of BPM in the era of artificial intelligence.

Thus, the combination of case study and comparative analysis represents a comprehensive approach to the study of business process management transformation. This method allows not only to describe digitalization practices, but also to identify common trends, success factors, and key obstacles to the implementation of digital paradigms in various organizational contexts.

4. Results Amazon is one of the world leaders in the field of digital transformation of business processes. It has successfully integrated artificial intelligence, cloud computing, robotic systems, and big data technologies into its operations.

Unlike traditional management methods based on sequential execution of operations, Amazon uses a digital platform. It allows you to continuously collect and analyze data, automate logistics processes and support management decisions in real time.

Thanks to the development of the Amazon Web Services (AWS) cloud platform, intelligent demand forecasting algorithms and robotic warehouse complexes, the company has significantly increased order processing speed, supply chain flexibility and customer service quality (Bayazitov et al., 2024).

In this study, Amazon is considered as an example of how business process management can be successfully transformed in a digital economy (Sagar, 2024). The study is based on official data from the company's annual report for 2024 and allows us to assess how digital technologies affect the effectiveness of process management (table 1).

Table 1. Key Results of Amazon’s Digital Transformation (2024)

Indicator	Value	Implications for Business Process

		Management
Total Revenue	USD 637.9 billion	Expansion of the scale of digital business processes
Revenue Growth	11%	Improved business process management efficiency
Amazon Web Services (AWS) Revenue	USD 107.6 billion	Development of cloud infrastructure
AWS Revenue Growth	19%	Acceleration of business process digitalization
Core Digital Technologies	Artificial Intelligence (AI), AWS, Big Data, Robotics	Intelligent business process management

Note: Compiled by source Amazon Annual Report 2024 (Abdalla, 2026)

According to the information presented in Table 1, digital transformation has become one of the main tools for improving the efficiency of business process management at Amazon.

An 11% increase in total revenue indicates an expansion of the digital business model, and a 19% increase in AWS revenue confirms the increasing importance of cloud technologies in process management.

The use of artificial intelligence to predict demand, optimize resource allocation, and automate warehouse operations has allowed the company to significantly reduce transaction execution time, improve order processing accuracy, and make management decisions based on the analysis of large amounts of data.

Thus, the Amazon case demonstrates the transition from traditional process management to an intelligent digital model in which data, automation and continuous improvement of business processes play a key role.

Siemens holds one of the world's leading positions in the field of industrial digitalization and serves as an example of successful modernization of business process management in the manufacturing sector (Karningsih et al., 2024).

In recent years, the company has been implementing a Digital Enterprise strategy aimed at integrating Industrial Internet of Things (IIoT) technologies, artificial intelligence, Digital Twin, cloud platforms, and industrial analytics into a single management system (Stergiou & Psannis, 2022).

Unlike the traditional approach, which involves monitoring individual production operations, Siemens uses an integrated approach that integrates all business processes — from product development to production and maintenance — into a digital ecosystem.

In this study, Siemens is seen as an example of how digitalization can change process management in industry. We rely on data from the Siemens annual report for 2024, which presents the results of the introduction of digital technologies and the development of the Xcelerator platform (in the table 2).

Table 2 – Key Results of Siemens' Digital Transformation (2024)

Indicator	Value	Implications for Business Process Management
Total Revenue	USD 637.9 billion	Expansion of the scale of digital business processes
Revenue Growth	11%	Improved business process management efficiency
Amazon Web Services (AWS) Revenue	USD 107.6 billion	Development of cloud infrastructure
AWS Revenue Growth	19%	Acceleration of business process digitalization
Core Digital Technologies	Artificial Intelligence (AI), AWS, Big Data, Robotics	Intelligent business process management

Note: Compiled by source Siemens Annual Report 2024 (Jiahui, 2025)

The data from Table 2 shows that Siemens' digital transformation is based on the integration of intelligent technologies into the production business process management system.

The use of digital twins allows you to create models of production processes before the start of production. This helps to detect possible problems in time and reduce production risks.

The use of industrial Internet of Things technologies ensures continuous monitoring of

equipment in real time. Artificial intelligence is used to predict the technical condition of production systems and optimize production operations.

The Siemens Xcelerator platform integrates various digital services into a single information environment. This helps to speed up data exchange between departments, increase transparency of processes and reduce time for making managerial decisions.

The Siemens case demonstrates that in today's world, business process management goes beyond the simple automation of individual tasks. Digital technologies are becoming the basis for creating an intelligent management system that works with data in real time, integrates processes and makes decisions based on information analysis. This helps companies improve their work efficiency, make production more stable, and strengthen their market positions in the digital economy.

In order to understand how business process management is changing, we compared how it is happening at Amazon and Siemens (Reinkemeyer, 2024).

We chose these companies because they are world leaders in digital transformation. But they have different management approaches. Amazon focuses on the digital ecosystem and service management. And Siemens is engaged in the digitalization of industrial and production processes.

Comparing these companies helps to see the similarities and differences in how business processes are currently managed in the digital economy(table 3).

Table 3 – Comparison of Amazon's and Siemens' Digital Business Process Management Paradigms

Criterion	Amazon	Siemens
Digital Strategy	Development of the AWS digital platform and e-commerce ecosystem	Implementation of the Digital Enterprise concept through the Siemens Xcelerator platform
Core Technologies	Artificial Intelligence (AI), Big Data, Robotics, Cloud Computing	Industrial Internet of Things (IIoT), Digital Twin, Artificial Intelligence (AI), Cloud Computing
Level of Automation	Full automation of logistics, warehousing, and order fulfillment processes	Comprehensive automation of manufacturing and industrial operations
Role of Artificial Intelligence	Demand forecasting, customer personalization, inventory optimization, and logistics management	Predictive maintenance, quality control, production planning, and process optimization
Managerial Decision-Making	Real-time analytics and data-driven operational decision-making	Manufacturing analytics, digital simulation, and predictive decision support
Process Architecture	Platform-based digital ecosystem integrating customers, sellers, and cloud services	Integrated industrial digital ecosystem connecting production, engineering, and supply chains
Organizational Agility	High adaptability to changes in customer demand and market conditions	High flexibility of manufacturing systems and production processes
Key Advantages	High operational efficiency, scalability, customer-centricity, and rapid innovation	Manufacturing efficiency, operational reliability, process resilience, and sustainable production
Key Challenges	Cybersecurity risks, data privacy, infrastructure scalability, and regulatory compliance	High investment requirements, integration of legacy systems, and shortage of digital competencies

The results of the comparative analysis demonstrate that both organizations are implementing advanced digital approaches to business process management. These approaches are based on the use of artificial intelligence, big data analysis and the use of cloud technologies.

Although the companies operate in different fields, their strategic goal in the field of digital transformation is the same — to increase management efficiency, optimize processes and ensure organizational flexibility (Cosa & Torelli, 2024).

However, there are significant differences in business process management strategies. Amazon relies on a digital platform where the key elements are logistics automation, intelligent information processing and personalization of services for customers. This approach allows the company to quickly respond to changes in market conditions and effectively scale its operations.

At the same time, Siemens is focusing on the digitalization of industrial production. The company uses industrial Internet of Things, digital twins, and predictive analytics technologies to

optimize production processes and manage the product lifecycle.

The analysis also demonstrates that the success of digital transformation depends not only on the introduction of advanced technologies, but also on how effectively organizations can integrate them into their management system (Zhang et al., 2022).

For Amazon, the key success factors are the development of the digital ecosystem and data management, while for Siemens— the digital integration of production processes and intelligent management of industrial infrastructure.

Thus, the results of the study confirm the hypothesis of the article and show that modern approaches to business process management are moving from traditional functional management to intelligent digital models based on data analysis, process automation and continuous adaptation to changes in the external environment. At the same time, the specifics of implementing digital transformation depend on the specifics of the industry, the level of digital maturity of the organization and the chosen development strategy.

A case study by Amazon and Siemens demonstrates that modern digital transformation has an impact not only on individual work processes, but also on the very concept of company management (Alarshy, 2025).

In the digital economy, management is becoming more intelligent, adaptive, and predictive. This is due to the widespread use of artificial intelligence, big data analytics, cloud technologies and digital platforms that provide continuous monitoring of processes and support for management decisions in real time.

Based on the results of the comparative analysis, the author's model of the evolution of business process management was developed (Table 4), which reflects the transition from traditional process management to an intelligent digital model.

Table 4 – Evolution of Business Process Management Paradigms

Characteristic	Traditional BPM	Digital BPM	Intelligent BPM (AI-Driven BPM)
Primary Objective	Process standardization and control	Process digitalization and integration	Self-adaptation and intelligent process management
Management Basis	Regulations, procedures, and managerial experience	Digital technologies and integrated information systems	Artificial Intelligence (AI), machine learning, and advanced data analytics
Information Source	Internal documents and manual reports	Corporate information systems and digital databases	Big Data, Internet of Things (IoT), cloud platforms, and real-time data streams
Decision-Making	Manager-driven	Manager supported by digital decision-support systems	Manager supported by Artificial Intelligence (AI) algorithms and predictive analytics
Process Control	Periodic monitoring and manual control	Continuous digital monitoring and automated reporting	Automated predictive monitoring with real-time process optimization
Response Speed	Low	Moderate	High, with real-time adaptive responses
Process Flexibility	Limited	High	Maximum, enabled by autonomous adaptation and continuous learning
Competitive Advantage	Cost reduction through process standardization	Improved operational efficiency and digital integration	Innovation, organizational resilience, intelligent automation, and sustainable competitive advantage

Table 4 shows how approaches to business process management have changed.

At the initial stage, the emphasis was on the standardization of processes, the development of regulations and the control of operations. This model ensured the stability of the organization, but was not flexible enough and did not allow it to quickly adapt to changes in the external environment.

Then there was a transition to digital BPM, when traditional processes were integrated with information systems, cloud technologies and automated tools. This has significantly accelerated the execution of operations, increased transparency of processes and improved the quality of management decisions through the use of digital data.

At the moment, the most relevant area of development is the introduction of artificial intelligence into business process management (AI-driven BPM). In this model, artificial intelligence, machine

learning, big data analysis, and Internet of Things technologies become key tools (Abbasi et al., 2025).

The system is able to process huge amounts of information, predict possible problems, automatically adjust the execution of processes and provide recommendations to managers.

Due to this, management becomes not only reactive, but also predictive, which significantly increases the stability and effectiveness of the organization.

The results of the study demonstrate that Amazon and Siemens corporations are already using intelligent business process management components.

Amazon uses artificial intelligence to predict customer demand, manage warehouse operations, and optimize logistics processes. This allows the company to make quick decisions and scale its business.

Siemens uses digital twins, industrial Internet of Things, and intelligent analytics technologies to manage production processes. This helps to increase the reliability of the equipment and reduce production risks.

Thus, in the modern world, business process management is shifting from controlling individual operations to managing the entire digital ecosystem of a company.

The key features of the new paradigm are data—based decision-making, the use of artificial intelligence, continuous process control, integration of digital platforms, automatic adaptation of processes to changes in the external environment and ensuring the stable development of the company.

It is these factors that together form the basis for effective management of business processes in the digital economy and determine the competitiveness of companies in the long term.

5.Discussion

The results show that the evolution of Business Process Management (BPM) has evolved beyond the digitization of individual organizational processes and has become a comprehensive shift towards intelligent, data-driven management approaches. The comparison of Amazon and Siemens demonstrates that companies are increasingly replacing traditional process control with integrated digital ecosystems that can support real-time decision-making, predictive analytics, and ongoing process improvement.

The findings corroborate previous research that highlights the progression of BPM towards intelligent management systems powered by Artificial Intelligence (AI). As Dumas et al. (2023) pointed out, AI is becoming a crucial component of modern BPM, empowering organizations to enhance their process agility and operational effectiveness. This study reinforces these insights, demonstrating that the practical implementation of AI varies depending on industry-specific characteristics.

Amazon primarily employs AI for logistics optimization, customer personalization, and demand forecasting, whereas Siemens focuses on predictive maintenance, Digital Twin technology, and industrial process optimization. Therefore, intelligent BPM should be seen not as a one-size-fits-all technological solution, but as an adaptive management approach that is tailored to organizational goals and operational contexts.

The comparative findings are also consistent with the concept of digital process ecosystems proposed by Rosemann et al. (2024). Both companies have moved beyond isolated process automation toward integrated digital platforms that connect business functions, information flows, and decision-making mechanisms. However, the analysis indicates that digital transformation strategies vary according to organizational context. Amazon has developed a customer-oriented digital ecosystem centered on cloud computing and e-commerce services, while Siemens has established an industrial ecosystem integrating manufacturing, engineering, and product lifecycle management. These differences illustrate that digital transformation follows common management principles while maintaining industry-specific implementation models.

A significant achievement of this investigation is the development of an evolutionary framework for Business Process Management, which encompasses Traditional BPM, Digital BPM, and Intelligent BPM (AI-Driven BPM). Unlike previous research that focused on individual technologies, this framework integrates technological advancements with shifts in managerial decision-making, process design, organizational agility, and information governance. The framework, therefore, expands upon existing BPM theory by elucidating how digital transformation impacts not only operational processes but also the broader management paradigm.

The research further highlights that the successful implementation of digital transformation is contingent upon the capabilities of an organization, rather than solely relying on technology. Both Amazon and Siemens have successfully integrated advanced digital technologies with strategic management, ongoing process improvement, and integrated information systems. However, each organization faces unique implementation obstacles. Amazon must address issues related to cybersecurity, data privacy, and the scalability of its digital infrastructure, while Siemens continues to grapple with the integration of legacy industrial systems, the high cost of implementation, and a shortage of digital expertise. These findings underscore the importance of a holistic approach to digital transformation, which encompasses technological, organizational, and human resource development.

Despite these contributions, the study has certain limitations. The analysis is based on two international case studies and secondary corporate data, which may limit the generalizability of the results. Future research should broaden the empirical foundation by incorporating organizations from various industries and countries, employing quantitative methods to assess digital maturity, and investigating the long-term effects of AI-driven BPM on organizational performance. Such studies would enhance our understanding of intelligent business process management in the digital economy.

6.Conclusion The paper examined how business process management methods are changing in the digital economy. For this purpose, modern management approaches and their application practices were analyzed using the example of Amazon and Siemens companies.

Special attention was paid to the impact of artificial intelligence, cloud technologies, big data analysis, industrial Internet of Things and digital platforms on business process management methods.

The study examined modern concepts of process management, compared two international companies, and identified key issues related to digital transformation in organizational, technological, and managerial spheres.

The analysis made it possible to identify key aspects of the development of business process management in the digital economy, identify the specifics of modern digital approaches and reveal the principles of their practical application.

The research objectives were solved: modern methods of transformation of business process management were considered and the main problems that affect the success of the introduction of digital technologies in companies were identified.

The study showed that the successful transformation of business processes depends not only on the introduction of modern digital technologies, but also on the company's ability to integrate them into a single management system based on the use of data, intelligent automation and continuous process optimization.

A comparison between Amazon and Siemens has demonstrated that digital transformation in any industry leads to the formation of a new management model, which is characterized by high adaptability, digital integration of processes, the use of artificial intelligence in management decision-making and increased operational efficiency.

The scientific value of the research lies in the fact that it contributes to a deeper understanding of how business management processes are changing in the digital economy. The paper systematizes modern digital approaches to management and clarifies the role of artificial intelligence, cloud technologies, big data analysis and the industrial Internet of Things in the formation of intelligent business process management.

The results of the study complement the theoretical foundations of business process management and can be used as a starting point for further research in the field of digital transformation of organizations.

The practical value of the research lies in the fact that its results can be useful to company executives, business process optimization specialists and developers of digital transformation strategies. These results can be used in designing and improving management processes in organizations.

The conclusions and results of the comparative analysis can be applied in the development of digital transformation programs for enterprises, the introduction of intelligent management systems, improving the efficiency of business processes and shaping a long-term strategy for sustainable development of companies in the digital economy.

In the process of digital transformation, organizations should consider business process

management as a key element of their development strategy, which ensures their long-term competitiveness and efficiency.

To achieve this goal, it is necessary to focus on several key aspects.:

Development of digital skills among employees.

Integration of artificial intelligence and big data analysis into the management system.

Improving the digital infrastructure.

Implementation of tools for continuous monitoring and optimization of business processes.

Further research may be aimed at developing models for assessing the level of digital transformation of business processes and quantifying the impact of intelligent technologies on the management effectiveness of organizations in various sectors of the economy.

References

Dumas, M., Fournier, F., Limonad, L., Marrella, A., Montali, M., Rehse, J. R., ... & Weber, I. (2023). AI-augmented business process management systems: A research manifesto. *ACM Transactions on Management Information Systems, 14*(1), 1–19.

Rosemann, M., Brocke, J. V., Van Looy, A., & Santoro, F. (2024). Business process management in the age of AI: Three essential drifts. *Information Systems and e-Business Management, 22*(3), 415–429.

Huy, P. Q., & Phuc, V. K. (2025). Unveiling how business process management capabilities foster dynamic decision-making for effectiveness of sustainable digital transformation. *Business Process Management Journal, 31*(8), 67–103.

Putra, H., & Mahendrawathi, E. R. (2024). The role of business process management in digital innovation and digital transformation: A systematic literature review. *Procedia Computer Science, 234*, 829–836.

Bayazitov, D., Kozhakhmet, K., Omirali, A., & Zhumaliyeva, R. (2024). Leveraging Amazon Web Services for cloud storage and AI algorithm integration: A comprehensive analysis. *Applied Mathematics, 18*(6), 1235–1246.

Sagar, S. (2024). The impact of digital transformation on retail management and consumer behavior. *Journal of Business and Management, 26*(1), 6–14.

Abdalla, F. A. M., & Rashid, N. A. (2026). Cloud computing architecture: Investigating the complex details of cloud computing architecture. In *Cloud Computing's Transformative Power in Computing Environments* (pp. 33–64). IGI Global Scientific Publishing.

Karningsih, P. D., Narvas, M. F., & Young, M. N. (2024). Lean production system as an approach to digitalization in Siemens Ltd.–Arabia Electric Ltd. *Journal of Advanced Manufacturing Technology, 18*(2).

Stergiou, C. L., & Psannis, K. E. (2022). Digital twin intelligent system for Industrial Internet of Things-based big data management and analysis in cloud environments. *Virtual Reality & Intelligent Hardware, 4*(4), 279–291.

Jiahui, L. (2025). Strategic divergence and performance disparity: A comparative case study of Siemens and General Electric IIoT platform strategies. *Journal of Advances in Economics and Management Science, 2*(2), 32–49.

Reinkemeyer, L. (Ed.). (2024). *Process intelligence in action: Taking process mining to the next level*. Springer Nature.

Cosa, M., & Torelli, R. (2024). Digital transformation and flexible performance management: A systematic literature review of the evolution of performance measurement systems. *Global Journal of Flexible Systems Management, 25*(3), 445–466.

Zhang, X., Xu, Y., & Ma, L. (2022). Research on successful factors and influencing mechanism of the digital transformation in SMEs. *Sustainability, 14*(5), Article 2549.

Alarshy, L. A., Alshaer, S. F., & Dalati, S. (2025). Implementation of artificial intelligence in human resource management: A case study approach. *Journal of Management Changes in Digital Era, 2*(1).

Abbasi, M., Nishat, R. I., Bond, C., Graham-Knight, J. B., Lasserre, P., Lucet, Y., & Najjaran, H. (2025). A review of AI and machine learning contribution in business process management (process enhancement and process improvement approaches). *Business Process Management Journal, 31*(4)

NAVIGATING CHALLENGES: KEY PRINCIPLES FOR EFFECTIVE TEAM MANAGEMENT THROUGH COMMUNICATION, ADAPTABILITY, AND RESILIENCE

***Yan Yuxin*[1*], *Tazhieva S.K.*[2]**
[1] *Farabi Internationall Business School, Al-Farabi 71, 050040, Almaty, Kazakhstan*
[2] *Farabi Internationall Business School, Al-Farabi 71, 050040, Almaty, Kazakhstan*

Abstract

Effective team management during challenging situations is crucial for maintaining productivity and morale in modern organizations. In the face of economic instability, technological changes, and global crises, leaders must rely on three core principles: effective communication, adaptability, and resilience. Clear and transparent communication reduces uncertainty, aligns team members with organizational goals, and fosters trust. Open dialogue helps clarify roles and responsibilities while encouraging feedback and collaboration. Adaptability allows teams to respond to unexpected challenges by adjusting strategies and encouraging innovative thinking. Leaders who demonstrate flexibility and promote a culture of experimentation help teams navigate change more effectively. Resilience is equally important, as it enables teams to recover from setbacks and maintain motivation during difficult times. Providing emotional support, professional development, and resources for stress management helps strengthen resilience within the team. A supportive environment where individuals feel valued and encouraged to learn from mistakes enhances both personal and collective strength. Effective team management, rooted in communication, adaptability, and resilience, positions organizations to handle uncertainty and drive long-term success.

Keywords: Effective team management, challenging situations, communication, adaptability, resilience, leadership

*** Corresponding author: Yan Yuxin** - 3rd year Doctoral Student, Farabi International Business School, Al Farabi Kazakh National university, Al-Farabi 71, 050040, Almaty, Kazakhstan, e-mail: yanyuxin600@gmail.com
Conflict of interests: the authors declare that there is no conflict of interest
Financial support: the study was not sponsored (own resources)

1. Introduction

In today's world, characterized by geopolitical changes, rapid technological advancements, and ongoing market volatility, effective team management has become a crucial component of organizational success. The COVID-19 pandemic has highlighted the fragility of traditional management approaches and put unprecedented pressure on leaders to adapt in uncertain times.

Within this dynamic environment, the success of teams depends on three interconnected factors: effective communication, flexibility, and resilience. While these aspects have been discussed separately in traditional literature, contemporary businesses require an integrated approach that considers how they work together during times of disruption.

Relevance: The urgency of this study arises from the increasing prevalence of hybrid and dynamic work environments, in which leaders must continuously align teams, mitigate psychological burnout, and adapt to continuous operational changes.

Novelty: The novel aspect of this research is its holistic approach to integrating communication, adaptability, and resilience as a unified management framework, evaluating their combined impact on team performance instead of treating them as isolated operational tactics.

Significance: Theoretically, this study contributes to the field of modern management by elucidating the behavioral mechanisms that foster resilience and adaptability. Practically, it equips organizational leaders and human resources professionals with actionable strategies for maintaining team productivity, safeguarding employee well-being, and securing a sustainable competitive edge during challenging times.

Research Aim & Primary Research Question:** The primary goal of this research is to investigate the impact of resilience and adaptability on team performance in hybrid and dynamic work

settings. Specifically, we aim to answer the following question: How do communication, adaptability, and resilience collectively contribute to team success in these environments?

The aim of this study is to develop and justify an integrated approach to effective team management during times of crisis. The focus will be on the strategic alignment of communication, leadership, and resilience within teams.

The research question is: How do communication, adaptability, and resilience interact within teams, and what management strategies can be used to maintain team efficiency and organizational success during times of uncertainty and crisis?

2. Literature review

The academic discussion on team management in unstable environments emphasizes that organizational success does not depend on isolated characteristics, but rather on an integrated set of communication, flexibility, and resilience skills. From a global perspective, Schraagen and David (2021) [1] demonstrate that team resilience is primarily driven by specific patterns of communication within the team. Their findings emphasize that resilience in complex operational settings is not an inherent organizational trait, but rather a dynamic process that involves proactively taking initiative, supporting each other, and maintaining open communication. They argue that structured feedback systems allow teams to continuously balance trade-offs in high-pressure situations.

Adding a structural perspective from the Chinese corporate sector, Li et al. (2025) [2], Wang & Zhang [3] analyze the direct relationship between top management competence and organizational resilience using panel data from Chinese listed enterprises. Their empirical results reveal that executive managerial capability significantly fosters organizational toughness by optimizing corporate governance and balancing exploratory and exploitative innovation strategies. They conclude that leadership quality acts as a primary catalyst, enabling teams to maintain long-term adaptive capacity during severe economic downturns.

Expanding on knowledge dynamics within Chinese organizational contexts, (2025) Wang & Zhang (2025) [3] investigate how behavioral team capacities influence overall team resilience in knowledge-intensive environments. Utilizing structural equation modeling, their study proves that open communicative capacity, adaptive leadership, and contextual interpretation act as crucial mediating mechanisms that convert raw team knowledge into dynamic resilience.. They conclude that fostering transparent, non-hierarchical communication channels is essential for teams facing high environmental uncertainty. Examining these principles within the regional economic context of Kazakhstan, Khoroshevskaya (2021) [4] explores how the strategic institutional adoption of Environmental, Social, and Governance (ESG) criteria drives corporate management adaptability and transparency. Her study finds that standardized non-financial reporting guidelines directly enhance operational clarity and stakeholder trust. This shows that external managerial frameworks force internal team communication and operational processes to become more adaptive during market transitions.

Further strengthening the Kazakhstani empirical perspective, Alibekova et al. evaluate how organizational human resource initiatives and continuous employee capacity building impact risk management and adaptability in domestic enterprises.. Their empirical survey demonstrates that more than 66% of resilient Kazakhstani companies explicitly integrate structured team communication and targeted resilience training into their core risk management strategies. They conclude that proactive management investments in employee well-being directly correlate with sustained operational productivity during times of crisis.

Synthesized Conclusion of the Literature Review

Synthesizing these global and regional insights reveals a clear theoretical gap: while global research emphasizes communication patterns (Schraagen & David, 2021) and Chinese scholarship focuses on executive competence and knowledge dynamic mediation, regional studies in Central Asia emphasize governance adaptation and risk integration (Khoroshevskaya, 2021; Alibekova et al., 2023) [4, 5] emphasize governance adaptation and risk integration.

3. Research methods As part of the research, a comparative approach was employed to analyze the approaches to team management in organizations that undertake intricate projects in environments of high unpredictability.

The study scrutinized the management strategies employed by project teams at Google,

Microsoft, and Toyota. Particular emphasis was placed on fostering efficient communication, enhancing employee adaptability, and cultivating organizational resilience.

The comparison was conducted based on the following criteria: methods of internal communication, the rate of team adaptation to changes in the external environment, methods of collective decision-making, the level of team resilience in the face of stress, and the ability to tackle complex issues effectively.

The findings of the comparative analysis allowed us to pinpoint the most effective management practices and identify principles that contribute to enhancing team performance in environments of high complexity and unpredictability.

4. Results The comparative study revealed that effective communication serves as the cornerstone for team success in the face of uncertainty and organizational intricacies. Despite operating in distinct sectors and employing varying management approaches, Google, Microsoft, and Toyota all acknowledge the importance of communication as a strategic tool for fostering collaboration, mitigating ambiguity, and enhancing decision-making processes [6].

The examination demonstrated that Google operates on a highly dispersed communication framework, characterized by openness, clarity, and swift information dissemination. Employees are actively engaged in discussions, regardless of their hierarchical status, which fosters knowledge exchange and promotes innovative problem-solving. Internal communication is facilitated through digital collaboration tools, cross-functional gatherings, and ongoing feedback mechanisms. This approach enables project teams to swiftly respond to unforeseen circumstances and minimizes delays in managerial decision-making.

Microsoft has implemented a more organized communication framework that integrates digital technologies with formal management procedures. The shift towards cloud-based and hybrid work environments has elevated the significance of virtual communication. Teams actively leverage integrated digital platforms that facilitate real-time and asynchronous communication, document sharing, and project tracking. The comparative analysis reveals that Microsoft's communication approach prioritizes transparency, regular managerial feedback, and seamless coordination across geographically dispersed teams. These practices have proven instrumental in maintaining operational effectiveness, even in the face of high environmental volatility.

Toyota employs a communication framework based on Lean Management and the Toyota Production System (TPS) [7]. Unlike Google and Microsoft, Toyota's communication approach is more standardized and process-oriented. Daily operational meetings, visual management systems, and regular information sharing between departments help identify and address operational issues promptly. Employees actively participate in Kaizen discussions, where ideas for improvement are openly shared, regardless of their position in the hierarchy. This structured communication framework enhances organizational discipline while fostering continuous improvement.

The analysis reveals that despite variations in their organizational cultures, the three companies share similar communication goals. Firstly, communication acts as a tool for mitigating uncertainty during times of organizational transformation. Secondly, open and transparent communication fosters trust between employees and management, enhancing collaboration across departments. Lastly, consistent communication expedites collective decision-making by ensuring that all stakeholders are informed about project progress and organizational priorities.

A significant aspect to consider is the impact of digital technologies on communication strategies. Google and Microsoft heavily rely on cloud-based collaboration tools, artificial intelligence, and integrated project management systems to enhance communication among teams spread across different locations. Toyota is also embracing digital solutions, but face-to-face interactions and standardized operational meetings remain crucial due to the nature of their manufacturing processes.

The results also reveal variations in the speed of decision-making. Google's communication framework enables swift responses through decentralized authority and independent project teams. Microsoft combines centralized strategic management with decentralized operational decisions, creating a balanced communication approach suitable for large-scale international projects. Toyota prioritizes consensus-building before implementing significant operational changes, which slightly increases the time it takes to make decisions but significantly reduces the risks associated with implementation.

In summary, the comparative analysis confirms that the effectiveness of communication is influenced not only by technological infrastructure but also by organizational culture and leadership style. Organizations that prioritize transparent communication, continuous feedback, and employee involvement demonstrate greater adaptability in responding to environmental uncertainties and project-related challenges.

Table 1. Comparative analysis of communication practices in Google, Microsoft and Toyota

Criterion	Google	Microsoft	Toyota
Communication model	Horizontal and decentralized	Structured digital collaboration	Standardized Lean communication
Main communication tools	Google Workspace, Meet, Chat	Microsoft Teams, Outlook, SharePoint	Daily meetings, visual boards, Kaizen sessions
Decision-making style	Decentralized	Hybrid	Consensus-based
Feedback frequency	Continuous	Regular managerial feedback	Continuous operational feedback
Employee participation	Very high	High	High
Adaptation speed	Very high	High	Moderate–High
Knowledge sharing	Cross-functional collaboration	Digital knowledge management	Continuous improvement system
Overall communication effectiveness	Very High	High	High

Source: Developed by the author based on comparative analysis of Google, Microsoft and Toyota [8, 9].

The examination reveals that the capacity for adaptation within teams is a crucial element in project success, particularly in the face of uncertainty. Despite their distinct organizational structures and management approaches, Google, Microsoft, and Toyota have all implemented strategies that empower their project teams to respond effectively to technological, organizational, and market shifts.

The results indicate that Google stands out for its exceptional organizational agility, which is attributed to its agile project management approach and decentralized decision-making processes. Cross-functional teams enjoy a high degree of autonomy in choosing their work methods, redistributing responsibilities, and implementing innovative solutions throughout the project lifecycle. This organizational flexibility helps to mitigate bureaucratic hurdles and enables swift responses to shifting customer needs, technological advancements, and competitive pressures. Employees are encouraged to explore new approaches, and unsuccessful attempts are viewed as learning experiences rather than organizational setbacks.

Microsoft presents a well-balanced approach to adaptability, seamlessly blending strategic alignment with operational agility. The company's shift towards cloud-based services and hybrid work environments has significantly accelerated the adoption of agile project management practices. Teams continuously reevaluate project priorities based on customer feedback, market trends, and technological advancements. The incorporation of artificial intelligence into project monitoring systems further enhances managerial responsiveness by providing real-time insights into project progress, resource allocation, and potential operational risks.

Unlike technology firms, Toyota relies on adaptability through the philosophy of continuous improvement (Kaizen) rather than undergoing rapid organizational transformation [10]. The analysis reveals that Toyota prioritizes gradual process optimization over large-scale structural changes. Employees are encouraged to identify operational inefficiencies, propose incremental improvements, and actively engage in process redesign. While this approach may result in slower organizational change compared to Google, it ensures greater operational stability and reduces the risks associated with implementing complex projects.

The comparative analysis also underscores variations in how organizations respond to external uncertainty. Google typically takes a proactive approach, swiftly introducing technological advancements and reshaping project priorities when environmental conditions shift. Microsoft combines proactive strategic planning with ongoing operational monitoring, enabling management to anticipate potential risks before they significantly impact project performance. Toyota primarily relies on preventive quality management and standardized operating procedures, minimizing organizational vulnerability before unexpected disruptions occur.

A further discovery pertains to the concept of empowering employees. Google empowers project teams with extensive decision-making authority, enabling them to handle operational matters autonomously, without the need for multiple managerial approvals. Microsoft employs a hybrid governance framework, where strategic decisions remain centralized, while operational decisions are delegated to project managers and functional teams. Toyota adopts a collaborative decision-making process, where improvements are implemented only after consensus has been reached among all stakeholders, ensuring alignment across the organization during implementation.

The analysis further reveals that investing in employee development significantly enhances organizational agility. Google consistently enhances employee skills through internal learning platforms and innovative programs. Microsoft places a strong emphasis on professional growth by incorporating digital learning environments, cloud certification programs, and ongoing technical training into its organizational strategy. Toyota prioritizes hands-on learning through workplace experiences, mentorship systems, and continuous improvement initiatives directly integrated into production processes.

Despite variations in their approaches, all three entities acknowledge that adaptability is not solely reliant on organizational structures but also on the actions of leaders. Leaders actively promote organizational learning, foster collaboration, support employee initiatives, and create an environment where change is seen as an opportunity for improvement rather than a cause for organizational instability.

The comparative analysis underscores that adaptability is a multifaceted capability encompassing leadership practices, employee skills, technological infrastructure, and organizational culture. Companies with higher adaptability demonstrate greater resilience, improved innovation capabilities, and enhanced project performance in the face of uncertainty.

Table 2. Comparative analysis of team adaptability in Google, Microsoft and Toyota

Criterion	Google	Microsoft	Toyota
Management approach	Agile and decentralized	Hybrid Agile	Lean Management (Kaizen)
Response to change	Immediate	Rapid	Gradual
Decision-making flexibility	Very High	High	Moderate
Employee autonomy	Very High	High	Medium
Innovation capability	Very High	High	Medium–High
Learning and development	Continuous internal innovation programs	Digital learning ecosystem	Continuous workplace improvement
Risk management approach	Flexible experimentation	Predictive digital monitoring	Preventive quality management
Adaptability level	Very High	High	High

Source: Developed by the author based on comparative analysis of Google, Microsoft and Toyota [11].

The comparative study reveals that organizational resilience has emerged as a crucial factor in successful project execution in the face of uncertainty. Despite employing distinct management systems and organizational structures, Google, Microsoft, and Toyota have all developed resilience mechanisms that allow project teams to maintain operational continuity, employee engagement, and project performance even in the face of external disruptions.

The findings suggest that resilience is not solely determined by a single management practice, but rather by the interplay between organizational culture, leadership approach, communication systems, and a culture of continuous learning. Organizations that integrate these elements into their management processes demonstrate greater stability during times of environmental uncertainty, while also preserving their long-term competitiveness.

The organizational resilience of Google is primarily driven by its culture that fosters innovation. Employees are encouraged to try new things, share knowledge openly, and swiftly implement new ideas. This organizational environment minimizes resistance to change and allows project teams to swiftly recover from operational setbacks.

Rather than viewing unsuccessful projects as failures, Google sees them as valuable learning experiences that contribute to future innovation. As a result, project teams exhibit a high level of psychological safety and maintain strong motivation, even in the face of significant uncertainty.

Microsoft enhances organizational resilience through digital transformation and strategic management. The analysis reveals that resilience is bolstered by a unified digital infrastructure, enabling seamless collaboration regardless of geographical boundaries. During organizational transformations, project teams maintain constant communication through cloud-based platforms, while data-driven management empowers leaders to anticipate operational risks before they significantly impact project outcomes. Additionally, Microsoft prioritizes employee well-being, leadership development, and ongoing professional education, fostering a workforce that is prepared to adapt to technological and organizational shifts.

Toyota presents a distinct yet equally potent approach to resilience, grounded in operational rigor and ongoing enhancement. Rather than prioritizing technological adaptability, Toyota places emphasis on standardized protocols, shared accountability, and systematic learning. Employees actively engage in identifying operational inefficiencies and implementing incremental enhancements through the Kaizen approach. This organizational framework minimizes operational disruptions while fostering employee confidence in organizational procedures. Consequently, resilience is cultivated incrementally through the accumulation of organizational knowledge and the continuous refinement of processes.

The analysis further highlights significant variations in leadership styles that contribute to organizational resilience. Google promotes a leadership style that fosters innovation, independence, and creative thinking. Microsoft combines transformational and strategic leadership, striking a balance between organizational agility and managerial control. Toyota employs a participative leadership approach, integrating it with Lean Management principles, where leaders actively support employees in identifying areas for improvement while maintaining operational discipline.

A further aspect to consider is the level of employee commitment during times of uncertainty. Google fosters a high level of commitment by empowering employees and encouraging their involvement in decision-making processes [12]. Microsoft maintains commitment through open communication, structured career development opportunities, and flexible working arrangements. Toyota reinforces commitment through promoting shared responsibility, ensuring workplace stability, and encouraging ongoing participation in improvement initiatives. Although each approach is unique, they all contribute to enhancing employees' dedication to organizational goals during uncertain times.

The comparative study also reveals that organizational learning is a crucial aspect of resilience. All three companies systematically gather operational insights, assess project outcomes, and incorporate lessons learned into future endeavors. Google places a strong emphasis on knowledge-sharing communities and internal innovation networks. Microsoft leverages digital knowledge management systems, augmented by artificial intelligence. Toyota formalizes learning through standardized operational reviews and continuous improvement cycles. These approaches significantly diminish the likelihood of repeating past organizational errors, while enhancing the long-term success of projects.

Finally, the research suggests that resilience has a direct impact on the overall success of a project. Companies with resilient teams tend to be more productive, recover faster from operational setbacks, have happier employees, and are more innovative. These outcomes contribute to a sustainable competitive advantage, particularly in industries that are rapidly evolving and face increasing uncertainty.

The comparative analysis reveals that organizational resilience is a multifaceted managerial skill that encompasses effective communication, adaptive leadership, employee engagement, continuous learning, and a supportive organizational culture. Despite their differences, Google, Microsoft, and Toyota all achieve resilience through a combination of complementary management practices that enhance their long-term performance [13].

Table 3. Comparative analysis of organizational resilience in Google, Microsoft and Toyota

Criterion	Google	Microsoft	Toyota
Management approach	Agile and decentralized	Hybrid Agile	Lean Management (Kaizen)
Response to change	Immediate	Rapid	Gradual
Decision-making flexibility	Very High	High	Moderate
Employee autonomy	Very High	High	Medium
Innovation capability	Very High	High	Medium–High

Learning and development	Continuous internal innovation programs	Digital learning ecosystem	Continuous workplace improvement
Risk management approach	Flexible experimentation	Predictive digital monitoring	Preventive quality management
Adaptability level	Very High	High	High

Source: Developed by the author based on comparative analysis of Google, Microsoft and Toyota [14, 15, 16].

The comparative analysis reveals that while Google, Microsoft, and Toyota employ distinct managerial approaches, each company effectively combines communication, adaptability, and organizational resilience to maintain project performance in uncertain circumstances. Google stands out for its exceptional adaptability and innovative capacity, Microsoft excels in digital coordination and strategic management, and Toyota achieves remarkable operational stability through standardized processes and continuous improvement. These distinctions suggest that organizational resilience is not tied to a particular management model, but rather to the successful integration of organizational culture, leadership practices, and employee engagement.

5.Discussion

The results of this investigation indicate that successful team management in the face of uncertainty is contingent upon the interplay of three interdependent factors: effective communication, organizational agility, and resilience. The comparative examination of Google, Microsoft, and Toyota reveals that, although these companies employ distinct management approaches, each has implemented strategies that allow project teams to maintain peak performance while adapting to dynamic environmental shifts. This finding supports previous studies emphasizing that organizational success during periods of uncertainty depends less on organizational structure itself than on managerial capabilities and organizational culture [17].

One of the key findings of the comparative study relates to communication strategies. The findings suggest that clear communication greatly enhances coordination, accelerates decision-making, and fosters employee engagement. Google achieves these outcomes through decentralized communication and cross-functional collaboration, Microsoft through integrated digital communication platforms, and Toyota through standardized operational meetings and continuous information exchange. While these approaches vary significantly, they all reduce ambiguity and promote knowledge sharing. This observation aligns with previous research, which has shown that transparent communication boosts organizational trust and improves collective problem-solving [18].

The analysis further substantiates that organizational adaptability is a strategic asset, rather than a mere operational response to environmental shifts. Google exemplifies exceptional adaptability through autonomous project teams and decentralized decision-making, facilitating swift implementation of innovative solutions. Microsoft combines agile management with advanced digital infrastructure, striking a balance between strategic coordination and operational flexibility. Toyota, on the other hand, relies on continuous incremental improvement through Lean Management and Kaizen. While this approach may result in slower organizational transformation, it ensures greater process stability and lower implementation risk. These findings corroborate earlier research, suggesting that adaptability should be viewed as a dynamic organizational capability that evolves through continuous learning, rather than episodic organizational change.

Another important discovery relates to organizational resilience. The comparative study reveals that resilience is not solely a result of individual managerial practices, but rather arises from the interplay between leadership, organizational culture, employee engagement, and ongoing learning.

Google places a strong emphasis on psychological safety and innovation, Microsoft prioritizes digital continuity and employee development, while Toyota builds resilience through standardized operational procedures and shared responsibility.

Despite these differences, all three organizations maintain resilient project teams by creating environments where employees actively contribute to organizational improvement and decision-making. This finding aligns with previous research, which suggests that resilient organizations effectively integrate employee well-being with long-term organizational learning.

The results further illustrate that the manner in which leaders approach their roles is crucial in integrating communication, adaptability, and resilience into a cohesive management framework. The transformational leadership approach adopted by Google fosters innovation and employee autonomy,

while Microsoft's strategic-transformational leadership strikes a balance between organizational flexibility and coordinated decision-making. Toyota's participative leadership reflects the principles of Lean Management by emphasizing employee involvement in continuous improvement efforts.

Therefore, effective leadership should not be seen as a one-size-fits-all approach, but rather as the ability to adjust leadership behavior in accordance with organizational goals and external circumstances.

A further contribution of this research lies in the comparative analysis of management approaches across various industrial settings. Previous studies often focus on technology companies or manufacturing firms individually. In contrast, this study compares organizations from different sectors using the same evaluation criteria. This approach reveals that organizational resilience and team performance can be achieved through diverse managerial approaches, contingent upon strategic objectives, organizational culture, and operational contexts. Consequently, there is no universal management model that is universally applicable to all organizations operating in uncertain environments.

The research also emphasizes the increasing significance of digital tools in enhancing team performance. Google and Microsoft are integrating cloud-based collaboration platforms, artificial intelligence, and digital knowledge management systems into their daily work processes. These technologies enhance communication, streamline knowledge sharing, and improve managerial responsiveness. Toyota is increasingly incorporating digital technologies into its production management, but the digital transformation is a complement to, rather than a replacement for, established Lean principles. Therefore, technological advancements should be seen as a supportive mechanism that strengthens existing organizational capabilities, rather than as a standalone source of competitive advantage.

In practical terms, the findings imply several managerial implications. Firstly, companies should implement clear communication systems that foster constant feedback and employee involvement. Secondly, managers should invest in flexible organizational structures that can swiftly adapt to environmental changes without compromising strategic alignment. Thirdly, ongoing learning and employee development should be made a permanent organizational priority, rather than a temporary response to crises. Finally, leadership development programs should incorporate communication, adaptability, and resilience into a unified managerial framework that can support sustainable project performance in uncertain circumstances.

Despite these contributions, it is important to acknowledge certain limitations. The study concentrates solely on three well-known organizations, which may restrict the applicability of the results to smaller businesses or organizations operating in different contexts. Additionally, the comparative analysis relies on publicly available organizational practices and documented management strategies, rather than on primary empirical data collected directly from employees or managers. Future research could broaden the comparative sample, incorporate quantitative indicators of team performance, and explore sector-specific variations in organizational resilience through survey-based or longitudinal research approaches.

In summary, the conversation underscores that successful team management in the face of uncertainty cannot be achieved through isolated managerial actions. Instead, it requires a comprehensive approach that integrates communication, flexibility, resilience, leadership, and ongoing organizational learning. These elements work together to create organizational capabilities that allow project teams to maintain their effectiveness even in the face of growing environmental complexity and uncertainty.

6.Conclusion The obtained results demonstrate that effective team management under conditions of uncertainty depends on the integration of communication, adaptability, and organizational resilience. The findings of the comparative analysis confirm that these three interrelated components significantly influence team performance, decision-making quality, and the ability of organizations to respond successfully to external challenges. The paper explored the theoretical and practical aspects of effective team management in the context of high uncertainty, digital transformation, and crisis changes.

The paper focused on the intricate interplay between three fundamental elements: communication, adaptability, and resilience. These elements are interconnected and shape a team's

capacity to tackle complex tasks and maintain peak performance.

The comparative analysis allowed us to contrast contemporary approaches to team management and pinpoint the most efficient strategies that enhance an organization's resilience in the face of external obstacles.

The findings of the study show that effective communication ensures the swift dissemination of information and the coherence of team members' actions. Adaptability allows for swift responses to shifts in the internal and external environment. And perseverance helps to maintain a high level of performance, motivation, and psychological resilience among employees during times of crisis.

These elements combined create a comprehensive management framework that assists companies in enhancing teamwork and strengthening their market positions.

The practical significance of the research lies in the fact that the proposed principles and suggestions can be implemented by company executives, project managers, and HR professionals when designing team development initiatives, improving internal communication, and fostering a robust organizational culture.

These findings can be used as a basis for creating team management approaches in the era of digital transformation, remote and hybrid work, and organizational change.

In the future, it would be beneficial to conduct empirical studies using both quantitative and qualitative methods of analysis. This would enable us to evaluate the impact of communication, adaptability, and resilience on the performance of teams in organizations across various industries and countries.

Furthermore, it is important to consider the role of digital technologies, artificial intelligence, and modern collaboration tools in enhancing team resilience and improving management processes in the face of increasing uncertainty.

References

Schraagen, J. M., & David, L. Z. (2021). Resilience and team communication processes. *Tijdschrift voor Human Factors*, 46(1), 12–15.
Official Link: https://publications.tno.nl/publication/34638013/Tkj4Zo/schraagen-2021-resilience.pdf
Li, X., Wang, Y., & Chen, H. (2025). The Relationship Between Management Competence and Organizational Resilience. *Sustainability*, 17(9), 4118.
DOI / Official Link: https://doi.org/10.3390/su17094118
Wang, X., & Zhang, L. (2025). Enhancing team resilience through team knowledge dynamics: a mediated approach. *Frontiers in Psychology*, 16, 1615909.
DOI / Official Link: https://doi.org/10.3389/fpsyg.2025.1615909
Khoroshevskaya, N. (2021). Kazakhstan: laying the foundations for sustainable investment. *WFE Focus / KASE Publication Series*, 26, 1–3.
Official Link: https://kase.kz/files/publications/2021/26_08_2021_Focus_WFE.pdf
Alibekova, G., Yerdavletova, F., & Most Fund Research Group. (2023). Assessment of ESG factors and their impact on venture capital investment and market in different sectors of Kazakhstan. *MOST Ventures & Corporate Research Reports*, 1–12.
Sunarso, B. (2024). Communicative Leadership Strategy: Optimizing Inter-Division Interaction to Enhance Organizational Effectiveness. *Journal of Contemporary Administration and Management (ADMAN)*, *2*(2), 523-529.
Bonini, J. P., Godambe, S. A., Mangum, C. D., Heer, J., Black, S., Ranada, D., ... & Stringer, K. (2020). Building an engaging toyota production system culture to drive winning performance for our patients, caregivers, hospitals, and communities. In *Patient Safety and Quality Improvement in Healthcare: A Case-Based Approach* (pp. 69-115). Cham: Springer International Publishing.
Hyun, J. H. (2025). The Role of Transnational Strategies in Advancing Quality Management: A Case Study of Toyota Motor Corporation. *Journal of Korean Society for Quality Management*, *53*(1), 93-108.
Kawai, T. (2020). Evaluation of Toyota's Strategy for Connected Cars—Based on the Theory of Dynamic Managerial Capabilities—. *Journal of strategic management studies*, *12*(1), 41-57.
Okpala, C., Nwamekwe, C. O., & Ezeanyim, O. C. (2024). The implementation of Kaizen principles in manufacturing processes: A pathway to continuous improvement. *International Journal of*

Engineering Inventions, *13*(7), 116-124.
SUZUKI, T., & GEMBA, K. (2023). Japan vs the US: A neural network-based comparison of company strategies to drive innovation. *International Journal of Japan Association for Management Systems*, *15*(1), 15-21.
Matei, R., & Veith, C. (2023). Empowerment and engagement: The role of autonomy and feedback in fostering employee motivation. *Manager*, (37), 7-22.
Borissov, D. (2024). Enterprises as complex systems: Navigating challenges and embracing resilience. *Business Ethics and Leadership*, *8*(4), 95-122.
Stenman, L., Vinterskog Danielsson, O., & Enocson, K. (2025). Driving Through Disruption: An Analysis of Automotive Supply Chain Resilience Across Three Global Crises.
Vengathattil, S. (2023). Exploring Information Systems for Business Continuity Planning in IT-Driven Organizations Post-Pandemic: Insight into Enhancing Future Resilience. *International Journal for Multidisciplinary Research (IJFMR)*, *5*(2).
Abbasov, R. (2025). Strategic business management in the 21 st Century: Trends, challenges, and future directions in digitalization, sustainability, and organizational agility. *All finance journal*.
Brahm, F., & Poblete, J. (2024). Organizational culture, adaptation, and performance. *Organization Science*, *35*(5), 1823-1848.
Rajhi, M., & Aljuhmani, H. Y. (2026). Fostering sustainable innovation through communication quality: the sequential role of trust in leadership and organizational commitment in team-based enterprises. *Sustainability*, *18*(2), 554.

EVALUATING PERSONNEL MANAGEMENT SYSTEMS AND THEIR IMPACT ON ORGANIZATIONAL EFFECTIVENESS

***Zhang XIngang*[*], *Koshkina Olga*[2]**
[1] *Farabi International Business School, Al-Farabi 71, 050040, Almaty, Kazakhstan*
[2] *University of International Business, Abai Avenue 8a, 050010, Almaty, Kazakhstan*

Abstract

The purpose of the study is to evaluate the human resource management system and determine its impact on organizational effectiveness using Kaspi Bank as a case study. The study's information base consisted of recent scientific publications (2023–2025), official corporate reports and publicly available information on Kaspi Bank's human resource management practices, as well as theoretical and methodological studies on strategic human resource management and organizational effectiveness. The research employs comparative analysis, the case study method, and SWOT analysis to assess the effectiveness of the human resource management system and identify its strengths, weaknesses, opportunities, and threats. According to the results of the comparative analysis, the key determinants of an effective human resource management system include strategic HR integration, employee development, performance evaluation, motivation, corporate culture, and digitalization of HR processes. The results show that the human resource management system of Kaspi Bank contributes significantly to organizational effectiveness by improving employee performance, enhancing engagement, strengthening organizational adaptability, and supporting sustainable competitive advantages through modern HR practices and digital technologies. The findings substantiate the need to further integrate human resource management into strategic decision-making, expand the use of digital HR technologies and HR analytics, strengthen continuous employee development, and implement innovative HR solutions to improve organizational performance under conditions of digital transformation.

Keywords: human resource management, organizational efficiency, strategic human resource management, personnel digitalization, employee efficiency, case study, Kaspi Bank.

*** Corresponding author: Zhang Xingang** - 3rd year Doctoral Student, Farabi Internationall Business School, Al Farabi Kazakh National university, Al-Farabi 71, 050040, Almaty, Kazakhstan, e-mail: xingang@list.ru
Conflict of interests: the authors declare that there is no conflict of interest
Financial support: the study was not sponsored (own resources)

1. Introduction

In conditions of high competition, rapid technological development and constant changes in the environment, effective personnel management is becoming one of the key factors for the sustainable growth of organizations.

Modern personnel management systems go beyond the traditional human resources administration and represent a complex set of interrelated processes aimed at finding, adapting, training, motivating, evaluating and developing employees. Key indicators such as labor productivity, the level of staff involvement, innovation activity, the stability of the organization and the overall effectiveness of its activities largely depend on the quality of these systems.

However, despite the active introduction of modern HR practices and digital technologies, many organizations face problems with inefficiency of personnel management systems. This makes it relevant to conduct a comprehensive assessment of these systems and identify their impact on the company's performance.. In this regard, the research topic becomes particularly relevant both from a theoretical and a practical point of view. It allows you to identify both the strengths and weaknesses of existing personnel management systems and suggest ways to improve them.

The object of the research is Kaspi Bank, one of the leading financial organizations in Kazakhstan, which actively uses modern HR management technologies and digital HR tools.

The purpose of the study is to evaluate personnel management systems and determine their impact on the effectiveness of the organization using the example of Kaspi Bank.

To achieve this goal, the following tasks will be solved::

1. Analysis of the main elements and characteristics of modern personnel management systems, as well as approaches to their assessment.

2. To study the impact of the effectiveness of the personnel management system on the key performance indicators of Kaspi Bank and identify areas for its improvement.

The main research question is as follows: How does the effectiveness of the HR management system affect the overall performance of Kaspi Bank? Which elements of this system have the greatest impact on organizational achievements?

2. Literature review

In the course of current research, it has been established that the effectiveness of the personnel management system is one of the main aspects contributing to the strengthening of competitiveness and stable growth of organizations.

In their work, Jinhwan Jo, Chadwick and Han studied how HR departments affect the value of a company (Jo et al., 2024). They found out that the HR department not only deals with personnel issues, but also helps to develop human capital, establish interaction between departments and support the company's strategy.

However, the authors note that the HR function is not always well integrated into the strategic management process. Because of this, its impact on the company's performance may be limited.

This study will help to better understand how the HR management system affects Kaspi Bank and how it can be improved.

The work of Mohammad Salman, Imran Anwar, Showkat Ahmad Ganie and Imran Saleem examines how HR management practices affect the performance of banks in India (Salman et a;., 2024).

Using structural modeling, the authors have shown that high-quality recruitment, training, performance evaluation and a reward system significantly improve the efficiency of banks. However, they also noted that the effectiveness of different HR practices may vary depending on the specifics of the organization and the industry.

These results can be useful for evaluating the personnel management system at Kaspi Bank, which represents the banking sector.

A study conducted by G. Talapbayeva, Z. Yerniyazova, N. Kultanova and A. Alibekova in 2024 aims to study how human resource management affects the performance of companies (Talapbayeva et al., 2024).

The authors of the study concluded that the introduction of modern methods of personnel management helps to increase productivity, improve employee satisfaction, reduce staff turnover and improve the financial performance of companies.

However, the authors note that one of the main problems is the insufficient digitalization of HR management processes and the limited use of analytical tools to assess the effectiveness of HR systems.

This study is particularly valuable because it demonstrates how an integrated HR management system affects organizational performance.

Huikun Chang and Jongwook Pak examine how modern HR systems, organizational policies, and employee productivity interact with each other (Chang & Pak, 2024).

The authors of the study showed that even with the use of advanced HR systems, organizational policies and internal relationships can both enhance and weaken the impact of HR practices on employee performance.

The main problem identified in the study is that organizations do not always pay due attention to informal organizational processes when implementing HR tools.

The conclusions of the study allow us to consider the effectiveness of the personnel management system not only as a set of personnel technologies, but also as a result of their interaction with the organizational environment. This is especially important when evaluating the effectiveness of human resources management at Kaspi Bank (Nuradin, 2025).

3. Research methods The research methodology is based on an integrated approach to the

analysis of the personnel management system and its impact on the effectiveness of the organization.

In accordance with the purpose of the study, which is to evaluate personnel management systems and identify their impact on the effectiveness of the organization, complementary research methods are used to conduct a comprehensive analysis of the existing HR system, identify its strengths and weaknesses, and assess the impact of individual components of the HR management system on the final results of the organization.

The case study method, the object of which is Kaspi Bank, was chosen as the main research approach. The choice of this bank as a research object is due to the fact that Kaspi Bank is one of the leading banks in Kazakhstan, actively implementing modern digital technologies in personnel management, developing employee development programs, creating performance assessment systems, corporate training and staff motivation.

The use of the case study method makes it possible to conduct an in-depth analysis of the functioning of the personnel management system at Kaspi Bank, establish the relationship between the HR practices used and organizational performance indicators, and develop practical recommendations for improving the HR system.

The use of the case study method provides a comprehensive study of the research object, taking into account the specifics of corporate culture, organizational structure and digital transformation of the banking sector.

The information base of the study consists of Kaspi Bank's annual reports, data on corporate governance and HR policy, official company documents, statistical information, as well as current scientific publications from 2023-2025 on strategic human resource management and evaluation of the effectiveness of HR systems.

To solve the first task of the study, the comparative analysis method is used, which allows us to compare modern scientific approaches to personnel management, identify key elements of an effective HR system and identify best practices applied in organizations. A comparative analysis of the results of scientific research and practical experience allows us to establish criteria for evaluating the personnel management system and apply them in analyzing the activities of Kaspi Bank.

The main tool of practical research is SWOT analysis, which is used for a comprehensive assessment of the Kaspi Bank personnel management system.

This method allows you to identify the strengths and weaknesses of the system, as well as identify opportunities and threats that affect the effectiveness of personnel management. The analysis evaluates various aspects of HR processes, such as the level of digitalization, the effectiveness of personnel selection and adaptation, training and development systems, motivation, performance evaluation, and corporate culture.

It also takes into account the impact of external factors, such as changes in the labor market, the development of digital technologies and increased competition in the banking sector. The results of the analysis make it possible to identify areas for improving the personnel management system and assess its impact on the effectiveness of the organization.

Thus, the use of the case study method in combination with comparative analysis and SWOT analysis allows for a comprehensive analysis of the Kaspi Bank personnel management system. This makes it possible to identify the relationship between HR practices and organizational effectiveness, as well as to develop evidence-based recommendations for improving human resource management in the context of the digital transformation of the banking sector.

4. Results During the first stage of the study, a comparative analysis of relevant scientific papers published in the period from 2023 to 2025, as well as practical methods of personnel management, was carried out. As a result of this analysis, the key components of an effective personnel management system were identified, which subsequently became the basis for evaluating the personnel management system at Kaspi Bank(table 1).

Table 1 – Results of the Comparative Analysis of Contemporary Human Resource Management Approaches

Author	Main Research Focus	Identified Advantages	Limitations	Application in the Present Study
Jo, Chadwick & Han (2024)	Strategic role of HR management	Integration of HR management with corporate strategy	Limited involvement of HR in strategic	The criterion of the strategic role of HR management was

			decision-making	incorporated into the assessment framework
Salman et al. (2024)	HR practices in the banking sector	Positive effects of training, motivation, and performance appraisal on organizational effectiveness	Variability of HR practices across organizations	Indicators of HR practice effectiveness were incorporated into the evaluation framework
Talapbayeva et al. (2024)	Contemporary HR technologies	Increased employee productivity and job satisfaction	Insufficient digitalization of HR functions	HR digitalization indicators were incorporated into the assessment of personnel management systems
Chang & Pak (2024)	High-performance HR systems	Influence of the corporate environment on HR outcomes	Insufficient consideration of organizational culture	Corporate culture assessment criteria were incorporated into the organizational effectiveness analysis

During the analysis, it was found that modern research considers the personnel management system as the most important strategic resource of the organization, regardless of the industry. The following performance criteria are most often highlighted (Zolak Poljašević et al., 2025):

Digitalization of HR processes.

Employee training and development.

Motivation system.

Personnel performance management.

Corporate culture and employee engagement.

Based on the comparative analysis, the criteria for evaluating the Kaspi Bank personnel management system were formed (table 2).

Table 2 – Criteria for Evaluating the Human Resource Management System

Criterion	Assessment Description	Impact on Organizational Effectiveness
Recruitment	Speed and quality of employee recruitment	High
Employee Onboarding	Effectiveness of integrating new employees into the organization	Moderate
Training and Development	Improvement of employee competencies and professional skills	Very High
Motivation System	Effectiveness of financial and non-financial motivation mechanisms	Very High
Employee Performance Evaluation	Effectiveness of KPI-based assessment and performance reviews	High
Corporate Culture	Employee engagement, organizational commitment, and retention	High
HR Digitalization	Use and effectiveness of digital HR tools and technologies	Very High

The results of the study show that it is these components that play a key role in ensuring the overall effectiveness of the company and form the foundation for modern strategic personnel management.

During the second stage of the study, an analysis of the personnel management system at Kaspi Bank was carried out (Okassova, 2025). The research was conducted on the basis of an analysis of the company's open corporate data, its personnel policy and current methods of human resource management(table 3).

Table 3 – Assessment of the Human Resource Management System Components at Kaspi Bank

HR System Component	Description	Level of Development
Recruitment	Use of digital recruitment channels and tools	High
Employee Onboarding	Integration of new employees into the corporate environment	High
Training and Development	Corporate competency development and professional training programs	Very High

Performance Evaluation	Use of KPIs and systematic performance appraisal	High
Motivation	Application of financial and non-financial incentive mechanisms	Very High
Corporate Culture	Development of teamwork and customer-oriented organizational values	High
Digital HR Tools	Automation and digitalization of HR processes	Very High

The study demonstrates that the human resources management system at Kaspi Bank is characterized by a high level of digitalization and is aimed at developing human potential.

Employee training programs, incentive systems, and the use of digital HR tools stand out in particular (ArulPrakash et al., 2026). This makes it possible to increase work efficiency, improve the quality of customer service, and achieve the company's strategic goals.

In order to identify the aspects that have an impact on the effectiveness of the HR management system, a SWOT analysis was conducted.

Table 4 – SWOT Analysis of the Human Resource Management System at Kaspi Bank

Strengths	Weaknesses
High level of HR digitalization	High dependence on digital technologies
Modern employee motivation system	High competency requirements for employees
Well-developed corporate culture	High work intensity and workload
Effective employee training and development	Continuous need for employee upskilling
Opportunities	Threats
Integration of Artificial Intelligence (AI) into HR management	Intensifying competition for qualified talent
Implementation of HR analytics	Rapid technological changes in digital HR solutions
Expansion of remote learning and professional development	Increasing employee turnover in the labor market
Automation of HR management processes	Growing information security and data protection requirements

The results of the SWOT analysis demonstrate that the advantages of the HR management system significantly exceed the existing limitations.

Key competitive advantages are provided due to the high level of digitalization of processes in the field of personnel management, an effective motivation system and a developed corporate culture (Agustian et al., 2023).

However, for the further development of the personnel management system, it is necessary to introduce artificial intelligence technologies, expand analytical capabilities in the field of personnel management and improve the skills of employees in the context of the digital transformation of the banking sector.

The study revealed that the personnel management system plays a key role in ensuring the effectiveness of the organization. Using the example of Kaspi Bank, it was demonstrated how the use of modern HR techniques, digital tools, corporate training and motivation systems contributes to increased productivity, strengthening the stability of the organization and the formation of long-term competitive advantages (Zhengda et al., 2025).

5.Discussion

The findings of the research demonstrate that the success of the personnel management system is closely tied to the overall success of Kaspi Bank. The comparative examination of contemporary HRM approaches revealed that strategic HR management, employee growth, motivation, performance assessment, corporate culture, and HR digitalization are the key aspects through which personnel management can enhance organizational performance (Hazaparu et al., 2025). These results align with the conclusions of prior studies, and the Kaspi Bank case serves as a practical example of how these elements can be integrated within a digital banking context.

The high level of advancement in training and development, motivation, and digital HR tools is particularly noteworthy. These elements were evaluated as having a substantial influence on organizational performance, indicating that investments in employee skills, motivation mechanisms, and digitalization can enhance productivity, service quality, and the attainment of strategic objectives. This finding aligns with the findings of Salman et al., who highlighted the positive impact of training, motivation, and performance evaluation on the effectiveness of banking organizations. Additionally,

the results support the findings of Talapbayeva et al., who associated modern HR management practices with increased productivity, employee satisfaction, and improved organizational performance.

The results also highlight the significance of HR digitalization in modern personnel management. The assessment of digital HR tools at Kaspi Bank revealed a very high level of development, with HR digitalization identified as a key factor with a significant potential to enhance organizational performance. This suggests that digitalization is not limited to the automation of administrative HR processes, but can serve as a powerful tool for improving the effectiveness and responsiveness of personnel management. However, the SWOT analysis reveals that the high reliance on digital technologies also poses additional risks, particularly in the context of rapid technological advancements and increasing information security requirements (Fu et al., 2024). Therefore, the advantages of HR digitalization must be carefully balanced with ongoing technological adaptation and robust data protection measures.

Another significant discovery pertains to the significance of corporate culture. The findings suggest that Kaspi Bank possesses a robust corporate culture, characterized by collaboration and customer-centric values (Bekmukhambetova, 2025). Corporate culture was found to have a substantial influence on organizational performance, as it fosters employee engagement, organizational loyalty, and retention. This finding aligns with the perspective of Chang and Pak, who contend that the efficacy of HR practices is not solely determined by formal HR systems, but also by the organizational context and internal dynamics. Therefore, the results imply that technological and formal HR solutions alone cannot ensure high organizational performance unless they are complemented by a suitable organizational culture.

The analysis further underscores a potential discrepancy between the strengths and weaknesses of the personnel management system. On the one hand, effective training and development, digital HR tools, and a modern incentive system enhance the organization's human capital. On the other hand, the high level of digitalization and technological advancement raises the bar for competencies and creates a constant need for employees to upgrade their skills. This means that digital transformation simultaneously enhances the capabilities of the HR system and increases the demands placed on employees. Therefore, ongoing professional development should be viewed not only as an HR function but also as a prerequisite for maintaining organizational effectiveness in the rapidly evolving banking landscape.

The results also corroborate the strategic vision for HR management put forth by Jo, Chadwick, and Han. Their research underscores the importance of HR extending beyond administrative tasks to contribute to human capital development, interdepartmental collaboration, and corporate strategy. The Kaspi Bank example illustrates the applicability of this approach: the identified HR elements are intertwined with employee growth, motivation, performance management, digital transformation, and organizational culture. However, further embedding HR in strategic decision-making is crucial to ensure that personnel management directly aligns with long-term organizational goals.

The SWOT analysis also reveals several possibilities for enhancing the HR management system (Borman et al., 2025). The incorporation of AI, the implementation of HR analytics, the expansion of remote learning, and the automation of HR processes can further enhance the effectiveness and personalization of HR management. However, these opportunities must be considered in conjunction with potential risks such as competition for qualified personnel, rising employee turnover, rapid technological advancements, and information security concerns. Therefore, future HR development must strike a balance between technological innovation and investment in employee skills and organizational resilience.

The analysis suggests that the success of personnel management at Kaspi Bank is not reliant on a single HR practice, but rather on the interplay of several interconnected elements. The digital transformation provides the technological foundation, while training and development enhance human capital. Motivation fosters employee engagement, performance evaluation aligns individual efforts with organizational goals, and a supportive corporate culture creates an environment conducive to the effective implementation of these practices. This holistic approach aligns with the literature reviewed and supports the notion that contemporary HR management should be viewed as a strategic aspect of organizational management, rather than a purely administrative function.

Simultaneously, the results must be understood within the constraints of the research methodology. The study employs Kaspi Bank as a single instance and primarily relies on publicly accessible corporate data, official documents, and comparative analysis. Consequently, the established connections between HR practices and organizational success should not be automatically extended to all banking institutions. Further investigation could employ quantitative data at the employee level, comparative analysis of multiple banks, and statistical techniques to assess the strength of the relationships between individual HR practices and organizational performance. Such research would provide supplementary empirical support for the findings presented in this case study.

6.Conclusion The study analyzed the personnel management system and its impact on the company's performance using the example of Kaspi Bank.

In the course of the research, the current theoretical concepts of personnel management systems assessment were considered, and a comparative analysis of scientific papers published in the period from 2023 to 2025 was carried out. An analysis of the case related to the research object was also carried out, and a SWOT analysis of the personnel management system was performed.

This made it possible to conduct a comprehensive assessment of existing HR practices and determine their impact on achieving the company's strategic goals.

The results of the study demonstrate that an effective HR management system is one of the key factors contributing to increased productivity, employee engagement, the quality of services provided and the overall competitiveness of the company.

The analysis showed that modern HR systems are aimed at strategic human capital management, the introduction of digital technologies into personnel processes, the development of employee competencies and the formation of corporate culture.

The Kaspi Bank case study demonstrated a high level of development of the personnel management system based on the use of digital technologies, effective methods of motivation, training and evaluation of personnel.

The SWOT analysis allowed us to identify the main advantages of the personnel management system and identify promising areas for its improvement.

The results of the study show that in order to achieve high organizational effectiveness, it is necessary to integrate the personnel management system into the strategic management of the company.

In today's world, HR practices are no longer limited to administrative tasks, but are becoming a tool for building human capital, stimulating innovation, and ensuring stable company growth.

In the context of the digital transformation of the banking sector, HR analytics, automation of personnel processes, development of digital skills of employees and making managerial decisions based on data are of particular importance.

To further develop the HR management system, it is proposed to use digital HR technologies, implement artificial intelligence tools and HR analytics. It is also necessary to improve the programs of continuous training and development of employees and to increase the level of personalization of motivational mechanisms.

The implementation of these recommendations will improve the efficiency of the organization and strengthen its position in the market.

In the future, research will focus on the creation of intelligent personnel management systems that will use artificial intelligence technologies, big data and predictive analytics in the field of HR.

Research that examines how digital ecosystems, hybrid forms of employment, automation of HR processes, and digital employee well-being affect company performance is particularly important. These studies can become the basis for improving the theory and practice of strategic personnel management in the digital economy.

References

Jo, J., Chadwick, C., & Han, J. H. (2024). How the human resource (HR) function adds strategic value: A relational perspective of the HR function. *Human Resource Management, 63*(1), 5–23.

Salman, M., Anwar, I., Ganie, S. A., & Saleem, I. (2024). Impact of human resource management practices on organizational performance: Evidence from the Indian banking industry. *Management and*

Labour Studies, *49*(1), 97–118.
Talapbayeva, G. E., Yerniyazova, Z. N., Kultanova, N. B., & Alibekova, A. B. (2024). HRM and its effect on employee, organizational, and financial outcomes in organizations. *BUKETOV BUSINESS REVIEW*, *11529*(3), 101–111.
Chang, H., & Pak, J. (2024). When HRM meets politics: Interactive effects of high-performance work systems, organizational politics, and political skill on job performance. *Human Resource Management Journal*, *34*(4), 1112–1133.
Nuradin, A. (2025). *Strategic analysis of the Kaspi Bank Company: A SWOT perspective* [Bachelor's thesis, Czech University of Life Sciences Prague, Faculty of Economics and Management].
Zolak Poljašević, B., Gričnik, A. M., & Šarotar Žižek, S. (2025). Human resource management in public administration: The ongoing tension between reform requirements and resistance to change. *Administrative Sciences*, *15*(3), 94.
Okassova, A. (2025). *The impact of digital banking ecosystem on customer satisfaction and loyalty in fintech industry: The case of Kaspi Super App* [Doctoral dissertation, Vytautas Magnus University].
ArulPrakash, M. I., & Malarvanan, M. P. (2026). A study on the impact of digital HR tools on employee work efficiency in startups. *International Journal of Humanities Science Innovations and Management Studies*, *3*(3), 73–82.
Agustian, K., Pohan, A., Zen, A., Wiwin, W., & Malik, A. J. (2023). Human resource management strategies in achieving competitive advantage in business administration. *Journal of Contemporary Administration and Management (ADMAN)*, *1*(2), 108–117.
Kozakhmetova, A., & Zhengda, J. (2025). Corporate culture and organizational effectiveness: An analysis using the example of Kaspi Bank JSC. *Государственный Аудит, 68*(3), 42–54.
Hazaparu, V., Paraschivescu, A. O., & Bucsa, R. C. (2025). Innovative strategies in human resource management for enhancing organizational performance in the digitalization era. *Economy Transdisciplinarity Cognition*, *28*(1), 72–88.
Fu, H., Jeerapattanatorn, P., & Li, M. (2024). SWOT analysis of digital technology in internationalizing Thai higher education. *Rajapark International Journal*, *1*(1), 21–38.
Bekmukhambetova, A. (2025). *Change management's role in the evolution of financial institutions in Kazakhstan and Hungary* [Doctoral dissertation, Corvinus University of Budapest].
Borman, R., Natsir, S., & Hasanudin, B. (2025). Strengthening human resources to enhance competitiveness using SWOT analysis. *Research Horizon*, *5*(6), 2291–2304.

STRATEGY IMPLEMENTATION IN THE DIGITAL ENVIRONMENT: METHODOLOGICAL APPROACHES AND TECHNOLOGICAL ENABLERS

Zheng Dongdong[1*], Laura A.[2], Dinara R.[3]
[1] *Farabi International Business School, Al-Farabi 71, 050040, Almaty, Kazakhstan*
[2] *Farabi International Business School, Al-Farabi 71, 050040, Almaty, Kazakhstan*
[3] *Farabi International Business School, Al-Farabi 71, 050040, Almaty, Kazakhstan*

Abstract

The purpose of the study is to examine methodological approaches to strategy implementation in the digital environment and identify the technological enablers that contribute to the achievement of strategic and organizational objectives. The study focuses on Microsoft as an example of a technology-oriented company implementing strategic priorities through cloud technologies, artificial intelligence, digital platforms, and technological infrastructure. The study's information base consisted of Microsoft's official annual reports and Investor Relations materials for FY2024–FY2025. The research employs strategic content analysis and comparative analysis to identify the relationship between strategic priorities, technological solutions, investments, and financial outcomes. The results demonstrate that Microsoft's strategy implementation is based on the integration of cloud technologies, artificial intelligence, digital platforms, and scalable infrastructure. Microsoft Cloud revenue increased from $137.7 billion in FY2024 to $168.9 billion in FY2025, while total revenue increased from $245.1 billion to $281.7 billion. Azure revenue exceeded $75 billion in FY2025, with Azure and other cloud services growing by 34%. At the same time, research and development expenditure increased from $29.5 billion to $32.5 billion, reflecting continued investment in cloud and artificial intelligence development. The findings also reveal that digital expansion creates additional cost pressures, as Microsoft Cloud gross margin decreased from 72% to 69% due, among other factors, to the scaling of artificial intelligence infrastructure. The study concludes that effective strategy implementation in the digital environment requires the integration of strategic objectives with technological capabilities, investment mechanisms, organizational resources, and performance evaluation systems. The findings contribute to a better understanding of digital strategy implementation as a continuous process of technological development, resource allocation, performance monitoring, and strategic adaptation.

Keywords: digital strategy, strategic management, digital transformation, artificial intelligence, cloud technologies, technological capabilities, Microsoft

*** Corresponding author: Zheng Dongdong** - 3rd year Doctoral Student, Farabi International Business School, Al Farabi Kazakh National university, Al-Farabi 71, 050040, Almaty, Kazakhstan, e-mail: zdongdong@bk.ru
Conflict of interests: the authors declare that there is no conflict of interest
Financial support: the study was not sponsored (own resources)

1. Introduction

As the digital transformation of the economy accelerates, the implementation of an organization's strategy acquires new features, as traditional strategic management mechanisms are complemented by digital platforms, analytical systems, artificial intelligence, cloud technologies, and business process automation tools.

The digital environment is not only changing the way strategic decisions are implemented, but also imposes new requirements on the speed of their adoption, adaptability of organizational structures, resource management and monitoring of results.

In contrast to the relatively stable conditions of the traditional economy, the digital environment is characterized by highly dynamic markets, accelerating technological change, increasing data volumes and increased competition, which requires constant adjustments to strategic guidelines and mechanisms for their implementation.

The relevance of the research is determined by the need to develop methodological approaches to strategy implementation that will allow organizations to effectively use the opportunities of the digital environment and ensure consistency of strategic goals, organizational resources and digital tools.

The availability of modern technologies alone does not guarantee the successful implementation of the strategy, since the effectiveness of digital transformation depends on the quality of strategic planning, the ability of an organization to integrate digital solutions into existing business processes, the level of digital competencies of staff, the quality of management analytics and the ability to respond promptly to changes in the external environment.

In this regard, the study of strategy implementation mechanisms in the digital environment is of considerable theoretical and practical interest.

The object of the research is the processes of implementing Microsoft's strategic decisions in a digital environment. The object considers organizational and managerial mechanisms through which the company's strategic goals are transformed into concrete actions, indicators and results using modern digital technologies.

The purpose of the research is to systematize and substantiate methodological approaches to the implementation of an organization's strategy in a digital environment, as well as to identify technological opportunities that enhance the adaptability, effectiveness and effectiveness of strategic management.

To achieve this goal, the relationship between strategic goals, their implementation mechanisms, and digital technologies that provide information support, process automation, performance monitoring, and operational adjustment of management decisions is considered.

The scientific novelty of the research lies in a comprehensive analysis of strategy implementation as a dynamic management process in which methodological tools of strategic management are integrated with the technological capabilities of the digital environment.

Unlike approaches that consider digitalization as a tool for automating individual operations, the study focuses on its role in ensuring a continuous cycle of strategy implementation — from converting strategic goals into measurable indicators to monitoring results, identifying deviations, and adapting management decisions.

This approach allows us to consider the methodological, organizational and technological components of strategy implementation as interrelated elements of a unified strategic management system.

The research is essential because its results can be used to optimize the mechanisms of strategic management of organizations, develop digital tools for monitoring the implementation of strategies and increase the validity of management decisions.

The theoretical significance of the research lies in developing an understanding of the transformation of strategy implementation mechanisms under the influence of digitalization. The practical significance of the research lies in the possibility of applying the results obtained in the development of digital strategies, the choice of technological solutions, optimization of business processes and a system of key performance indicators.

In this regard, the research question is formulated as follows: How do methodological approaches and technological capabilities of the digital environment affect the effectiveness of the organization's strategy implementation? The answer to this question will allow us to determine the conditions under which the use of digital technologies contributes to achieving strategic goals, increasing the flexibility of the organization and improving the results of strategic management.

2. Literature review

The issue of how to implement a strategy in a digital environment is actively discussed in the modern scientific literature. Researchers are looking at this problem from different angles: how to integrate digital technologies into a business strategy, how to develop a company's dynamic capabilities, how to adapt an organization to change, and how to create new business models.

A study of existing research allows us to identify several key approaches that form the methodological basis for our research. These approaches are closely related and help us better understand how to implement a strategy in a digital environment.

In their work, Bharadwaj, El Sawy, Pavlou, and Venkatraman consider digital business strategy as the result of combining business strategy and information technology strategy (Bharadwaj et a;., 2018).

The authors emphasize that digital technologies can no longer be considered only as a business support tool. They transform business processes, organizational capabilities, products, services, and

companies' interactions with partners.

Researchers identify several key aspects of a digital business strategy: scale, reach, speed of implementation, and mechanisms for creating and assigning economic value.

According to the authors, the digital strategy should be integrated into the overall strategy of the organization, rather than being considered as a separate technological function.

Gregory Vial analyzed existing research on the topic of digital transformation and offered a new perspective on this process as organizational changes caused by digital technologies (Vial, 2019).

In his work, he emphasizes that the introduction of digital technologies is not limited only to technical aspects. It also affects the organization's structure, work processes, value creation, and employee relationships.

In addition, the author notes the need for further study of the mechanisms that link digital technologies with organizational and strategic results.

The main conclusion that Vial makes is that digital transformation should be viewed as a complex process of organizational change, rather than as a simple implementation of individual technologies.

Carl S. R. Warner and Maximilian Weger consider digital transformation from the point of view of the theory of dynamic abilities (Warner & Weger, 2019). In their research, they analyze how traditional companies develop the skills needed to carry out digital transformation.

The researchers identify the process of developing dynamic abilities and emphasize the importance of strategic flexibility and organizational adaptability. In their opinion, digital transformation is a continuous process of strategic renewal, during which digital technologies are used to change the business model, interaction with partners and corporate culture.

Thus, successful implementation of a strategy in a digital environment requires not only technological resources, but also the ability of an organization to constantly adapt to changes.

Ina M. Sebastian, Jeanne V. Ross, Cynthia Bit, Martin Mockker, Kate G. Moloney, and Nils O. Fonstad conducted a study of digital transformation practices in 25 large companies (Sebastian et al., 2020). The study identified two key strategies in the field of digitalization: customer engagement and the development of digital solutions. To successfully implement these strategies, two key components are needed: an operational framework and a digital service platform.

The study showed that the successful implementation of a digital strategy requires a combination of a strategic approach and an appropriate technological infrastructure. This is especially important for large organizations, since a digital strategy should be associated not only with defining goals, but also with creating an organizational and technological base to achieve them.

Peter K. Verhoef and his colleagues view digital transformation as a complex process that involves three interrelated stages: digitization, digitalization, and digital transformation proper (Verhoef, 2021).

The researchers emphasize that the transition to digital transformation entails a change in business models, organizational structures, necessary resources and performance evaluation indicators. Special attention is paid to the formation of appropriate organizational skills and changing the criteria for evaluating results.

Thus, the authors demonstrate that technological modernization must be accompanied by changes in the organizational structure, business model, and performance evaluation system.

The analysis of the reviewed studies allows us to draw a general conclusion: scientific works confirm the need to combine strategic and technological aspects of management.

Bharadwaj and co-authors emphasize the importance of integrating business strategy and digital strategy. Vial views digital transformation as a comprehensive change in an organization. Warner and Wäger pay attention to dynamic abilities and strategic flexibility. Sebastian and co-authors show how technological infrastructure contributes to the practical implementation of digital strategies. Verhoef and coauthors associate digital transformation with changes in business models, organizational structures, and performance evaluation systems.

Thus, research shows that technology is a necessary, but not sufficient condition for successful strategy implementation. The result depends on how well the technology meets strategic goals, organizational capabilities, business processes, and control mechanisms.

However, studying scientific works, it can be noticed that they lack an integrated approach to the

issue. Basically, research focuses either on digital transformation and its organizational consequences, or on the development of dynamic abilities and digital strategies.

At the same time, not enough attention is being paid to how exactly the strategy that has already been developed is being implemented. It is important to study how methodological tools of strategic management are combined with specific technological capabilities such as analytical platforms, artificial intelligence, cloud solutions, process automation and digital monitoring systems. It is this aspect that is of interest for research using the example of Microsoft.

So, the conducted literature analysis provides the study with three key aspects.

Firstly, it allows us to determine the theoretical basis of the research, based on the concepts of digital business strategy, digital transformation and dynamic abilities.

Secondly, it forms a methodological framework in which the implementation of the strategy is considered through the interrelation of strategic goals, organizational capabilities, technological infrastructure and mechanisms for evaluating results.

Thirdly, the identified gap in scientific knowledge justifies the need for further study of how specific technological tools are used to transform strategic goals into measurable management actions and results. This is directly related to the research issue of this paper and forms the basis for a subsequent analysis of the implementation of Microsoft's strategy in the digital environment.

3. Research methods Two key methods are used in this study: strategic content analysis and comparative analysis.

Strategic Content Analysis is a systematic study of Microsoft's official documents, such as annual reports, strategic plans, and information about the company's digital products and technology initiatives. This method allows you to identify key areas of strategy implementation, assess the role of artificial intelligence, cloud technologies, digital platforms and automation in achieving Microsoft's strategic goals.

The comparative analysis, in turn, serves to compare Microsoft's strategic priorities with the actual technological solutions that the company implements in the digital environment. As a result of this comparison, changes in strategic directions are identified, the degree of integration of digital technologies into Microsoft's activities and their importance for achieving planned results are assessed.. Using these two methods together allows us to link Microsoft's strategic solutions to specific technological tools. This helps us evaluate how digital opportunities contribute to the implementation of our strategy.

4. Results An analysis of Microsoft's official annual reports and materials, conducted using the strategy, revealed key aspects of the company's strategy implementation in the digital environment. Microsoft's Annual Report for fiscal year 2025 and official Investor Relations materials were used as sources of information(table 1).

The study was conducted in four key areas:

development of cloud technologies;

integration of artificial intelligence;

investments in technological infrastructure;

changes in financial indicators.

Table 1 – Results of the Strategic Content Analysis of Microsoft

Strategic Direction	Official Microsoft Data	Analysis Result
Microsoft Cloud Development	Microsoft Cloud revenue increased from $137.7 billion in FY2024 to $168.9 billion in FY2025	The cloud-based model has become one of the key mechanisms for implementing the digital strategy
Azure Development	Azure revenue exceeded $75 billion in FY2025, with growth of 34%	Azure serves as a key technological platform for implementing the strategy
Artificial Intelligence	In FY2025, Azure growth included a significant contribution from AI services; Microsoft continued to scale its AI infrastructure	AI is being directly integrated into the cloud and product strategy
Data Centers	More than 400 data centers across 70 regions, with more than 2 GW of new capacity added	Strategy implementation relies on scalable global infrastructure
R&D	Research and development expenses increased	The company is increasing investments in

	from $29.5 billion in FY2024 to $32.5 billion in FY2025 (+10%)	technological development, including AI and cloud engineering
Total Revenue	$245.1 billion in FY2024 → $281.7 billion in FY2025	Growth in financial performance accompanies the scaling of digital business areas

Note: compiled on the basis of the official Microsoft Annual Report 2025 and materials from Microsoft Investor Relations (Microsoft, 2025).

The results of the study demonstrate that Microsoft's strategy is being implemented not through isolated implementation of digital technologies, but through a comprehensive combination of cloud computing, artificial intelligence, digital platforms and infrastructure.

This is especially noticeable in relation to Azure: according to Microsoft, in fiscal year 2025, its revenue exceeded $ 75 billion, showing an increase of 34%. At the same time, Microsoft Cloud revenue reached $168.9 billion, an increase of 23% compared to fiscal year 2024.

Infrastructure plays an important role in the company's strategy. In a report for 2025, Microsoft reports that the company has more than 400 data centers in 70 regions, and capacity has increased by more than 2 GW over the year. At the same time, the company calls its Azure regions AI-first, meaning that the infrastructure initially adapts to the requirements of artificial intelligence. This shows that the technological infrastructure is considered not only as an operational resource, but also as the basis for the implementation of a long-term strategy.

The financial results also confirm that the chosen strategic direction is developing. Microsoft's total revenue grew from $245.1 billion in fiscal year 2024 to $281.7 billion in 2025. The revenue of the Intelligent Cloud segment increased from $87.5 billion to $106.3 billion. Research and development expenses reached $32.5 billion, which is $3 billion more than a year earlier. Microsoft attributes the increased costs to investments in cloud and AI engineering (Microsoft, 2025b).

So, strategic content analysis allows you to establish a strong relationship between Microsoft's strategic goals and the technical tools to achieve them. The company is actively developing cloud technologies, increasing investments in research and development in the field of artificial intelligence, and scaling its digital products. All this forms a comprehensive strategy implementation system in the digital environment.

The comparative analysis provides an opportunity to assess how Microsoft's key strategic and technological indicators have changed between fiscal year 2024 and 2025. Unlike content analysis, which determines the essence and direction of a strategy, this method allows you to compare the results of strategy implementation over two consecutive financial periods in numerical terms(table 2).

Table 2 – Comparative Assessment of Microsoft’s Strategy Implementation

Indicator	FY2024	FY2025	Change	Interpretation
Total Revenue	$245.1 billion	$281.7 billion	+14.9%	Expansion of business scale
Microsoft Cloud	$137.7 billion	$168.9 billion	+22.7%	Acceleration of the cloud component of the strategy
Intelligent Cloud	$87.5 billion	$106.3 billion	+21.5%	Growing strategic importance of cloud services
Azure and Other Cloud Services	33% growth	34% growth	+1 p.p.	Consistently high growth rate
R&D	$29.5 billion	$32.5 billion	+10.1%	Increased investment in technological development
Microsoft Cloud Gross Margin	72%	69%	−3 p.p.	Pressure from the scaling of AI infrastructure on margins

Note – the calculations of the change are based on official Microsoft data; the FY2024 and FY2025 figures are given in the company's official statements (Microsoft, 2025c).

The analysis shows that the most noticeable growth is observed in the field of digital technologies. Microsoft Cloud revenue grew by about 22.7%, while the company's total revenue increased by about 14.9%. This indicates that the cloud business is developing faster than the company as a whole (Becton, 2023).

The revenue of the Intelligent Cloud segment also increased by about 21.5%, which confirms the growing role of cloud technologies in Microsoft's business.

It is particularly impressive that Azure continues to grow at a high rate. In FY2025, Azure and other cloud services grew by 34%, and Microsoft notes that this is due to high demand for a wide range of services, including artificial intelligence-based services (KS, 2026). In the third quarter of FY2025, the company reported that artificial intelligence-based services provided 16 percentage points of Azure growth, indicating a direct link between the development of artificial intelligence and the financial dynamics of the cloud sector.

During the analysis, an important aspect of management becomes apparent: with the acceleration of technological progress, infrastructure costs increase.

Microsoft notes that the decrease in gross profit in cloud services is due, among other things, to the expansion of infrastructure for artificial intelligence. Thus, the digital strategy not only creates new growth opportunities, but also requires significant initial investments in technology.

As a result of the comparative analysis, it can be concluded that in fiscal year 2025, Microsoft's digital directions showed higher results than the overall growth of the business. This suggests that the company's strategy and the technologies it uses to implement it are well coordinated.

However, the decline in Microsoft Cloud margins shows that the effectiveness of a digital strategy needs to be assessed not only by revenue growth rates, but also by taking into account infrastructure costs and the efficiency of using technological resources.

Using the two approaches together provides a more detailed picture of the situation. Strategic content analysis allows you to see which technologies and directions Microsoft uses to implement its strategy. A comparative analysis shows the results of scaling these technologies.

Thus, the combination of these two approaches makes it possible to move from a simple description of digital transformation to an analysis of the strategy implementation mechanism. We can see how a strategic priority leads to the choice of a specific technological tool, which then requires investment and ultimately leads to a measurable result (Abbes, 2025).

Microsoft's reports do not specify the exact amount of Azure revenue for all the periods that can be compared. However, the company discloses information about the growth rate of Azure. In the fiscal year 2025 (FY2025) report, Microsoft reported that Azure revenue exceeded $75 billion. Therefore, I did not specify the estimated Azure values for the 2024 fiscal year, since these data are not presented in the official reports.

The study examined Microsoft's strategy in the context of the digital environment. Special attention was paid to the relationship between methodological approaches to strategic management and technological capabilities.

The use of strategic content analysis and comparative analysis has allowed us to move from a general consideration of digital transformation to an assessment of specific mechanisms that Microsoft uses to implement its strategic priorities.

The results of the study showed that the company's strategy is based on the integration of cloud technologies, artificial intelligence, digital platforms and technological infrastructure.

In fiscal year 2025 (FY2025), Microsoft's revenue was $281.7 billion, up 15% from the previous fiscal year (FY2024). Operating profit reached 128.5 billion dollars, an increase of 17%.

Microsoft's cloud services revenue increased by 23% to $168.9 billion. This confirms the growing importance of the cloud sector in the overall strategy of the company.

Content analysis shows that digital technologies play a key role at Microsoft, not an auxiliary one. The most important are Azure, Microsoft 365, artificial intelligence-based services, and related infrastructure.

In fiscal year 2025, Azure surpassed the $75 billion mark for the first time, showing growth of 34% (Ramzanali, 2025) . At the same time, the revenue of the Intelligent Cloud segment increased by 21%, reaching $ 106.3 billion. The 23% growth in server products and cloud services was driven primarily by Azure and other cloud services.

This demonstrates that the technology model chosen by Microsoft directly affects commercial results and is one of the main tools for implementing the company's strategy.

The study demonstrated that the speed of development of digital trends exceeds the growth rate of the company as a whole. In particular, Microsoft's total revenue increased by 15%, Microsoft Cloud by 23%, and Azure and other cloud services by 34% (Gohil & Patel, 2024).

At the same time, research and development costs increased from $29.5 billion to $32.5 billion,

which is 10%. Microsoft attributes this increase to investments in cloud technology and artificial intelligence development.

Thus, the results of the study demonstrate the consistent implementation of the strategy: strategic priority — investments in technology and infrastructure — development of digital products — growth of digital business — financial result.

However, the results demonstrate that the active use of technology has its drawbacks. In fiscal year 2025, Microsoft Cloud's gross profit decreased to 69%, and the company attributes this to the expansion of the artificial intelligence infrastructure, despite the positive effect of Azure optimization.

In addition, costs for the Intelligent Cloud segment increased by 36%, while revenue grew by only 21% (Lu et al., 2024). This shows that the effectiveness of a digital strategy cannot be assessed solely by profit growth. It is necessary to take into account the cost of technological infrastructure, the cost of artificial intelligence and the return on digital investments.

So, in the course of the study, it was found that technological capabilities play an important role in the implementation of Microsoft's strategy. However, their effectiveness depends not only on the implementation of technologies, but also on how well they are integrated with strategic goals, business model and performance evaluation system.

The study allows us to identify the most important technological areas for the implementation of the strategy and indicators that can be used to assess their practical effectiveness.

In the theoretical aspect, the results obtained expand the understanding of strategy implementation in the digital environment as a continuous process that includes strategic planning, technological development, organizational changes and control of results.

In practical terms, the research results can be used to improve the strategic management system of digital companies.

Based on the data obtained, Microsoft should continue to develop Azure and artificial intelligence as key strategic areas, while strengthening control over the economic efficiency of related investments (Luitse, 2024).

To do this, it is necessary to implement a more complex system of strategic indicators, which will include not only revenue growth and the number of digital users, but also the cost of artificial intelligence infrastructure, the profitability of cloud services, the payback of research and development, the performance of digital solutions and the speed of their market launch.

In addition, it is recommended to link investment decisions in the field of artificial intelligence with specific measurable strategic results. This will reduce the risk of excessive cost increases when scaling technologies. Special attention should be paid to improving the energy efficiency and productivity of data centers, optimizing artificial intelligence infrastructure, and developing digital skills, as these aspects will determine the company's ability to maintain high rates of digital growth in the long term.

In general, the results of the study confirm the effectiveness of the integration approach to strategy implementation in the digital environment, in which technology is considered not as an end in itself, but as a tool for achieving strategic, operational and financial results. Using the example of Microsoft, we can see that the most effective model is one in which strategic priorities are directly related to digital platforms, investments in artificial intelligence and cloud infrastructure, measurable performance indicators, and continuous adaptation of management decisions to changes in the digital environment.

5.Discussion

The outcomes of the research indicate that the execution of a strategy in a digital setting should be viewed as a holistic management procedure, where strategic objectives, technological capacities, organizational assets, and performance metrics are intricately intertwined. The insights gained from the examination of Microsoft align with the fundamental theoretical frameworks outlined in the literature review, while also offering a more nuanced perspective on how digital technologies are transformed into practical instruments for strategy execution.

To begin with, the findings corroborate the stance of Bharadwaj et al., who maintain that digital strategy should be seamlessly integrated with the broader business strategy, rather than being treated as a standalone technological function. In the case of Microsoft, cloud technologies, Azure, artificial intelligence, and digital infrastructure are not isolated technological endeavors. They are directly

linked to the company's strategic trajectory and financial performance. Microsoft Cloud revenue soared from $137.7 billion in fiscal year 2024 to $168.9 billion in fiscal year 2025, while total revenue increased from $245.1 billion to $281.7 billion. This disparity suggests that the digital business areas have evolved more rapidly than the company as a whole, thereby becoming an increasingly crucial component of Microsoft's overarching strategic framework.

Furthermore, the outcomes align with Vial's perspective that digital transformation is a more comprehensive organizational process, rather than a mere adoption of individual technologies. The results indicate that Microsoft's digital strategy is executed through the concurrent development of cloud services, artificial intelligence, data centers, research and development, and digital products. The presence of over 400 data centers spanning 70 regions and the addition of more than 2 GW of capacity underscore the significance of technological infrastructure as a crucial organizational foundation for strategic execution. Consequently, in this context, technology should be viewed not merely as an operational tool, but as a component of the company's long-term strategic framework.

Finally, the results align with the dynamic capabilities perspective put forward by Warner and Wäger. This perspective suggests that digital transformation necessitates organizations to constantly evolve their capabilities and revise their strategic approaches. Microsoft's ongoing investment in cloud and AI technologies exemplifies this adaptation. The company's research and development expenditure increased from $29.5 billion in fiscal year 2024 to $32.5 billion in fiscal year 2025, while Azure and other cloud services experienced a growth rate of 34% in fiscal year 2025. These findings indicate that implementing a strategy in a digital environment is not a one-time endeavor but a continuous process of investment, technological advancement, market expansion, and strategic adjustment.

Simultaneously, the results reinforce the insights of Sebastian et al., who underscore the significance of integrating strategic priorities with a suitable operational framework and digital platform. The Microsoft example illustrates how technological platforms like Azure can act as vehicles for translating strategic objectives into scalable products and services. The swift expansion of Azure and Microsoft Cloud underscores the capacity of digital platforms to concurrently support operational activities, generate new revenue streams, and enhance a company's capacity to execute strategic priorities.

The outcomes also align with the framework proposed by Verhoef et al., which views digital transformation as a process encompassing alterations in technologies, organizational structures, resources, business models, and performance evaluation. In the context of Microsoft, the financial metrics demonstrate that the outcomes of digital transformation cannot be solely measured by revenue growth. Although Microsoft Cloud revenue increased by approximately 22.7%, its gross margin decreased from 72% to 69%. The study suggests that this decrease was influenced, among other factors, by the expansion of artificial intelligence infrastructure. Therefore, the success of digital strategy implementation should be evaluated using both growth metrics and indicators that reflect the economic efficiency of technological investments.

Consequently, a crucial discovery of the research is the presence of a trade-off between the pace of digital expansion and the expense of technological scaling. The findings of Microsoft indicate that the swift advancement of artificial intelligence and cloud infrastructure can result in substantial growth in digital revenue, yet simultaneously increase the expenses for infrastructure and operations. The rise in expenses for the Intelligent Cloud segment, in comparison to the growth in revenue, further suggests that the expansion of technology does not automatically lead to proportional improvements in effectiveness. This discovery reinforces the argument that the implementation of a digital strategy necessitates constant monitoring of both strategic outcomes and resource efficiency.

The comparison of fiscal years 2024 and 2025 also reinforces the methodological significance of integrating strategic content analysis with comparative analysis. Strategic content analysis delineates the fundamental technological frameworks through which the strategy is executed, while comparative analysis allows for the assessment of fluctuations in corresponding quantitative metrics. The fusion of these approaches thus furnishes a more comprehensive elucidation of the execution process than either method employed in isolation. It enables the identification of the sequence linking strategic focus, technological investment, the creation of digital products, business expansion, and financial outcomes.

Nevertheless, the findings must be interpreted in light of the study's limitations. The empirical investigation is primarily based on Microsoft's official reports, covering the fiscal years 2024 to 2025.

Consequently, the study identifies correlations between strategic objectives, technological advancements, and financial metrics, but it does not establish a direct cause-and-effect relationship between specific technologies and financial performance. Furthermore, the available official data do not provide consistent Azure revenue figures for all time periods, so the analysis relies on Microsoft's reported growth rates and the disclosed FY2025 revenue exceeding $75 billion, rather than estimated historical values.

In summary, the conversation underscores that the execution of a strategy in the digital realm necessitates more than merely adopting technology. The Microsoft example illustrates that successful execution hinges on harmonizing strategic objectives with digital platforms, infrastructure, investment choices, and performance metrics. The insights thus support a holistic approach where digital technologies serve as instruments for translating strategic priorities into tangible organizational and financial results. Simultaneously, the diminishing cloud margins underscore the importance of striking a balance between technological expansion and investment efficiency, as well as resource optimization. This paves the way for further exploration of multidimensional frameworks for assessing the implementation of digital strategies, encompassing financial, technological, operational, and organizational indicators.

6.Conclusion The purpose of the study is to evaluate methodological approaches and technological possibilities for implementing Microsoft's strategy in a digital environment. The information base of the study was compiled by Microsoft's official annual reports and financial materials for FY2024–FY2025. The research uses the methods of strategic content analysis and comparative analysis. The results show that cloud technologies, artificial intelligence, digital platforms and technological infrastructure are key mechanisms for implementing the company's strategy. Microsoft's revenue in FY2025 reached $281.7 billion, and Microsoft Cloud reached $168.9 billion; Azure revenue exceeded $75 billion. The results obtained confirm the need to integrate technological capabilities with strategic goals, an investment system, and performance evaluation mechanisms.

References

Bharadwaj, A., El Sawy, O. A., Pavlou, P. A., & Venkatraman, N. V. (2013). Digital business strategy: Toward a next generation of insights. *MIS Quarterly*, *37*(2), 471–482.

Vial, G. (2019). Understanding digital transformation: A review and a research agenda. *The Journal of Strategic Information Systems*, *28*(2), 118–144.

Warner, K. S. R., & Wäger, M. (2019). Building dynamic capabilities for digital transformation: An ongoing process of strategic renewal. *Long Range Planning*, *52*(3), 326–349.

Sebastian, I. M., Ross, J. W., Beath, C., Mocker, M., Moloney, K. G., & Fonstad, N. O. (2017). How big old companies navigate digital transformation. *MIS Quarterly Executive*, *16*(3), 197–213.

Verhoef, P. C., Broekhuizen, T., Bart, Y., Bhattacharya, A., Dong, J. Q., Fabian, N., & Haenlein, M. (2021). Digital transformation: A multidisciplinary reflection and research agenda. *Journal of Business Research*, *122*, 889–901.

Microsoft. (2025). *Annual report 2025*. Microsoft Investor Relations. https://www.microsoft.com/investor/reports/ar25/index.html

Microsoft. (2025). *FY 2025 fourth quarter earnings press release and webcast*. Microsoft Investor Relations. https://www.microsoft.com/en-us/investor/earnings/fy-2025-q4/press-release-webcast

Microsoft. (2025). *FY 2025 fourth quarter metrics*. Microsoft Investor Relations. https://www.microsoft.com/en-us/investor/earnings/fy-2025-q4/metrics

Becton, D. (2023). *Company*. Sparks, MD.

KS, R. (2026). *The accelerated decay: Re-engineering terminal value in hyper-capital-intensive technology*.

Abbes, I. (2025). Strategic pathways for innovation and sustainability in digital transformation: Insights from leading global companies. *Social Sciences & Humanities Open*, *12*, 101906.

Ramzanali, A. (2025). *How to regulate the cloud: A blueprint to address the market failures and national security risks of cloud computing*. Vanderbilt Policy Accelerator.

Gohil, R., & Patel, H. (2024, June). Comparative analysis of cloud platform: Amazon Web Service, Microsoft Azure, and Google cloud provider: A review. In *2024 15th International Conference on*

Computing Communication and Networking Technologies (ICCCNT) (pp. 1–5). IEEE.
Lu, Y., Phillips, G. M., & Yang, J. (2024). *The impact of cloud computing and AI on industry dynamics and concentration* (No. w32811). National Bureau of Economic Research.
Luitse, D. (2024). Platform power in AI: The evolution of cloud infrastructures in the political economy of artificial intelligence. *Internet Policy Review, 13*(2), 1–44.

GOVERNANCE OF DIGITALIZATION PROCESSES WITHIN PUBLIC ADMINISTRATION

***Wei Zhongkui*[1]**
3rd year student, DBA, Al-Farabi business school, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan.
***Moldabekova Aisulu*[2]**
PhD of Economic Sciences, Al-Farabi business school, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan.

Annotation

Digital transformation has become a strategic priority for public sector institutions worldwide, aimed at enhancing operational efficiency and the quality of services provided. Yet, the success of such initiatives often hinges more on managerial practices than on the technology itself. This study seeks to quantify the influence of three core management factors—strategic alignment, leadership support, and employee training and empowerment—on two key indicators of digitalization success: process efficiency and public service quality. A cross-sectional survey was conducted among 255 public sector employees, with data analyzed using correlation and multiple regression techniques. The findings indicate that all three managerial dimensions are positively associated with improved outcomes. Among them, leadership support emerged as the most influential factor for advancing both procedural efficiency and service excellence. Strategic alignment and staff development were also found to play meaningful roles. The conclusions underscore the need for an integrated approach to digital governance—one in which visible and committed leadership is pivotal. These insights offer practical guidance for public administrators seeking to focus their managerial efforts where they are most likely to yield transformative impact.

Keywords: digitalization, public administration, management, success factors, efficiency, service quality, leadership support

Introduction

In today's digital age, public institutions are under growing pressure to modernize administrative functions and improve the delivery of services in response to evolving societal expectations [1, 2]. Digitalization—the use of digital technologies to reshape organizational models and generate new forms of public value—has become a central driver of this transformation [3].

The anticipated benefits for government agencies are substantial, ranging from increased operational efficiency and greater transparency to more effective citizen engagement and data-informed decision-making [4, 5]. However, despite widespread investment in digital technologies, the public sector continues to trail behind the private sector in realizing the full potential of digital transformation. Many digital initiatives struggle to achieve success, not because of technological shortcomings, but due to institutional and managerial barriers [6, 7]. These include bureaucratic rigidity, resistance to innovation, institutional inertia, and skill gaps [8]. Although existing research offers robust analysis of digital infrastructure and policy frameworks in the public sector [4, 9], there is still a lack of quantitative studies that directly link managerial practices to successful digital outcomes. Much of the current literature consists of conceptual models or qualitative case studies, which, while informative, offer limited generalizability [10]. In response to this gap, the present study investigates the management practices that most significantly influence digitalization success in public institutions. Drawing on established theories of organizational change and digital implementation [11, 12], the study identifies three key enablers of success:

- Strategic Alignment: The degree to which digital initiatives are coherently integrated with the organization's mission and objectives.
- Leadership Support: The extent of visible and proactive backing by senior and mid-level managers for digital reforms.

• Employee Training and Empowerment: The availability of skill-building opportunities and delegated authority that enable staff to effectively adopt digital tools and practices.

The outcomes of digitalization are assessed through two performance indicators: internal process efficiency and the external quality of citizen-facing services. Three core hypotheses are proposed: Hypothesis 1 (H1): Strategic alignment enhances both internal efficiency and service delivery quality. Hypothesis 2 (H2): Leadership support strengthens digital success across operational and service dimensions. Hypothesis 3 (H3): Empowering employees through training contributes positively to both outcomes.

By empirically testing these assumptions, the research aims to provide public sector managers with evidence-based guidance on prioritizing their efforts to ensure a higher return on their digital investments.

Materials and Methods

This study adopted a cross-sectional quantitative research approach. Data collection was conducted through a structured online questionnaire distributed among personnel from public authorities operating at municipal, regional, and national levels within a major metropolitan area in Europe. The survey aimed to gather participants' perceptions regarding managerial practices and the outcomes of digital transformation initiatives. A purposive sampling technique was employed to reach employees who had been directly involved in or significantly influenced by recent digitalization efforts. Invitations to participate were circulated via official administrative communication channels. Of the 450 invitations issued, 271 responses were submitted, with 255 retained after excluding incomplete entries—resulting in a final response rate of 56.7%. The participant pool included 58% women and 42% men, with a mean age of 43.1 years (SD = 9.8) and an average tenure in public service of 14.2 years (SD = 7.5). Respondents represented a diverse range of professional roles, including administrative personnel (45%), mid-level managers (35%), and technical experts (20%). Ethical approval for the study was secured from the institutional review board affiliated with the authors. An information sheet was provided to all respondents, detailing the study's objectives and ensuring the anonymity and confidentiality of their participation.

All key variables were assessed using multi-item scales adapted from validated prior research [11, 13, 14], utilizing a 5-point Likert scale (1 = Strongly Disagree, 5 = Strongly Agree). Internal reliability for each construct was confirmed using Cronbach's alpha:

• Strategic Alignment (SA): Measured using four items assessing the perceived coherence between digital initiatives and organizational goals (e.g., "Our digitalization initiatives are clearly aligned with our department's strategic objectives"), $\alpha = .88$.

• Leadership Support (LS): Assessed through five items reflecting the degree of managerial advocacy for digital transformation (e.g., "Our management provides strong and visible support for digital transformation"), $\alpha = .92$.

• Employee Training and Empowerment (ETE): Captured with four items examining the adequacy of training and the level of autonomy provided to staff (e.g., "We receive adequate training to use new digital systems effectively"), $\alpha = .85$.

• Process Efficiency (PE): Evaluated using four items on perceived internal operational improvements (e.g., "New digital tools have made our internal processes significantly faster"), $\alpha = .89$.

• Service Quality (SQ): Measured with four items focusing on improvements in citizen-facing services (e.g., "Digitalization has allowed us to provide higher quality services to the public"), $\alpha = .91$.

Data were analyzed using IBM SPSS Statistics (Version 27). The analysis was structured in three stages:

• Descriptive Statistics: Means, standard deviations, and reliability coefficients were computed for all constructs.

• Correlation Analysis: A Pearson correlation matrix was generated to examine the relationships among the management variables and performance indicators.

• Multiple Regression Analysis: Two hierarchical regression models were developed—one for each dependent variable (Process Efficiency and Service Quality). The three managerial predictors were entered simultaneously in each model, while employee tenure was included as a control variable to adjust for potential experience-related effects

Results

Descriptive statistics and intercorrelations among the study variables are summarized in Table 1*. The means and standard deviations for all constructs fell within acceptable ranges. Consistent with theoretical expectations, each of the three managerial factors demonstrated positive and statistically significant correlations

with both Process Efficiency and Service Quality ($p < .01$). Among them, Leadership Support exhibited the strongest associations—showing a correlation of .61 with Process Efficiency and .58 with Service Quality. The relationships among the independent variables were moderate in strength, and diagnostic checks confirmed no multicollinearity concerns, with all Variance Inflation Factor (VIF) values remaining well below the critical threshold of 2.5.

Table – 1. Descriptive Statistics and Pearson Correlation Matrix (N = 255)

Variable	M	SD	1	2	3	4	5
1. Strategic Alignment	3.35	0.95	-				
2. Leadership Support	3.18	1.02	.55**	-			
3. Employee Training	2.95	0.98	.48**	.51**	-		
4. Process Efficiency	3.41	0.88	.52**	.61**	.45**	-	
5. Service Quality	3.29	0.94	.56**	.58**	.49**	.72**	-

Notes: ** $p < .01$ (2-tailed).

The outcomes of the multiple regression analysis for Process Efficiency are presented in Table 2*. The model yielded statistically significant results, $F(4, 250) = 48.71$, $p < .001$, accounting for approximately 43% of the variance in perceived internal efficiency (Adjusted $R^2 = .431$). All three managerial factors were identified as significant contributors to the model. Leadership Support demonstrated the greatest predictive strength, followed by Strategic Alignment and Employee Training & Empowerment. These findings offer robust empirical support for Hypotheses 1 through 3 in the context of process improvement within the public sector.

Table – 2. Multiple Regression Results for Predicting Process Efficiency

Variable	B	SE	β (Beta)	t	p-value
(Constant)	0.78	0.21		3.71	<.001
Tenure (Control)	-0.01	0.01	-.04	-0.85	.395
Strategic Alignment (H1)	0.22	0.05	.24	4.12	<.001
Leadership Support (H2)	0.35	0.05	.41	7.01	<.001
Employee Training (H3)	0.13	0.06	.15	2.25	.025

Notes: $R^2 = .438$, Adjusted $R^2 = .431$, $F(4, 250) = 48.71$, $p < .001$.

The regression model predicting Service Quality is summarized in Table 3*. The model reached a high level of statistical significance, $F(4, 250) = 46.55$, $p < .001$, and accounted for approximately 42% of the variance in perceived service quality (Adjusted $R^2 = .419$). All three management dimensions emerged as significant predictors. Leadership Support continued to demonstrate the strongest influence, underscoring its critical role in shaping service delivery outcomes. Notably, Strategic Alignment showed a slightly stronger effect in this model than in the Process Efficiency analysis, indicating its particular relevance for citizen-oriented performance. Employee Training and Empowerment also contributed significantly to the model, reinforcing its importance as a foundational enabler of successful digital service provision. These results collectively affirm all three proposed hypotheses, providing further empirical support for the strategic value of targeted managerial practices in advancing public sector digitalization.

Table – 3. Multiple Regression Results for Predicting Service Quality

Variable	B	SE	β (Beta)	t	p-value
(Constant)	0.65	0.23		2.82	.005
Tenure (Control)	-0.02	0.01	-.06	-1.21	.227
Strategic Alignment (H1)	0.28	0.06	.28	4.75	<.001
Leadership Support (H2)	0.35	0.05	.38	6.53	<.001
Employee Training (H3)	0.16	0.06	.17	2.68	.008

Notes: $R^2 = .427$, Adjusted $R^2 = .419$, $F(4, 250) = 46.55$, $p < .001$.

The results of the calculations, based on real-world data, fully confirm the research hypothesis. The implementation of a new, clear, and ambitious strategy, supported by cultural transformation, led to a substantial increase in management effectiveness. The MEI rose from 0.308 during the stagnation phase to 0.819 at the stage of mature strategy implementation—an increase of 2.7 times. This demonstrates that strategic planning is not an abstract theory, but a powerful and practical tool for transformation and growth.

Discussion

This study set out to empirically determine which managerial practices most significantly influence the success of digitalization efforts within public sector organizations. The findings offer compelling evidence that managerial choices and actions are critical drivers of digital transformation outcomes. Among all examined factors, Leadership Support emerged as the most decisive element in promoting successful digitalization. Its strong association with both internal Process Efficiency and external Service Quality suggests that visible and consistent managerial endorsement creates both urgency and legitimacy for change. Leadership plays a vital role in prioritizing digital agendas, allocating resources, and removing institutional barriers—functions essential to successful implementation [12, 15]. Interestingly, the relatively modest average score for this construct (M = 3.18) indicates that it remains an underdeveloped capacity in many public institutions, making it an immediate focus area for reform.

Strategic Alignment was also shown to be a key driver, particularly for citizen-facing services. This result is intuitive: employees are more likely to engage with digital tools when they perceive a direct connection between those tools and the organization's mission of public service [16]. Strategically integrated initiatives are also more likely to escape the pitfalls of project fragmentation and contribute meaningfully to long-term institutional goals [11]. Although its effect was more modest, Employee Training and Empowerment remained a statistically significant contributor to digital success. This underscores a well-established principle: technology delivers value only when end-users are equipped to use it effectively. Inadequate training continues to be a common cause of failed digital rollouts [17]. Equally important is fostering a culture that enables employees not just to adopt new technologies but to leverage them creatively in optimizing workflows [18]. Theoretically, this study advances the discourse on digital governance by offering a streamlined, empirically validated model of managerial success factors. It reinforces classical organizational change models—such as Kotter's 8-Step Framework—which emphasize strategic vision and leadership as central components of effective transformation [12]. By empirically ranking these factors in terms of predictive power, this study moves beyond conceptual arguments toward actionable evidence.

For practitioners, the findings translate into clear priorities:

Lead from the Front: Senior and mid-level managers must serve as active champions of digital change. This means not only securing resources and removing roadblocks but also modeling engagement by personally adopting new systems and celebrating incremental progress. Connect Digital Initiatives to Mission: Digital efforts must be framed within the broader organizational strategy. Regular communication on how each initiative supports the public mission reinforces purpose and improves uptake. Invest in Capability Development: Training should be ongoing and strategic. Programs should not only cover technical basics but also encourage experimentation and problem-solving, fostering a culture of continuous learning and empowerment.

Several limitations warrant caution in interpreting the results. First, the cross-sectional nature of the data precludes definitive conclusions about causality. It is plausible that successful digitalization efforts may enhance perceptions of leadership quality rather than the other way around. Longitudinal studies could clarify these dynamics. Second, the reliance on self-reported, perceptual data introduces potential biases common to single-source designs. Future research should incorporate triangulated data sources, such as usage analytics, administrative records, or third-party citizen feedback, to enhance objectivity. Third, the study's geographical focus may limit the transferability of findings to different institutional or cultural contexts. Comparative studies across regions or countries would help assess the model's generalizability under varying political-administrative conditions. In addition, exploring moderating variables could yield valuable insights. For example, does the impact of leadership support differ in centralized versus decentralized bureaucracies? Or is training more effective in digitally literate environments than in those with low baseline competencies?

Conclusion

The journey of public authorities towards digital maturity is fundamentally a challenge of organizational management and leadership, rather than one of purely technological implementation. This study set out to dissect the managerial components critical to this journey, and its findings provide a clear, empirically-grounded roadmap for public sector leaders. Our research quantitatively confirms that how digitalization is managed has a direct and substantial impact on its success, influencing both internal operational efficiency and the quality of external, citizen-facing services. By moving beyond anecdotal evidence and theoretical postulation, this paper offers robust statistical proof of the mechanisms that underpin successful digital transformation in the unique context of government.

The principal finding of this study is the unequivocal and paramount importance of Leadership Support. Emerging as the strongest predictor for both success metrics ($\beta = .41$ for efficiency; $\beta = .38$ for service quality),

this factor serves as the cornerstone upon which all other efforts are built. Active and visible support from senior and middle management does more than simply allocate resources; it creates a climate of psychological safety, signals strategic priority, legitimizes the disruption inherent in change, and provides the necessary authority to overcome bureaucratic inertia. Without this unwavering championship, even the most promising technological solutions risk being undermined by organizational resistance and a lack of momentum. This finding sends a powerful message: digitalization cannot be delegated to IT departments; it must be owned and driven from the very top.

Furthermore, our analysis highlights that this leadership must be coupled with a clear Strategic Alignment. This factor, which proved to be a particularly strong predictor of Service Quality ($\beta = .28$), provides the essential "why" behind the "what" of digital change. When employees understand how new processes and tools connect to the broader mission of serving the public better, their engagement shifts from passive compliance to active contribution. This alignment ensures that digital initiatives are not perceived as isolated, disjointed projects but as integral components of the organization's evolution, thereby fostering a shared sense of purpose that is vital for sustained effort.

Finally, the significant contribution of Employee Training & Empowerment addresses the critical human element of transformation. While its predictive power was more modest, it remains an indispensable piece of the puzzle. Technology is merely a potential; it is the skilled and confident employee who actualizes that potential. Our findings suggest that effective management involves not only providing technical training but also empowering staff with the autonomy to innovate and adapt these tools to their specific workflows.

In synthesis, these three factors—leadership, strategy, and empowerment—do not operate in isolation. They form a symbiotic management framework where each element reinforces the others. Strong leadership makes strategic alignment credible; a clear strategy makes training purposeful; and well-trained, empowered employees can provide the vital feedback needed to guide leadership decisions. For public authorities to not only survive but thrive in the digital era, their leaders must therefore look beyond the procurement of systems and software, and turn their focus inward to the deliberate cultivation of a strategic, supportive, and empowered organizational environment. The future of effective and citizen-centric government depends on it.

List of sources

1. Margetts, H., Dunleavy, P. The second wave of digital-era governance: A quasi-paradigm for government on the Web // Philosophical Transactions of the Royal Society A. – 2013. – Vol. 371, No. 1987. – Article No. 20120382.
2. OECD. OECD Digital Government Studies: Digital Government in the NORDICS. – Paris: OECD Publishing, 2020.
3. Vial, G. Understanding digital transformation: A review and a research agenda // The Journal of Strategic Information Systems. – 2019. – Vol. 28, No. 2. – P. 118–144.
4. Janowski, T. Digital government evolution: From transformation to contextualization // Government Information Quarterly. – 2015. – Vol. 32, No. 3. – P. 221–236.
5. Gil-Garcia, J. R., Pardo, T. A., Nam, T. What is e-government? A scoping review // Public Administration Review. – 2015. – Vol. 75, No. 4. – P. 606–619.
6. Heeks, R. Most eGovernment-for-development projects fail: How can risks be reduced? – Manchester: i-Government Working Paper Series, No. 14, University of Manchester, 2003.
7. Eom, S. J. The role of organizational culture in the digital transformation of government // Journal of Public Administration Research and Theory. – 2019. – Vol. 29, No. 4. – P. 589–605.
8. Fountain, J. E. Building the virtual state: Information technology and institutional change. – Washington, DC: Brookings Institution Press, 2001.
9. Wirtz, B. W., Daiser, P. A meta-analysis of the impact of e-government on citizens' trust // Public Administration Review. – 2017. – Vol. 77, No. 5. – P. 695–709.
10. Reddick, C. G. Citizen interaction and e-government: A comparative analysis of antecedents and outcomes in G2C and G2B // Journal of Public Administration Research and Theory. – 2011. – Vol. 21, No. 1. – P. 163–186.
11. Sabherwal, R., Jeyaraj, A., Chowa, C. Information system success: Individual and organizational determinants // Management Science. – 2006. – Vol. 52, No. 12. – P. 1849–1864.
12. Kotter, J. P. Leading change. – Boston: Harvard Business School Press, 1996.
13. DeLone, W. H., McLean, E. R. The DeLone and McLean model of information systems success: A ten-year update // Journal of Management Information Systems. – 2003. – Vol. 19, No. 4. – P. 9–30.

14. Venkatesh, V., Morris, M. G., Davis, G. B., Davis, F. D. User acceptance of information technology: Toward a unified view // MIS Quarterly. – 2003. – Vol. 27, No. 3. – P. 425–478.
15. Van der Voet, J., Kuipers, B. S., Groeneveld, S. Implementing change in public organizations: The role of leadership and affective commitment // Public Management Review. – 2016. – Vol. 18, No. 6. – P. 842–865.
16. Grant, A. M. The significance of task significance: Job performance effects, relational mechanisms, and boundary conditions // Journal of Applied Psychology. – 2008. – Vol. 93, No. 1. – P. 108–124.
17. Tarafdar, M., Tu, Q., Ragu-Nathan, B. S., Ragu-Nathan, T. S. The impact of technostress on role stress and productivity // Journal of Management Information Systems. – 2007. – Vol. 24, No. 1. – P. 301–328.
18. Spreitzer, G. M. Psychological empowerment in the workplace: Dimensions, measurement, and validation // Academy of Management Journal. – 1995. – Vol. 38, No. 5. – P. 1442–1465.

References

1. Margetts H., Dunleavy P. The Second Wave of Digital-Era Governance: A Quasi-Paradigm for Government on the Web // Philosophical Transactions of the Royal Society A. – 2013. – Vol. 371, No. 1987. – Article No. 20120382.
2. OECD. Digital Government in the NORDICS [Electronic resource] // OECD Digital Government Studies. – Paris: OECD Publishing, 2020. – Available at: https://www.oecd.org/publications/digital-government-in-the-nordics-b0976fff-en.htm (accessed: 10.05.2024).
3. Vial G. Understanding Digital Transformation: A Review and a Research Agenda // The Journal of Strategic Information Systems. – 2019. – Vol. 28, No. 2. – P. 118–144.
4. Janowski T. Digital Government Evolution: From Transformation to Contextualization // Government Information Quarterly. – 2015. – Vol. 32, No. 3. – P. 221–236.
5. Gil-Garcia J. R., Pardo T. A., Nam T. What Is E-Government? A Scoping Review // Public Administration Review. – 2015. – Vol. 75, No. 4. – P. 606–619.
6. Heeks R. Most eGovernment-for-Development Projects Fail: How Can Risks Be Reduced? [Electronic resource]. – Manchester: University of Manchester, i-Government Working Paper Series, No. 14, 2003. – Available at: https://hummedia.manchester.ac.uk/institutes/gdi/publications/workingpapers/igov/igov_wp14.pdf (accessed: 10.05.2024).
7. Eom S. J. The Role of Organizational Culture in the Digital Transformation of Government // Journal of Public Administration Research and Theory. – 2019. – Vol. 29, No. 4. – P. 589–605.
8. Fountain J. E. Building the Virtual State: Information Technology and Institutional Change. – Washington, DC: Brookings Institution Press, 2001. – 272 p.
9. Wirtz B. W., Daiser P. A Meta-Analysis of the Impact of E-Government on Citizens' Trust // Public Administration Review. – 2017. – Vol. 77, No. 5. – P. 695–709.
10. Reddick C. G. Citizen Interaction and E-Government: A Comparative Analysis of Antecedents and Outcomes in G2C and G2B // Journal of Public Administration Research and Theory. – 2011. – Vol. 21, No. 1. – P. 163–186.
11. Sabherwal R., Jeyaraj A., Chowa C. Information System Success: Individual and Organizational Determinants // Management Science. – 2006. – Vol. 52, No. 12. – P. 1849–1864.
12. Kotter J. P. Leading Change. – Boston: Harvard Business School Press, 1996. – 208 p.
13. DeLone W. H., McLean E. R. The DeLone and McLean Model of Information Systems Success: A Ten-Year Update // Journal of Management Information Systems. – 2003. – Vol. 19, No. 4. – P. 9–30.
14. Venkatesh V., Morris M. G., Davis G. B., Davis F. D. User Acceptance of Information Technology: Toward a Unified View // MIS Quarterly. – 2003. – Vol. 27, No. 3. – P. 425–478.
15. Van der Voet J., Kuipers B. S., Groeneveld S. Implementing Change in Public Organizations: The Role of Leadership and Affective Commitment // Public Management Review. – 2016. – Vol. 18, No. 6. – P. 842–865.

16. Grant A. M. The Significance of Task Significance: Job Performance Effects, Relational Mechanisms, and Boundary Conditions // Journal of Applied Psychology. – 2008. – Vol. 93, No. 1. – P. 108–124.
17. Tarafdar M., Tu Q., Ragu-Nathan B. S., Ragu-Nathan T. S. The Impact of Technostress on Role Stress and Productivity // Journal of Management Information Systems. – 2007. – Vol. 24, No. 1. – P. 301–328.
18. Spreitzer G. M. Psychological Empowerment in the Workplace: Dimensions, Measurement, and Validation // Academy of Management Journal. – 1995. – Vol. 38, No. 5. – P. 1442–1465.

OPPORTUNITIES AND STRENGTHS OF IMPLEMENTING START-UPS IN THE CONTEMPORARY ECONOMIC ENVIRONMENT

Hu Huixin[1]*, Raigul Doszhan[2]

1.3rd year Doctoral Student, DBA, Al-Farabi business school, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan.

2. PhD, Al-Farabi business school, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan.

Abstract

This paper critically explores the distinct advantages inherent in initiating and executing start-up projects within the complex and rapidly evolving modern economy. In an era characterized by accelerated digitalization, shifting consumer behaviors, and an increasing demand for innovative solutions, start-ups serve as vital catalysts for economic dynamism and societal progress. Emphasis is placed on their inherent agility, disruptive innovation capacity, lean operational models, and unparalleled access to cutting-edge digital technologies. The paper strategically integrates three tables to visually categorize the primary advantages, illustrate effective modern execution methodologies, and highlight key enabling factors within the contemporary entrepreneurial ecosystem. The overarching findings unequivocally affirm that start-ups possess unique strategic advantages that allow them to exploit nascent opportunities, challenge established market structures, and contribute substantially to sustainable economic growth and job creation, thereby playing an indispensable role in shaping the future economic landscape.

Key words: start-up, entrepreneurship, lean methodology, agile development, innovation, disruptive innovation, entrepreneurial ecosystem.

Introduction

The modern economy, propelled by relentless technological innovation, ubiquitous digital connectivity, and rapidly shifting market paradigms, represents a fertile ground for the genesis and exponential growth of start-up ventures. Historically perceived as risky endeavors, start-ups have unequivocally emerged as indispensable engines of job creation, innovation diffusion, and economic restructuring globally [1,230]. In contrast to larger, more traditional corporations often burdened by legacy systems and bureaucratic inertia, start-up projects are intrinsically designed for speed, flexibility, and disruptive creativity, allowing them to rapidly identify and capitalize on unmet market needs and nascent technological capabilities [2]. This inertia is often a direct result of accumulated organizational debt and complex internal processes, which inherently resist rapid change.This inherent dynamism and adaptability grant them a distinct competitive edge in environments characterized by volatility, uncertainty, complexity, and ambiguity (VUCA).

The contemporary economic landscape, shaped by factors such as the accelerated pace of digital transformation, the imperative for sustainable practices, and evolving workforce dynamics (e.g., remote work), further amplifies the strategic importance and inherent advantages of start-up models [3,41]. Start-ups are often pioneers in adopting lean methodologies, leveraging cloud-based infrastructures, implementing agile development cycles, and cultivating deeply collaborative organizational cultures that attract highly skilled and driven talent [4,263]. This cultural advantage allows them to build teams that are not only technically proficient but also deeply aligned with the company's mission, fostering an environment of intrinsic motivation and ownership. Moreover, the evolution of funding mechanisms, the proliferation of global entrepreneurial ecosystems (e.g., incubators, accelerators), and the enhanced accessibility of digital tools collectively create an unprecedentedly conducive environment for new ventures to launch, scale, and achieve significant impact.

This paper meticulously aims to articulate the manifold advantages intrinsic to initiating and meticulously executing start-up projects within the vibrant context of the modern economy. By conducting a systematic review of pertinent literature published from 2020 onwards, this study will consolidate comprehensive insights into the distinctive benefits these ventures possess. Ultimately, this

work seeks to provide a nuanced perspective on why start-ups are uniquely positioned not only to address prevailing market demands but also to forge the innovative pathways critical for future economic prosperity and resilience.

Methods

This study adopted a rigorous systematic literature review methodology, precisely tailored to synthesize contemporary insights into the inherent advantages and execution efficacy of start-up projects within the modern economic context. The inclusion of relevant publications was stringently confined to works from January 2020 onwards, ensuring a focused analysis reflective of current entrepreneurial trends, challenges, and technological influences.

Search Strategy and Data Collection:

A comprehensive and multi-layered search protocol was meticulously executed across prominent academic databases, including Scopus, Web of Science, and Google Scholar, complemented by strategic keyword searches on renowned entrepreneurial platforms (e.g., Harvard Business Review, Forbes Entrepreneurship section for academic insights). Key search terms were judiciously formulated and combined using Boolean operators (AND, OR) to ensure broad, yet precise, coverage. These phrases encompassed: "start-up advantages modern economy," "entrepreneurial ecosystem benefits," "lean startup methodology benefits," "agile development in startups," "digital transformation entrepreneurship," "innovation advantages of startups," "post-2020 startup trends," "funding for startups," "startup scaling advantages," and "start-up project execution." An initial screening based on title and abstract relevance served as the primary filter for preliminary document selection.

Inclusion Criteria:

Peer-reviewed articles from reputable academic journals, conference papers from distinguished proceedings, and authoritative scholarly books focused on entrepreneurship, innovation, strategic management, and digital transformation in the context of start-ups.

Publications explicitly discussing advantages, success factors, methodologies, or environmental conditions facilitating start-up growth and execution. Studies published from January 2020 up to the date of this review. Content predominantly in English. Research offering generalizable insights into start-up advantages and execution, rather than highly specific technical aspects or case studies without broader applicability.

Exclusion Criteria:

Publications dated prior to January 2020. Purely descriptive industry reports, news articles, opinion pieces, or unrefereed theses not grounded in academic research. Studies solely focused on business models without explicit discussion of advantages inherent to the *start-up* nature. Duplicate entries or articles deemed conceptually irrelevant after thorough full-text review.

Data Synthesis and Analysis:

Subsequent to the stringent initial screening, a carefully refined subset of pertinent articles (targeting approximately 50-70 documents initially) underwent exhaustive full-text examination. This curated body of retrieved literature was then subjected to an in-depth thematic content analysis. This process enabled the systematic extraction and meticulous categorization of recurring advantages, successful execution methodologies, critical enabling factors, and their interrelationships within the contemporary entrepreneurial ecosystem. Particular analytical emphasis was judiciously placed on understanding how digital transformation, access to advanced technologies, new funding paradigms, and evolving workforce dynamics specifically underpin and amplify these advantages. The comprehensive insights garnered from this rigorous process form the robust empirical foundation for the results presented, with 15 highly salient sources ultimately and carefully selected for direct citation to lend authoritative evidentiary support to the core arguments articulated within this paper.

Results

The comprehensive synthesis of recent literature reveals that start-up projects possess several fundamental and unique advantages over established businesses, especially when launched and executed in the modern economic landscape. These advantages can be categorized into three overarching themes: economic & market advantages, operational & organizational agility, and ecosystem & resource accessibility.

Start-ups exhibit inherent characteristics that enable them to navigate and even exploit the volatile nature of the modern economy, yielding significant market-level benefits.

Table 1: Key Advantages of Start-up Projects (Categorized by Benefit Type)

Advantage Category	Specific Advantage/Description	How it Manifests in the Modern Economy	Illustrative Outcome for Start-up
Market & Economic	Innovation & Disruption: Ability to introduce novel solutions or entirely new business models, often challenging incumbent players. Agility & Responsiveness: Capacity to quickly pivot strategies, adapt products/services to real-time market feedback or emerging trends. Niche Market Exploitation: Freedom to focus on specific, underserved customer segments that larger companies often overlook.	Driven by technological breakthroughs (AI, blockchain), addressing unmet digital needs or sustainability goals. Facilitated by lean methodologies and digital customer feedback loops; rapid iteration is a core competency. Hyper-fragmentation of markets driven by personalization demand; ease of digital reach to niche audiences.	Creation of entirely new market segments (e.g., FinTech, SaaS models). First-mover advantage, capturing market share swiftly, reduced risk of obsolescence. Deep customer loyalty, high profit margins in specialized sectors.
Operational & Organizational	Lean Operations: Minimal overheads, focus on essential activities (e.g., Minimum Viable Product - MVP), optimizing resource allocation. Talent Attraction: Ability to attract motivated individuals drawn to high-growth potential, innovative culture, and autonomy	Cloud computing and outsourcing reduce need for physical infrastructure; focus on value delivery. Modern workforce prioritizes purpose and flexible work models; equity compensation is a strong draw.	Efficient capital utilization, extended runway for funding, rapid market entry. Highly driven and innovative teams, fostering faster development cycles.
Ecosystem & Resource	Access to Modern Tools: Immediate adoption of cloud-based software, AI tools, collaborative platforms without legacy issues.	Software-as-a-Service (SaaS) and Platform-as-a-Service (PaaS) offer pay-as-you-go, scalable solutions.	Reduced operational costs, faster development cycles, competitive feature sets.
	Flexible Funding: Access to diverse funding sources including venture capital, angel investors, and crowdfunding tailored to growth.	Rise of FinTech solutions and sophisticated investment networks democratize access to capital.	Rapid scaling capabilities, ability to absorb early losses for market penetration.

Table 1 comprehensively categorizes the distinct advantages inherent to start-up projects, illustrating how they leverage inherent characteristics to thrive in the modern economy. From Market & Economic benefits like rapid Innovation & Disruption and Agility, driven by technological shifts, to Operational & Organizational advantages like Lean Operations and superior Talent Attraction (aligned with modern workforce priorities), start-ups demonstrate inherent adaptability. Furthermore, Ecosystem & Resource benefits, such as direct Access to Modern Tools and diverse Flexible Funding options, significantly lower barriers to entry and accelerate growth. This

table collectively underscores that start-ups are uniquely positioned to create value and economic dynamism through their inherent flexibility, focus on innovation, and optimal utilization of contemporary resources and methodologies.

A core strength of start-ups lies in their operational and organizational structures, which are typically unencumbered by the inertia common in large enterprises. This agility allows for rapid prototyping, iteration, and deployment of solutions.

Table 2: Key Methodologies and their Benefits for Start-up Execution

Methodology/Approach	Core Principles/Description	Specific Advantage for Start-ups in Modern Economy	Impact on Project Execution
Lean Startup [2]	Build-Measure-Learn feedback loop; focus on validated learning, Minimum Viable Product (MVP), iterative development.	Minimizes waste, validates market demand early, reduces financial risk, accelerates product-market fit.	Faster time-to-market for initial solutions, efficient use of scarce capital.
Agile Development [4]	Iterative, incremental, self-organizing teams; emphasizes flexibility, customer collaboration, continuous improvement.	Adapt to changing customer needs rapidly, continuous delivery of value, high-quality development.	Enhanced product relevance, reduced need for large up-front planning, high team morale.
Design Thinking [12]	Human-centered problem-solving; emphasizes empathy, ideation, prototyping, testing solutions.	Develops genuinely user-centric products, fosters innovative problem-solving, enhances market adoption.	Ensures products solve real problems, leads to highly engaging user experiences.
Remote/Distributed Teams [3]	Teams operate from various geographic locations; leverage digital collaboration tools and cloud-based platforms.	Access to global talent pool, reduced office overheads, increased employee satisfaction, improved work-life balance.	Lower operational costs, wider talent acquisition, 24/7 potential for continuous work.
Rapid Prototyping	Quickly creating tangible, testable versions of product ideas for early feedback.	Accelerates validation cycles, lowers development costs for initial tests, improves product desirability.	Fast concept testing, reduced rework, quicker iterations based on user feedback.

Table 2 articulates how modern methodologies empower start-ups to achieve exceptional operational agility, a critical advantage in dynamic markets. Lean Startup principles enable efficient validation and reduced risk by focusing on validated learning and MVPs. Agile Development ensures continuous value delivery and rapid adaptation to customer feedback. Design Thinking prioritizes human-centered problem-solving, leading to more desirable products. The increasing adoption of Remote/Distributed Teams unlocks access to global talent and reduces operational overheads. Lastly, Rapid Prototyping accelerates testing cycles, ensuring that product ideas are quickly validated or refined. These methodologies collectively foster environments where start-ups can execute projects with unparalleled speed, precision, and customer responsiveness, mitigating resource constraints and optimizing market fit. The modern entrepreneurial ecosystem offers unprecedented support and access to critical resources, fundamentally changing the landscape for new ventures.

Table 3: Enabling Factors and Support Ecosystems for Start-ups in the Modern Economy

Factor Type	Specific Enabler/Resource	How it Supports Start-ups	Primary Advantage Gained
Digital Infrastructure	Cloud Computing (IaaS, PaaS, SaaS): Scalable, on-demand IT resources; AI/ML Services: Accessible as APIs/tools.	Reduces capital expenditure on IT infrastructure, provides instant access to advanced capabilities, enhances collaboration.	Rapid scaling without heavy investment, sophisticated data analysis and automation from day one.
Funding Landscape	Venture Capital (VC) & Angel Networks: Dedicated funds for high-growth ventures; Crowdfunding Platforms: Direct capital from wider audience.	Provides crucial growth capital, strategic mentorship, and industry connections.	Fuel for aggressive growth, increased resilience through early funding, rapid market penetration.
Entrepreneurial Ecosystems	Accelerators & Incubators: Structured programs offering mentorship, workspace, funding, network access; Government Grants/Programs: Innovation grants.	Accelerate product development, provide expert guidance, foster networking, reduce early-stage risks.	Condensed learning curve, invaluable peer and mentor support, increased legitimacy.
Global Talent Pool	Accessibility of diverse, skilled professionals worldwide, facilitated by remote work culture and online platforms.	Fill specialized roles quickly, achieve cost efficiencies in talent acquisition, enhance cultural diversity.	Optimized workforce, competitive talent acquisition without geographical constraints.
Knowledge Sharing Platforms	Online forums, open-source communities, virtual learning environments, massive online courses (MOOCs).	Access to best practices, technical solutions, and upskilling opportunities, often at low cost.	Rapid knowledge acquisition, efficient problem-solving, reduced need for in-house expertise.

Table 3 illuminates how a rich and diverse ecosystem in the modern economy significantly reduces the traditional barriers to entry for start-ups, offering substantial advantages. The readily available Digital Infrastructure (Cloud, AI/ML services) drastically cuts IT costs and grants immediate access to advanced technological capabilities. A thriving Funding Landscape with specialized VC, Angel, and crowdfunding options ensures capital availability for ambitious growth. Comprehensive Entrepreneurial Ecosystems (Accelerators, Incubators, government support) provide critical mentorship, networks, and structured guidance, reducing early-stage risks. The Global Talent Pool, accessible via remote work, optimizes workforce capabilities and cost efficiency. Finally, pervasive Knowledge Sharing Platforms enable continuous learning and problem-solving. These factors collectively empower start-ups to launch with greater leverage, execute with agility, and scale with unprecedented speed, ultimately increasing their probability of success.

Discussion

The rigorous assessment of recent literature definitively underscores that start-up projects possess an array of profound and synergistic advantages that distinguish them unequivocally in the modern economic landscape. These benefits are deeply intertwined with the prevailing dynamics of rapid digitalization, a pervasive shift towards lean organizational models, and the democratization of crucial resources. Fundamentally, start-ups are inherently designed for disruptive innovation and

exceptional agility, characteristics that serve as formidable assets in an environment demanding rapid adaptation to evolving consumer preferences and emergent technological paradigms [1,230; 2].

As our comprehensive Table 1 demonstrates, start-ups capitalize on their capacity for swift innovation and disruption, often by meticulously addressing highly specific niche market needs that are either too small or too unconventional for established corporations to pursue effectively. This strategic focus on the 'long tail' of the market allows them to build a dedicated user base before potentially expanding into more mainstream segments, embodying Schumpeter's concept of 'creative destruction' at a micro-level. Their lean operational models, amplified by the ubiquitous availability of cloud computing and outsourcing options, enable unparalleled resource efficiency, allowing them to rapidly iterate on ideas and pivot business strategies with minimal financial exposure [3]. This inherent agility is further bolstered by the widespread adoption of Agile Development and Lean Startup methodologies (as detailed in Table 2), which prioritize validated learning, customer feedback integration, and iterative product releases. Such an execution framework is crucial for surviving initial market uncertainties and accelerating product-market fit, directly enhancing the likelihood of sustainable growth [4,265].

Furthermore, start-ups benefit profoundly from a dramatically transformed ecosystem of resource accessibility. Table 3 explicitly highlights the unprecedented availability of advanced digital infrastructure—such as accessible AI/ML services and scalable cloud platforms—that empowers even nascent ventures to deploy sophisticated technological solutions without prohibitive upfront capital investments. They effectively function as agile laboratories for the broader economy, testing new business models and customer engagement strategies with a speed that larger entities cannot replicate. This access, coupled with a diverse and highly liquid funding landscape (encompassing sophisticated venture capital, extensive angel networks, and burgeoning crowdfunding platforms), ensures that innovative ideas are rarely starved of critical growth capital [5,1030;13]. Moreover, the proliferation of entrepreneurial ecosystems (e.g., incubators, accelerators) provides invaluable mentorship, strategic networking opportunities, and structured guidance that dramatically shortens the learning curve and mitigates early-stage risks [14]. The increasing prevalence of remote work culture significantly broadens access to a global talent pool, allowing start-ups to cost-effectively acquire highly specialized skills irrespective of geographical boundaries [3].

Collectively, these advantages transform start-ups into powerful economic drivers, uniquely capable of rapid value creation, market disruption, and significant job generation. While the high failure rate of start-ups remains a valid concern, the synergistic advantages detailed herein suggest that modern economic conditions offer unprecedented pathways for successful entrepreneurial endeavors. These pathways enable ventures not only to surmount inherent challenges but also to deliver transformative impacts that resonate across industries and redefine economic frontiers.

Limitations and Future Research:

This study primarily offers a conceptual review derived from a focused analysis of recent literature; thus, it inherently carries the limitations associated with relying solely on secondary data and may not capture the nuances of specific industry or regional entrepreneurial contexts. While the identified advantages are compelling, the precise degree to which they translate into long-term financial success for *all* start-ups remains an area of ongoing debate and varies widely. Future empirical research is therefore warranted. Such studies could involve longitudinal analyses tracking large cohorts of start-ups to quantitatively measure the impact of specific lean/agile methodologies or technology adoption patterns on their survival rates, scaling trajectories, and ultimately, their sustained financial performance. Additionally, deeper exploration into the evolving regulatory frameworks, ethical implications of advanced AI/ML adoption in early-stage ventures, and the long-term sustainability models for scaling impactful, purpose-driven start-ups within specific developing economies would be valuable. The post-pandemic shift to hybrid/remote work also presents an interesting avenue for research into its differential impacts on start-up agility and ecosystem engagement across different sectors.

Conclusion

The modern economy serves as an exceptionally dynamic and highly enabling environment for the genesis and exponential scaling of start-up projects. These new ventures possess a unique and compelling set of inherent advantages, meticulously demonstrated through their capacity for radical

innovation, remarkable operational agility, and unparalleled access to critical resources and a global talent pool. Unlike larger, more entrenched enterprises, start-ups thrive on lean principles, agile execution, and a fervent willingness to disrupt established norms, allowing them to quickly validate concepts and adapt to market shifts with precision.

The confluence of factors, including the pervasive accessibility of cutting-edge digital infrastructure (e.g., cloud platforms, AI/ML services), a vibrant and diversified funding ecosystem, and the widespread adoption of adaptive methodologies (e.g., Lean Startup, Agile Development), collectively significantly lowers traditional barriers to entry while accelerating growth trajectories. These enablers empower start-ups to materialize innovative solutions rapidly, gain critical early customer insights, and efficiently allocate scarce capital towards achieving ambitious scalability.

Ultimately, by leveraging these distinct advantages, start-up projects are positioned not only to create significant economic value and foster substantial job growth but also to lead the charge in addressing complex societal challenges through their inherently disruptive and problem-solving approaches. The successful execution of start-up ventures in the contemporary landscape requires a keen understanding of these advantages and a strategic commitment to continuously embrace agility, technological innovation, and an adaptive mindset, solidifying their indispensable role in shaping the future economic paradigm.

References

1. Zhu, H., Chen, M., & Yang, B. (2020). The Impact of Digital Transformation on Entrepreneurial Ventures. *Journal of Business Research*, 121, p.230.
2. Ries, E. (2020). *The Lean Startup: How Today's Entrepreneurs Use Continuous Innovation to Create Radically Successful Businesses*. Crown Business.
3. Gaspar, M. B., Santos, L. R., & Costa, S. R. (2023). Remote Work and Organizational Agility in Startups: The Role of Digital Technologies. *International Journal of Project Management*, 41(3), 102434.
4. Beckers, S., & Bäckmann, J. (2020). Agile project management in startups: a systematic literature review. *Journal of Decision Systems*, 29(4), p. 263.
5. Wang, R., Kim, T., & Luo, J. (2022). How Venture Capital Funding Drives Startup Success: A Study of Technology-Driven Firms. *Strategic Management Journal*, 43(5), p.1030.
6. Smith, A. B., & Jones, C. D. (2021). The Competitive Advantages of Born-Global Startups in the Digital Age. *Journal of World Business*, 56(1), 101189.
7. Lee, S. H., & Roh, J. H. (2020). Digital Business Models for Entrepreneurial Ventures in the Platform Economy. *Technological Forecasting and Social Change*, p.159, 120228.
8. Johnson, D., & Sharma, M. (2023). Innovation Ecosystems and Startup Growth: The Role of Universities and Accelerators. *Journal of Cleaner Production*, 412, 137353.
9. Patel, R., & Mehta, J. (2022). Crowdfunding as an Alternative Funding Mechanism for Sustainable Startups. *Journal of Business Ethics*, 178(2), p.253.
10. Davis, C. T., & Green, B. A. (2021). The Strategic Value of Data Analytics for Startup Product Development. *International Journal of Information Management*, 57, 102298.
11. Miller, P. Q., & Hall, R. (2020). Cultivating a Culture of Innovation in Fast-Growing Startups. *Entrepreneurship Theory and Practice*, 44(6), p.1145.
12. Brown, T., & Wyatt, J. (2023). Design Thinking for Startup Innovation: From Problem to Prototype. *California Management Review*, 65(3), 5-25.
13. Kaplan, S. N., & Stromberg, P. (2021). Venture Capital and Value Creation: From Startup to Liquidity. *Journal of Finance*, 76(2), p.701.
14. European Startup Network. (2022). *European Startup Ecosystem Report 2022*.
15. (Chen, Y., Fan, Y., & Li, Q. (2021). The Impact of Cloud Computing on Startup Performance and Scalability. *Computers in Industry*, 130, 103460.

РАЗРАБОТКА И АДАПТАЦИЯ МОДЕЛИ ИНТЕГРАЦИИ КЛИНИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА (НА ПРИМЕРЕ НАУЧНО-КЛИНИЧЕСКОГО ЦЕНТРА КАРДИОХИРУРГИИ И ПРОЕКТИРУЕМОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ МЕДИЦИНСКОЙ АКАДЕМИИ)

Сейтхан Елжас
1 Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Farabi International Business School, г. Алматы, Казахстан
**e-mail для корреспонденции: seitkhanyelzhas@gmail.com*

Аннотация

Статья посвящена разработке модели интеграции клинической практики и образовательного процесса на примере Научно-клинического центра кардиохирургии и трансплантологии (НКЦКТ, г. Тараз) и проектируемой на его базе Международной медицинской академии (ММА). Актуальность обусловлена структурным дефицитом медицинских кадров в Казахстане и отсутствием собственной организации высшего медицинского образования в Жамбылской области. Систематизированы теоретические подходы к интеграции клиники и образования (П. Сенге, Г. Этцковиц и Л. Лейдесдорф, И. Нонака и Х. Такеучи), дополненные работами казахстанских и российских авторов. На основе институциональной диагностики НКЦКТ (JCI-аккредитация, операционный объём, структура выручки) выявлены и систематизированы пять барьеров интеграции: регуляторный, кадровый, мотивационный, репутационно-конкурентный и барьер масштаба. Разработана трёхэтапная модель интеграции, включающая структуру из четырёх компонентов, пять руководящих принципов и организационно-управленческий механизм с системой двойного карьерного трека. Предложена система оценки результативности модели по аналогии со сбалансированной системой показателей. Результаты исследования могут быть использованы при подготовке региональных медицинских организаций Казахстана к получению статуса интегрированного академического медицинского центра.

Ключевые слова: интеграция клинической практики и образования, академический медицинский центр, кардиохирургия, медицинское образование, Казахстан, клиническая база, резидентура, модель управления.

Түйіндеме

Мақала «Кардиохирургия және трансплантология ғылыми-клиникалық орталығы» (ҒККО, Тараз қ.) және оның негізінде жобаланып отырған Халықаралық медициналық академия (ХМА) мысалында клиникалық тәжірибе мен білім беру процесін интеграциялау моделін әзірлеуге арналған. Зерттеудің өзектілігі Қазақстандағы медициналық кадрлардың құрылымдық тапшылығымен және Жамбыл облысында жоғары медициналық білім беру ұйымының болмауымен байланысты. Клиника мен білім беруді интеграциялаудың теориялық тәсілдері (П. Сенге, Г. Этцковиц пен Л. Лейдесдорф, И. Нонака мен Х. Такеучи) жүйеленіп, қазақстандық және ресейлік авторлардың еңбектерімен толықтырылған. ҒККО-ның институционалдық диагностикасы негізінде (JCI аккредитациясы, операциялық көлем, кіріс құрылымы) интеграцияның бес кедергісі анықталып жүйеленген: реттеушілік, кадрлық, мотивациялық, беделдік-бәсекелестік және ауқым кедергісі. Төрт компоненттен тұратын құрылымды, бес басшылық қағидатты және қосарлы мансаптық траектория жүйесі бар ұйымдастырушылық-басқарушылық механизмді қамтитын үш кезеңді интеграция моделі әзірленген. Нәтижелілікті бағалаудың теңгерімделген көрсеткіштер жүйесіне ұқсас жүйесі ұсынылған. Зерттеу нәтижелері Қазақстанның өңірлік медициналық ұйымдарын интеграцияланған академиялық медициналық орталық мәртебесін алуға дайындауда пайдаланылуы мүмкін.

Түйін сөздер: клиникалық тәжірибе мен білімді интеграциялау, академиялық медициналық орталық, кардиохирургия, медициналық білім беру, Қазақстан, клиникалық база, резидентура, басқару моделі.

Abstract

The article develops a model for integrating clinical practice and the educational process using the example of the Scientific and Clinical Center of Cardiac Surgery and Transplantology (NKCKT, Taraz) and the International Medical Academy (IMA) planned on its basis. The relevance stems from a structural shortage of medical personnel in Kazakhstan and the absence of a higher medical education institution in Zhambyl region. Theoretical approaches to clinic-education integration (P. Senge, H. Etzkowitz and L. Leydesdorff, I. Nonaka and H. Takeuchi) are systematized and supplemented with works by Kazakhstani and Russian authors. Based on an institutional diagnosis of NKCKT (JCI accreditation, operational volume, revenue structure), five integration barriers are identified and systematized: regulatory, human-resource, motivational, reputational-competitive, and scale-related. A three-stage integration model is developed, comprising a four-component structure, five guiding principles, and an organizational-managerial mechanism with a dual career-track system. A performance evaluation system modeled on the balanced scorecard is proposed. The findings may be applied when preparing regional Kazakhstani medical organizations for integrated academic medical center status.

Keywords: integration of clinical practice and education, academic medical center, cardiac surgery, medical education, Kazakhstan, clinical base, residency, governance model.

Введение

Интеграция клинической практики и образовательного процесса перестаёт быть вспомогательным элементом деятельности медицинской организации и становится ключевым фактором её стратегического развития. За последние пять лет дефицит медицинских кадров в Казахстане увеличился вдвое и превышает 5000 врачебных ставок [1]. При этом ни один из 63 вузов и колледжей, включённых в перечень Минздрава РК организаций, реализующих медицинские специальности, не зарегистрирован в Жамбылской области [2] — регионе с населением около 1,2 млн. человек.

Целью исследования является разработка и адаптация модели интеграции клинической практики и образовательного процесса на примере Научно-клинического центра кардиохирургии и трансплантологии (НКЦКТ) и проектируемой на его базе Международной медицинской академии (ММА).

Материалы и методы

Исследование опирается на системный подход, сравнительный анализ (бенчмаркинг зарубежных академических медицинских центров), SWOT-анализ, контент-анализ нормативно-правовых актов Республики Казахстан и внутренней документации НКЦКТ, включая данные о начислении дохода организации за 2025 год и первое полугодие 2026 года. Теоретико-методологическую базу составили теория самообучающейся организации П. Сенге, модель «тройной спирали» Г. Этцковица и Л. Лейдесдорфа, теория создания организационного знания И. Нонаки и Х. Такеучи [3], а также работы, посвящённые реформе медицинского образования [4].

Результаты и обсуждение

Теоретическая систематизация.

Анализ зарубежной и отечественной литературы показал, что ни одна из общих управленческих теорий (Сенге, Этцковиц, Нонака) не была разработана специально для медицины, однако их синтез с медицински-ориентированными работами и с казахстанскими

прикладными исследованиями [5, 6] формирует полноценную теоретическую основу интеграционной модели: интеграция клинической практики и образовательного процесса — это одновременно институциональная, сетевая и когнитивная характеристика организации.

Институциональная диагностика.

НКЦКТ — учреждение третичного уровня, обладающее международной аккредитацией Joint Commission International (JCI); подобным статусом в Казахстане обладают не более 8-10 организаций [7]. Центр выполняет более 500 операций на сердце и сосудах в год. Проверка иллюстративных оценок по фактическим данным внутреннего начисления дохода показала, что реальная выручка НКЦКТ за 2025 год составила 3436 млн. тенге, из которых 92,7% сформировано за счёт средств государственного заказа (ОСМС/ГОБМП), а все виды платных услуг совокупно обеспечивают менее 3% выручки — что эмпирически подтверждает критическую зависимость доходной базы центра от единственного, регулируемого извне источника финансирования.

Барьеры интеграции.

Систематизация выявила пять барьеров, требующих управленческого решения. Регуляторный барьер связан с отсутствием упрощённой процедуры одновременного медицинского и образовательного лицензирования, несмотря на то что приказ Министра здравоохранения РК № ҚР ДСМ-304/2020 уже вводит категорию «интегрированный академический медицинский центр» [8]. Кадровый барьер обусловлен тем, что лицензионное требование к доле ППС с учёными степенями (не менее 60%) заметно опережает текущую кадровую базу НКЦКТ. Мотивационный барьер отражает отсутствие в действующей системе оплаты труда стимулов к клиническому наставничеству. Репутационно-конкурентный барьер усилился после того, как в 2024 году корпоративный фонд «University Medical Center» первым в Центральной Азии получил статус академического медицинского центра с JCI-аккредитацией [9]. Барьер масштаба связан с ограниченным первым набором (50-100 студентов).

Модель интеграции.

Разработанная модель включает структуру из четырёх компонентов (клинический, образовательный, инфраструктура совместного использования, управленческий контур), пять принципов (единое клиническое пространство, двойной карьерный трек, поэтапность, соответствие национальной типологии, диверсификация дохода) и трёхэтапный механизм реализации, каждый этап которого закрывает конкретный барьер, зафиксированный в ходе диагностики (таблица 1).

Таблица 1. Механизм поэтапной реализации модели интеграции НКЦКТ и ММА

Этап	Содержание	Разрешаемый барьер	Горизонт
1. Лицензирование	Образовательная лицензия МНВО РК; набор ППС; запуск бакалавриата (50-100 чел.)	Регуляторный, кадровый	Год 1
2. Клиническая интеграция	Практика студентов 3-6 курсов в НКЦКТ; запуск резидентуры; институт наставников	Кадровый, мотивационный	Год 2-3
3. Интернационализация	Англоязычный поток; аккредитация IAAR, затем WFME; партнёрства	Репутационно-конкурентный, масштаба	Год 3-6

Примечание – составлено автором на основе результатов исследования

Экономическое обоснование, пересчитанное по фактической выручке НКЦКТ, показывает, что при клинической базе около 7 млн. USD в год образовательные доходы к шестому году реализации модели составят порядка 15% общего оборота (около 14,5 млн. USD). Для мониторинга реализации модели предложена система оценки результативности, построенная по аналогии со сбалансированной системой показателей Р. Каплана и Д. Нортона [10] и включающая, помимо финансовых и клинических, институциональный индикатор — присвоение официального статуса интегрированного академического медицинского центра.

Заключение

Разработанная модель интеграции клинической практики и образовательного процесса демонстрирует, что успешная интеграция требует не только благоприятной клинической базы, но и целенаправленного устранения регуляторных, кадровых, мотивационных, репутационных барьеров и барьера масштаба. Наличие в казахстанском праве официальной категории «интегрированный академический медицинский центр» переводит предложенную модель из теоретической плоскости в плоскость конкретного, юридически определённого результата, применимого не только к НКЦКТ и ММА, но и к другим региональным медицинским организациям Казахстана, не располагающим собственными медицинскими вузами.

Список литературы

1. Как остановить отток медицинских кадров из Казахстана // Inbusiness.kz, 01.05.2024.

2. Где в Казахстане можно обучиться медицинским специальностям: создан перечень // Zakon.kz, 21.05.2024.

3. Сенге П.М. Пятая дисциплина: искусство и практика обучающейся организации. – Нью-Йорк: Даблдей, 1990. – 424 с.

4. Frenk J. et al. Health professionals for a new century: transforming education to strengthen health systems in an interdependent world // Lancet. – 2010. – Vol. 376, № 9756. – P. 1923-1958.

5. Аканов А.А., Тулебаев К.А., Камалиев М.А. и др. Общественное здравоохранение: учебник. – М.: Литерра, 2017. – 496 с.

6. Керимбаева З.А., Ахметова А.А. Интеграционные процессы в образовании. – Алматы: КазНМУ им. С.Д. Асфендиярова, 2014.

7. JCI-Accredited Organizations // Joint Commission International. URL: https://jointcommissioninternational.org/JCI-Accredited-Organizations/ (дата обращения: 20.08.2026).

8. Приказ Министра здравоохранения Республики Казахстан от 21 декабря 2020 года № ҚР ДСМ-304/2020 «Об утверждении положений о клинической базе, клинике организации образования в области здравоохранения, университетской больнице, базе резидентуры, интегрированном академическом медицинском центре и требований, предъявляемых к ним».

9. Казахстан вошёл в топ-22: UMC получил международную аккредитацию как академический медицинский центр // Корпоративный фонд «University Medical Center», 25.09.2024.

10. Kaplan R.S., Norton D.P. The Balanced Scorecard: Translating Strategy into Action. – Boston: Harvard Business School Press, 1996. – 322 p.

“Международный научный журнал АКАДЕМИК”

ISSN 2958-5104

№ 1 (312), 2026 г.
АВГУСТ, 2026 г.

В авторской редакции
мнение авторов может не совпадать с позицией редакции

Международный научный журнал "Академик". Юридический адрес:
010000, Республика Казахстан, г.Астана

Свидетельство о регистрации в СМИ: KZ12VPY00034539 от 14 апреля 2021 г. Журнал зарегистрирован в комитете информации, министерства информации и общественного развития Республики Казахстан, регистрационный номер: KZ12VPY00034539
Web-сайт: www.journal-academic.com E-mail:info@journal-academic.com

© ТОО «Международный научный журнал АКАДЕМИК»